

МАКСИМ КАЛАШНИКОВ РЕКОМЕНДУЕТ

Михаил Делягин

ВОЗМЕЗДИЕ

НА ПОРОГЕ

РЕВОЛЮЦИЯ

В РОССИИ

КОГДА, КАК,

ЗАЧЕМ?

ВОЗМЕЗДИЕ НА ПОРОГЕ РЕВОЛЮЦИИ КОГДА КАК ЗАЧЕМ?

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

ВОЗМЕЗДИЕ НА ПОРОГЕ

**Революция в России:
когда, как, зачем**

*Из России отчаявшейся
будет Россия благословенная*

Москва
Новости
2007

УДК 94(470)
ББК 63.3(2) 6
Д29

Д29 Делягин, М.
Возмездие на пороге. Революция в России: когда, как, за-
чем / Михаил Делягин. – М.: Новости, 2007. – 446, [2] с.

ISBN 5-7020-1195-3

В книге известного российского экономиста и политолога М.Г. Делягина исследуются возможные причины, процессы и результаты предстоящего России системного кризиса, который может принять форму революции.

Анализируются основные движущие силы и сценарии приближающихся событий, даются необходимые для снижения болезненности последних рекомендации.

Подробно рассматриваются наиболее актуальные сегодня хозяйственные и политические проблемы, в том числе скрытое огосударствление российской экономики и вопрос о преемнике В.В. Путина или сохранения нынешнего президента на третий срок.

Для государственных служащих, политических деятелей, аналитиков и широкого круга участников истории нашей Родины.

УДК 94 (470)
ББК 63.3 (2) 6

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги и брошюры

Подписано в печать 22.09.2006.
Формат 84×108^{1/32}. Усл. печ. л. 28,6.
Тираж 7000 экз. Заказ № 2527.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

ISBN 5-7020-1195-3

© Михаил Делягин, 2006

Эта книга писалась бессонными урывками — в гостиничных номерах, залах ожидания аэропортов, самолетах и поездах, в переходящих одна в другую изнуряющих командировках по огромному пространству от Соловков до Турции, от Парижа до Якутска, от Калининграда до Чаньчуня.

Встреченным в этих поездках людям, неправдоподобно разным, но объединенным любовью к Родине, обладающим мужеством, добросовестностью и способностью изменить к лучшему ее будущее, людям, в большинстве своем пока почти никому не известным, но образующим собою ее завтрашний день и историческую судьбу, с уважением и надеждой посвящаю эту книгу.

...Мочить в сортире...

В. Путин

Что посеешь, то и пожнешь.

Русская пословица

Как многое казалось невозможным, пока не было сделано!

Древняя мудрость

*Всем своим сердцем, всем телом, всем сознанием —
слушайте Революцию.*

А. Блок

Михаил Геннадьевич ДЕЛЯГИН

Председатель Президиума – научный руководитель Института проблем глобализации. Председатель Идеологического совета, член Президиума партии «Родина».

Родился в 1968 году в Москве. В 1986–1988 служил в Советской Армии в Приморье. Окончил экономический факультет МГУ.

В 1990–1996 – аналитик аппарата Б. Ельцина, в 1997–1999 – советник

вице-премьера А. Куликова, первых вице-премьеров Немцова (был уволен за антиправительственную пропаганду за день до дефолта 17 августа 1998 года) и Ю.Д. Маслюкова, заместитель руководителя секретариата первого вице-премьера Н. Аксененко. В 1999–2002 – помощник Е.М. Примакова, в 2002–2003 – помощник премьера М. Касьянова.

Имеет личную благодарность Президента России.

Основной разработчик программы Правительства России «О мерах по стабилизации социально-экономической ситуации в стране» (осень 1998), участник победных для России переговоров с МВФ и Мировым банком в январе–апреле 1999 года.

Доктор экономических наук. Член Совета по внешней и оборонной политике, президиума Национального Инвестиционного Совета, правления Российского союза товаропроизводителей, экспертного совета Всемирного антикриминального антитеррористического форума. Академик РАЕН. Автор более 600 статей, семи монографий (наиболее известны «Экономика неплатежей», «Общая теория глобализации», «Россия после Путина»).

По итогам 2004 года занял 6-е место (уступив Ю. Леваде, Павловскому, А.И. Солженицыну, Ясину и А. Зиновьеву) в рейтинге российских социогуманитарных мыслителей, составленном журналом «Новая политика». По итогам 2005 года его книга «Россия после Путина» заняла 2-е место в рейтинге работ российских мыслителей (уступив А. Зиновьеву), составленном группой «Интелрос».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Замкнувшийся круг, или Прощай, 1991-й (М. Калашников)	9
К читателю. Знай свое будущее	20
Введение. Суть революции: модернизация через свержение военно-полицейского феодализма	27
ЧАСТЬ 1. ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ РЕВОЛЮЦИИ	
Глава 1. Бизнес: Бунт «дойной коровы»	33
<i>Слабость и неадекватность бизнес-эмиграции</i>	34
<i>Усиление давления силовой олигархии</i>	39
<i>Налоговый террор как инструмент государственного управления</i>	47
<i>Ключ к власти – умные деньги</i>	55
Глава 2. «Средний класс»: потребителю нужна бытовая свобода	59
<i>От интеллигенции к «среднему классу»</i>	59
<i>Парадокс рекламы: новый «властитель дум»</i>	63
<i>Комфортное потребление несовместимо с силовой олигархией</i>	66
<i>Признаки готовности к самозащите</i>	71
<i>«Средний класс» – славное будущее протеста</i>	76
Глава 3. Запад: кризис неузнавания	80
<i>Эпоха национального предательства не окончена</i>	80
<i>Противоречивый ресурс оппозиции</i>	81
<i>Не навредить!</i>	87
Глава 4. Молодежь – запал любого взрыва	90
<i>Социальный кризис активизирует молодежь</i>	91
<i>Монтаж новой «партии власти»</i>	102
<i>Хочешь не хочешь, а брать власть придется</i>	106
Глава 5. Нищая россия: новое пространство солидарности	112
<i>Пробуждение немущих</i>	112

<i>Эффективные методы борьбы: кризис жанра</i>	122
<i>Солидарность — условие революционного успеха</i>	126
<i>Иммунитет к государственным провокациям</i>	128
Глава 6. Общины: Главный вызов времени	138
<i>Недопустимость замалчивания этноконфессиональных проблем</i>	138
<i>Переоценка степени однородности российского общества</i>	142
<i>Факторы обострения этноконфессиональной напряженности</i>	149
<i>Смертельная опасность романтического фатализма</i>	158
<i>Отношение к национальным и религиозным движениям</i>	163
Глава 7. Региональное возрождение	168
Глава 8. Силовые структуры: противоестественность благополучия	178
<i>Личностный фактор создания «силовой олигархии»</i>	178
<i>Монетизация льгот: выявление недовольства</i>	179
<i>Фундаментальные факторы недовольства</i>	182
<i>Практическое значение недовольства силовых структур</i>	191
Глава 9. «Поколение адреналина»: здоровая социальная агрессия	195
<i>Потребность в кризисах</i>	196
<i>Правящая бюрократия психологически несовместима с новым поколением управленцев</i>	198
<i>Богатые плачут громче</i>	200
ЧАСТЬ 2. МЕХАНИЗМЫ И ЭТАПЫ РЕВОЛЮЦИИ	
Глава 10. «Реперные точки» дестабилизации	208
<i>Даже мертвые не будут спать вечно</i>	208
<i>Март 2007 года: досрочные парламентские выборы?</i>	211
<i>Случайная катастрофа</i>	223
<i>Март 2008 года: преемник, «овощ» или третий срок?</i>	233
Глава 11. Государственные провокации	261
<i>Спецоперации как инструмент государственного управления: ограниченность возможностей</i>	261
<i>Потенциальные организаторы и возможные мотивы провокаций</i>	269
<i>Выход ситуации из-под контроля неизбежен</i>	281

Глава 12. Стихийный перехват управления	285
Глава 13. Кристаллизация власти	291

ЧАСТЬ 3. РЕЗУЛЬТАТЫ РЕВОЛЮЦИИ

Глава 14. Здравствуйте, товарищ Воланд	309
Глава 15. Причины и сценарии распада	318
<i>Исламская революция</i>	320
<i>Восстание в отдельно взятом регионе</i>	323
<i>Обострение внутрикремлевской свары</i>	326
Глава 16. Причины и сценарии стабилизации	339
<i>Жестокое возрождение</i>	339
<i>Кому нужна Россия?</i>	344
<i>Возрождение через непродолжительный распад</i>	351
<i>Возрождение через решение конкретных проблем</i>	356
Глава 17. Новый политический режим: просвещенный авторитаризм и низовая демократия	362
<i>Авторитаризм как инструмент обеспечения демократии</i>	362
<i>Принятие руководством страны ответственности за свои дела</i>	370
<i>Интеграция систем государственного управления</i>	373
<i>Электронный документооборот: «дивный новый мир»</i>	378
Рациональная структура федеральной исполнительной власти	384
Глава 18. Социально-экономическая модернизация:	
<i>Временная концентрация ресурсов</i>	386
<i>Модернизация человеческого капитала</i>	386
<i>Модернизация производственного капитала</i>	391
<i>Легализация проведенной концентрации ресурсов</i>	396
Глава 19. Внешняя политика: агрессивное балансирование	403
<i>Возвращение в СНГ</i>	404
<i>Выход из колониальной зависимости от Запада</i>	410
<i>Подготовка к глобальным переменам</i>	421
Заключение. Судьба России решается качеством подготовки революции	440

ЗАМКНУВШИЙСЯ КРУГ, ИЛИ ПРОЩАЙ, 1991-Й

БОМБА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Каждый год 19 августа к нынешнему Дому правительства в Москве приходят пожилые и средних лет люди. Становятся у Горбатого моста. Разворачивают жалкие плакатики и набившие оскомину бело-сине-красные флаги. Так встречаются участники демократической революции 1991 года.

С каждым годом их приходит все меньше и меньше. Остаются самые «задвинутые». И все чаще прохожие бросают на них не просто безучастные, а откровенно презрительные взгляды. А иные просто плюют в их сторону.

А как все начиналось! Охваченные радостным возбуждением толпы народа вокруг большого белого здания. Теплый августовский дождь, орошающий наспех смётанные баррикады. Повисший в разрывах туч аэростат с бело-сине-красным полотнищем под брюхом. Многоцветье полотнищ: помимо «власовиков»-триколоров виднелись бандеровские «жовто-блакитники», осененные стрелами стяги конфедерации горцев Кавказа, синие полотнища со звездным кругом — флаги Евросообщества. Захлебывающиеся от восторга сообщения по радио о том, что деньги защитникам Белого дома приезжают жертвовать рэкетеры и проститутки. Ельцин с зажигательной речью, произнесенной с танка...

Господи, как не хочется переживать новую революцию!

В 1990-х годах нам, почитай, «повезло». Обошлось без грандиозной гражданской войны. Но даже при таком исходе мы расплатились за революцию распадом страны и огромными людскими жертвами. Только на территории бывшей РСФСР (нынешней бело-сине-красной «бывшей России») погибло не менее нескольких миллионов человек. Как? Пало жертвами бандитских «разборок», конфликтов вокруг дележа собственности, вспышек межрелигиозно-межнациональной резни, работорговцев. Конечно, у нас не было голода, как в Гражданскую войну 1918—1922 годов, но из-за нищеты и болезненной ломки всей

прежней цивилизации в могилы ушли миллионы. Кто-то погиб из-за смертельной тоски и безнадежности, спившись, сведя сче-ты с жизнью или пав жертвой инфарктов. Кому-то просто не хватило денег на лекарства. А кто-то умер из-за отравления вся-кими суррогатами, шедшими из-за границы. Никто и никогда не назовет нам точные цифры жертв бело-сине-красной рево-люции — ибо они прячутся в чудовищных цифрах возросшей смертности. От девяностых в каждом большом городе останут-ся тянущиеся до горизонта кладбища с памятниками молодым парням, погибшим в возрасте 20—30 лет. Расстрелянным, заду-шенным, взорванным, сгоревшим заживо. И еще тьма-тьмущая безмянных погребений тех, кого просто прикончили из-за приглянувшихся квартир. А сколько жизней унесла война в Чечне!

Но это — на земле бывшей РСФСР. А если взять всю терри-торию Советского Союза, то счет можно смело доводить до 15 миллионов.

Но разве мы только жизнями заплатили за Август-91? Ведь случилась еще невероятная деградация нашей экономики — и впадение остатков страны в разряд нефтегазового и сырьевого захолустья. Погибли или понесли невосполнимые потери це-лые отрасли производства, причем как раз те, кто делает страну современной и конкурентоспособной. 25 миллионов русских оказались в один миг иностранцами в новых квазисуверенных «государствах», практически сразу же став «гражданами второ-го сорта», а то и вовсе бесправными рабами. Новорожденная «беловежская Россия» быстро попала в окружение многочис-ленных противников, лицом к лицу и с НАТО, и с яростным натиском исламских экстремистов. Она оказалась по уши в дол-гах, да еще и навьюченной тяжелой повинностью: снабжать га-зом и нефтью по льготным ценам новоявленные «независимо-сти»...

Да покажи картины реальных плодов революции тем радо-стным людям у Белого дома — и они отшатнулись бы от них в ужасе и смятении.

Черт, как не хочется после всего этого снова переживать ре-волюцию!

Но, видимо, придется. И никуда от этого не денешься.

По одной простой причине: Август 1991 года был совсем не той революцией, какой стремился казаться. Он стал бомбой за-медленного действия. Он предопределил новые потрясения в будущем. В будущем, конечно, с точки зрения девяносто пер-

вого года. Теперь, пятнадцать лет спустя, это будущее пришло. Круг замкнулся...

И это так — хочется нам того или нет.

ФАЛЬШИВАЯ ПОБЕДА

В самом деле, а что принесла нам победоносная Августовская, 1991 года, революция? Что мы получили в обмен на немалые жертвы и лишения?

По большому счету, ни одной из жгучих проблем, стоявших перед страной в 1985 и в 1991 годах, «бело-сине-красный» проект не решил. Технологическое развитие? Полноте: РФ отстает уже не только от Запада, но и от Китая, от Индии и самого СССР восьмидесятых годов. Двадцать лет назад мы могли предъявить мировому рынку гораздо больше конкурентоспособных изделий, нежели сегодня. Текущая реальность Эрэфии — это убогие ассигнования на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, сравнимые с бюджетом Калифорнийского университета. Это — унылая участь страны «третьего мира», вынужденной покупать все мало-мальски сложные вещи за рубежом.

Экономика? Она превратилась в экономику типичной полуколонии. В удручающе примитивную, с правящим классом, напоминающим заезжих колонизаторов. Здесь он пожинаяет прибыли — а свое будущее отождествляет с Западом. Туда же и деньги перекачивает.

Демография? Вымирание и физическая деградация народа не только не остановились — они помчались вперед с утроенной скоростью.

Самое же печальное в том, что перелома тенденций при нынешней системе не видно даже на далеком горизонте. Страна спивается, мрет, превращается в груды металлолома, вязнет в пучине славяно-мусульманской войны и неуклонно деградирует.

Можно посмотреть на дело со второй стороны. Может, Август-91 смог расковать энергию деловых и предприимчивых личностей, стал их историческим праздником?

Опять — одни развеянные надежды. Действительно, борьбу с советским режимом поддержали миллионы образованных, квалифицированных профессионалов мирового уровня, подготовленных в СССР. Их раздражала окостеневшая, сковывающая инициативу система. Они мечтали повести дело на предпринимательских началах. Но о чем они мечтали? Полистайте под-

шивки прессы 1989—1991 годов — и увидите, что люди стремились прежде всего делать дело. Основывались тысячи фирм и акционерных обществ, мечтавших о научно-техническом, современном бизнесе. Кто-то хотел выйти на рынок с новыми компьютерами и принципиально иным языком программирования, кто-то хотел довести до товарного вида систему лечения типа «горный воздух» или оригинальную лазерную установку. Иные носились с планами постройки уникальных легкомоторных самолетов. Кое-кто — с чертежами высокотехнологичных дирижаблей. Каждый центр НТТМ (научно-технического творчества молодежи) имел планы вывода на рынок десятков малых и больших изобретений.

Бело-сине-красная революция практически все эти планы уничтожила под корень. Или практически под корень. Научно-техническое развитие стало лишним в сырьевой, покорной воле западных патронов РФ. Рухнула отечественная промышленность, которая и должна была служить рынком для изобретений и разработок. С 1991 года выживал лишь самый примитивный бизнес: торговля, импорт, игры с деньгами, спекуляция недвижимостью, перераспределение госсобственности, шоу-предприятия. И как зеркальное отражение такой «экономики» — криминальная сфера в виде «пиления» бюджетных средств, кражи кредитов, рэкета, торговли наркотиками и женщинами, работоторговли, киднепинга и т.д. В общем, получилось не благородное дворянское собрание, а бандитский шалман.

Безусловно, не все стали бандитами и подлецами. Кто-то, отложив в долгий ящик мечты о производстве лазерных бластеров и катеров-«летающих тарелок», вынужденно занялся магазинами, строительством или финансами. И вот тут оказалось, что государство под триколором-«бесиком» никоим образом частный бизнес не защищает и не поощряет. Что жить приходится в бандитско-рекетирской системе, не гарантирующей тебе ни ясных законов, ни защиты собственности, ни доступного кредита. Те энергичные протопредприниматели, что поддержали 1991 год, очутились после революции в настоящей стране дураков, где всем заправляют чиновники и полицейские — наглые и беспардонные вымогатели. И что в этой стране дураков твой бизнес и сама жизнь твоя не стоят ни гроша. В любой момент тебя могут взять, ободрать как липку — и закатать на зону с приличным сроком. А то и попросту убить, закатав тело под асфальт.

И вот уж иные вспоминают с грустью о том, что в СССР конца 80-х можно было создать фирму и пять лет пользоваться на-

логовыми льготами (платить всего 5 процентов с прибыли!), а кредит давали под нормальный процент и за небольшие по нынешним временам взятки.

Так что и на сем фронте вышло полное разочарование. Теперь все больше людей осознают, что революция 1991 года привела к победе отнюдь не национальной буржуазии, не крутых интеллектуалов и смелых предпринимателей грядущей эры. Они-то как раз и проиграли. А в выигрыше оказалась каста хищников и мародеров — чиновников и «силовиков». Исполнилась их заветная мечта: они попали в мир, где можно пользоваться огромной властью — но ни за что не отвечать. Практически свободно воровать, вымогать и брать взятки, относя награбленное в швейцарские «кубышки». И даже устраивать многолетние, настоящие войны, чтобы было на чем «спиливать» бюджетные миллиарды.

Правда, за это пришлось заплатить прощением со статусом суверенной великой державы и переходом в подчинение зарубежным центрам силы, уничтожением отечественного научно-промышленного и оборонного потенциала и деградацией страны. Но разве это волнует мародеров? Ведь можно миллиарды долларов грести прямо себе в карманы, не тратя их на какие-то гам ракеты-звездолеты. И вот чиновничество и жандармы всех видов в РФ стали плодиться столь бурно, что процесс напомнил последствия высыпания дрожжей в выгребную яму на летнем зное. (Есть такая сельская шутка — брось бродильное вещество в дырку дворового клозета — и вскоре дерьмо хлынет из него бурным потоком.)

РФ превратилась в нежизнеспособную страну с чудовищно раздутой бюрократией, где на одного с сошкой приходится поистине семеро с ложкой. Итак, на 2004 г. в «новой России» был такой расклад в людях:

- штатные сотрудники ФСБ, ФАПСИ, ФСО, СВР и пр. — 1 458 000;
- аппарат МИД и госзагранучреждений (ООН, ЮНЕСКО, пр.) — 782 000;
- штатные сотрудники МЧС, МВД, ВВ, Минюста и Прокуратуры — 2 246 000;
- работники таможи, налоговых и прочих инспекций и г.п. — 1 492 000;
- служащие прочих федеральных министерств и ведомств — 1 695 000;
- сотрудники аппаратов властных структур с депутатами — 1 370 000;

— чиновники всевозможных лицензирующих, контролирующих, инспектирующих и разрешительно-регистрационных органов — 1 371 000;

— клерки пенсионных, социальных, страховых и прочих фондов — 2 218 000.

Итого: 12.632.000

Содержать такую армию поедателей бюджета нелегко даже развитой стране. А для РФ эта поднявшаяся на дрожжах масса — просто смертельная нагрузка. И уже ясно: уродливая бюрократическая опухоль душит страну, а в среднесрочной перспективе — вызовет смерть бело-сине-красной РФ.

Наконец, можно посмотреть на причину будущей революции и с третьей стороны. Люди в девяносто первом выходили на улицы, чтобы сбросить надоевшую, закосневшую и неповоротливую систему управления. Считая ее совершенно неадекватной реалиям новой эры, люди хотели построить аналог той системы, что была в западных странах.

Но в итоге получилась система управления, которая стала гигантским шагом назад даже по сравнению с советской! Знаете, что говорит по этому поводу Игорь Бощенко, один из крупнейших отечественных специалистов в области нейросетей и систем управления? Он доказывает, что СССР, как и современный ему Запад, был СУ-3 — системой управления третьего уровня сложности, основанном на коллегиальном управлении, парламентаризме и договоре (писаном законе). Именно это позволило СССР победить гитлеровскую Германию, где существовала сверхиерархичная СУ-2, завязанная целиком на личную власть сверхваждя. Приведу отрывок из одной будущей книги Бощенко и Калашникова, который как раз объяснит, что же случилось с Россией после 1991 года:

«Многие помнят, что на выборах в Верховный Совет советских времен (до 1989-го) существовали квоты на представителей разных профессий, социальных слоёв, и даже пола. ВС состоял из двух палат: Совета Союза и Совета национальностей. То есть советская элита пыталась сделать парламент максимально точной моделью социума.

Про принципы отбора и безальтернативные выборы говорить не будем, это и так хорошо известно. Хотя сегодня уже известно, что еще Сталин в 1936 году пытался начать выборы на альтернативной основе (хотя и в рамках коммунистической идеологии), отодвинув компартию от прямого управления государством и оставив в ее ведении составление стратегических пла-

нов, идеологию и подбор кадров: (Этот процесс детально, на основании документов, описан академическим историком Юрием Жуковым в книгах «Неизвестный Сталин» и «Сталин: тайны власти».) Увы, яростное сопротивление элиты и война сорвали эти планы Сталина, а после его смерти номенклатура полностью их задушила. (И.В. пробовал осуществить свою затею в начале 1950-х.) К сожалению, Верховный Совет продолжал формироваться с помощью пародии на выборы. Однако «квотный» подход — вещь вполне разумная.

При нем формируется максимально плоская характеристика интегральной суммарной компетенции такого органа, как Верховный Совет СССР. Реализация и нормы практики были ужасными, но вот задумка — блестящая.

В странах Запада парламент формировался во многом при участии профессиональных объединений. Разумеется, есть заметная доля манипулятивных групп, прошедших за счёт пиара в СМИ. Так что здесь принцип формирования парламента — хранителя общей когнитивной модели общества ой как далек от совершенства! Но оттого, что в отличие от ВС СССР парламентарии Европы и США реализовывали реальную функцию управления через формирование закона и общей когнитивной модели, эта система работала и давала результат. А вот в СССР депутаты превратились фактически в машины для голосования, которые мало влияли на тексты и содержание закона.

Фактически советские законы творились узким кругом ведомственных экспертов и чиновниками в ЦК КПСС, которые просто физически были ограничены в понимании всех проявлений реальности. Поэтому в СССР Закон и общая когнитивная модель общества имели существенные провалы. В конце концов они вошли в такое вопиющее противоречие с реальностью, что страна угодила в кризис, кончившийся гибелью Советского Союза... *Не всё так просто!*

Теперь самое время вспомнить и классифицировать социалистический строй, существовавший в СССР. Всем памятливы долгие дискуссии о том, «что это было» — большевистская диктатура, рабочая демократия, народное государство, сталинская монархия? С точки зрения развиваемой модели разгадка «тайны веков» очень проста. Большую часть своей истории СССР управлялся коллегиальным органом (ЦК, Политбюро), действовавшим по определенным правилам (Устав КПСС). Следовательно, в СССР была реализована СУ-3. СССР уже в первые десятилетия своей истории стал индустриальным государством, с пре-

обладанием городского населения и торгово-производственной деятельности. Следовательно — экономическим строем СССР был капитализм. Капитализм своеобразный, больше похожий на внутренний хозрасчет в рамках крупной корпорации — но все же капитализм, производство товаров с целью обмена.

Для проверки этого вывода зададим контрольный вопрос: **на что тратился в СССР прибавочный продукт, изымаемый у хозяйствующих субъектов в пользу государства?** Ответ: **на развитие средств производства** — в точности соответствует определению капитализма. Ведь в нем прибавочная стоимость идет на увеличение основного капитала. Ибо капитал — вовсе не деньги, как представляют некоторые политики, а средства производства: здания, инфраструктура, оборудование, технологии, обученный персонал. СССР управлялся как огромное **акционерное общество**, в котором простые граждане были миноритарными, а номенклатурные работники — мажоритарными акционерами, так как их КМИ (Когнитивная модель человека) более учитывалась в ОКМ (Объединенной когнитивной модели) социума.

Таким образом, становится очевидным, что, несмотря на коллегиальность ЦК КПСС и других систем управления, их численность, а главное — разнообразие оказались недостаточными. Это привело к существенным изъянам интегральной суммы компетенции. Советские элитарии просто не понимали страну и реальность, в которых жили и которыми пытались управлять.

Воспользуемся моделью СУ для ответа на еще один «вечный» вопрос современности: что же произошло с СССР в 1985–1993 годах? Какой была эта революция 1991 года — буржуазной? Феодалной? Номенклатурной? Оценив системы управления, сложившиеся в большинстве бывших союзных республик, а также во многих областях Российской Федерации, мы с легкостью ответим на этот вопрос: конечно же, **феодалной!** Хотя на первых порах в 1991-м революция и была по сути демократической. Как часто бывает в истории (вспомним 1930-е годы в Европе), СУ-3 не справилась с кризисной ситуацией и разрушилась, уступив место более устойчивой СУ-2 — режимам **личной диктатуры.**

Что послужило экономической причиной такого события? Ответ и здесь очевиден: **нефть.** Добыча нефти (и других природных ресурсов) не требует развитых рыночных отношений и точно так же, как сельскохозяйственное производство, порождает

феодализм. Российские политические события последних лет отражают тот же самый закономерный процесс трансформации СУ-3 в СУ-2.

Борис Ельцин стал пародией на абсолютистского монарха. Он балансировал между двумя силами: «торговцами» (своеобразными бизнесменами РФ) и «воинами» (чиновниками, силовиками и криминалитетом). За 1990-е годы «элита» провела массовое уничтожение капитализма. Она неумолимо разрушала высокоорганизованную советскую промышленность, раздирала в клочья высокотехнологичные комплексы, низводила до положения униженных и оскорбленных образованные слои общества — носителей знаний, технологий будущего и высокой культуры. Она ломала систему подготовки кадров высокого качества, убивала систему образования. Крушила этику труда и накопления, дискредитировала понятия «честность», «трудолюбие», «патриотизм» — и морально разложила социум. Она сделала невыгодным любое сложное производство, ибо в РФ оно неизбежно падает жертвой идиотской налоговой системы, чиновничьего рэкета, административного произвола и за пределами высоких кредитных ставок. Словом, «бело-сине-красная элита» разрушала все, что может служить основой для СУ-3.

Зачем новая «аристократия» творила все это? Сдается нам, что ненависть к высокоразвитой промышленности и науке заложена в ее подкорку. Она состоит из существ, чья мечта — красть, обманывать и продавать сырье. Развитие всего, что сложнее нефтедобычи или выплавки стали, для такой «элиты» смертельно опасно. Ведь тогда поднимутся и окрепнут совсем другие элитарии, чья сила стоит на высоких технологиях и знаниях. Поднимутся — и уничтожат нынешнюю «аристократию», сложившуюся во времена Горбачева и Ельцина. Подсознательно «бело-сине-красные» это понимают, а потому с лютой ненавистью проводят политику «выжженной земли», в зародыше подавляя всякую угрозу своей гегемонии.

Неумолимая деятельность РФ-«элиты» возымела действие: остатки СССР деградировали настолько, что с 2000 года в Российской Федерации произошел дальнейший регресс. От ельцинской СУ-2,5 мы начали переход к господству силовиков, что представляет собой СУ-2 практически в чистом виде. Представители прокуратуры и спецслужб стали вести себя словно феодалы при сборе дани, МВД окончательно превратилось в крупнейшую банду, а произволу чиновников не стало никакого предела. Укрепление государства, о котором мечтал народ, оберну-

лось укреплением власти тех, кому опасно верить любую власть, даже самую маленькую. А государство в РФ окончательно стало машиной, существующей исключительно ради самой себя. Парламент и выборы превратились в имитацию, в фарс. Хотя полного перехода к СУ-2 не произойдет: для этого необходимо вообще уничтожить частный бизнес.

Скатывание Росфедерации в тупиковый «нефтегазовый феодализм» приводит и к воскрешению практики из самого темного Средневековья. Возрождается поповское мракобесие, религию делают орудием обеспечения покорности масс, идет косвенное, но от того не менее действенное уничтожение национального интеллекта. Параллели с темными веками в жизни «беловежской России» пугающи. Даже ОМОН ведет себя как дружины феодалов-завоевателей на покоряемых территориях. А россиянская элита по замашкам напоминает иностранных господ, грабящих захваченную колонию. Как это делали, скажем, рыцари немецких феодальных орденов, захватившие прибалтийские земли восемьсот лет назад. Уродливо разрастается чиновничество, отнимающее ресурсы у науки, образования, оборонной сферы, высокотехнологичного комплекса...

Все это привело к уже знакомым нам последствиям господства элиты, отстающей в развитии от общества. Постсоветские «страны» (а особенно РФ) стали быстрым темпом вымирать (демографическая катастрофа) и поглощаться соседними цивилизациями. Миллионы человек, энергичных и образованных, стали уезжать в развитые страны. А на горизонте вырисовывается четкая перспектива гарантированного распада Росфедерации и окончательного решения «русского вопроса»...».

НЕ МОЖЕШЬ ПРЕДОТВРАТИТЬ РЕВОЛЮЦИЮ – ВОЗГЛАВЬ ЕЕ

На сегодняшний день в ее текущем виде РФ не имеет никаких исторических перспектив. Это — конченное, обреченное государство. Страна, где правящая верхушка образовала своеобразную суперкорпорацию по колониальному грабежу остатков России, ее утилизации — и перегону миллиардов в США, Европу и Азию. Сия корпорация уже стала замкнутой кастой, талантливых и энергичных людей из низов в себя не допускает, а на будущем страны уже поставила крест. Сырьевой, неразвитый придаток Запада — вот план нашего будущего, созданный правящей в РФ мегамашиной. С ее точки зрения, даже 143 милли-

она населения в Эрэфии — непозволительно много. Нужно всего 50–60 миллионов тупых, исполнительных полуидиотов для обеспечения работы нефтегазовой «трубы». Все остальные только проедают валюту и ценные ресурсы, а потому должны либо вымереть, либо выживать самостоятельно. Правители «трехцветной» делают для этого многое: сворачивают социальные программы, губят систему образования, курочат оборонно-промышленный комплекс, открывают границы для иммигрантов — дешевых и неприхотливых рабочих рук.

Но такая мегамашина-корпорация достаточно тупа и груба. Чиновно-жандармско-олигархическая клика уже входит в острейшие противоречия с обществом. Во-первых, потому, что социум наш намного умнее, талантливее и трудолюбивее, нежели правящая бюрократия. А во-вторых, активные и умные люди из народа совершенно не желают вымирать и мириться с уготованной им участью. Интернет и новые возможности в системах связи дают этим оппозиционерам новые возможности. Рано или поздно РФ взорвется новой революцией.

Так замкнулся круг. Хватило всего лишь полутора десятков лет (а не семидесяти), чтобы страна образца 1991 года созрела для нового переворота.

Мы не можем его предотвратить. Но мы в силах овладеть технологией революции и свести к минимуму ее жертвы и разрушения. Наградой же может стать жизнь в совершенно новой, здоровой и растущей России. В России сверхновой, объединяющей земли и идущей к космическим вершинам!

Михаил Делягин, мой давний друг и товарищ, не побоялся сказать о неизбежности революции вслух. Лежащая перед вами книга — попытка первого проникновения в тему. Не сомневаюсь в том, читатель, что вы погрузитесь в нее с головой.

Максим Калашников

К ЧИТАТЕЛЮ

ЗНАЙ СВОЕ БУДУЩЕЕ

Знания нужны в жизни,
как винтовка в бою.

Н.К. Крупская

После катастрофической как по текущим обстоятельствам своего проведения, так и по своим среднесрочным последствиям монетизации льгот (и в целом «второй волны» либеральных реформ, особенно разрушительных в социальной сфере) понимание необходимости и объективной неизбежности революционных изменений распространяется в современном российском обществе все шире.

Основные причины революции и конкретные процессы, сталкивающие Россию в системный кризис и не позволяющие государству не только остановить, но даже и просто затормозить этот процесс, достаточно подробно рассмотрены в вышедшей в марте 2005 года книге автора «Россия после Путина. Неизбежна ли в России оранжево-зеленая революция?». Так как за время, прошедшее после выхода книги, никаких существенных изменений описанных в ней социально-экономических и политических тенденций не только не произошло, но даже и не намечилось, возвращаться к их анализу представляется избыточным.

Сегодня на повестке дня стоит уже не глобальный, стратегический вопрос о неизбежности революции в России как таковой, — он представляется в целом вполне очевидным, — но целая гамма тактических, локальных вопросов, касающихся основных характеристик этой революции, в том числе ее движущих сил, механизмов, сценариев и сроков. Настоящая книга представляет собой обобщение ответов на эти назревшие вопросы, которые пришлось искать автору в течение 2005 и начале 2006 годов в ходе разнообразных аналитических работ в рамках

возглавляемых им Института проблем глобализации (ИПРОГ) и ряда не связанных с ним временных рабочих групп, создававшихся для изучения отдельных проблем и распускаемых по достижении требуемого результата.

Разумеется, изменение характера рассматриваемого явления, переход от изучения теоретических вопросов к сугубо практическим неизбежно ведет к достаточно существенному изменению как языка, так и стиля книги. Исследуемые вопросы существенно более краткосрочны («горизонт планирования» ограничен временем ожидаемой революции, то есть максимум четыремья годами), изложение более схематично, описание и сопоставление различных точек зрения (своего рода «внутренняя дискуссия») сведено к необходимому минимуму, простое рассмотрение наиболее вероятных предстоящих событий превалирует над доказательствами и обоснованиями.

При этом значительное внимание уделено алгоритмизированному прогнозу с возможно более подробным описанием наиболее вероятных сценариев развития революционных процессов. Практическая направленность книги вынуждает на каждом шаге анализа жестко отсекалть менее вероятные сценарии, не растягивая гамму рассматриваемых вариантов развития ради достижения максимальной научной полноты, но, напротив, сокращая их до разумного минимума.

В силу ограниченности объема и невозможности обнародования части первичных аналитических материалов книга не содержит описания результатов и тем более методики расчета и сопоставления количественных показателей вероятности рассматриваемых сценариев, однако дано качественное и адаптированное к практическому применению выражение полученных результатов.

Таким образом, по сравнению с предыдущей книгой настоящая знаменует собой переход от науки в ее традиционном понимании к практической аналитике. Действительно: ведь наука — это поиск истины, и после того, как этот поиск в основном завершен, приходит время определения конкретных путей и способов реализации полученного знания, воплощения его в жизнь — приходит время практического действия, требующего на протяжении его осуществления лишь краткосрочного, оперативного анализа.

Главный вывод книги «Россия после Путина» заключался в осознании практически полной неизбежности предстоящей нашему обществу катастрофической революции. Принципиаль-

но важно раз и навсегда оговориться, что, в отличие от бесчисленного множества разного рода «буревестников», автор очень хорошо помнит прошлую революцию конца 1980-х — начала 1990-х годов и вместе с вменяемым (и абсолютным по численному составу) большинством своих читателей в полной мере сознает, что революция, даже относительно бескровная, представляет собой отнюдь не молодежный хеппенинг. Революция — величайшее несчастье в жизни всякого общества, сравнимое разве что с войной, беспощадный и чудовищный процесс, и забвение этого, даже на самый короткий миг, со стороны ее участников в большинстве случаев с фатальной неизбежностью превращает их в страшных преступников, наносящих обществу, которое они пытаются лечить, невосполнимый ущерб¹.

Революция, какой бы романтизации она ни подвергалась в последующем, является не только клубком миллионов личных трагедий, но в первую очередь чудовищной трагедией самого общества, запутавшегося в неразрешимых противоречиях и вынужденного — как правило, в первую очередь ради простого самосохранения — разрубать их обоюдоострым клинком беззакония, а часто и насилия.

Однако при всем своем вероятном ужасе революция в нашей стране в настоящее время представляется практически неизбежной: недееспособное, корыстное и агрессивно безответственное государство не оставляет современной России никакого другого понятного пути развития. «Титаник» российской государственности направляется прямым путем на айсберг системного кризиса в силу устойчивого и полностью однозначного совпадения личных и коллективных интересов подавляющего большинства лиц и групп правящей бюрократии, само существование которой несовместимо даже с простым существованием нашей Родины, не говоря уже о ее развитии. Именно глубочайшая заинтересованность подавляющего большинства действующих лиц в курсе, ведущем к катастрофе (в меньших размерах это уже наблюдалось в 1997–1998 годах, когда правящая бюрократия последовательно и неуклонно вела — и приве-

¹ Среди экзотических и относительно безобидных, но весьма наглядных примеров такого ущерба можно выделить, например, вызывающую неизменное удивление российских туристов относительную незначительность доли француженок, соответствующих распространенным в России представлениям о красоте, — «эхо» террора времен Великой французской революции, использовавшегося в том числе, разумеется, и для масштабного сведения личных счетов.

ла! — Россию к дефолту), отличает современную российскую государственность от её знаменитого прототипа, погибшего, как известно, из-за простой небрежности.

Ни в коей мере не симпатизировавший откровенным революционерам выдающийся российский писатель-гуманист В.Г. Короленко писал о том, что две трети вины за кошмар революционных событий лежит на допустившем их государстве. Лишь одну треть вины возлагал он на «мерзавцев», эффективно пользовавшихся сложившейся ситуацией и усугублявших общественный развал ради захвата власти и удовлетворения своих измененных инстинктов.

Революция с точки зрения политологии (а не более укорененной в общественном сознании пропаганды) представляет собой разрушение доказавшей свою неэффективность политической системы (и, само собой разумеется, решительную замену связанной с ней правящей элиты) при мобилизации активности широких народных масс. (Интересно, что естественным образом следующий за ней и являющийся ее логическим продолжением и завершением этап общественного развития — оформление возникшего в результате революции хаоса в новую политическую систему и формирование новой общественной элиты с вытеснением из общественной жизни не способных на созидание или не заинтересованных в нем элементов — как правило, трактуется романтически настроенными наблюдателями и аналитиками как «контрреволюция».)

При всей опозитизированности термина «революция» ни при каких обстоятельствах нельзя забывать, что она является высшей, причем не просто самой суровой, но самой опасной и разрушительной для самого общества формой возмездия: государству — за неэффективность его управления, а самому обществу — за длительное примирение с этой неэффективностью.

В современной России, разрываемой целым комплексом разнородных конфликтов, она вполне может привести к распаду страны, ее окончательной территориальной и национальной дезинтеграции и безвозвратному уничтожению.

Эта угроза, еще в 2002 и даже 2003 году практически не существовавшая, а в 2004 и даже в начале 2005 года еще вызывавшая насмешки лиц, склонных к отрицанию реальности ради краткосрочного сохранения своего внутреннего комфорта, сегодня представляется абсолютно реальной и отрицается лишь недостаточно грамотными или недостаточно добросовестными аналитиками.

Человеческому сознанию по вполне объективным причинам свойственно отворачиваться от страшного, прятаться от него, инстинктивно отказываться от попыток его понимания и, соответственно, анализа; в этом отношении ближайшими родственниками людей являются, без сомнения, не обезьяны, крысы или свиньи (которые, как показали исследования, также обладают относительно высоким интеллектуальным потенциалом, но используют его не сильнее, чем средний российский чиновник), но страусы.

Однако понятное желание быть достойными звания человека и улучшить, а не ухудшить мир требует от нас ответственного отношения к своей истории, особенно к современной, в сотворении которой мы принимаем непосредственное участие и неотъемлемым элементом которой являются наши собственные жизни и, в частности, совершаемые (или не совершаемые) нами поступки.

Революция — это ужас, однако не имея никакой реальной возможности (что было показано в книге «Россия после Путина») предотвратить, мы должны пережить и преодолеть ее, превратив надвигающийся кризис в катарсис, оздоравливающий и преображающий не только нас, но и все наше общество и открывающий ему новые пути поступательного, созидательного развития.

А для того, чтобы избежать ожидающих нас опасностей, в том числе опасности распада и уничтожения нашей страны, мы должны не панически отдаваться на милость общественной стихии, но цепко, неустанно, изобретательно и разнообразно бороться за свое будущее. Для выживания и победы необходимо хорошо сознавать опасности и, не страшась смотреть им в лицо, понимать, что, как и в какие моменты надо делать для выживания и победы.

Автор льстит себя надеждой, что настоящая книга поможет широкому кругу сознательных и ответственных россиян более эффективно бороться за сохранение и прогресс России, а значит, и за свое собственное благополучие.

Введение посвящено краткому и неизбежно схематичному напоминанию о задачах, которые предстоит решить нашей революции — и тем самым о ее характере.

Первая часть настоящей работы описывает социальные группы, заинтересованные в революции и способные стать ее основными движущими силами — от российского бизнеса до российских же спецслужб. Каждой силе посвящена отдельная

глава, в которой дается ее краткая характеристика и прогноз ее действий в условиях предстоящего системного кризиса.

Представляющаяся наиболее значимой с практической точки зрения и интересной для отстраненного наблюдателя *вторая часть* анализирует непосредственные механизмы осуществления и этапы революции. Рассматриваются возможные сценарии обрушения России в революцию и последующего выхода из представляющегося неизбежным хаоса в относительно стабильное состояние.

После описания наиболее значимых для оперативного анализа дат и событий — своего рода «реперных точек» предстоящей дестабилизации — описываются три наиболее вероятных укрупненных этапа революции. Первый — срыв в политический системный кризис в результате представляющихся практически неизбежными государственными провокаций (в последнее время они стали фактом общественного сознания до такой степени, что на них намекают чуть ли не все, до заместителя руководителя администрации президента России включительно), второй этап — утрата государственными структурами контроля за ситуацией и погружение страны в хаос (при этом описываются условия, при которых этот хаос будет максимально коротким и наименее разрушительным), и наконец, третий — быстрая и необратимая, хотя во многом и случайная, кристаллизация новой власти.

Третья часть книги рассматривает ожидаемые итоги предстоящей революции. Сначала она формулирует объективные требования к политической силе и группе конкретных лиц, способных стать победителями в революционном хаосе, а затем выявляет факторы, определяющие исход революции — уничтожение России или ее сохранение и модернизацию. Существенным элементом этой части является краткое описание основных принципов, необходимых для движения по второму пути, а также модернизационных действий обновленного государства в наиболее важных сферах: внутренней, социально-экономической, национальной и внешней политике.

Заключение посвящено ответу на главный, с точки зрения автора, вопрос современного этапа развития нашего общества. Это вопрос о конкретных объективно обусловленных требованиях к новой элите и механизмах постоянного общественного воздействия на нее, позволяющих с абсолютной уверенностью гарантировать ее от разложения по примеру горбачевской, ельцинской и путинской элит.

Автор пользуется удобным случаем для выражения благодарности всем людям, помогавшим настоящему исследованию как информацией и собственными соображениями, так и своими действиями, включая, разумеется, многих сотрудников Института проблем глобализации, а также дружественных и сопряженных структур. По обстоятельствам, усилиями правящей бюрократии становящимися окончательно ясными все более широким кругам потенциальных читателей, до завершения описываемых в настоящей книге событий автор лишен удовольствия назвать большинство этих людей поименно, а с учетом вероятного развития событий в ближайшие год-два остерегается делать это и в отношении тех, кому огласка такого рода сегодня пока еще не может нанести значительного вреда.

Особая благодарность тем — в большинстве своем неизвестным автору — россиянам, которые, борясь за свои права и права своих сограждан, весьма существенно ограничили и продолжают, несмотря на драматическое неравенство сил, ограничивать произвол нынешней неадекватной власти. Приближая изменения нашего общества к лучшему, они создали тем самым необходимую почву для настоящего исследования.

Автор верит, что предлагаемый вниманию читателей труд, ставший итогом значительного числа дискуссий как с теоретиками, так и с практиками современной политической борьбы, будет для них не только интересным, но и полезным с сугубо практической точки зрения.

Наше дело правое.

Мы возродим Россию.

Из России отчаявшейся будет Россия благословенная.

Любой бюрократический аппарат ²⁰⁰⁵ без наци-
стской идеи со временем неизбежно
ограничат работать на себя!

ВВЕДЕНИЕ

СУТЬ РЕВОЛЮЦИИ: МОДЕРНИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ СВЕРЖЕНИЕ ВОЕННО-ПОЛИЦЕЙСКОГО ФЕОДАЛИЗМА

Попробуйте надуть поросенка славой — обязательно лопнет.

Ярослав Гашек, «Похождения бравого солдата Швейка»

Суть политического режима, созданного в нашей стране при совершенно непростительном попустительстве здоровой и сознательной части российского общества, заключается, насколько можно понять, в практически полном освобождении государства как целого и образующих его чиновников от какой-либо ответственности, в том числе перед населением. Бюрократия, обособившаяся в доминирующий социальный слой, получила полную, практически ничем не ограничиваемую свободу произвола в обмен на демонстрацию формальной лояльности (причем даже не государству, а личности, ибо никаких общих целей это государство выработать не хочет, да и не может).

Национальная катастрофа, начавшаяся 15 лет назад под прикрытием стыдливого эвфемизма сначала «демократических», потом «радикальных», а затем уже и «либеральных» реформ, не просто продолжается, но все ближе приближает российское общество к распаду и окончательному уничтожению.

В условиях баснословно благоприятной, а по некоторым значимым направлениям и продолжающей улучшаться внешнеэкономической конъюнктуры, благодаря которой государство и крупнейший бизнес буквально захлебываются от потока «нефтедолларов» и тонут в болоте еще более развращающего их показного потребления, нарастает всесторонняя деградация человеческого потенциала. Прежде всего эта деградация проявляется в форме распада социальных связей и нормальной, позволяющей успешно существовать системы человеческих ценностей. На

фоне драматического разрушения общественного здоровья, массового алкоголизма и нарастающей пандемии наркомании происходит чудовищное падение интеллектуального потенциала общества, позволяющее говорить о его уже не оглуплении, но прямой дебилизации. Распад системы науки и образования, подстегиваемый весьма последовательными реформами, окончательно станет необратимым в ближайшие 5—7 лет, когда физически вымрут последние носители необходимых для развития знаний и навыков (не секрет, что средний возраст ученых по многим ключевым специальностям превышает 60 лет).

Одновременно с этим продолжается деградация производственного потенциала, в первую очередь наиболее значимой для страны, определяющей условия ее существования и при этом практически брошенной без внимания инфраструктуры жизнеобеспечения. Физический износ и моральное устаревание оборудования в сочетании с грубейшими нарушениями технологии характеризуют состояние даже наиболее прибыльных отраслей современной российской экономики.

Якобы либеральные или, по отдельным направлениям, даже патриотические преобразования, осуществляемые на деле в интересах сначала связанного с реформаторами, а затем и прямо контролируемого ими бизнеса, служат не только прикрытием, но и главным механизмом тотального, разрушительного и буквально опустошающего страну, небывалого даже в нашей богатой истории массового воровства.

Россия остро нуждается в коренной модернизации практически всех сторон своей жизни, однако сложившаяся политическая и экономическая система наглухо блокирует все потенциальные возможности такой модернизации.

С одной стороны, демократия как институт принуждения государства к ответственности перед обществом искоренена с небывалой для российской практики государственного управления последовательностью и осознанностью. Даже ее формальные атрибуты (вроде независимого суда, честных выборов, свободы слова и права частной собственности) демонстративно подвергаются публичному оскорблению, и сама идея об их полезности, и без того не укорененная в массовом сознании, весьма эффективно дискредитируется государством.

Описанное, как ни прискорбно, делает принципиально недоступной для современного российского общества традиционно рекламируемую развитыми странами, наиболее привычную и приятную для интеллигенции демократическую модель модернизации.

В то же время авторитарная модернизация, с технологической точки зрения значительно более простая (ибо при ее осуществлении общество практически не нужно убеждать), в современной России, еще не прошедшей очищения системным кризисом, невозможна в принципе. Ведь она требует ответственности элиты перед обществом, что органически недоступно нынешней элите, сформировавшейся за счет осознанного разрушения и разграбления собственной страны.

В последние годы возник органичный, хотя на первый взгляд и парадоксальный, симбиоз либеральных фундаменталистов, отбирающих деньги у населения в пользу бизнеса, и силовой олигархии, отбирающей те же самые деньги у бизнеса для непроизводительного потребления. Эта экономика представляет собой не более чем простой аналог двухступенчатого пищеварительного тракта, носит несравнимо более «самоедский» характер, чем советская (для которой, напомним, ее сравнительно незначительный уровень «самоедскости» оказался вполне достаточным для поражения в глобальной конкуренции и разрушительного краха), и в принципе не способна к саморазвитию.

При этом масштабы растущих appetитов силовой олигархии (из-за которых уже в 2004 году для ряда крупных коммерческих предприятий, чтобы иметь хоть какую-то прибыль, надо было иметь рентабельность собственно коммерческих операций не менее 30%) не позволяют развиваться большинству видов бизнеса.

В аппарате государственного управления наблюдается жесткий «отрицательный отбор», так как концентрация его на выполнении предельно простых функций грабежа и потребления объективно отторгает профессионалов, склонных к выполнению сложных функций и потому с неизбежностью проигрывающих внутриэлитную и внутриаппаратную конкуренцию.

Фуражки всех фасонов и венки самозваных победителей всех мастей, при помощи примитивных политтехнологий убедивших самих себя в подлинности своих побед, прикрывают разьедающий чело России и все сильнее дающий знать о себе коррупционно-бюрократический «венеч Венеры»¹.

В последние три года путинская бюрократия стала в массовом порядке создавать проблемы «на ровном месте», вымогая у людей никому не нужные справки (которые при этом она же и отказывается выдавать даже за взятки), забирая на бессмыслен-

¹ Один из симптомов запущенного сифилиса – сыпь, выступающая на голове у корней волос.

ные военные сборы, создавая неразрешимые трудности при регистрации законных сделок и получении необходимых документов. Масштабы бюрократического давления на повседневную жизнь нарастают стремительно.

Об органической неспособности правящей бюрократии управлять чем бы то ни было и решать какие бы то ни было реальные задачи свидетельствует, например, неуклонное ухудшение демографической ситуации. Президент говорит — и при этом, насколько можно понять, в отличие от целого ряда других случаев говорит весьма искренне — об этой неуклонно обостряющейся проблеме практически на всем протяжении своего нахождения у власти. При этом реальная политика, проводимая им и его ставленниками, и даже подписываемые им лично законы не просто не имеют никакого отношения к улучшению демографического положения страны, но и весьма последовательно направлены на уничтожение даже небольшого сохранившегося вопреки реформаторам социального потенциала России.

Сохранение правящей бюрократии у власти представляет собой главную угрозу не просто развитию, но и самому существованию России и просто несовместимо с ним.

Путинский режим не в силах не только свернуть, но даже и просто захотеть свернуть с курса, ведущего Россию к всеобъемлющему системному кризису, который поставит под вопрос само ее существование. Опасность этого в 2005 году стала очевидна практически для всей думающей части российского общества.

Перерождение политической системы из хотя бы и «дикого», но все же капитализма в военно-полицейский феодализм, блистательно и неуклонно осуществленное президентом Путиным и его соратниками, объективно предопределяет антифеодальный характер предстоящей нам революции. Соответственно, и осуществлять ее будет широчайшая, в значительной степени неформализованная коалиция, своего рода Народный Фронт, включающий в том числе и честную, искреннюю часть либералов, концентрирующуюся сейчас на преимущественно правозащитной деятельности.

Смысл, основным содержанием этой революции станет политическое уничтожение захватившего страну класса «новых феодалов» — силовой и коммерческой олигархии. Эти социальные слои должны быть навсегда возвращены в свое естественное, не просто полезное, но и необходимое для всякого общества состояние — офицеров специальных и правоохранительных органов и крупных предпринимателей.

Это не системный кризис! А всего лишь — культурная революция, в любом случае. Все сводится лишь к тому, чтобы не барометр.

30

Вам.

ЧАСТЬ 1.

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ РЕВОЛЮЦИИ

Кого боги хотят наказать, лишают разума.

Древнеримская мудрость

Решительно освободившись перед президентскими выборами 2004 года от политического и административного влияния последних представителей ельцинской «семьи», Путин вопреки ожиданиям общества и настойчивым обещаниям официальных аналитиков кардинально увеличил количество и разрушительность совершаемых им ошибок. Соответственно, весьма существенно выросли и негативные последствия деятельности его окружения.

Главной, стратегической ошибкой правящей бюрократии в настоящее время представляется форсирование с середины 2004 года «второй волны либеральных реформ», наиболее значимой из которых пока стало невинное по форме разграничение полномочий между различными уровнями власти, обернувшееся среди прочего и людоедской «монетизацией льгот», и разрушительной реформой ЖКХ. Возглавляя, а в значительной степени и непосредственно осуществляя разрушительные для России действия, президент Путин сумел создать серьезные напряжения в отношениях практически со всеми значимыми субъектами ее политической жизни, в том числе и с последовательно поддерживавшими его в прошлые годы.

Тем самым он довольно существенно расшатал собственную политическую базу и не только качественно облегчил любые действия, направленные на оздоровление государственной власти в России, но и создал для их успеха практически все необходимые (хотя пока еще далеко не достаточные) предпосылки.

ГЛАВА 1

БИЗНЕС: БУНТ «ДОЙНОЙ КОРОВЫ»

«Твое счастье, что в твоём бизнесе надо работать, а не просто нефть сосать, так что пока живи».

Силовой олигарх — бизнесмену

Деловое сообщество в силу самого характера своей деятельности обладает широкой гаммой общеизвестных и вынужденно признаваемых даже самыми отъявленными либералами врожденных недостатков и пороков, жертвами которых — в виде экономического кризиса, а то и серьезных социально-политических потрясений — периодически становится каждая страна.

Исключений из этого правила попросту не существует.

Однако, несмотря на это, бизнес, причем в первую очередь крупный национальный бизнес, при всех своих безусловных недостатках является ключевым инструментом и двигателем не только технического, но и социального прогресса всякого рыночного общества.

Игнорирование бизнеса природы, проявляющееся в превращении его в простую «дойную корову» силовой олигархии, несмотря на привлекательность этого относительно привилегированного и комфортного положения для отдельных бизнесменов, в целом воспринимается деловым сообществом как противоестественное и не имеющее никаких оправданий насилие. Это насилие с неизбежностью вызывает не только бегство капиталов и социально-экономическую стагнацию, не говоря уже о практически полном замещении модернизационных процессов (в том числе в производственной сфере) модернизационным пиаром, но и весьма ощутимый политический протест.

Конечно, этот протест является стихийным — и потому с неизбежностью слабым, осмотрительным, неорганизованным и подрываемым конкуренцией бизнесменов друг с другом. Тем не менее будучи вызван повсеместно распространенными причи-

нами, он приобретает массовый характер и уже является существенным фактором сегодняшней и тем более завтрашней общественной жизни России.

СЛАБОСТЬ И НЕАДЕКВАТНОСТЬ БИЗНЕС-ЭМИГРАЦИИ

Наиболее известная и популяризируемая компонента бизнес-протеста, связанная с политической активностью в России эмигрировавших из нее бизнесменов, вопреки широко распространенным, а отчасти и сознательно культивируемым правящей бюрократией представлениям, является не только исключительно слабой, но и в значительной степени утратившей адекватность.

Прежде всего, это связано с составом бизнес-эмиграции: большинство из тысяч (а вполне возможно, что и десятков тысяч) предпринимателей, вынужденных в результате столкновения с силовой олигархией отказаться от продолжения бизнеса в России и покинуть ее пределы, осознают себя именно бизнесменами, но ни в коем случае не политиками. Происходящее на родине интересует их примерно так же, как и большинство обычных людей, однако в случае продолжения активной деятельности они, как правило, занимаются наиболее естественным для себя, привычным и приятным делом — бизнесом, продолжая начатое в России в других странах. В этом они ничуть не отличаются от покидающих страну молодых людей, ученых, программистов, журналистов, деятелей искусства и представителей иных профессий.

Если же они не имеют желания или возможности продолжать наиболее естественное для себя дело, они, как правило, просто уходят на своего рода «пенсию», прекращая активную деятельность как таковую и тихо живя в свое удовольствие — благо минимальные (разумеется, по их собственным меркам) средства, обеспечивающие спокойную жизнь, у большинства из них отложены. Недостаток же привычного повседневного комфорта (в случае существенного сокращения потребления) для большинства из них с лихвой компенсируется прекращением повседневной нервозности и пьянящим чувством безопасности — не только для себя лично, но и, что значительно более важно, для своих близких.

Существенно и то, что, близко столкнувшись с реалиями путинского режима и образом действий силовой олигархии,

большинство представителей бизнес-эмиграции воспринимает своих близких и друзей, а часто и бывших сотрудников, оставшихся жить на территории России, как потенциальных заложников. Осознание репрессий, которые могут быть с легкостью и без каких бы то ни было моральных (не говоря уже о юридических) ограничений применены к этим людям при малейшем недовольстве правящей бюрократии деятельностью эмигрантов, является для последних сильнейшим сдерживающим фактором. Это касается не только считанных бывших олигархов (например, открыто признававшегося в этом Гусинского), но и бесчисленного количества более мелких предпринимателей, критически настроенных по отношению к президенту Путину и возглавляемой им силовой олигархии.

Поддержка какой бы то ни было политической деятельности в России, таким образом, является для современной бизнес-эмиграции в значительной степени неестественным и потому мало распространенным видом деятельности.

Его основным источником остается, насколько можно предположить, оскорбленное самолюбие и гипертрофированная жажда личного реванша (в отдельных случаях имеет место и специфически выраженное сенсорное голодание — потребность в сильных ощущениях и личной причастности к мировой истории, не утоляемая никакими экстремальными видами спорта). Указанные факторы, хотя и обеспечивают исключительную силу и продолжительность мотиваций, являются далеко не лучшим советчиком по содержательным вопросам, что обуславливает низкую адекватность и, соответственно, эффективность политической деятельности бизнес-эмиграции.

Принципиально важным является также изоляция представителей бизнес-эмиграции от повседневной жизни российского общества. Сохраняя базовые знания о нем, они через небольшое время — максимум через полгода — перестают его чувствовать и, соответственно, перестают ощущать реальное значение получаемой ими информации (даже в тех достаточно редких случаях, когда она остается действительно объективной, то есть достоверной и полной).

Неадекватность, вызванная утратой живой, на уровне повседневных ощущений, связи с российским обществом, является главным и, как представляется, принципиальным пороком современной бизнес-эмиграции, как и политизированной эмиграции как таковой (насколько можно судить по Герцену и Ленину, во времена царизма наблюдалось примерно то же самое).

Преодолеть этот «информационный порог», насколько можно судить, не удавалось еще никому. Для его преодоления оказывается недостаточным как Интернет со всем его многообразием и мгновенным подробным информированием о происходящих значимых событиях, так и инсайдерская информация, каналы которой для многих бизнес-эмигрантов не только сохраняются, но даже и расширяются. Даже ассоциируемое обычно с Березовским скрупулезное расспрашивание случайных туристов из России (только автору данной книги рассказывали о таких беседах, строившихся по одной и той же тщательно выверенной структуре, трое его никак не связанных с политикой друзей) тоже, как показывает практика, оказывается совершенно недостаточным инструментом для поддержания минимально необходимой для политика связи с Родиной.

Неуловимый, не облекаемый в однозначные политологические понятия российский «воздух», ощущения и эмоции, составляющие суть отечественной политической жизни, не пересекают границу, что не позволяет бизнес-эмиграции ощутить, а значит, и заново понять, и своевременно переосмыслить свою страну.

Ситуацию усугубляет драматическое отсутствие «обратной связи». Занимаясь в России бизнесом, пусть даже политическим, предприниматели привыкли получать ежедневные сигналы, с высокой степенью однозначности и объективности свидетельствующие о правильности или ошибочности занимаемой ими позиции. Это и изменение показателей коммерческой деятельности, и поведение конкурентов, и изменение отношений к ним различных представителей государства и даже СМИ, и личное общение.

Покинув страну и перейдя в политическую оппозицию, предприниматель лишается основной части этих объективных сигналов. На его долю остаются лишь глубоко субъективные мнения людей, большинство из которых в той или иной степени зависит от него лично. Однако при наличии объективных сигналов о своей деятельности большинство российских предпринимателей уделяло мало внимания обеспечению объективности оценок зависящих от них людей. В результате эти оценки неизбежно были комплиментарными, однако то, что в России в целом компенсировалось и корректировалось внешней конкурентной средой, за ее пределами оказалось не поддающимся корректировке и, соответственно, необратимо искажающим восприятие.

В силу изложенных причин бизнес-эмиграция, несмотря на свою заметность, по крайней мере, в обозримом будущем будет оставаться незначительной по численности, неадекватной по восприятию ситуации в России и потому неэффективной в качестве самостоятельной (или относительно самостоятельной) политической силы.

Тем не менее она не является вполне бессильной и способна оказать на развитие революционных процессов в нашем обществе весьма существенное, хотя и далеко не однозначное влияние.

Прежде всего, она оказывает и, по всей вероятности, будет продолжать оказывать систематическую поддержку различным оппозиционным группам — как непосредственно, так и (в отдельных случаях) содействуя аналогичной помощи со стороны западных структур. Да, большинство этих групп (причем, что характерно, как на правом, так и на левом фланге) неадекватно воспринимает российскую действительность и в результате этого не пользуется серьезной поддержкой внутри России (а некоторые и вовсе существуют исключительно за счет поддержки извне, представляя собой классические грантополучательские структуры). В результате такая поддержка искажает структуру оппозиции и снижает ее общую эффективность. Однако снижение эффективности по крайней мере частично компенсируется увеличением массовости охвата, расширением масштабов и, что исключительно важно, изобретательности осуществляемых действий.

При этом сама неадекватность бизнес-эмиграции, известная непосредственным получателям ее помощи больше, чем кому бы то ни было другому, является мощным воспитывающим фактором, внедряющим в коллективное оппозиционное сознание необходимость самостоятельной оценки ситуации, самостоятельных действий и опоры преимущественно на собственные силы.

Да и саму эту неадекватность не стоит переоценивать: многие представители бизнес-эмиграции ощущают неполноту и неточность своих представлений и потому старательно диверсифицируют усилия, «раскладывая яйца по разным корзинам» и оказывая поддержку, пусть ограниченную и непоследовательную, различным оппозиционным группам, в том числе даже не симпатичным и чуждым им лично.

Поддерживая оппозицию, бизнес-эмиграция приобретает особое значение в критических ситуациях, когда в условиях при-

мерного равенства внутренних сил внешнее воздействие, пусть даже и относительно слабое, но обладающее собственной независимой мотивацией, способно стать существенным. В условиях же срыва в системный кризис и особенно в критические моменты революционного хаоса поддержка оппозиции со стороны бизнес-эмиграции может сыграть решающую роль — по аналогии с поддержкой латышских стрелков и военнопленных-мадьяров, спасших Советскую власть в критический момент осени 1918 года (каким бы обидным ни показалось бы это сравнение для всех заинтересованных сторон).

9
Существенно и то, что, будучи в определенной степени символом российского сопротивления, бизнес-эмиграция до смерти пугает представителей правящей бюрократии (в силу недостаточности культуры и специфичности жизненного опыта искренне полагающих преимущественной причиной своих проблем козни Запада или «мировой закулисы») и тем самым провоцирует их на избыточно жесткие и потому саморазрушительные действия. *Гуман*

Классическим примером в этом отношении представляется Березовский. Несмотря на его традиционную демонизацию и довольно эффективное использование им части своих медиа-активов в России, реакция правящей бюрократии на его деятельность, безусловно, чрезмерна и ни в коей мере не соответствует его реальному значению. Поневоле возникает ощущение, что инстинктивные и недалекие копиисты Сталина, оказывающие в последние годы определяющее влияние на политику российского государства, воспринимают его как некий современный аналог Троцкого.

Отчасти демонизированный образ Троцкого — внешнего врага, действительно способного «запустить свои щупальца» в самое сердце советского общества, — как известно, был нужен Сталину и являлся ключевым элементом не только его пропаганды, но и всей внутренней политики. В частности, он весьма эффективно использовался Сталиным для идеологического, юридического и эмоционального обоснования жестоких «чисток» советской системы управления и для дискредитации в «зародыше» самой идеи всякого несогласия.

Точно так же и сегодня демонизированный образ Березовского широко и в целом успешно используется для дискредитации всякой оппозиционной деятельности и тем более — всякого активного протеста. При этом сам Березовский, болезненно склонный к саморекламе как таковой, активнейшим образом

подыгрывает этим обвинениям, создавая ощущения своей почти мистической вездесущности. Похоже, единственными оппозиционерами, избежавшими обвинений или прозрачных намеков представителей государства на связь с лондонским олигархом, остаются зоологические антисемиты.

Тем не менее в соответствии с классическим правилом в долгосрочной перспективе любая провокация переигрывает саму себя. Раздувание образа Березовского (а после разгрома «ЮКОСа» и захвата силовой олигархией его активов — и Невзлина), превращение его в жупел так или иначе популяризирует идею оппозиционной деятельности как таковой и создает у людей, в обычных условиях страшящихся собственного протеста, надежду (пусть даже заведомо тщетную) на получение достаточно серьезной поддержки.

* * *

Подводя промежуточные итоги, зафиксируем: несмотря на заметность и назойливую саморекламу (в том числе разрушительную для оппозиции в целом) отдельных деятелей российской бизнес-эмиграции, а также ее потенциально высокое значение в условиях срыва в системный кризис, наиболее значимой компонентой бизнес-протеста остаются все же бизнесмены, остающиеся и продолжающие действовать в России.

УСИЛЕНИЕ ДАВЛЕНИЯ СИЛОВОЙ ОЛИГАРХИИ

Широко распространенное представление, что в отношениях российского бизнеса и государства 2005 год явился всего лишь продолжением ранее сформировавшихся тенденций и не добавил к ним нового существенного негатива, к сожалению, в целом не соответствует действительности.

Последовательное развитие этих тенденций уже в первом полугодии вышло на качественно новый уровень, закрепив несколько новых закономерностей и не просто усилив традиционное недовольство основной части российского бизнеса, но и переведя его в качественно новое состояние — безысходность.

Первое, что бросается в глаза российским бизнесменам в 2005 году, — резкое изменение настроений непосредственно контактирующих с ними представителей государственного аппарата. Еще совсем недавно, еще в 2004 году в среднем около поло-

вины этих представителей агрессивно исповедовали идею социальной справедливости в ее специфически силовом исполнении. Относящиеся к этой категории представители государства вдумчиво и с удовольствием разъясняли бизнесменам, что те украли свою собственность у государства, не платили налоги, вывозили из страны ее капиталы. Соответственно, теперь они должны, выполняя свой общественный долг, начать в полной мере расплачиваться за все эти маленькие грешки и удовольствия — правда, почему-то в первую очередь не с государством, а с действующими от его имени и под его прикрытием силовыми олигархами.

В конце 2004 года указанная категория чиновников начала стремительно сокращаться: кто-то выбрасывался из аппарата государственного управления, кто-то начинал понимать, что, какое бы воровство ни творилось в стране десять лет назад, апелляция к нему на фоне сегодняшних «споров хозяйствующих субъектов» и «укрепления государственности» выглядит просто неуместной.

В результате жесткого и стремительного отбора (по всей видимости, стихийного — язык не поворачивается назвать его «естественным») уже к середине 2005 года на значимых постах в государственном аппарате практически не осталось искренних «идейных экспроприаторов». Доминирующими, насколько можно понять, стали две основные группы чиновников: «служаки» и «неудачники».

Первые доходчиво и по своей инициативе, как бы оправдываясь, разъясняют бизнесменам, что дают их исключительно в соответствии с требованиями руководства, «по долгу службы». Классическим заявлением этой категории «государевых людей» является указание на то, что они «служат царю» и исполняют получаемые поручения, не задумываясь и не желая задумываться об их сути, в полном соответствии с принципом «наше дело маленькое». Эти люди не просто осознанно снимают с себя всякую ответственность за последствия собственных действий и перекладывают ее на плечи своего руководства, отдающего не подлежащие обсуждению и даже осмыслению приказы (а иногда и приписывая своему руководству собственные разрушительные инициативы); явно заботясь о будущем (в значительной степени, вероятно, инстинктивно), они внятно и недвусмысленно дают бизнесменам понять, что не одобряют проводимой государством политики, но будут осуществлять ее и пользоваться ее плодами до тех пор, пока она не изменится.

Вторая часть аппарата государственного управления, с которой приходится постоянно общаться бизнесменам, производит ничуть не лучшее впечатление. Представители этой категории глубоко и искренне обижены на государство, которому служат, — чаще всего из-за личного поражения, понесенного в административной конкуренции, утраты доступа к той или иной «кормушке» (в том числе связанной с ограблением бизнеса) или простой зависти к более удачливым коллегам. Они с наслаждением жалуются на свою судьбу почти всем, кто готов их слушать, и критикуют свое руководство часто более остро и убедительно, чем записные оппозиционеры, так как владеют качественно большим объемом актуальной информации. Более того: они с охотой делятся самыми интимными подробностями о внутренней жизни государственного аппарата с собеседниками, которых по тем или иным причинам считают безопасными для себя и своего положения.

Этот чудовищный, безбрежный цинизм в сочетании с полной утратой всякой веры в хоть какую-то правоту и идеологическую обоснованность своих собственных действий производит шокирующее впечатление даже на многое повидавших и в целом прошедших очень жестокий естественный отбор российских бизнесменов.

В сочетании с глубиной внутреннего раскола государственного аппарата (причем раскола в первую очередь психологического, а не идеологического) этот цинизм с предельной ясностью демонстрирует бизнесу историческую обреченность нынешнего государства. Таким образом, сотрудничать с ним и помогать ему не только почти невозможно (из-за его глупости, алчности и агрессивности), но и бессмысленно, ибо оно почти гарантированно утянет с собой на дно большинство своих союзников, в том числе и из коммерческой сферы.

Парадоксально, но это касается даже такой примитивной и естественной для легального бизнеса формы сотрудничества, как уплата налогов. Согласно мнению, получившему достаточно широкое распространение именно в 2005 году, платить налоги путинскому государству вредно не потому, что заплаченные деньги замораживаются в Стабилизационном фонде и не идут на удовлетворение никаких реальных нужд общества (а то и инвестируются государством в экономику стран — стратегических конкурентов России). Более того, даже не потому, что в условиях надругательства правящей бюрократии над бизнесом добровольная уплата налогов выглядит как сознательная и полностью добровольная попытка полюбить насильника.

Главная причина вредности уплаты налогов, которую называют многие бизнесмены и просто обеспеченные люди, заключается в том, что сам по себе факт уплаты сколь-нибудь значительной суммы налогов неопровержимо свидетельствует одновременно о наличии у налогоплательщика значительных доходов и отсутствии у него чувства самосохранения, не говоря уже о здравом смысле. Понятно, что это с неизбежностью превращает его в глазах представителей силовой олигархии в легкую добычу, с которой приятно иметь дело.

Кроме того, многократное появление баз данных о величине налогов, уплаченных различными налогоплательщиками, в свободной продаже сделало относительно обеспеченных людей, живущих в обычных, неэлитных домах, потенциальными жертвами уголовной преступности. У значительной их части неизвестные лица вскоре после появления соответствующих баз данных пытались взломать двери (о степени неквалифицированности взломщиков и, соответственно, о степени угрозы домашним, если бы они оказались в квартирах, свидетельствует то, что во всех трех известных автору случаях попытка взлома простых металлических дверей не увенчалась успехом). При этом официальные претензии налоговой службе, насколько можно понять, так и не были предъявлены, так как показатели в продаваемых базах данных были изменены более чем на 100 рублей, что по существующим правилам позволяет не признавать эти базы данных официальными, а содержащуюся в них информацию — заслуживающей защиты в соответствии с законом. Понятно, что такой подход стимулирует безнаказанность преступников и усиливает опасность, в которой находятся обеспеченные люди просто по самому факту получения высоких доходов.

По данным исследования коррупции, проведенного возглавляемым Г. Сатаровым Фондом «ИНДЕМ», средний размер взятки, даваемой российским бизнесменом, вырос с 2001 по 2004 год¹ более чем в 12 раз — с 10,2 до 135,8 тыс. долл. (по данным исследования, площадь жилья, которую можно было купить на среднюю взятку, выросла, несмотря на его подорожа-

¹ Исследование проводилось, разумеется, с технологически обусловленным запаздыванием. Как следует из изучения полного текста доклада фонда «ИНДЕМ», указание на 2005 год, содержащееся в таблицах презентационного варианта, относится ко времени проведения опросов, а не ко времени проведения исследуемых коррупционных операций.

ние, почти в 7 раз — с 30 до 209 квадратных метров). Общий объем деловой коррупции вырос почти в 8,5 раза — с 33,5 до 316,0 млрд. долл. (отношение к доходам федерального бюджета выросло, по данным фонда «ИНДЕМ», с двух третей до превышения в 2,7 раза). Фактически взятки, вымогаемые представителями правящей бюрократии (и в первую очередь силовой олигархией), стали для предпринимательского сообщества России специфическим «теневым» видом налогов — причем налогов, оптимизация которых почти невозможна, а уклонение от которых, в отличие от уклонения от легальных налогов, карается беспощадно.

Отношение масштаба вымогаемых взяток (только в деловой сфере) к ВВП выросло за рассматриваемый период времени, по данным исследования, в 4,8 раза — с 11,2 до 53,7% ВВП — и существенно превысило налоговое давление на российскую экономику. Понятно, что скорость коррупционного оборота денег качественно превышает скорость их движения в легальном секторе, не говоря уже о производстве, что делает некорректным прямое сопоставление величин коррупционного и налогового давления на экономику. Вместе с тем представляется вполне очевидным, что взятки представляют собой стремительно выросшее за годы правления Путина теневое налогообложение, и уровень совокупного, реального налогообложения (пусть даже и с учетом корректировки на различную скорость движения денег в различных секторах) в принципе несовместим не то что с успешным развитием, но даже и с простым существованием российской экономики.

При всей неизбежной приблизительности результатов исследования такого труднонаблюдаемого явления, как коррупция, не вызывает сомнения: масштабы административного давления на бизнес приняты, без всякого преувеличения, убийственный характер. В настоящее время, насколько можно понять, они позволяют нормально существовать в целом лишь пяти видам компаний:

- работающим в сверхрентабельных отраслях (например, занимающимся экспортом биржевых товаров или розничной торговлей) — и то до тех пор, пока их успехи не привлекли алчность силовой олигархии;

- монополиям (как естественным, так и обычным коммерческим), имеющим устойчивую возможность безнаказанно злоупотреблять своим положением и через повышение цен перекладывать растущие аппетиты силовой олигархии (или, по край-

ней мере, их основную часть) и неуклонно растущую плату за возбуждаемый ею страх непосредственно на покупателя;

- иностранным компаниям, находящимся под действенной политической защитой своих государств (что дает им в России колоссальное преимущество над российскими конкурентами, последовательно разрушаемыми российским государством, в том числе и для обеспечения захода на рынок иностранных корпораций, более сговорчивых и обеспечивающих российской силовой олигархии политическую поддержку или по крайней мере нейтралитет Запада);

- пророссийским компаниям, находящимся под прикрытием столь высокопоставленных представителей силовой олигархии, что они могут не опасаться нападков представителей других ее групп;

- компаниям, занимающимся нелегальными и потому не видимыми для государства, в том числе преступными видами коммерческой деятельности.

Остальные предприниматели находятся в тяжелом положении, которое весьма существенно усугубляется последовательно провоцируемой государством экспансией иностранного импорта (в первую очередь китайского) и чрезмерно жесткой финансовой политикой в стиле середины 90-х годов.

Значительная часть российских бизнесменов длительное время считала ухудшение ситуации из-за усиления административного давления временной и пыталась решить проблему за счет привлечения кредитов, в первую очередь иностранных. Сейчас же среди предпринимателей растет понимание того, что усиление административного давления при нынешней политической системе является постоянным — и, значит, вернуть привлеченные кредиты в значительной степени не удастся. Это означает неизбежную в среднесрочной перспективе потерю бизнеса, который, скорее всего, перейдет в собственность иностранных кредиторов или будет реализован ими для погашения долга.

При этом, насколько можно судить, активизируется деятельность «трофейных команд» ряда высокопоставленных российских чиновников, скупающих находящиеся в трудном положении предприятия для последующей перепродажи иностранцам либо, о чем приходится слышать чаще, для сохранения под контролем этих чиновников.

В среде российских бизнесменов растет ощущение того, что представители силовой олигархии сознательно душат и давят

несырьевой, в том числе средний региональный бизнес как потенциальный источник оппозиционности. Ведь предприятия, которых «слишком много», с трудом поддаются контролю просто в силу своей многочисленности, но сам факт затрудненности контроля воспринимается представителями правящей бюрократии как потенциальная угроза.

При этом сами они опираются на контролируемый ими нефтегазовый сектор и ряд крупных экспортеров другого стратегического сырья (небезосновательно считая, что для благополучной жизни и контроля за страной этого вполне достаточно) и с удовольствием привлекают иностранный капитал (в том числе вытесняя им «неудобный» российский), готовый ради доступа к ее ресурсам принимать любые правила политического поведения.

Отмена выборов губернаторов и переход к их слегка замаскированному назначению привели к резкому сокращению реальных полномочий губернаторов — и дело не только в лишении их возможности «в случае чего» опереться на избирателей. Среди непеременимых условий их назначения весьма часто, насколько можно судить, оказывается назначение конкретных представителей различных групп силовой олигархии на конкретные должности с передачей им в исключительное управление контроля за ключевыми и наиболее прибыльными сферами региональной экономики, которые выводятся таким образом из компетенции как самого губернатора, так и представителей региона в целом.

Для регионального бизнеса это, без всякого преувеличения, означает подлинную катастрофу, так как он оказывается всецело во власти представителей силовой олигархии и не может опереться на поддержку объективно заинтересованных в развитии региона (а значит, и в относительном благополучии регионального бизнеса) местных руководителей даже в исключительных случаях.

При этом лишаемые реальных полномочий региональные руководители, насколько можно понять, концентрируют усилия на собственном обогащении, результатом чего уже стало парадоксальное с точки зрения экономической теории разукрупнение бизнеса.

В ряде сырьевых отраслей, технологически допускающих существование небольших по объемам производств, за время с начала 2004 года произошло существенное сокращение числа как крупнейших компаний, работающих на федеральном уров-

не, так и компаний «второго уровня», причем большинство сохранивших свое положение предприятий испытывают достаточно серьезные трудности.

Это сокращение ни в коей мере не является следствием естественной рыночной концентрации, так как сопровождается существенным ростом числа мелких компаний, обслуживающих тот или иной регион и контролируемых тем или иным региональным начальником. Речь, напротив, идет о прекращении и даже решительном повороте вспять естественных интеграционных тенденций прошлых лет в результате своего рода «растаскивания» бизнеса по чиновничьим «крышам», памятного по первой половине 90-х годов и весьма существенно снижающего эффективность российской экономики в целом.

Однако для бизнесменов значительно более важным является драматическое ограничение возможностей ведения открытого, цивилизованного бизнеса, так как многие региональные рынки просто «закрываются»: зависимые от чиновников предприятия лишаются возможностей закупать что бы то ни было у независимых производителей.

В этих условиях у все большего числа предпринимателей возникает идея прекратить попытки вести самостоятельный бизнес и найти себе ту или иную «крышу», однако неписанные правила взаимодействия с ней по сравнению с ельцинскими временами изменились весьма существенно. Сегодня бизнесмен, ради сохранения бизнеса идущий под контроль той или иной группировки силовой олигархии, должен понимать, что дело не ограничится регулярной выплатой той или иной, хотя бы даже и постоянно увеличивающейся, суммы денег.

В том случае, если его бизнес будет сочтен достаточно привлекательным, он вынужден будет постепенно отдавать представителям силовой олигархии все больше и больше управленческих функций, пока, в конце концов, ему не придется отдать бизнес как таковой, превратившись в исключительно формального собственника, в лучшем случае работающего на собственном предприятии в качестве наемного директора с весьма сильно ограниченными правами принятия решений.

Таким образом, возможности ведения в России частного (не говоря уже о честном) бизнеса в последние годы стали весьма ограниченными и продолжают сокращаться. Бизнесмены чувствуют себя вымирающим социальным слоем, глубоко чуждым не только новым «хозяевам жизни», но и всему российскому обществу как таковому.

Естественной эмоциональной реакцией становится все большее распространение безысходности, постепенно превращающейся в доминирующее в предпринимательской среде настроение. Эта безысходность толкает бизнесменов в официальные (другие в сегодняшних политико-хозяйственных условиях попросту невозможны) объединения деловых кругов, однако они весьма быстро убеждаются в бутафорском характере одних организаций такого рода и в полном бессилии других.

Это объективно будет толкать и уже толкает их на поддержку оппозиционной деятельности как таковой и заставляет со все большим сочувствием и надеждой воспринимать неизбежный системный кризис, приближение которого они, наиболее тесно связанные с реальной повседневной экономической жизнью России, ощущают лучше всех других социальных слоев.

Весьма существенный вклад в эти настроения вносит и безбрежный цинизм российских руководителей, наиболее ярко проявляющийся в налоговой сфере.

НАЛОГОВЫЙ ТЕРРОР КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

«Остановите террор!»

В.И. Ульянов (Ленин),

сентябрь 1918, первые слова после покушения

Когда в апреле 2005 года в своем очередном ежегодном послании к Федеральному Собранию, зачитанном накануне очередной годовщины Чернобыля, президент Путин сравнил действия налоговых органов России с терроризмом, не связанные с повседневной хозяйственной деятельностью люди сочли его слова поэтической метафорой, а то и просто неуместным преувеличением. Чего, дескать, не ляпнет преуспевающий политик «ради красного словца»!

И лишь предприниматели, не по рассказам журналистов знакомые с налоговой практикой, видели, что президент Путин лучше многих осознает значение понятия «терроризм» и применяет его вполне осмысленно.

Кого назначат «недобросовестным» налогоплательщиком?

Есть вечная проблема налогового законодательства: что счи-

тать оптимизацией налогов, а что — уклонением от их уплаты. Дотошные немцы решают ее подробным прописыванием в законе всех запрещенных схем оптимизации налогообложения, причем спорные или сомнительные случаи прямо согласуются налогоплательщиком с налоговыми органами. Естественно, это чревато коррупцией, естественно, список запретов постепенно пополняется, но налогоплательщик всегда спокоен: он четко знает, что можно, что нельзя и с кем можно быстро и просто посоветоваться. Эти условия комфортны.

Менее скрупулезные народы применяют более простой, но тоже понятный и вполне логичный принцип, запрещая в качестве уклонения от налогообложения все операции, не имеющие другого экономического смысла, кроме уменьшения уплачиваемой суммы налогов. Налогоплательщику приходится сложнее, так как свою правоту приходится доказывать и обосновывать, однако это возможно и потому также не мешает течению хозяйственной жизни.

И лишь в путинской России существуют удивительные по своему характеру и юридически не определенные, но тем не менее действующие и определяющие судьбы людей понятия «недобросовестный налогоплательщик»; «полузаконная схема» (допустимая для «крышуемого» чиновниками бизнеса и недопустимая — для «прессуемого» ими) и даже «агрессивное исполнение налогового законодательства». Лишь в нашей стране вы можете быть признаны виновным и даже посажены в тюрьму не за нарушение, а за исполнение действующего налогового законодательства, — просто если вы кому-то не понравитесь или, как откровенно выразился специализирующийся на «сливах компромата» депутат от «партии власти» Хинштейн, «если Кремлю понадобится вас посадить» (ТВЦ, передача «Версты» от 7 ноября 2005 года).

История вопроса проста: в октябре 1998 года Конституционный суд установил, что фактом уплаты налога считается снятие средств со счета налогоплательщика. Это решение спасло от разорения огромное число честных бизнесменов, деньги которых в результате дефолта «зависли» в рухнувших банках, но вместе с тем помогло мошенничествам, связанным с уплатой налогов через заведомо «мертвые» банки и применением разнообразных вексельных схем.

По жалобе Министерства по налогам и сборам Конституционный суд вновь рассмотрел проблему и в июле 2001 года, когда ее острота уже давным-давно спала, вместо напрашивав-

шегося уточнения собственного решения определил, что оно относится только к «добросовестным» налогоплательщикам. Поскольку внятной трактовки понятий «добросовестный» и «недобросовестный» не дано и по сей день, а решение Конституционного суда вопреки прямому требованию закона не оформлено уточняющим и раскрывающим его законом, налоговые органы и арбитражные суды трактуют понятие «недобросовестного налогоплательщика» в каждом отдельном случае по своему собственному усмотрению. Естественно, это оборачивается произволом и, вероятно, коррупцией как в судах, так и в налоговых инспекциях.

Весьма существенно, что налоговые органы начинают все более активно использовать свое право признавать через суд ничтожной (с изъятием не только недоплаченных налогов, но и всех доходов) любую сделку, совершенную вопреки понятиям основ правового порядка и нравственности. Так как стремление к снижению налогообложения зачастую трактуется судами как нарушение этих понятий, попытка реализовать прямо предоставляемое законом право по снижению налогообложения может привести налогоплательщика к признанию его «недобросовестным» и к фактическому уничтожению.

Налоговая проверка как инструмент уничтожения бизнеса

Несмотря на все мольбы бизнесменов и всю «заинтересованность», с издевательской убедительностью демонстрируемую представителями государства, налоговые проверки остаются в руках рэкетиров и вымогателей (в том числе действующих и от имени государства) «абсолютным оружием» против частного (то есть еще не захваченного силовой олигархией или другими отрогками правящей бюрократии) бизнеса.

Относительной регламентации подверглись лишь выездные проверки. «Камеральные» же, связанные с рассмотрением налоговиками документов налогоплательщика на своих рабочих местах (то есть на порядок более комфортные для сотрудников налоговых органов), проводятся и оформляются так, как пожелает конкретный чиновник.

Он имеет право истребовать сколь угодно значительный объем не только любых дополнительных сведений, но и любых объяснений, в том числе нотариально заверенных. Стандартный срок, даваемый на их изготовление и доставку, — 5 рабочих дней, — означает, при должном объеме, гарантированный паралич проверяемой организации. При этом один и тот же доку-

мент может запрашиваться несколько раз подряд, а штраф взимается за каждый непредоставленный (в том числе предоставленный с опозданием) документ отдельно.

Несмотря на бесчисленные разговоры на эту тему, до сих пор не существует никакой нормы документального оформления итогов камеральной проверки; зачастую они не оформляются вообще. Соответственно, не существует никаких механизмов рассмотрения возражений налогоплательщика и защиты его интересов.

С выездными проверками ситуация лишь немногим лучше. Да, формально они могут продолжаться не более двух, в крайнем случае трех месяцев. Однако в этот срок включается лишь время фактического нахождения проверяющих на территории налогоплательщика. В результате, как и в случае уголовных дел, широкое распространение получила практика «приостановки» проведения проверок, растягивающих время их проведения вдвое, а то и больше, то есть до 4–6 месяцев. Если вспомнить, что выездная проверка может проводиться дважды в год (а в организации с филиалами она без всяких затягиваний может продолжаться до 5 месяцев), получается, что ограничения носят откровенно фиктивный характер, и налоговики, как и раньше, могут развлекаться со своей жертвой, вся вина которой состоит в факте ведения легальной хозяйственной деятельности, круглый год — или столько лет подряд, сколько им захочется.

Но это еще не все: существует практика проведения «выборочных» проверок по факту уплаты отдельных налогов. То есть, проверив уплату налога с прибыли, налоговики могут тут же затребовать те же самые первичные документы и тщательно изучать уплату НДС. Или еще раз изучить уплату налога прибыли — но уже с точки зрения иного «вопроса»: например, не выручки предприятия, а его затрат. И так пока не надоест, или не договорятся, или парализованное проверкой предприятие не погибнет.

И даже когда все вроде бы заканчивается, налоговые структуры имеют возможность выставлять сроки уплаты доначисленных налогов в заведомо нереальные сроки, менее 5 рабочих дней (не говоря уже о том, что внезапные требования одномоментной уплаты значительных сумм могут уничтожить даже вполне благополучные предприятия).

При этом налоговые проверки стали дубинкой при решении неналоговых вопросов — от тривиального захвата собствен-

ности, дезорганизации деятельности неугодной «Открытой России» до обложения церковных обедов, даваемых российским нищим иностранными проповедниками (после известного возмущения Путина иностранным финансированием общественной деятельности в России), подоходным налогом!

Президентская новация: «досудебное» списание штрафов

В середине октября 2005 года Госдума в ударном порядке проштамповала «президентский» законопроект, позволяющий налоговым органам «в досудебном порядке» списывать со счетов индивидуальных предпринимателей до 5 тыс. руб., а организаций до 50 тыс. руб.

При этом, несмотря на многочисленные обещания, щедро раздававшиеся депутатами «Единой России» еще летом, проштампованный Госдумой и подписанный президентом закон никак не ограничивает интенсивность списания указанных сумм, так что при желании деньги налогоплательщиков можно списывать в доход соответствующего бюджета (особенно в бедных регионах, действительно испытывающих проблемы со средствами) со скоростью хоть 50 тыс. руб. в минуту.

Конечно, налогоплательщик имеет право по каждому из этих случаев — хоть каждую минуту — обращаться в суд и пытаться отстаивать там свои права. «Замучаетесь пыль глотать», — как отметил когда-то Путин, хотя и по другому поводу. На собственно работу времени, конечно, уже не останется, но кого это может волновать в стране, захваченной и пожираемой силовой олигархией?

Неисполнение обещаний является в данном случае не просто «фирменным клеймом» партии правящей бюрократии, но, прежде всего, весьма существенным индикатором. В самом деле: закон разрабатывался и вносился администрацией президента и, если бы у хозяев штампующих законы «телепузиков»¹ было бы желание исправить его недостатки, они это сделали бы своевременно: наиболее кричащие недостатки были им сообщены многократно.

А если нет желания, значит, недостатки и не будут исправлены.

Весьма существенно, что бремя отстаивания своей позиции, а это значительные усилия, потеря времени и, в конечном счете, денег, увеличивающая издержки всей национальной эконо-

¹ По меткому выражению Д. Рогозина.

мики, в данном случае целиком и полностью переключается на налогоплательщика. Презумпция невиновности практически отменяется, а представители правящей бюрократии меланхолично отмечают, что в Налоговом кодексе и нет «прямых слов о презумпции невиновности».

Справедливости ради надо отметить, что этот порядок, по данным правительственных источников, введен под давлением отнюдь не налоговиков, а представителей Высшего арбитражного суда, которым просто надоело разбирать в арбитражных судах все «копеечные» штрафы, накладываемые налоговиками. Таковы судьи, выдрессированные судебной реформой (с которой, в силу ее исключительной административной значимости, и начал свои политические преобразования Путин): вместо того, чтобы способствовать нормализации работы налоговых инспекций, они предоставили им полную свободу произвола — в полном соответствии с реформаторским пониманием либерализма!

Правда, и судей можно понять: высококвалифицированный профессионал, готовый честно работать за мизерную зарплату в условиях постоянной реструктуризации и административной перетряски налоговых органов, а то и под угрозой насилия со стороны преступных элементов, в требуемом масштабе существует лишь в воспаленном воображении профессиональных реформаделателей. На практике комплект составляет около 30% штатов налоговых инспекций, в которые в ряде регионов принимают практически всех — даже людей с уголовным прошлым или заведомо безграмотных. Сокращение численности налоговых инспекций во многих местах уже превратило даже сам акт простой подачи документов в крайне сложную процедуру, связанную с длительными и достаточно затратными для них поездками. Понятно, что намеченное на 2006 год увеличение штатов налоговых органов с нынешних 166 до 180,5 тыс. чел. (по оценкам, за счет 4,5 тыс. внутренних контролеров и 10 тыс. членов подразделений силовой поддержки) вряд ли приведет к существенному уменьшению некомплекта.

По мнению представителя Минфина, введенный в действие закон носит выраженный промежуточный характер и в течение одного-двух лет неминуемо станет «более последовательным». Либо президент признает свою ошибку и вернет налогоплательщикам презумпцию невиновности, либо «довеет дело до конца» и распространит порядок досудебного списания штрафов не только на все суммы без ограничения (действительно, неяс-

но, в чем принципиальное отличие 51 и 49 тыс. руб.?), но и на население России.

Последствия этого для повседневной жизни могут быть просто любыми. Так что, если после «обеспечения последовательности налогового законодательства» (если оно, конечно, действительно произойдет, хотя, как показывает опыт, никакое предположение относительно мотиваций и интеллекта нашего руководства не является слишком плохим) к вам в квартиру зайдут, сломав двери, симпатичные люди с автоматами и начнут описывать ваше имущество, не спешите проклинать Чубайса: возможно, кто-то из ваших работодателей не перечислил в бюджет ваш подоходный налог, а время для подачи заявления в суд вы, не имея возможности узнать о факте вынесенного в ваш адрес решения налоговой инспекции, упустили.

Профессиональные лоббисты администрации президента утверждают, что новый порядок никак не ухудшит реального положения налогоплательщика. Это верно лишь в одном случае: если исходить из того, что его уже просто нельзя ухудшить. Недаром налоговики произносят слово «недоимка» с ударением на втором слоге, а не на третьем, — по наблюдению известного адвоката С. Пепеляева, не от слова «иметь», а от слова «доить».

Налоговый террор — ключевой инструмент сознательной коррупции

Налоговая реформа в целом, за исключением отдельных омерзительных моментов (в частности, Единого социального налога, регрессивный характер которого превращает саму честность в исключительную привилегию богатой части общества), направлена на снижение налогового давления.

Почему-то принято считать, что целью этого является увеличение средств, находящихся в руках бизнесменов, для стимулирования экономического роста, — однако смехотворность этой замшелой либеральной пропаганды в государстве победившей и безнаказанно резвящейся силовой олигархии бросается в глаза.

На практике снижение официального налогового бремени сопровождается неуклонным и весьма последовательным ужесточением налогового администрирования, причем при резком усилении в этой сфере (в первую очередь в части увеличения числа возбуждаемых уголовных дел) активности МВД, гарантированно не разбирающегося в налоговых вопросах. Забавно:

по большинству налогов уровень собираемости, по официальным данным Минфина, существенно превышает 90, а то и 95%. В этой ситуации общее, а не точечное ужесточение налогового администрирования даже теоретически направлено уже не на рост собираемости налогов, а на уничтожение самих налогоплательщиков.

Поставленные в невыносимые условия существования, налогоплательщики просто вынуждены направлять оставляемые им при помощи снижения официального налогового бремени средства (и даже сверх них) на выкуп своего права на существование у государственных структур, то есть на взятку.

Насколько можно понять, налоговое бремя снижается и, соответственно, средства остаются в руках бизнеса не столько для развития производства, сколько для высвобождения из бюджета средств, которые при помощи вымогательства можно будет переложить в карманы правящей бюрократии. Бизнес выполняет всего лишь роль посредника, при помощи которого правящая бюрократия коррупционно присваивает потенциально бюджетные средства, предназначенные на нужды общества. Налоговый же террор, как, впрочем, и всякий террор, является не более чем инструментом решения конкретной — в данном случае коррупционной — задачи.

Конечно, попутно решаются и политические задачи. Недаром в 2004 году на Лондонском инвестиционном (!) форуме «лучший министр финансов» Кудрин немало повеселил журналистов, публично сознавшись (правда, в свойственной путинским бюрократам агрессивной-угрожающей манере), что налоговые претензии к «ЮКОСу» были вызваны финансированием последним «не тех» политических партий.

Однако главная задача налогового террора, как представляется, носит все же экономический и, более того, коммерческий характер. Впрочем, являясь ключевым инструментом системной и сознательной коррупции, налоговый террор в современных российских условиях неизбежно является тем самым и ключевым инструментом всей государственной политики.

Наиболее ярко свидетельствует об этом известное высказывание Путина в последнем ежегодном послании Федеральному Собранию, с которого был начат этот раздел.

Не оппозиционный комментатор, а президент, с великим тщанием и чудовищными издержками выстроивший-таки «вертикаль власти», угрожающе стоящую на все живое в России, публично, обращаясь к своей собственной бюрократии, сравнил де-

тельность налоговых органов с террористической деятельностью.

Прошло более полугода — и что же? Ничего не изменилось, а президент, предостерегавший от налогового терроризма, своими руками драматически усугубил его, лично предоставив налоговикам качественно новые и не имеющие никакого оправдания с точки зрения здравого смысла возможности.

Вопреки распространяющимся в обществе представлениям, президент России не глуп и не ленив, поэтому вряд ли это произошло от простого непонимания ситуации или по халатности. Скорее, причина другая: для руководителей нашей страны терроризм плох лишь тогда, когда он направлен против них самих. Если же он, напротив, направляется ими и является, таким образом, хотя и неформальным, но удобным и приятным инструментом управления страной, — тогда, вероятно, в нем нет ничего неприемлемого для них, ничего противоестественного!

Возможно, президент Путин сравнивал действия налоговых органов с террором отнюдь не для того, чтобы призвать их к порядку, но чтобы еще более запугать всех, до кого налоговики пока еще по каким бы то ни было причинам не дотянулись, заранее лишив их воли к сопротивлению и к отстаиванию своих прав.

Что же — возможно, это ему удалось.

Прелесть нашего президента — в его искренности и откровенности, которая позволяет улавливать дух его политики и реагировать на его новации заранее и с достаточной эффективностью, даже не зная их содержания.

В полной мере это относится и к бизнесу.

КЛЮЧ К ВЛАСТИ — УМНЫЕ ДЕНЬГИ.

Бизнес выражает свое отношение к существующему режиму прежде всего простейшим и наиболее естественным для него образом: финансированием. Естественно, это финансирование осуществляется в скрытой форме — ведь официальное финансирование оппозиции (без соответствующего разрешения администрации президента) для бизнесмена в современной России, насколько можно понять, в самом лучшем случае есть форма коммерческого самоубийства. Понятно, что скрытое финансирование, во-первых, ограничено по размерам и, как правило, эпизодично и, во-вторых, может осуществляться лишь по отношению к людям, которым бизнесмен доверяет и кото-

рые гарантированно не сообщат о факте этого финансирования представителям силовой олигархии.

Это весьма существенно ограничивает как потенциальные возможности, так и политическую эффективность такого финансирования, однако сам факт его существования и даже увеличения безусловен, несмотря на усиление административного давления.

При этом представители российского бизнеса, все в большей степени осознавая общность интересов различных групп оппозиции в рамках противодействия силовой олигархии, проявляют все большую толерантность и готовность поддерживать даже лично несимпатичных им людей, исповедующих далеко не полностью приемлемые для них политические взгляды.

Парализующее оппозицию политическое сектантство 90-х годов (как либеральное, так и коммуно-патриотическое), несмотря на титанические усилия официальных политтехнологов, стремящихся максимально раздробить оппозицию, постепенно уходит в прошлое. Бизнесмены, в силу рода своих занятий значительно более прагматичные, чем представители других профессий, все в большей степени склонны ориентироваться не столько на совпадение своих взглядов со взглядами тех или иных оппозиционных политиков, сколько на эффективность последних в деле реализации общих интересов.

Это объективно делает бизнес не только коллективным финансистом и мотором, но действенным объединителем оппозиции в единый фронт, противостоящий силовой олигархии. Действительно: финансируя различные группы, он неминуемо будет оказывать достаточно существенное влияние на характер и направленность их деятельности и, безусловно, сможет существенно повысить сплоченность оппозиции и согласованность ее действий.

Помимо объединения различных идеологических течений, искусный в применении современных пиар-технологий бизнес неминуемо решит задачу интеграции различных политических технологий. В частности, наиболее вероятно ожидать, что он привнесет в традиционные формы протеста качественно новые приемы, ранее применявшиеся лишь в коммерческих войнах.

По всей видимости, прежде всего речь может пойти об изменении самого целеполагания оперативной политической деятельности. В частности, в «конфликтах хозяйствующих субъектов» традиционно значительное место отводится дезорганиза-

ции повседневной деятельности представителей противника, принимающих ключевые решения, вплоть до введения их в шок-овое состояние. Как говорил один из героев Юлии Латыниной, «я хочу, чтобы он плохо спал!».

Как ни парадоксально, в российской политической борьбе, при всей ее жестокости и расточительности, подобные подходы, несмотря на их очевидную эффективность, реализуются скорее эпизодически (стоит вспомнить, в частности, кампанию Доренко против Е. М. Примакова перед парламентскими выборами 1999 года). Представляется, что расширение поддержки российской оппозиции со стороны делового сообщества постепенно исправит этот односторонний гуманизм. Это придаст российской политической борьбе новый динамизм и во многом обесценит абсолютное преимущество представителей правящей бюрократии, вызванное полной свободой применения пресловутого «административного ресурса» и силового давления.

Эффективное с технологической точки зрения растормаживание общественного сознания и объединение усилий разнородных творческих людей, профессионально действующих в различных сферах, российский бизнес, скорее всего, дополнит и решительным повышением эффективности внутреннего управления оппозиционных структур.

До сего дня «политический менеджмент» в России остается синонимом саморазрушительного хаоса, густо замешанного на тотальном и при этом беспорядочном воровстве и способного в итоге привести к краху практически любое, самое многообещающее начинание. К глубочайшему сожалению, в современной российской политике выросло и обрело немалый (а в значительных слоях общества и абсолютный) авторитет целое поколение людей, искренне полагающих квинтэссенцией политического процесса «распил бабок». Масштабы и откровенный характер воровства в избирательных кампаниях (причем на всех уровнях — от приглашаемых специалистов-«разводил» до, как это ни парадоксально, самих кандидатов) потрясают даже самых закаленных свидетелей ваучерной приватизации и залоговых аукционов.

Частный российский бизнес практически вылечил эту болезнь. (Принципиально важно, что это касается именно частного бизнеса: в явно и скрыто огосударствленном секторе она, насколько можно понять, возрождена правящей бюрократией в полной мере.)

Финансируя оппозицию неофициальными, а потому по оп-

ределению не слишком большими деньгами, российский бизнес будет вынужден всерьез озаботиться вопросом наиболее эффективного их использования, что повлечет за собой создание жесткого финансового контроля внутри различных групп оппозиции. Этот контроль по целому ряду вполне объективных причин не будет идеальным, однако даже в несовершенном виде он существенно оздоровит российскую оппозицию и через нее — и всю политическую жизнь страны. Конечно, процесс его внедрения будет постепенным, противоречивым и исключительно болезненным для целого ряда даже значимых сегодня деятелей, однако в целом он представляется объективно обусловленным и потому неизбежным.

Таким образом, предприниматели, уничтожаемые силовой олигархией по принципу «а если так называемый бизнес попробует вякнуть, мы его раздавим, сожрем и кости продадим иностранцам», не просто активизируют и поддержат российскую политическую оппозицию. Принципиальная значимость политической активности российского бизнеса заключается в качественном, решительном повышении эффективности оппозиционной деятельности по целому ряду направлений — от обогащения новыми технологиями (да и менеджерами, хотя это явление по понятным причинам не сможет стать массовым) до повышения сплоченности и обеспечения действенного финансового контроля.

ГЛАВА 2

«СРЕДНИЙ КЛАСС»: ПОТРЕБИТЕЛЮ НУЖНА БЫТОВАЯ СВОБОДА

ОТ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ К «СРЕДНЕМУ КЛАССУ»

Несмотря на то что понятие «интеллигент» является с социологической точки зрения исключительно молодым (слово это, как известно, придумал Чехов), соответствующий социальный слой полностью сложился еще в последней трети позапрошлого, XIX века и стал одним из конституирующих элементов не только российского общества, но и самой российской цивилизации в ее традиционном понимании.

Традиционная российская интеллигенция представляла собой весьма широкий слой людей, сочетавших высокий уровень образования с исключительно высоким по нынешним меркам уровнем внутренней культуры и, опять-таки исключительно высокими по нынешним меркам, моральными качествами. Она действительно, без всяких преувеличений, была той самой «больной совестью нации», в качестве которой ее воспринимали российские, а затем и советские мыслители.

В годы Советской власти, в том числе в периоды осуществления широкомасштабных репрессий и особенно во время безысходного «застоя», ряды этой интеллигенции были беспощадно прорежены, самовоспроизводство ее сократилось, а ее, если можно так выразиться, «качество» драматически снизилось. Именно при Советской власти (отчасти в результате естественного обесценения ценности высшего образования, особенно технического, по мере его распространения в ходе индустриализации) слово «интеллигент» стало простым синонимом выпускника вуза и даже студента. В качестве же интеллигенции стали восприниматься кичащиеся поверхностными знаниями, образованием и социальным статусом (часто заведомо преувеличивавшимся) люди, которых Солженицын звал «образован-

щиной», а современники едко характеризовали как «интеллектуальцев».

Тем не менее интеллигенция в своем первичном, еще дореволюционном смысле слова сохранялась и по-прежнему имела значительное не только моральное, но даже и общественно-политическое значение (классическим его выражением следует признать излюбленную историками правозащитного движения фразу обычного рабочего о том, что «Сахаров не допустит» подорожания водки).

Весьма существенно, что, несмотря на все это, роль российской интеллигенции в истории нашей страны отнюдь не однозначно позитивна и как минимум противоречива.

Доминирование узко понимаемых моральных ценностей над практическими весьма часто, хотя и парадоксально, способствовало общей аморальности позиции, занимаемой интеллигенцией. В частности, почти автоматически поддерживая меньшинство против большинства и «справедливый демократический» Запад против «несправедливого тоталитарного Советского Союза», она по ряду вопросов систематически занимала объективно разрушительную, в буквальном смысле слова антиобщественную позицию.

В конце концов, именно она была носителем специфически русской культуры, требующей от образованных людей обязательной если не враждебности, то хотя бы противостояния с государством и рассматривающих почти всякое сотрудничество с собственным государством как не имеющую оправдания низость и предательство общественных интересов. Именно интеллигенция, при всех своих позитивных чертах, была тем специфическим элементом русского, а затем и советского общества, который последовательно, осознанно и изобретательно вбивал клин между населением и государством. Закономерным следствием этого процесса становилось не только существенное ослабление страны в целом и подрыв ее позиций в международной конкуренции, но и драматическое ограничение возможностей оздоровления, повышения адекватности и эффективности самого государства.

Благодаря этой своей особенности исключительно щепетильная в моральных вопросах русская и советская интеллигенция сыграла в истории нашей страны чудовищно разрушительную роль, став вдохновителем и одной из ключевых движущих сил обеих чудовищных катастроф, дважды переломивших наше общество в XX веке и дважды же поста-

*Руководство страны — тоже ведь интеллигентны!
и в Академии наук 60 стора тоже не все
в духе по правилам и этик!*

вивших под вопрос само его существование: Великой Октябрьской социалистической революции и демократической революции конца 1980-х — начала 1990-х годов.

Радикальная реформа начала 90-х годов прошлого века, разрушив все основы жизни советского общества и разорвав основную массу человеческих связей, уничтожила не только советский «средний класс» — инженерно-технических работников, но и российскую интеллигенцию в традиционном понимании этого термина. В условиях, когда готовность к применению насилия стала категорическим условием не только социального успеха, но и собственной безопасности, а участие в воровстве или по крайней мере терпимое отношение к нему — сохранения минимального достатка, носители интеллигентских традиций либо эмигрировали, либо деклассировались, либо превращались в не имеющие какого бы то ни было влияния, вызывающие лишь жалость или омерзение «низы общества», либо решительно рвали со своими моральными принципами и, действуя по общим правилам, становились бандитами, бизнесменами и специалистами, часто преуспевающими, но прекращающими при этом быть интеллигенцией.

Российская интеллигенция как социально и политически значимая часть общества погибла в агонии беспощадных рыночных реформ, причем, по-видимому, безвозвратно, дав начало российскому «среднему классу» — последовательному и целеустремленному мещанину и обывателю, с высокой добросовестностью, целеустремленностью и безжалостностью стремящемуся исключительно к личному благополучию. Весьма существенно, что этот мещанин и обыватель искренне считает общественное благо либо абстракцией, не имеющей отношения к реальной жизни, либо и вовсе исключительно пропагандистским понятием, придуманным исключительно для того, чтобы его обмануть и ограбить.

Поразительно, но при постоянном и широкомасштабном применении, при глубокой укорененности в повседневной жизни и литературе термин «средний класс» до сих пор не имеет общепотребительного определения. Каждый вкладывает в этот термин свой собственный, отличный от других смысл.

Традиционно понятие «средний класс» связывается с определенным уровнем дохода и моделью потребления, при которой люди, отложив определенную сумму «на черный день», направляют остальные доходы на увеличение относительно качественного текущего потребления. При этом существенным

приговор !!

не надо забывать

является стремление к максимальному увеличению масштабов потребления и максимально полному использованию возможностей, предоставляемых рыночной инфраструктурой (потребительское и ипотечное кредитование, страхование, пенсионные фонды), даже если эти возможности относительно дороги.

Таков наиболее практичный и, вероятно, именно оттого наиболее распространенный маркетинговый подход. Его крайней формой являются довольно настойчиво осуществляемые в рамках разного рода рекламных кампаний (в том числе и якобы исследовательских) попытки навязать «среднему классу» не просто конкретную модель, но и конкретные объекты потребления. (Например, при помощи ненавязчивого, но массового разъяснения, что подлинные, «настоящие» представители «среднего класса» пользуются мобильными телефонами определенных марок, одеваются в магазинах определенных сетей, покупают машины определенных моделей и так далее.)

Однако с наиболее полной, социологической точки зрения «средний класс» определяется не столько по типу потребления, сколько по определенной системе жизненных ценностей (хотя последняя действительно предопределяет строго определенный тип потребления, этот тип может сложиться и на основе совершенно иных ценностей, не принадлежащих и даже глубоко чуждых «среднему классу»). Именно эта система ценностей, наиболее близкая упоминаемому в хорошем смысле понятию «обыватель» или «мещанин», и представляется главным критерием отнесения того или иного человека (а точнее, той или иной семьи) к категории «среднего класса».

В силу особенностей жизненного пути, пройденного большинством представителей «среднего класса» в последние 15 лет, их нет смысла критиковать за значительный цинизм и эгоизм. Это их практически неотъемлемые черты, благодаря которым они и выжили в горниле реформ и накопили некоторый достаток.

Но, как ни парадоксально, этот циничный и эгоистичный «средний класс» во многом унаследовал от категорически отрицаемой им российской интеллигенции ее исключительно важную общественно-политическую и, хотя, конечно, и в значительно меньшей степени, культурную функцию.

Именно благодаря этой функции российскую, а затем и советскую интеллигенцию, как минимум искренне не понимая, а зачастую и открыто ненавидя, тем не менее настойчиво старались задобрить и перетянуть на свою сторону все относительно разумные и успешные руководители нашей страны.

Данная общественная функция заключалась в том, что именно российская интеллигенция, при всех своих безусловных и не поддающихся никакой защите недостатках, определяла то, что, о чем и как думает основная часть остального населения нашей страны. Именно интеллигенция, как правило, бессознательно, создавала доминирующее настроение общества и тем самым невольно, но весьма жестко и однозначно направляла его развитие в ту или иную сторону.

Пройдя через горнило беспощадной и не признававшей каких бы то ни было правил борьбы за выживание и в основном утратив позитивные моральные качества интеллигенции, современный «средний класс» благодаря этому утратил и ее моральный авторитет. Справедливо чувствуя себя глубоко отчужденным от глубоко презираемого им народа своей собственной страны, он, казалось бы, не имел никаких шансов сохранить свое влияние на его мысли и чувства.

Однако тут на помощь ему парадоксальным образом пришла создавшая его на кладбище российской и советской интеллигенции рыночная стихия.

ПАРАДОКС РЕКЛАМЫ: НОВЫЙ «ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМ»

Ведь «средний класс» сочетает в себе наличие довольно существенных денежных средств с готовностью расстаться с ними, выражающейся в жажде «качественного» потребления и восхитительной для продавца потребительской неискушенности. Последнее вызвано тем, что у его представителей, основная часть энергии которых уходит непосредственно на зарабатывание денег, как правило, просто не хватает сил на изучение вопроса о том, стоит ли покупать ту или иную вещь и каким образом это лучше сделать.

В результате «средний класс» является без всякого преувеличения идеальным объектом для «продвижения товара» и разного рода рекламных усилий. Именно его представителям по телевизору каждый день объясняют (и более чем успешно!) преимущества товаров массового потребления тех или иных марок перед всеми прочими, в большинстве случаев практически никак (за исключением меньшей цены, в которую не включаются затраты на массивированную рекламу) не отличающимися от рекламируемых по своим потребительским качествам.

Будучи в силу своего объективного положения главным по-

купателем на рынке всех сколь-нибудь массовых товаров, которые имеет смысл рекламировать (а товары для бедных, составляющих, по социологическим исследованиям, не менее 85% населения страны, рекламировать в большинстве случаев бессмысленно, так как масштабная реклама просто не окупится), «средний класс» становится естественным средоточием, ключевым объектом основной части рекламных усилий.

Это значит, что вся реклама, как явная, так и скрытая, в силу вполне объективных причин приспособливается к его особенностям, вкусам, привычкам и взглядам.

А ведь реклама (по крайней мере, ее преобладающая часть) никак не структурируется в зависимости от достатка той или иной группы населения! Каждый из нас, не раз и не два столбевавшийся перед призывом купить автомобиль за 60 тыс. евро или земельные участки за полмиллиона долларов, «пока они не кончились», помнит это по своему собственному опыту.

В результате реклама, нацеленная исключительно на «средний класс», неукротимым водопадом льется на все население страны без исключения — укрыться от нее практически невозможно. Хотят того ее создатели или нет, данная реклама действительно и энергично формирует сознание всего народа, включая его наиболее и наименее обеспеченные части. Принципиально значимым является то, что это коллективное сознание механически, слепо и бездумно, а часто и насильственно приводится в соответствие сознанию главного адресата рекламы, главного массового покупателя страны — «среднего класса».

Его мнения, вкусы и привычки становятся категорическим императивом для остальных граждан уже не в силу его исключительного морального или профессионального авторитета (каким в царской России обладали врачи, учителя и инженеры, а в Советском Союзе — «секретные физики»), а благодаря концентрированным усилиям всей огромной пропагандистской машины коммерческой рекламы. Именно в силу своего коммерческого, а значит, объективизированного и постоянного характера эта реклама в среднесрочной перспективе на порядок сильнее практически любой политической рекламы, в том числе и государственной пропаганды.

Таким образом, коммерческая реклама стихийно, помимо чьего бы то ни было желания ставит современный «средний класс» на тот самый пьедестал «властителя дум» и чувств страны; на котором издавна с комфортом располагалась интеллигенция. (Забавно, что ее незначительные и в целом утратившие

Сюррис!

свой общественный авторитет остатки все еще претендуют на сохранение своего положения. Однако эти потуги вызывают такую же жалость, как и рабское участие многих действительно великих актеров, певцов или даже ученых прошлого в избирательных кампаниях мелких, а по сравнению с этими деятелями культуры и науки и вовсе ничтожных политических деятелей современности.)

И то, что «средний класс» по своим внутренним характеристикам совершенно не приспособлен для выполнения указанной (надо сказать, не просто ответственной, но и исключительно трудной) общественной функции, не волнует практически никого, строго говоря, точно так же, как почти никого и никогда не волновала всерьез аналогичная непригодность к этому и российской интеллигенции. История продолжает по-прежнему относиться к членам общества, не вполне соответствующим ее ожиданиям и объективным потребностям, по спокойному и вполне доказавшему свою эффективность армейскому принципу «Не можешь — научим, не хочешь — заставим».

Приближение системы ценностей и потребностей российского общества к системе ценностей и потребностей «среднего класса», насильственно, но тем не менее весьма эффективно и надежно осуществляемое массовой коммерческой рекламой, делает критически значимыми с политической точки зрения практически все особенности поведения этого «среднего класса» (включая не только ценности и мнения, но и настроения и даже привычки).

При этом он, при всех своих недостатках, имеет три существенных преимущества перед памятной нам всем интеллигенцией.

Прежде всего, в силу относительной многочисленности, дисперсности и преобладающей независимости от государства «среднего класса» его практически невозможно купить: такого количества денег, да еще для относительно обеспеченных и благополучных людей государство не сможет аккумулировать даже при мировой цене нефти в 600, а не 60 долларов за баррель.

Во-вторых, в силу выкристаллизовавшейся в ходе жесточайшего естественного отбора самостоятельности и ежеминутной внутренней спокойной готовности к катастрофе, делающей российский «средний класс» достойным наследником советского народа (а также благодаря все той же относительной многочисленности), его весьма проблематично запугать. Он слишком много видел, слишком много помнит, через слишком многое прошел и слишком ко многому готов.

И наконец, в силу естественной для всякого мещанина привычки доверять только собственному здравому смыслу, собственному желудку и собственному карману (усугубленной многочисленными обманами и крахом всех слишком доверчивых людей), современный российский «средний класс» крайне сложно запутать в вопросах, представляющих для него действительно насущный интерес. У него есть весьма ограниченное число устойчивых абстрактных представлений, ценностей и мотиваций, но существенно изменить их, как представляется, не по силам никакой, даже самой изощренной и совмещенной с силовыми акциями или террористическими актами пропаганде.

КОМФОРТНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НЕСОВМЕСТИМО С СИЛОВОЙ ОЛИГАРХИЕЙ

«Свободные люди великой страны».

Слоган рекламы «Мегафона»,
оператора сотовой связи

Современный «средний класс» России нуждается, по большому счету, только в одном: в гарантированном комфортабельном потреблении. Естественно, в это понятие входит не только количественный уровень, но и качество жизни — включая повседневную безопасность, охрану здоровья, наличие приемлемого образования, экологию, возможность отдыхать и удовлетворять минимальные (по сравнению с интеллигенцией) культурные запросы. Существенной потребностью является и пресловутая «уверенность в завтрашнем дне» — общественно признаваемая гарантия отсутствия существенных ухудшений условий потребления в ближайшем будущем.

Поразительно, что, несмотря на фантастически благоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру, правящая бюрократия не может удовлетворить ни одну из этих потребностей, кроме относительно высокого (и то лишь для некоторой части «среднего класса») уровня текущего количественного потребления (к которому, в общем, привыкли за последние годы и начали воспринимать его как нечто само собой разумеющееся). При этом силовая олигархия систематически создает все новые непосредственные угрозы «среднему классу», которые тот очень хорошо воспринимает.

Очень интересно читать статью!
Спасибо автору!

Ситуация усугубляется еще и тем, что представители «среднего класса» прекрасно сознают, что отсутствие нужных им гарантий будущего и качества жизни, не говоря уже о появлении и усилении все новых угроз, наблюдается на крайне благоприятном экономическом фоне и, соответственно, не имеет никаких объективных причин и обоснованных оправданий.

Прежде всего их недовольство вызывает наглое и откровенное неисполнение государством своих прямых обязанностей, ведущее к систематическому ухудшению положения в целом ряде жизненно важных сфер, непосредственно касающихся либо представителей «среднего класса», либо их близких. Это в первую очередь жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, образование, положение пенсионеров, агрессивное поведение государственной бюрократии, всякое взаимодействие с которой (даже при получении самой пустяковой справки) превращается в долговременную, связанную с колоссальными унижениями, а зачастую и не поддающуюся никакому решению проблему, разрушающую нервную систему и психическое здоровье.

Раздражение заведомо безнаказанной безответственностью представителей правящей бюрократии многократно усугубляется во многом сознательным разрушением повседневной среды обитания людей, осуществляемом в ходе «второго витка либеральных реформ». Это разрушение парадоксальным образом ведет к тому, что даже при довольно высоких доходах реальное качество жизни значительной части «среднего класса» остается весьма низким.

Даже люди, последовательно разделяющие либеральные ценности, испытывают справедливое негодование при виде последовательно античеловеческой деятельности правящей бюрократии, осуществляемой под формальным прикрытием этих ценностей и с постоянными апелляциями к ним. Дополнительное негодование у честной части либералов (большинство которых принадлежит как раз к «среднему классу») вызывает тот факт, что подобные действия государства естественным образом дискредитируют в глазах российского общества как сами либеральные ценности, так и их носителей — всех без исключения.

С начала 2001 года представители правящей бюрократии возлагают растущие надежды на так называемую «консьюмеризацию» российского общества — все более поглощающую людей тягу к потреблению. Особенно ярко она проявляется в

стремительном росте потребительского кредитования¹: только за 2004—2005 годы величина выданных кредитов выросла вчетверо, а в 2005 году более 40% прироста продаж непродовольственных товаров было обеспечено за счет роста кредитования.

Представители правящей бюрократии считают, что привыкшие к потреблению за счет кредитов люди не склонны интересоваться политикой, стремясь лишь к тому, чтобы как-нибудь заработать деньги для выплаты очередного взноса и, кроме того, исключительно легко поддаются манипулированию (например, при помощи обещания снижения кредитной ставки). Это соответствует действительности, но лишь в краткосрочном плане. В среднесрочном плане нужно учитывать, что наличие задолженности само по себе является сильнейшим стрессом и весьма серьезно расшатывает психику, провоцируя постоянное раздражение, которое со временем может сфокусироваться на власти. Кроме того, представители оппозиции всегда могут обещать больше, чем правящая бюрократия, — и потому в сколь-нибудь критических обстоятельствах именно для потребительски ориентированного населения оппозиция окажется привлекательнее власти.

Наконец, помимо растущего по ряду перечисленных причин раздражения, современные представители «среднего класса» с нарастающей тревогой осознают и растущую опасность прямой агрессии в отношении себя. С одной стороны, опасность исходит от традиционных источников — обычной и организованной преступности и разнообразных мошенников. В последние годы они дополнились хулиганством деклассированной молодежи, а также, во все большей и все более пугающей степени, откровенно безнаказанными (в силу внутренней клановой солидарности, коррумпированности или перерождения силовых структур и почти гарантированной поддержки правозащитников) этническими преступностью и хулиганством.

С другой стороны, в качестве все более серьезной и совершенно непредсказуемой опасности, от которой практически не существует действенной защиты, воспринимается потенциальная агрессия, исходящая со стороны государственной бюрократии и силовых структур, в первую очередь милиции.

¹ Бум потребительского кредитования в конечном счете вызван незащищенностью собственности: не находя из-за нее надежных заемщиков, значительная часть банков вынуждена направлять «нефтедоллары» на кредитование населения.

Введение нового Жилищного кодекса, создавшего потенциальную возможность выселения людей из их собственных квартир, а до этого многочисленные обещания репрессий за вынужденные, по сути дела, действия представителей «среднего класса», вызывают нарастающее ощущение неопределенной, но все более сильной и расшатывающей нервную систему тревоги.

В частности, только в Москве «среднему классу» со стороны государственной бюрократии адресовались весьма серьезные угрозы колоссальных штрафов и разорения с трудом налаженного уюта за застекление балконов, перепланировку квартир, содержание в них одновременно собаки и кошки, установку гаража-«ракушки», содержание машины во дворе дома и так далее. В настоящее время городские власти, закупив значительный парк эвакуаторов, организовали, по сути дела, «сафари», увлекательную для эвакуационной мафии охоту на представителей «среднего класса», имеющих несчастье пользоваться неплохим автомобилем (доходит до попыток угонов эвакуаторами машин, припаркованных во дворах жилых домов на официально разрешенных стоянках!).

Само собой разумеется, крайне болезненно воспринимает «средний класс» и ощутимо растущую угрозу со стороны силовых органов (времена, когда их искренне считали «правоохранительными», практически ушли в область преданий). Эта угроза критически сильна в отношении подростков (особенно девушек), посещающих клубы и пользующихся метро (дошло до того, что ряд знакомых автору высокопоставленных родителей категорически запрещают своим детям в случае задержания их сотрудниками милиции следовать за последними куда бы то ни было под каким бы то ни было предлогом, требуя немедленно устраивать скандал, привлекать общественное внимание и срочно звонить родителям).

Эта угроза носит массовый характер в отношении юношей, приближающихся к призывному возрасту или находящимся в нем и являющихся в силу этого потенциальной жертвой облав, развертывающихся даже в Москве дважды в год. Ситуация усугублена резким сокращением числа вузов с военными кафедрами, что создает угрозу попадания в воспринимающуюся (во многом, по-видимому, вполне заслуженно) как синоним концлагеря армию качественно большей, чем обычно, доли детей из семей «среднего класса».

Наконец, реальная угроза исходит и от обычных сотрудников милиции, в которой за последние годы произошла подлин-

ная кадровая катастрофа. Даже президент Путин, говоря о взаимоотношениях милиции и российского общества, был вынужден упомянуть о том, что при виде милиционера россияне зачастую считают за благо для обеспечения личной безопасности перейти на другую сторону улицы.

Символом отношения государства к российскому «среднему классу» является ГИБДД, заслуженно пользующаяся репутацией наиболее коррумпированной части правящей бюрократии. Похоже, критически значимая часть ее сотрудников рассматривают всецело находящихся в их власти российских водителей не более чем как свою законную добычу. Их все более полная концентрация на процессе «сбора дани» способствует возникновению дополнительных пробок, еще более затрудняющих движение в и без того перегруженной автомобилями Москве, что вызывает справедливое негодование водителей, зачастую превосходящее даже инстинкт самосохранения. Однако напоминания инспекторам ГИБДД об их формальных обязанностях по регулированию дорожного движения все чаще вызывают у них недоумение, искренность которого не мешает ему быть все более агрессивным.

В последние годы государство расцветивает отношения ГИБДД с водителями все новыми циничными красками. Достаточно вспомнить о том, как в рамках борьбы со взяточничеством и коррупцией был захвачен и отдан под суд не один из инспекторов ГИБДД, виртуозно вымогающих взятки, а жертва дорожного произвола — водитель, привычно предложивший деньги в рамках всем известных и единственно по-настоящему действующих на дороге правил!

Представители «среднего класса» во все большей степени воспринимаются правящей бюрократией как естественная добыча, как легкий и приятный объект ограбления, заведомо не имеющий никаких возможностей постоять за себя.

Раздражающий отказ политических руководителей государства от личной свободы как ценности, а также пугающая готовность (а в отдельных случаях — и болезненная склонность, напоминающая садистскую) к репрессиям также и вполне понятным образом усугубляют психологическое состояние представителей «среднего класса».

Растущее недовольство условиями жизни носит не только материальный, но также этический и эстетический характер. В частности, откровенная и нескрываемая аморальность власти, даже когда она не создает непосредственной угрозы представи-

телям «среднего класса», сама по себе оскорбительна для их чувства собственного достоинства. Эстетика же, насаждаемая коррумпированной властью, сочетающая отсылки к худшим образцам тоталитарного прошлого с аморальностью и отрицанием бесспорных культурно-исторических ценностей, в целом ряде случаев вызывает ужас и отвращение.

Понятно, что в этих условиях ни о какой сколько-нибудь прочной уверенности в завтрашнем дне — главной ценности «среднего класса» — в принципе не может быть и речи, а сам он находится в весьма нестабильном состоянии.

ПРИЗНАКИ ГОТОВНОСТИ К САМОЗАЩИТЕ

Лицемерие и цинизм государственной бюрократии доходят до обвинений в коррупции и наказания за нее жертв захлестнувшего стану силового рэкета, а не его организаторов и выгодополучателей. Эти качества постепенно переводят глухое недовольство и раздражение «среднего класса» в последовательное, хотя и стихийное сопротивление и даже открытый гнев, которые уже начинают периодически прорываться на поверхность общественной жизни.

Одной из наиболее значимых иллюстраций увеличения готовности «среднего класса» к защите своих интересов при помощи противодействия нарастающему давлению правящей бюрократии представляется сдерживание масштабов бытовой коррупции. (Ведь не секрет, что среди основных социальных слоев главным плательщиком взяток является в силу самого своего положения именно «средний класс».)

Исследование динамики российской коррупции в 2001—2004 годах, осуществленное фондом «ИНДЕМ», показало, что при росте взяток, выплачиваемых бизнесом, почти в 8,5 раза, «рынок бытовой коррупции», то есть взятки, выплачиваемые населением, выросли совершенно незначительно, — примерно с 2,8 до 3 млрд. долл. в год. С учетом же роста реальных доходов населения в целом не менее чем в полтора раза за это же время относительные масштабы бытовой коррупции не только не выросли, но и весьма существенно снизились, — понятно, что не по доброй воле представителей государства.

Причина этого парадоксального явления выявлена исследованием фонда «ИНДЕМ» и заключается в том, что рост коррупционного давления правящей бюрократии на граждан прак-

тически полностью компенсируется решительным снижением готовности последних платить взятки. Так, при росте риска коррупции (доли случаев попадания в коррупционную ситуацию при взаимодействии гражданина с государством) с 25,7% в 2001 году до 35,0% в 2005 году готовность к коррупции (доля случаев, когда гражданин дает взятку, оказавшись в коррупционной ситуации) снизилась с 74,7 до 53,2%.

Исследователи отмечают, что «граждане готовы отказываться от коррупционных практик везде, где есть либо альтернативные способы решения проблем, либо отказ от взятки влечет умеренные обременения. Исключение мы видим там, где отказ от взятки равносителен угрозе жизни ребенка. В целом, мы имеем дело с двумя противоположными стратегиями поведения: власть наращивает коррупционное давление на граждан, а граждане бегут от коррупции. Если раньше можно было спекулировать на том, что в коррупции виноваты как берущие, так и дающие, то теперь этот тезис просто противоречит фактам».

Весьма существенным признаком постепенного изменения общественных настроений и перехода «среднего класса» от молчаливого терпения к готовности к самозащите стало и восприятие знакового во многих отношениях инцидента, произошедшего 23 мая 2005 года на Кутузовском проспекте.

В условиях безнадежной утренней многокилометровой пробки сотрудник ГИБДД задержал 30-летнюю дочь бизнесмена Карину Гличьян, ехавшую на джипе с двумя детьми по разделительной полосе. Затем, по официальной версии, отпустил ее без наказания за нарушение, сжалившись, так как она очень торопилась, стремясь срочно доставить больного ребенка в больницу. Неизвестно, взял ли он с нее деньги и прочитал ли при этом издевательскую и растаптывающую человеческое достоинство нотацию, становящуюся в последние годы все более модной (многим сотрудникам ГИБДД становится мало просто забрать деньги — им хочется еще и всласть поиздеваться над водителями), и сообщил ли он следующим постам о приближающемся к ним «лакомом кусочке».

Факты просты: будучи задержанной следующим постом ГИБДД, женщина бросила документы в лицо остановившего ее милиционера и попыталась ехать дальше, однако сбила другого, по-видимому, не замеченного ею патрульного и ехала с ним под днищем автомобиля 7 метров, пока не врезалась в заблокировавшую ее «Газель». Несмотря на все уговоры, она так и не вышла из машины, в результате чего сотрудникам ГИБДД при-

шлось руками поднять тяжелый джип, чтобы вытащить из-под него своего коллегу (получившего, помимо множества переломов конечностей и ребер, перелом основания черепа, проведенного длительное время в реанимации и вообще чудом оставшегося в живых).

Дочь бизнесмена надеялась избежать наказания (в частности, по некоторым появившимся в СМИ данным, семья Гличьян предложила пострадавшему 10 тыс. долл. и путевку за границу) и явилась в суд. Однако осознав, что будет взята под стражу, отпросилась в туалет и бежала (по другим данным, просто ушла из здания суда, так как ее свобода передвижения на тот момент никак не ограничивалась). Об уровне профессионализма сотрудников российских силовых структур свидетельствует то, что, насколько можно понять, задержать ее так и не удалось (хотя почти все ее документы остались у милиционеров).

Следует подчеркнуть формальную бесспорность вины Гличьян. Она не подчинилась формально справедливым требованиям сотрудника ГИБДД, стала безусловной виновницей аварии, в которой пострадало еще две машины, совершила, действия, создавшие угрозу жизни невинного человека (пусть даже и в результате нервного срыва), пыталась скрыться с места происшествия, а когда это не удалось — не оказала пострадавшему никакой помощи.

При этом личность самой жительницы Николиной Горы Гличьян вряд ли может вызвать сочувствие у представителей «среднего класса». Прежде всего, она принадлежит к ненавидимой не только бедными, но и вполне обеспеченными россиянами прослойке откровенно богатых людей. Будучи дочерью бизнесмена, она слишком явно рассчитывала замять дело при помощи денег и вообще, похоже, считала себя неприкосновенной (что и показало последующее развитие событий: после ареста Гличьян была выпущена, а затем гособвинение признало собственные заключения недостаточными и направило дело на следствие). Ранее она дважды задерживалась, причем в 1996 году — за то, что в состоянии алкогольного опьянения гоняла на «Порше» по встречной полосе того же Кутузовского проспекта¹. Безусловно, при оценке этой истории представителями «среднего класса» (по крайней мере, московского) не могла не сыграть своей роли и ее национальная принадлежность.

Однако, несмотря на все это и на понятную жалость к пост-

¹ <http://www.newsru.com/crime/02jun2005/karina.html>

радавшему сотруднику ГИБДД, однозначное осуждение Гличьян не высказал ни один из полутора десятков опрошенных автором представителей «среднего класса». Помимо наличия в ее автомобиле детей и то, что одному из них, вероятно, требовалась срочная медицинская помощь, все они называли в качестве серьезного смягчающего (а то и полностью искупающего) ее вину обстоятельства агрессивное хамство сотрудников ГИБДД, с которым так или иначе сталкивался, наверное, каждый водитель России. Распространенными были и восхищение находчивостью женщины, сумевшей бежать из здания суда, и недоумение, почему она все-таки пришла туда (зная, что заплатить взятку уже не получилось) вместо того, чтобы «удариться в бега» сразу, и категорический протест против использования автором определения «невинный человек» в отношении сотрудника ГИБДД.

При этом действия Гличьян воспринимались как хотя и превышающая допустимые пределы и неадекватная, но тем не менее безусловная самозащита (а также защита ее детей), а ее положение — как понятное, такое, в котором может очутиться большинство людей, в неудачный момент доведенных до нервного срыва циничными, жаждущими наживы и самоутверждения за чужой счет и абсолютно убежденными в своей безнаказанности представителями правящей бюрократией.

Такое восприятие описанных событий свидетельствует о постепенном обретении российским «средним классом» готовности к самозащите и отстаиванию собственных жизненных принципов и ценностей даже путем нарушения закона. Агрессивность и хамство правящей бюрократии, делая не просто бессмысленным и вредным, но порой и опасным честное соблюдение законов, постепенно подвигают «средний класс» к отказу от законопослушности, к которой он по самой своей природе, безусловно, склонен стремиться в нормальных условиях. Последовательное ухудшение условий жизни и создание в обществе невыносимого психологического климата «будят в мешанине зверя» и прививают ему готовность не просто к протесту, но и к его экстремальным формам.

Показательным в этом отношении стал судебный приговор в отношении женщины, случайно убившей попытавшегося изнасиловать ее таксиста. При формальной бесспорности как факта необходимой самообороны, так и непредумышленности убийства осуждение пострадавшей (хотя и условное, хотя и отмененное затем в результате широких протестов общественно-

и в случае несправедливости
не в защиту закона
и в защиту интересов
каждого человека

сти и его очевидной абсурдности) не представляется ни случайностью, ни одним лишь только следствием вероятного давления диаспоры (по национальности погибший был армянином¹).

Весьма вероятно, что судья, выносивший обвинительный приговор, ощутил, пусть даже неосознанно, драматическое изменение настроений «среднего класса» и постепенно зреющую в нем готовность к самозащите. Так как эта готовность неминуемо будет обращена против правящей бюрократии и ее сотрудников, она объективно представляет собой прямую опасность существующему государству, которую инстинкт самосохранения должен требовать выкорчевать любой ценой.

Вынося нелепый с точки зрения здравого смысла (и действующего законодательства, кстати, тоже) приговор, судья, по всей вероятности, руководствовался не столько его буквой или духом, сколько инстинктом коллективного самосохранения правящей бюрократии. Подлинный смысл обвинительного приговора — стремление любой ценой и любыми методами если не полностью раздавить, то хотя бы ограничить пробуждающуюся готовность «среднего класса» к самозащите, смертельно опасную для нынешнего государства.

Ведь тот, кто сегодня смеет защищать себя от таксиста-насильника, завтра посмеет защищать себя и свою семью от наси-

¹ Осознанный отказ отдельных профессиональных правозащитников и либеральных деятелей вступить за пострадавшую на том основании, что убитый был армянином, а она русской, и что в ее поддержку выступили представители некоторых русских националистических организаций, в первую очередь Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ), не просто свидетельствует об их недобросовестности и бесчеловечности. Данный отказ в полной мере раскрыл агрессивный националистический, русофобский и последовательно разжигающий национальную рознь в России характер этих якобы интернационально и демократически настроенных лиц.

Поистине животная ненависть отдельных деятелей демократического движения (особенно профессиональных грантополучателей) к стране своего проживания, к ее народу и культуре является главной причиной распространенного и в большинстве случаев несправедливо негативного отношения к профессиональным правозащитникам. Многие из них в последнее время осознали общность интересов России и различных оппозиционных групп и начали оказывать поддержку не только правым, но и левым силам, до «лимоновцев» включительно.

Однако русофобия некоторых либералов и представителей «демшизы» точно так же, как антисемитизм некоторых представителей национально-патриотической оппозиции, мешает объединению оппозиционных сил и, подрывая единство действий против силовой олигархии, играет ей на руку.

лия (пусть даже несколько иного по форме) правящей бюрократии и силовой олигархии. Поэтому всякая самозащита граждан России вполне справедливо может трактоваться нынешними «хозяевами жизни» как антигосударственная по сути дела деятельность, создающая в перспективе угрозу разрушения сложившейся в стране политической системы.

А отрицание прав граждан на самозащиту (пусть даже и не явное, и неформальное), весьма напоминающее подходы советской юстиции времен Сталина и Хрущева, является принципиальным отрицанием их прав на честь и достоинство и само по себе начинает новый, еще сильнее раздражающий и еще более мобилизующий их виток силового и бюрократического произвола.

«СРЕДНИЙ КЛАСС» – СЛАВНОЕ БУДУЩЕЕ ПРОТЕСТА

Таким образом, правящая бюрократия поневоле, в силу неотъемлемых особенностей своей жизнедеятельности, мобилизует «средний класс» на самооборону, которая будет становиться все более активной и наступательной. При этом в силу ключевого характера «среднего класса», являющегося главным потребителем страны, для коммерческого сектора его настроения и ощущения будут эффективно внедряться коммерческой рекламой в сознание и психологию всего населения страны (хотя, конечно, исключительно в неявной форме).

Первым проявлением потенциальной готовности «среднего класса» к самозащите от агрессии правящей бюрократии стало уже идущее складывание культуры гражданской солидарности, проявляющееся через общие действия, поначалу безобидные, а затем все более и более серьезные. Помимо достаточно дружной поддержки целого ряда несправедливо обиженных правящей бюрократией, в том числе социально чуждых и эстетически несимпатичных, а то и воспринимающихся в качестве прямых врагов (от пенсионеров после монетизации льгот до получивших запредельные сроки нацболов и Ходорковского), важным проявлением гражданской солидарности становится стихийное участие в стихийно же возникающих неполитических акциях. *Ударив всем — оседлает!*

Конечно, государство довольно успешно пытается и будет пытаться и впредь «оседлать» эти проявления, подчинить их своим интересам и направить их в нужном направлении.

Достаточно вспомнить, как в первых числах мая 2004 года десятки тысяч москвичей по призыву одной из радиостанций привязали на свои автомобили белые ленточки в знак протеста против бюрократического произвола.

Ровно год спустя та же самая технология была с тем же самым успехом использована представителями государства для демонстрации патриотизма людей в преддверии 60-летия Победы в Великой Отечественной войне и укрепления тем самым собственного авторитета.

Однако, несмотря на отдельные успехи представителей правящей бюрократии, они не смогут подменить своими интересами интересы «среднего класса» и потому в конечном счете обречены на поражение: его гражданская солидарность сложится не только без них, но и, по вполне объективным причинам, против них.

Конечно, это будет довольно болезненный, внутренне противоречивый и во многом манипулируемый правящей бюрократией процесс. В частности, как водится, неоправданно много сил будет выброшено как на пустую болтовню и самовозвеличивание, так и на нравственное самосовершенствование, благотворительность и воплощение в жизнь погубившей народничество «теории малых дел», не способной заметно улучшить ситуацию, но зато отвлекающей «средний класс» от защиты своих интересов и эффективно истощающей его силы.

Тем не менее внутренняя солидарность российского общества, причем направленная против правящей бюрократии, будет восстановлена, и начнется этот процесс именно со «среднего класса». При этом свойственная ему аллергия на политическую деятельность постепенно и, главное, незаметно для него самого будет преодолена, так как по вполне объективным причинам будет мешать ему бороться за свои неотъемлемые насущные права.

«Средний класс» отличает сетевая и крайне разнообразная структура контактов каждого его члена, сложившаяся в последние годы. В рамках культуры гражданской солидарности она в значительной степени станет общедоступной (по крайней мере, для житейских и политических целей). В результате возникнут и постепенно будут расширяться, частично сливаясь, сообщества добросовестных людей, считающих других людей «своими» и доверяющих им просто по факту принадлежности к этому сообществу. Это приведет к фантастическому росту эффективности «среднего класса» — как в повседневной, так и в коммерческой, и в политической сферах деятельности.

Внутренняя солидарность будет дополнена несравнимо более тесной, чем у бизнеса, связью «среднего класса» с обществом в целом и массами малобеспеченных людей. Это качественно облегчит артикуляцию протеста, формулировку и трансляцию конкретных требований и в целом всю политическую деятельность.

Принципиально важно, что относительная близость «среднего класса» к народу будет дополнена его достаточно высоким интеллектуальным потенциалом. В результате большинство специалистов, непосредственно развивающих протестное движение, и большинство его лидеров станут выходцами именно из него.

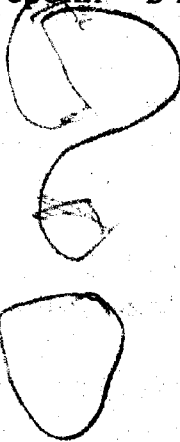
Достаточно высокая сознательность и развитая привычка к рефлексии обеспечат (и отчасти уже обеспечивают) представителям «среднего класса» достаточно высокую идеологическую мотивацию, которая, с одной стороны, способствует творческим новациям, а с другой — позволяет осуществлять достаточно значимые проекты с минимальными затратами средств, за счет бесплатной, инициативной работы многих высококвалифицированных специалистов.

С другой стороны, объективная близость «среднего класса» к представителям бизнеса, в том числе достаточно крупного (ведь они непосредственно на этот бизнес и работают), обеспечивает относительную простоту поиска денег на те или иные проекты и создает реальную возможность получать быстрое финансирование тех или иных акций. Кроме того, в среде представителей «среднего класса» политически значимые средства могут быть собраны и без привлечения бизнесменов — просто «по знакомым».

К другим преимуществам рассматриваемой категории населения следует отнести и наработанную ею достойную айкидо культуру уклонения от лобового конфликта при жесткой и последовательной реализации своих интересов. Ведь представители «среднего класса» привыкли иметь дело с заведомо более сильными конкурентами. За полтора мучительных десятилетия российских реформ они привыкли работать в условиях гарантированного качественного и количественного превосходства противника и инстинктивно воспринимают эти условия как даже не просто нормальные, но единственно возможные. Представляется, что по мере их вовлечения в политическую борьбу комплекс связанных с этим весьма специфических умений и привычек окажется весьма неприятной для силовой олигархии неожиданностью.

«Средний класс» современной России, как и интеллигенция в прошлых революциях, является ключом к политической победе.

Разбудить его сегодня — значит взять власть завтра, и эта задача, без всякого сомнения, будет решена (при понятной и объективно неизбежной «помощи» силовой олигархии) в исторически кратчайшие сроки — в течение нескольких лет.

В эпоху глобальной рецессии кризисе
лишнего человека неизбежно обостря-
ется.

ГЛАВА 3

ЗАПАД: КРИЗИС НЕУЗНАВАНИЯ

- Почему в Америке никогда не будет «оранжевой» революции?
- Потому что там никогда не будет американского посла.

Все еще шутка

ЭПОХА НАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА НЕ ОКОНЧЕНА

Как известно, позиция Запада (и в первую очередь позиция руководства США) на протяжении последних 20 лет является одним из ключевых факторов всей ~~внутренней~~ политики России. Это связано не с каким-либо заговором и даже не с особой изощренностью американского руководства, но прежде всего с тем, что правящая нами элита, сформировавшаяся как социальный слой за счет осознанного разграбления и разрушения нашей страны, рассматривает ее не более чем «трофейную территорию», дающую ей ресурсы для потребления.

Смысл жизни ее типичного представителя заключается отнюдь не в служении Родине и не в достижении общественного блага, но почти исключительно в личном потреблении – правда, не только грубо-материальном, но и символическом. А это значит, что для критически значимой части наших руководителей Родина находится не в России, а там, где им комфортнее всего потреблять те или иные жизненные блага, то есть на Западе.

В силу этого нынешняя российская элита не только не чувствует своей ответственности перед нашей страной, но и не связывает с ней своего будущего. Она не только отдыхает в развитых странах, но и проводит там выходные, вывозит туда заработанные (а чаще – награбленные) деньги, строит там особняки, держит там свои яхты и наиболее ценное имущество. Соответственно, и репутация для нее наиболее важна в развитых странах, а в отношении России ее представители искренне придер-

живаются принципа «будем творить, что хотим, а это быдло будет якобы думать то, что мы ему покажем по телевизору».

Как это ни прискорбно, вопреки широко распространенным и дополнительно насаждаемым официальной пропагандой представлениям, это верно не только для прошедшего ельцинского, но и для нынешнего путинского времени, не только для либеральных фундаменталистов, но и для силовых олигархов.

Нынешние «хозяева» России, как и прошлые, не понимая и боясь, а часто и искренне ненавидя ее, глубоко отчуждены от нее и подсознательно (а многие и вполне откровенно) отождествляют себя не с ней, а с развитыми странами Запада.

Поэтому интересы и мнения нескольких руководителей-этих стран, заведомо некомпетентных в основных значимых вопросах российской жизни, на протяжении вот уже 15 лет остаются значительно более важным фактором внутренней политики нашей страны, чем интересы и мнения десятков миллионов россиян.

В силу объективного несовпадения интересов наших стратегических конкурентов с собственными интересами России, а также искреннего непонимания ими целого ряда ее ключевых особенностей чрезмерное влияние руководителей Запада на внутреннюю политику нашей страны представляется одной из объективных причин ее несчастий.

В то же время в конкретной исторической ситуации скептическое отношение, а то и прямое недовольство руководителей развитых стран доминированием в России силовой олигархии является ценнейшим политическим ресурсом оппозиции, пренебрежение которым представляется недопустимой роскошью, недостойной ответственных перед своим народом людей.

ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ РЕСУРС ОППОЗИЦИИ

Можно сколько угодно долго искать объяснение потрясающему формализму западных политиков и аналитиков, занимающихся Россией. Скорее всего, это результат своего рода естественного отбора: лучшие умы идут в бизнес и обеспечение принятия стратегических решений, а политическое обеспечение этих решений достается всем остальным, нудно повторяющим стандартные речевки о демократии и совершенно искренне не подозревающими о разнице между содержательной демократией и ее формальными признаками.

???

(Напомню на всякий случай, что демократия — состояние государства, при котором оно в наиболее полной степени учитывает интересы и мнения общества, а ее формальные признаки — специфические способы, которыми она достигается в развитых странах и которые, как правило, оказываются вопиюще неэффективными в менее развитых обществах. К формальным признакам демократии относятся, например, независимые от государства, но не от корпораций, в том числе иностранных СМИ, якобы свободные — так, как в Афганистане и Ираке, а не так, как в Белоруссии и России — выборы и разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, признаваемые западными экспертами независимыми друг от друга.)

Однако не важно, чем на самом деле вызван западный формализм — пусть даже и приближающимся (хотя пока и не заметным) упадком западной цивилизации. Важен сам факт его существования, само наличие его влияния на весь мир, включая Россию, — и его патологические, поражающие воображение масштабы.

В целом ряде случаев создается впечатление, что представители Запада, увидев на заборе надпись «демократия», искренне готовы заранее считать таковой и любить в этом качестве все еще не видимое и не познанное ими, находящееся за этим забором.

13 сентября 2004 года, объявив о начале политической реформы, президент Путин по сути дела стер с забора выцветшую за 17 лет, но ставшую привычной приятную Западу надпись и заменил ее качественно иной, более традиционной для российских заборов.

Запад (разумеется, устами СМИ, а не официальных политиков, преследующих конкретные цели и достигающих их в том числе и при помощи кампаний в собственных СМИ) буквально взвыл — и этот вой с различными вариациями продолжается до сих пор.

По силе чувств его реакцию можно сравнить лишь с 1984 годом, когда Советский Союз сбил южнокорейский пассажирский авиалайнер, использовавшийся, насколько можно понять, в шпионских целях и отказавшийся подчиниться истребителям ПВО.

Использование западных систем ценностей в обращенной к развитым странам риторике позволяет достаточно эффективно опереться на их пропагандистскую мощь.

В самом деле: нарушает ли правящая нашей страной бюрократия права человека? Пренебрегает ли собственными законами? Искореняет ли демократию (как по содержанию, так и по форме)? Осуществляет ли широкомасштабное насилие против мирного населения? Применяет ли пытки к задержанным в милиции? Пренебрегает ли правом частной собственности? Подрывает ли свободу слова? Нарушает ли права национальных меньшинств (да и «большинств» тоже)? Лишает ли свободы за политические убеждения? Фальсифицирует ли итоги выборов? Нарушает ли Конституцию, в том числе принятием откровенно антиконституционных законов (о той же монетизации льгот и о возможности выселять людей из квартир без предоставления жилья, выдав им непонятно как рассчитанную сумму денег)?

На эти и бесконечное множество аналогичных вопросов можно, по всей вероятности, дать только положительный ответ.

Это безусловная и, несмотря на все усилия официальной пропаганды, не поддающаяся никакой фальсификации правда — и эта правда является сильнейшим ресурсом, позволяющим привлекать на свою сторону некоторые ресурсы Запада и опираться на них.

Сам безусловно буржуазный, капиталистический (или с теоретической точки зрения посткапиталистический, то есть потиндустриальный, информационный) характер современных развитых обществ объективно делает их естественным и неизбежным, «классовым» союзником всякой антифеодальной революции, а предстоящая России революция, направленная против силовой олигархии, будет в первую очередь именно антифеодальной.

Возможности использования ресурсов Запада многообразны и зависят в первую очередь от связей, налаженных теми или иными группами оппозиции (понятно, что эта поддержка касается практически исключительно «своих» для развитых стран либералов и представителей не русских националистических движений). Среди бесчисленного множества потенциальных возможностей представляется целесообразным выделить в первую очередь следующие:

- получение грантов на те или иные конкретные проекты, в первую очередь правозащитные и связанные с развитием гражданской солидарности;

- организационная и методическая поддержка (вплоть до обучения специалистов);

3 • информационная поддержка в виде доступа к относительно влиятельным СМИ;

4 • повышение статуса в российском обществе за счет демонстрации контактов соответствующего уровня;

5 • организация давления — вплоть до дипломатического — на российскую правящую бюрократию;

• обеспечение личной безопасности оппозиционеров (особенно подвергаемых репрессиям — со временем таких по вполне объективным причинам будет, как представляется, все больше) за счет достижения критического уровня их личной известности среди представителей западных элит.

11 Сотрудничество с Западом должно использоваться в первую очередь для ограничения произвола правящей бюрократии, связывания ей рук, постановки рамок, за которые она сама будет бояться выходить, дискредитации ее конкретных пренебрегающих российскими законами представителей, а также, что исключительно важно, для создания реальной опасности находящимся в развитых странах счетам и имуществу силовых олигархов.

2 Партнерство с теми или иными организациями развитых стран является эффективным инструментом для постоянного нервирования и психологического изматывания представителей правящей бюрократии, для отбивания у них охоты к ведению инициативных наступательных действий и постепенного выработки у них условного оборонительного рефлекса.

3 Тесное сотрудничество оппозиции с представителями развитых стран должно осуществляться по максимально широкому кругу вопросов вне зависимости от их реальной важности для России хотя бы потому, что, помимо важности и полезности такого сотрудничества, сам его факт обеспечивает некоторый минимальный уровень безопасности.

4 Несмотря на понятную и неизбежную конкуренцию внутри оппозиции, представляется необходимым постепенное расширение этих контактов и на левые, и на патриотические структуры. С одной стороны, это повысит адекватность представителей развитых стран, которые поймут, что либералы являются не единственными адекватными и цивилизованными представителями российского общества, с другой — существенными ресурсами Запада сможет пользоваться вся российская оппозиция, что повысит ее реальную силу.

5 Однако при этом надо понимать, что возможности решения реальных внутриполитических задач при помощи сотрудничества с развитыми странами носят весьма ограниченный ха-

ракетер. Какие бы красивые слова какими бы симпатичными людьми ни произносились, никто и ни при каких обстоятельствах не собирается и, строго говоря, не обязан делать за нас нашу работу по оздоровлению собственного государства и модернизации собственного общества.

Следует с беспощадной ясностью понимать тривиальную истину, так и оставшуюся тайной за семью печатями для романтически настроенных правозащитников: общая порочность правящей в России бюрократии объективно нужна Западу и является для него безусловной самостоятельной ценностью.

Превращая российских правителей в мишень для общественной критики развитых стран, эта порочность качественно упрощает для западных руководителей торг по любым представляющим для них ценность вопросам. В самом деле: вместо того, чтобы обещать за реализацию своих интересов какие-то реальные, содержательные уступки, можно обещать просто молчать о Чечне, свободе слова, парламентских и, что особенно важно, президентских выборах (не говоря уже о губернаторских), Ходорковском и т. д.

Поэтому следует помнить, что западные формалисты, с которыми удастся сотрудничать российским оппозиционерам, разговаривают с ними и сочувствуют им в первую очередь не для решения российских проблем. Их главная, объективная цель, которую они, возможно, по отдельности и не сознают, заключается в том, чтобы собрать для западных реалистов, вырабатывающих реальную государственную политику и готовящих межгосударственные переговоры, материал, необходимый для наиболее эффективного выколачивания нужных развитым странам уступок из руководства правящей бюрократии.

До того, как российские оппозиционеры возьмут власть, они практически не имеют шансов встретиться с западными реалистами — однако последние действительно существуют, и их немало.

Именно они управляют развитыми странами.

Именно благодаря им развитые страны являются развитыми.

Именно благодаря им развитые страны успешно отстаивают свои интересы.

Значит ли это, что нужно отказаться от сотрудничества с Западом — ведь тем самым мы будем помогать нашим конкурентам выколачивать уступки из руководства нашей собственной страны?

Это именно то, в чем правящая бюрократия неустанно — и небезосновательно — обвиняет оппозицию (в первую очередь, ясное дело, либеральную, так как пока только она имеет налаженные контакты с развитыми странами и пользуется их поддержкой).

Однако причина уступок — не в оппозиции, но в самой правящей бюрократии: с одной стороны, в ее порочности, с другой — в ее холуйской, несмотря на натужный ракетно-квасной патриотизм, зависимости от Запада. Она обречена на уступки, потому что, с одной стороны, в массовом порядке постоянно и повсеместно совершает непростительные с точки зрения простой человеческой морали поступки и все равно, вне зависимости от позиции российского протестного движения, будет поймана Западом за руку, а с другой стороны, при этом зависит от его мнения, так как держит свои деньги и имущество в его юрисдикции и, соответственно, под его определенным контролем.

В конце концов, даже администрация президента не сможет всерьез обвинять оппозиционеров ни в людоедской монетизации льгот, ни в заявлении президента Путина мировой прессе, в котором тот признал, что ему известны люди, купившие одну из крупнейших российских нефтяных компаний — «Юганскнефтегаз» — за полцены на фирму, спешно зарегистрированную накануне в провинциальной забегаловке, и дал понять, что считает эту информацию вполне достаточной!

Вне зависимости от того, будет ли российская оппозиция использовать Запад для оздоровления российского общества или нет, правящая нами бюрократия все равно будет совершать непростительные действия и все равно будет делать Западу колоссальные уступки в обмен на закрывание на эти действия глаз.

Беспомощность правящей бюрократии перед ее западными конкурентами не имеет отношения к силе или слабости, к энергичности или пассивности российской оппозиции — она вызвана исключительно глубокой порочностью самой этой правящей бюрократии.

И это значит, что для оздоровления российского государства мы не только можем, но и обязаны использовать все имеющиеся возможности, в том числе и в плане сотрудничества с нашими стратегическими конкурентами — развитыми странами Запада.

Естественно, мы должны понимать, что наше взаимодействие является не искренней дружбой, но прагматичным сотрудничеством, и избегать связанных с ним опасностей.

В частности, нельзя давать правящей бюрократии никаких сколько-нибудь обоснованных поводов для обвинения представителей оппозиции в непосредственно антироссийской деятельности, в помощи развитым странам против интересов России (равно как нельзя забывать и о том, что высасывать из пальца такие поводы официальные пропагандисты будут постоянно).

Обвинения такого рода неизбежны и являются нормальной и естественной частью психологической войны против оппозиции, которая по мере ослабления режима будет только усиливаться. Однако они должны оставаться полностью безосновательными и голословными, так как в противном случае помимо возможностей нанесения болезненных ударов по оппозиции (вплоть до осуждения ее деятелей за шпионаж по спорным, а не однозначно фиктивным обвинениям) неизбежна ее серьезная и долгосрочная дискредитация.

Кроме того, мы должны любой ценой избежать угрозы нанесения России хотя бы невольного вреда и не только тщательно, но и исключительно вежливо обходить ловушки, которые с высокой степенью вероятности будут расставлять нам наши западные партнеры.

НЕ НАВРЕДИТЬ

Скользи по лезвию ножа,
Дрожа от сладости пореза,
Чтоб навсегда зашлась душа,
Привыкнув к холоду железа.

Михаил Любимов

Бороться с правящей в России бюрократией не против России, а за нее — исключительно сложная задача, в которой, к сожалению, просто нет готовых рецептов.

Каждому из нас придется принимать решения самостоятельно, и мы должны помнить, что поддаться соблазну простых решений и утратить чувство меры — значит стать власовцем, предателем и навредить своей стране, а не помочь ей.

Для Запада до сих пор характерен без всякого преувеличения животный, истерический, иррациональный даже не страх, а ужас перед малейшим призраком возрождения России. Этот страх проявляется практически по любому, даже кажущемуся нам смешным поводу — будь то полет Путина на месте второго

пилота на боевом самолете в начале его президентства или идея (в принципе не способная стать ничем больше) создания Единого экономического пространства.

В определенной ситуации — например, если российские ядерные объекты будут помещены под надежную охрану «международных сил», руководимых США, — развитые страны вообще могут посчитать для себя более выгодным развал и уничтожение России, а не ее сохранение, и начать интенсивно работать в соответствующем направлении. В конце концов, договариваться о правах американских корпораций на новые месторождения нефти заведомо проще с руководством Тюменской или Ханты-Мансийской республики, а не Российской Федерации.

Поэтому, сотрудничая с представителями развитых стран Запада, даже владеющих русским языком лучше нас самих, мы должны твердо помнить, что конечной задачей оппозиционных сил является не приход к власти сам по себе, а сохранение и модернизация страны любой ценой. Именно любой — в том числе, при теоретически возможных обстоятельствах, и ценой отказа от падающей в руки власти.

Причина этого не имеет отношения ни к морали, ни к идеологии, она прагматична и приземлена: после успешной модернизации абсолютное большинство нас может счастливо и успешно жить в нашей стране, и не получив доступа к государственной власти.

В то же время даже полная власть над частью страны, полученная ценой ее распада и связанных с ним общественных бедствий, является не благом и не инструментом будущих свершений, но не более чем проклятием, действие которого мы наглядно видим на примере Ельцина и его окружения.

Власть, полученная слишком дорогой ценой, — бессмысленное несчастье, ибо ее уже поздно употреблять в соответствии с ее объективным предназначением, для достижения общественного блага. А это значит, что нормальным людям подобная власть просто не может быть нужна.

Если мы не будем забывать этого простого правила, этой элементарной последовательности действий — сначала страна, и лишь потом, если получится, власть над ней, — мы, как представляется, сможем не только безопасно, но и с высокой политической эффективностью сотрудничать с представителями Запада для оздоровления нашего государства и модернизации России.

При этом непосредственным «мостиком» к Западу должны стать контакты, наработанные российскими бизнесменами, по которым будут двигаться и которые будут осваивать ментально близкие западникам представители российского «среднего класса».

ГЛАВА 4

МОЛОДЕЖЬ – ЗАПАЛ ЛЮБОГО ВЗРЫВА

Спички детям не игрушка.

Политическая мудрость

Уже одни из самых древних дошедших до нас письменных источников – древнеегипетские папирусы – донесли до наших дней горькие сетования на неуправляемую молодежь, не уважающую старших и нарушающую устоявшиеся и доказавшие свою полезность традиции. За прошедшие тысячелетия совершенствования общественных механизмов человечество сумело не только смириться с этими неотъемлемыми качествами молодежной стихии, но и научиться их использовать – в том числе и в политических целях.

Общеизвестно, что именно молодежь в силу своих неотъемлемых психологических качеств является запалом, а часто и движущей силой как проваливающихся бунтов, так и побеждающих революций. Среди наиболее заметных из относительно недавно достигнутых молодежными движениями результатов можно назвать отставку де Голля в 1968 году после массовых студенческих волнений в Париже, уход США из Вьетнама (именно под давлением антивоенного движения), исламскую революцию в Иране, разрушившую Советский Союз демократическую революцию начала 1990-х, а также «цветные революции» последних лет на постсоветском пространстве. Не стоит забывать и того, что остающаяся главным событием новой истории Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года тоже была осуществлена молодыми – большинство членов тогдашних политических партий были моложе 25 лет.

Однако не менее часто молодежь, попав в умелые руки представителей государственного управления, служит простым и, как правило, слепым инструментом тех или иных преобразований. Так, в Китае времен «культурной революции» можно гово-

ритель о «направленном взрыве», когда Мао Цзэдун снес при помощи «хунвейбинов» всю сложившуюся после победы революции и ставшую относительно независимой от него систему государственного управления, а затем уничтожил ставших ненужными бунтовщиков силами «цзяофаней».

Молодежь может быть инструментом решения и долгосрочных проблем. Так, Сталин, круша заслуженные (и отнюдь не обожествлявшие его) революционные кадры на своем пути к власти, опирался не только на аппарат, но и на молодежь, которой эти кадры наглухо перекрывали возможности карьерного роста самим фактом своего существования. При этом Сталин не просто использовал самоотверженность и неопытность молодежи, но и при помощи весьма последовательной кадровой политики выковал из нее целую плеяду управленцев, которые смогли достаточно эффективно (и, о чем в последние годы не принято вспоминать, инициативно) руководить Советским Союзом еще четверть века после его смерти. Достаточно указать, что «вечный» председатель Госплана Байбаков стал Министром нефтяной промышленности в 26 лет!

В предстоящей третьей великой российской революции молодежи нашей страны также, как представляется в настоящее время, предстоит сыграть ключевую роль.

СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС АКТИВИЗИРУЕТ МОЛОДЕЖЬ

В начале реформ и на протяжении всех 90-х годов молодежь в массе своей либо в целом поддерживала Ельцина, либо сохраняла непробиваемую аполитичность. Причина этого была тривиальна: она в наибольшей степени нуждалась в личной свободе и новых возможностях самовыражения, которые реформы действительно дали всем, кто имел возможность ими воспользоваться, а молодежь, безусловно, имела для этого больше сил, чем любая другая категория населения.

Качественное образование и относительно прочное здоровье (наследие весьма медленно разрушавшихся советских систем образования и здравоохранения) делало ее конкурентоспособной, в том числе и в развитых странах. Огромное количество рабочих мест, возникавших в России в ходе развития рыночных отношений, создавало достаточно широкую гамму возможностей для существенного повышения своего социального и материального статуса.

В то же время молодежь в силу своего возраста в минимальной степени нуждалась в социальных гарантиях, отнимаемых реформой (а часто даже не подозревала об их существовании в Советском Союзе), и потому относительно безболезненно пережила свертывание системы социальной поддержки.

Памятные бедствия, связанные с агонией и распадом Советского Союза, в силу естественной эмоциональности, ограниченности жизненного опыта и содержательных знаний служили для молодежи безусловным доказательством изначальной порочности социализма и автоматическим оправданием реформ.

Таким образом, молодежь в наибольшей степени нуждалась в том, что давали реформы, и в наименьшей — в том, что они отнимали, и по самой своей природе была наиболее восприимчива к демократической пропаганде. В результате она поддерживала реформы по столь же незыблемо объективным причинам, по которым пожилые люди в массе своей противостояли им.

Переход от поддержки реформаторов к аполитичности был вызван как откровенной и шокирующей аморальностью демократической элиты, по понятным причинам отталкивающей молодых, так и огромными возможностями, которые открывала перед ними коммерческая сфера. Играли свою роль и некоторая (по сравнению с рубежом 80-х и 90-х годов) стабилизация социально-политической ситуации, и очевидное отсутствие возможностей делать карьеру в политике: все места были плотно заняты, что составляло разительный контраст отчаянной нехватке людей и слабость конкуренции в бизнес-сфере.

В течение первой «пяtilетки Путина» ситуация драматически изменилась. Прежде всего, стагнация бизнеса, не только заполнившего наконец почти все рыночные ниши и столкнувшегося с естественными пределами расширения, но и попавшего под жесткое давление силовой олигархии, привела к существенному сокращению численности появляющихся новых рабочих мест и к резкому ограничению возможностей карьерного роста на имеющихся.

С другой стороны, разрушение системы образования, усугубленное ее коммерчески ориентированным реформированием, привело к чудовищному падению уровня образования, лишаящему значительную часть современной молодежи возможности претендовать даже на имеющиеся рабочие места.

В самом деле: современная российская система высшего образования производит профессиональных безработных, не отя-

гощенных ни знаниями и умениями, ни тем более навыками их приобретения. Она дает выпускникам лишь глубочайшую уверенность в своей исключительности и самооценности, чем практически лишает их возможности последующей социальной адаптации.

Именно поэтому Куба — страна с лучшим в обеих Америках, и созданным СССР здравоохранением — перестала признавать наши медицинские дипломы еще в середине 90-х годов. Работая на Западе преподаватели говорят, что зарубежные университеты еще несколько лет назад буквально грызлись за студентов из лучших российских вузов, так как их подготовка была исключительно высока, а сегодня она слабее, чем у студентов, например, из Индии.

При этом сегодняшняя ситуация устраивает почти всех: родители платят за мечту о светлом будущем своих отпрысков, юноши спасаются от армии, девушки продлевают юность. Социально же не адаптированные интеллигенты (или считающие себя таковыми), забившиеся на кафедры с иной раз откровенно фантазмагорическими названиями, вполне справедливо чувствуют себя не только интеллектуалами, но и властителями чужих судеб.

О передаче знаний в сложившейся системе российского высшего образования речь идет постольку поскольку.

Реформа, направленная на развитие бизнеса в образовании, лишаящая малоимущих возможности учиться и, по сути дела, отменяющая в России даже обязательное начальное образование (ответственность за его организацию сбрасывается на регионы без учета их реальных возможностей), не исправляет и даже усугубляет ситуацию.

Таким образом, в результате инерционного разрушения советских систем образования, активных либеральных преобразований и агрессии силовой олигархии в отношении бизнеса молодежь даже крупных городов в считанные годы лишилась жизненных перспектив, еще совсем недавно имевшихся у нее и казавшихся ей неотъемлемыми.

Коммерческий «социальный лифт» дал сбой, перекосясь и прочно застрял в шахте, что на фоне наглядного роста показного потребления практически во всех относительно крупных городах (и даже не только «миллионниках», но и с населением более 200 тыс. чел.) вызывает рост недовольства молодежи и способствует ее политической активизации, в том числе усилению в ее среде протестных настроений.

Правда, это касается преимущественно городской молодежи и, более того, молодежи относительно крупных городов.

Молодежь же сельской местности и особенно поселков городского типа (складывавшихся, как правило, вокруг единственного предприятия, погибавшего в результате реформ или, по крайней мере, влачившего жалкое существование) вообще не получила от реформ практически никаких преимуществ.

Стремительное повышение стоимости проезда на всех видах транспорта, разрушение множества производств, а также систем образования и социального обеспечения, не говоря уже о произволе милиции, «заперло» эту молодежь в местах проживания и, по сути дела, изолировало ее от остальной страны.

Для автора поразительным открытием в 2001 году стало знакомство с группой живущих в не очень далеком Подмоскowie группой юношей и девушек 15–20 лет, жизненный горизонт которых был ограничен проселочной дорогой длиной около 20 километров, соединявшей два шоссе федерального значения. По этой дороге они гоняли взад-вперед на разбитом «жигуленке», принадлежавшем родственнику кого-то из них, и не смели не только выехать на шоссе, но даже переехать его, так как там была милиция, а водительских прав и сколько-нибудь реальной возможности получить их ни у кого из них не было.

При этом наиболее тяжелое впечатление производило не столько реальные трудности их жизни (в конце концов, это Подмоскowie, а не тайга; когда смыло Ленск, жители деревень, не показанных по телевидению и потому не получивших помощи, валили лес для новых домов голыми руками), сколько их пассивность, отсутствие воли и воображения. О Москве, находившейся в нескольких десятках километров (в конце концов, при желании можно было доехать на электричке «зайцем»), они говорили как о другом и при этом заведомо недостижимом, удивительном, но при этом смертельно опасном и пугающем мире.

Некоторое статистически заметное повышение в конце 1990-х и начале 2000-х годов числа молодых людей, стремящихся служить в армии, было связано, как представляется, именно с ухудшением положения молодежи. Армейская служба вновь, как в 30-е и 40-е годы прошлого века, стала для молодежи сельской местности единственным способом вырваться из безнадежного и бесперспективного прозябания в «большую жизнь».

Однако стремление осуществить этот рывок неуклонно слабеет — молодежь деревни и поселков городского типа спивается, а если есть деньги, «садится на иглу», а те, кому удается из-

бежать этого, все равно подвержены общей тенденции к ослаблению и постепенной дебилизации. Те же, кто избегает общей судьбы, занимаются хозяйством, и все их силы уходят на обеспечение собственного благополучия (материального и создания семьи).

Ни те, ни другие не склонны принимать активное участие в протестах, но ощущение несправедливости происходящего и ущемленности их интересов постепенно распространяется и среди них.

Деклассированная молодежь сел и особенно поселков городского типа (точно так же, как и столь же деклассированная молодежь городских «спальных районов», в первую очередь агрессивная часть футбольных фанатов) с легкостью может стать ударной силой будущих беспорядков, особенно сознательно спровоцированных представителями силовой олигархии для достижения тех или иных локальных политических целей. В качестве совсем недавнего примера можно назвать привлечение части футбольных фанатов к сотрудничеству с выкармливаемыми администрацией президента «нашистами»; одним из первых примеров, возможно, является погром на Манежной площади после поражения футбольной сборной России от сборной Японии, когда толпа разъяренной и пьяной молодежи не только била стекла и жгла автомашины, но еще и гоняла ОМОН чуть ли не по всему центру столицы. По некоторым оценкам, данный погром был весьма эффективно и тщательно спровоцирован для обеспечения широкого общественного одобрения закона о противодействии экстремизму.

Трудовая же часть сельской и поселковой молодежи является некоторым аналогом городского «среднего класса». Ждать от нее массовых активных и тем более инициативных действий нельзя, однако не вызывает сомнений, что ее политический потенциал достаточно высок и что она последовательно поддержит антифеодальный протест, начавшийся без ее участия.

Как минимум она вполне может обеспечивать постоянную информационную связь центра с самыми различными уголками России, расширяя кругозор столичных «революционеров» (то есть давать им именно то, чего тем больше всего и катастрофически не хватает).

Существенно и то, что именно данная категория молодежи уже поддерживает самые разнообразные и неожиданные формы локального протеста, который может стать исключительно важным элементом общего революционного движения.

Даже в настоящее время, в не слишком благоприятных условиях, при общей пассивности общества она достаточно активно участвует в, например, без всякого преувеличения народном движении против насильственного и незаконного захвата крестьянских, фермерских и дачных земель земельными спекулянтами, осуществляемого при открытой поддержке коррумпированных местных властей и скрытой — разнообразных силовых структур. (Одним из примеров движений такого рода служит объединение «Наша земля», действующее в Серпуховском районе Московской области.)

Наиболее распространенной, доступной и естественной формой политической деятельности сельской и поселковой молодежи представляется борьба против злоупотреблений конкретных местных руководителей, которая при должном информационном освещении может (и должна) приобретать региональное, а то и общенациональное значение.

Как минимум, такая борьба должна будет давать общенациональной оппозиции пропагандистски значимые, предельно наглядные и достоверные образцы злоупотреблений правящей бюрократии. Ведь все понимают, что, чем ниже уровень власти, тем ниже культура руководителей и, соответственно, тем более откровенны и наглы, а следовательно, и ужасны их злоупотребления.

С другой стороны, добиться публичного наказания местного руководителя просто в силу его меньшего административного ресурса проще, чем руководителя федерального уровня, — особенно если этот местный руководитель раздут оппозиционной пропагандой в «символ зла» федерального масштаба. Осознав, что сохранение подобного человека на должности дискредитирует уже не местную, а федеральную власть, последняя с высокой степенью вероятности попытается избавиться от него, хотя бы чтобы доказать свою добросовестность, — что станет яркой и убедительной победой объединяющейся оппозиции.

Воспитательное значение даже одной такой победы (разумеется, при обязательном условии ее должного освещения в оппозиционных СМИ, в первую очередь в уже имеющем федеральное значение Интернете) трудно переоценить.

Прежде всего, у оппозиции в целом возникнет не просто ощущение, но наглядное и убедительное доказательство собственной силы, пример конкретной победы, который при должном информационном освещении (даже одного-единственного и больше ни разу не повторенного факта) может стать симво-

лом и постепенно привести к формированию «привычки к победе», многократно повышающей эффективность предпринимаемых действий.

Люди на местах начнут осознавать, что федеральная оппозиция занимается не только «высокой политикой», оторванной от реальной повседневной жизни обычных людей, и не только эгоистично борется за власть за себя, но и способна действительно помогать нормальным людям и потому, в свою очередь, заслуживает их поддержки.

Федеральная же оппозиция, столкнувшись с достаточно серьезным и позитивным общественным резонансом на, в общем, не очень значительное и трудоемкое действие, осознает важность практических мер, осуществляемых в союзе с региональной общественностью, и поймет, наконец, невозможность эффективной политической деятельности без плотной и повседневной связи с живой жизнью регионов.

Кратчайший путь к достижению этих привлекательных целей лежит через интенсивное сотрудничество с постепенно поворачивающейся к политической активности молодежью.

Политическое сотрудничество с молодежью существенно облегчают не только ее энергичность, инициативность и отсутствие окостенелых стереотипов, но и общий позитивный настрой, характерный для представителей даже субкультур, последовательно культивирующих мрачность и пессимизм.

В молодежной среде (особенно студенческой) стихийно складывается масса самых разнообразных политических групп — как левой, так и правой, как националистической, так и гуманитарной направленности. Это обеспечивает (разумеется, при должной подготовке) эффективный молодежный отклик почти на любое направление активности «взрослых» общественных структур.

Как правило, представители молодежных групп искренне стремятся к активному занятию каким-либо «настоящим» делом, но не имеют ни малейшего представления о том, каким именно это дело может быть. Кроме того, они остро нуждаются в получении немедленного, быстрого результата (при этом не просто так, а в результате достаточно тяжелых для них усилий, по поговорке «без труда не вытянешь и рыбку из пруда»), — хотя бы в виде похвалы старших товарищей. С одной стороны, это делает практически невозможным их масштабную самостоятельную деятельность (при этом в силу ограниченности личного опыта они еще и сами не могут определить, какая деятельность является перспективной, а какая нет), с другой — превращают их в незаменимых

помощников любой сознательной и конструктивной политической силы.

Сотрудничество с ними со стороны «взрослых» политических структур воспринимается ими не только как возникновение новых (а порой и единственных) жизненных перспектив, но и как определенное признание их собственных достижений, признание их собственной состоятельности, что с лихвой компенсирует раздражающее легкомыслие, необязательность и безграмотность основной части молодежи, зачастую (по крайней мере в Москве) замешанные еще и на не имеющей под собой реальных оснований корысти.

Представляется, что наилучшие объективные предпосылки для эффективного сотрудничества с молодежью имеет современная объединяющаяся оппозиция.

Помимо естественного стремления молодежи к справедливости и резкого сужения в последние годы реальных перспектив городской молодежи, существенно и практическое исчезновение в последние годы возможностей политической карьеры в рамках структур правящей бюрократии. Если еще в 1999 году на съезде «Единства» молодые люди в камуфляже простодушно признавались, что приехали туда, «чтобы стать начальниками», то к настоящему времени ни у кого не вызывает сомнения отсутствие свободных мест в сложившейся «вертикали власти». Возникающие же вакансии (вплоть до руководителей федеральных структур партии «голубых медведей») заполняются преимущественно родственниками, знакомыми, любовницами и прочими приближенными действующих руководителей. Соответственно, не вызывает сомнений и невозможность для молодых людей, не принадлежащих к этому узкому кругу, серьезно рассчитывать на сколько-нибудь успешную официальную карьеру, в том числе и в молодежной «Единой России».

Даже движение «Наши», стремительно слепленное по калькам «Идущих вместе», уже практически полностью сформировало свой корпус руководителей, и рассчитывать на что-либо его новым (как и рядовым старым) членам, строго говоря, не приходится.

Поэтому оппозиция может рассматривать молодежное движение как своего естественного союзника и естественный резервуар постоянно готовых к действию кадров.

Вместе с тем далеко не все видные оппозиционные политики сознают, что молодые люди, пусть даже и стремящиеся к политической деятельности, — это не рабы, а их готовность к со-

трудничеству — лишь предпосылка успеха, но далеко еще не сам успех.

Для реализации этой предпосылки нужно не просто приложить значительные усилия, но и быть добросовестными (ибо молодежь, тонко чувствуя фальшь, не прощает ее), а также заранее создавать возможности массового повышения социального статуса молодых оппозиционных политиков, пусть даже и за свой собственный счет. Это крайне болезненно, это требует колоссальной и неблагодарной организационной работы, но без этого ни одна политическая структура не может успешно существовать сколь-нибудь долгое время.

Существенной чертой молодежного движения, которое обязательно надо учитывать, является, наряду с его колоссальной раздробленностью и разобщенностью, готовность действовать вместе. Несмотря на эпатажные и резкие заявления, естественные для молодых (вроде «я не буду стоять на демонстрации рядом с уродами-сталинистами!»), они не успели застать и лично пережить склоки 90-х годов. Соответственно, заимствованная у «старших товарищей» ненависть к людям с чуть-чуть иными политическими представлениями не имеет личного оттенка, не сопровождается воспоминаниями об отобранных деньгах или постах и потому, с одной стороны, охватывает небольшое количество людей, а с другой, является, как правило, внешней, наносной.

Молодые значительно легче действуют вместе, и весьма характерно, что реальное объединение протестного движения началось именно с них — с совместных уличных акций молодых коммунистов и «яблочников» (считаю полезным напомнить, что депутаты прошлой Госдумы от этих партий, голосуя практически одинаково, тем не менее считали необходимым регулярно распинаться если и не в ненависти, то, по крайней мере, во враждебности друг к другу).

Молодежь сыграла исключительно большую непосредственную роль и в исключительно важной, рубежной для процесса объединения оппозиции демонстрации 1 мая 2005 года, в которой, несмотря на ее относительно небольшую численность (около 15 тыс. чел.), впервые участвовали все сколь-нибудь значимые левые движения. Более того: впервые в истории первомайских демонстраций коммунисты потеснились и пригласили выступить руководителей всех левых оппозиционных организаций — от Лимонова до Рогозина.

Молодежные организации сыграли исключительную роль

не только в придании демонстрации небывалой зрелищности, которая в конечном счете способствовала ее широкому и яркому освещению в СМИ (представители этих организаций публично порвали портрет Путина и в его маске с лаем набрасывались на представителей СМИ, пытаясь их искушать), но и в пробуждении небывалой после 4 октября 1993 года солидарности самых разных групп оппозиционеров.

Как известно, в ходе последующего митинга произошла одна из ставших обычной в последние годы провокаций: представители ОМОНа на автобусе въехали в плотные ряды участников митинга, едва не раздавив нескольких людей, захватили нескольких молодых людей и спешно увезли их куда-то.

Совершенно неожиданной была реакция участников митинга. Насколько можно понять, они не просто бросились на защиту, в общем, не только неизвестных, но и не очень симпатичных многим из них молодых людей (и даже отбили их руководителя у милиционеров), но и перешли в наступление на омоновцев! И это наступление оказалось успешным: прижав их к стене Госдумы, участники митинга заставили их, по сути дела, просить пощады, а затем загнали в подземный переход.

После этого участники митинга не разошлись с чувством успешно выполненного долга, а сумели осознать (что для массы народа обычно бывает весьма затруднительно), что освободить захваченных им, несмотря на локальный успех, все же не удалось. В результате около тысячи человек (каждый пятнадцатый, а если верить официальным милицейским сводкам — каждый десятый участник митинга, что является исключительно высоким уровнем солидарности) пошли довольно далеко — к зданию Генпрокуратуры на Малую Дмитровку — требовать освобождения захваченных. Помимо молодежи там было довольно большое количество и пожилых людей, вроде бы чуждых интересам молодых, — и это тоже новое проявление солидарности.

Прибывшие пять (на виду было два) автобусов ОМОНа даже не попытались оттеснить митингующих от Генпрокуратуры, хотя с технической точки зрения сделать это ничего не стоило, а «горячие головы» из числа демонстрантов уже лезли на ее ворота. Вместо жестких репрессивных действий, на которые власть с формальной точки зрения имела все права (митинг-то у здания Генпрокуратуры был стихийным, то есть несанкционированным) и которые в той ситуации были бы вполне эффективными, представители государства вступили в переговоры. Более

того: в результате этих переговоров все задержанные участники демонстрации были отпущены на свободу!

Весьма характерно, что, по уже сложившейся и даже ставшей привычной практике, ОМОН нападает на участников митингов, футбольных болельщиков и слушателей рок-концертов, когда они расходятся: в этой ситуации люди, как правило, расслабляются и оказываются не готовы к оказанию сопротивления. В этот раз, несмотря на технологическое удобство, безусловные отрицательные эмоции омоновцев (которым пришлось уступить) и их формальную правоту, никаких попыток «захвата на отходе» не предпринималось вообще.

Это стало едва ли не первой в России оперативной победой солидарности, едва ли не первой быстрой успешной защитой захваченных товарищей. Это урок и демонстрация того, как надо действовать в кризисных ситуациях в дальнейшем, — и этим уроком оппозиционное движение всецело обязано своей молодой части, в первую очередь представителям Авангарда красной молодежи (АКМ).

Более того: корректные действия ОМОНа у Генпрокуратуры и милиции в Питере (которая пропустила 300 чел. «Питерского гражданского сопротивления» на Дворцовую площадь) 1 мая, категорическое нежелание питерских милиционеров видеть что-либо крамольное в знаменитом лозунге «Мутин пудак», благодаря которому он провисел 2,5 часа и стал всероссийским кличем оппозиции, действия правоохранительных органов в ряде других эпизодов представляют собой убедительные признаки того, что и многие их сотрудники не в восторге от проводимой правящей бюрократией политики и не горят желанием играть незавидную роль душителей справедливого протеста, которую им готовят.

Последующее предательство ряда лидеров оппозиции, в конце 2005 года по команде правящей бюрократии с удовольствием погрузившихся во взаимную грызню, омрачили, но не разрушили наработанные на среднем уровне навыки совместных действий.

В этих условиях твердость, последовательность и солидарность — категорические условия победы оппозиции. Сектантство же в любой форме и под любым предлогом объективно играет на руку правящей бюрократии и, способствуя разрушению нашей страны, является антироссийской деятельностью.

Молодежь играет исключительно важную роль прежде всего как наиболее активная и творческая часть оппозиции, свои-

ми действиями активизирующая протест, прооуждающая общественное сознание и постоянно расширяющая пространство возможного (достаточно вспомнить поистине героические захваты лимоновцами части здания Минздрава и приемной администрации президента, вывешивание антипутинских лозунгов на здании гостиницы «Россия» и на колокольне Ивана Великого непосредственно в Кремле).

Однако не менее важно то, что, становясь в силу своей энергичности первой и гарантированно невинной жертвой ответных репрессий, она не просто становится объектом объединяющей оппозицию солидарности, но еще и пробуждает, и закрепляет в общественном сознании эту солидарность как необходимую норму поведения.

Героизм лимоновцев не просто превратил (при всех ее безусловных и весьма существенных недостатках) Национал-большевистскую партию, которая до их действий считалась маргинальной и даже общественно опасной структурой, в наиболее уважаемую часть оппозиционного движения. Он сыграл значительно более важную роль: объединил протестом против чудовищных и заведомо несправедливых наказаний не только левых, но и правых оппозиционеров, создав — впервые! — культуру взаимной солидарности и нравственный императив, требующий поддерживать даже идеологически чуждых противников правящей бюрократии.

* * *

Таким образом, молодежь уже играет огромную и в целом позитивную внутривполитическую роль. Ее активизация, направление, обучение и защита от впадения в крайности — главная задача «взрослой» части оппозиционного движения.

В то же время попытки правящей бюрократии использовать молодежь в своих целях, как представляется, не только обречены на неудачу, но и могут парадоксальным образом привести к прямо противоположным результатам, активизировав революционные процессы.

МОНТАЖ НОВОЙ «ПАРТИИ ВЛАСТИ»

В настоящее время формальные и оттого неуклюжие подражатели «вождя народов», управляющие внутренней полити-

кой государства, собираются, насколько можно понять, активно использовать молодежь для решения долгосрочных политических задач.

Речь не идет о «скинхедах», которые, по всей вероятности, как некогда РНЕ, окормляются и направляются представителями правящей бюрократии для перевода социальных конфликтов в межнациональную плоскость, аккумуляции протеста под своим контролем и его дискредитации как такового, манипуляции общественным мнением, проведением разовых спецопераций, а также для избивания неугодных и запугивания оппозиционеров как таковых.

... Речь идет именно о долговременных политических целях.

Известно, что в течение первого срока президентства Путина реальные лидеры его администрации — Волошин и Сурков — весьма эффективно дополняли друг друга, будучи первый — природным стратегом, а второй — великолепным тактиком. Тем не менее этот тандем разъедался довольно существенной внутренней борьбой, так как, насколько можно понять, игравший вторые роли Сурков, начиная с определенного момента, стал тяготиться своим подчиненным положением и стремиться если и не самому возглавить администрацию, то, во всяком случае, освободиться от своего непосредственного руководителя, достаточно сильного и потому во многих отношениях неудобного.

Отставка Волошина непосредственно после ареста М.Б. Ходорковского осенью 2003 года дала все основания считать эту мечту сбывшейся и породила самые разнообразные предположения о смещении центра принятия стратегических решений администрации. В результате одно время в московской политологической тусовке пользовалась исключительной популярностью гипотеза о том, что, преодолев контроль стратега Волошина, тактик Сурков утратил стратегические ориентиры и заигрался сам с собой в сложные интеллектуальные игры, хаотически порождая массу разрозненных, а зачастую и прямо конкурирующих друг с другом проектов.

Однако можно с высокой степенью вероятности утверждать, что данное предположение, несмотря на определенную интеллектуальную красоту и психологическую достоверность, в целом все же не соответствует действительности.

Подлинный мозг путинской администрации, Сурков реализует, насколько можно понять, три значительных молодежных проекта, удивительно полно дополняющих друг друга.

Прежде всего, речь идет о пресловутых «нашистах»¹, усиленно накачивающемся в финансовом и административном отношении «путинюгенде». Это не только «антифашистские» штурмовики для будущих уличных драк и превентивных избиений граждан, недостаточно сильно или не совсем правильным образом любящих президента Путина, но и поставщик относительно дисциплинированного и дешевого «человеческого материала» для практически любых массовых действий. К таким действиям можно отнести не только манифестации (генеральная репетиция которых показала возможность почти мгновенного сбора 60 тыс. чел. и безнаказанного блокирования ими одной из важнейших транспортных артерий и без того перегруженной Москвы, что привело к параличу уличного движения во всем мегаполисе), но и сбор произвольно большого количества подписей под любым нужным власти требованием — от запрета оппозиционной деятельности как таковой до проведения референдума по новой, путинской Конституции.

Технология массовой мобилизации за деньги (и зачеты студентам) и оперативного управления значительной по своим масштабам организационной структурой была отработана еще на предшественнике движения «Наши» — «Идущих вместе». При этом, насколько можно понять, был весьма удачно учтен опыт временного ослабления контроля за этой структурой, в результате чего ее представители начали проявлять инициативу, преждевременно раскрывая свои омерзительные личностные характеристики.

Стоит напомнить, что роковым для «Идущих вместе» (часто именуемых также «Сосущими вместе») стало публичное спускание книг в специально сооруженный макет унитаза, которое вызвало на Западе (и особенно в исключительно важной для Путина Германии) жесткую ассоциацию с публичным сожжением книг, осуществлявшимся гитлеровским режимом. После этого имидж «Идущих вместе» в развитых странах был безнадежно испорчен: организация стала восприниматься как полуфашистская, по крылатому демократическому выражению — «путинюгенд». Более того: она стала подрывать и позитивный

¹ О неадекватности руководства современной России свидетельствует тот факт, что они даже не смогли придумать для своего политического гомункула оригинального названия, просто скопировав название общественного движения, поддерживавшего на выборах губернатора Красноярского края председателя Законодательного собрания А. Усса против ставшего в итоге губернатором А. Хлопонина и С. Глазьева.

имидж как режима Путина, так и его личности, раскрывая их многие существенные черты.

Поэтому ее перестали использовать как основной инструмент молодежной политики, забрав доказавших свою эффективность руководителей в новый проект, который, по-видимому, специально для маскировки его сущности, предотвращения ее раскрытия и чрезмерной популяризации, а также для уничтожения профашистских ассоциаций с «Идущими вместе» называли «антифашистским».

Принципиально важно, что организационные технологии, отработанные на «Идущих вместе», при создании движения «Наши» были дополнены четкой патриотической и антибюрократической идеологией, соответствующей все более полно проявляющимся и лавинообразно нарастающим настроениям общества.

Похоже, этой цели удалось достигнуть в значительной степени за счет формально независимого движения «Россия молодая», функционирующие организации которого созданы как минимум в пяти крупнейших московских вузах и в рамках которого, как можно понять, была предпринята довольно серьезная попытка разработки идеологии.

И, наконец, исключительное значение имеет практически никак не рекламируемая, удерживаемая в глубокой информационной «тени» программа работы с молодыми (до 35 лет) профсоюзными лидерами, которая готовит эффективных (и универсальных, что очень важно!) политических менеджеров и устойчивые организационные структуры.

Объединение этих трех проектов (если, конечно, два последних выживут, а «Наши» не выдержат конкуренцию с «Молодой гвардией» под руководством известного шоумена Демидова) позволит при необходимости практически мгновенно, формально «на пустом месте» создать, а точнее — собрать из трех основных конструктивных элементов мощную общефедеральную политическую партию, аккумулирующую не только растущий протест молодежи, но и значительную часть всего общественного протеста.

Одна из основных закладываемых на этапе проработки идей этой преимущественно молодежной партии заключается именно в эксплуатации протестных настроений: «голосующие против всех голосуют тем самым и за нас, голосующие за нас — голосуют против всех».

Переход к двухпартийной системе на парламентских выбо-

рах 2007 (а по разрабатываемым планам, возможно, и конца 2006) года, таким образом, может предусматривать в качестве второй партии не «Родину», возглавляемую амбициозными и в ходе рогозинской голодовки показавшими готовность выйти из-под контроля администрации президента лидерами, а полностью управляемое Сурковым (или иным функционером администрации президента) молодежное движение.

ХОЧЕШЬ НЕ ХОЧЕШЬ, А БРАТЬ ВЛАСТЬ ПРИДЕТСЯ

Насколько можно понять, в настоящее время в администрации президента молчаливо предполагается, что нарастающий общественный и особенно молодежный протест можно будет «пережечь» в рамках младшего партнера партии власти, превратив носителей этого протеста (в значительной степени пассионарных) в послушный, пассивный и в конечном счете импотентный «кадровый резерв».

Поскольку каждый проект имеет свою собственную внутреннюю логику развития, ошибочность данного подхода станет очевидной по мере его более полной реализации.

В самом деле: идеологией молодежной партии может стать лишь борьба с безответственным и агрессивным чиновничеством, вызывающим всеобщую растущую ненависть. Реализуя эту идеологию, молодежная партия неминуемо, по вполне объективным причинам станет структурой, карающей произвольно выбранную часть чиновничества ради повышения своей популярности перед выборами.

Сначала выбор конкретных жертв антибюрократической кампании, разумеется, будет осуществляться исключительно по указаниям и под контролем кураторов из администрации президента. На короткое время эта кампания даже станет инструментом дополнительного контроля за бюрократией — чиновники будут опасаться не только интриг конкурентов на бюрократическом рынке, но и сурковских «хунвейбинов» (в том числе и выполняющих заказы организаторов этих интриг). Однако в течение весьма короткого времени активная часть молодежной партии, как представляется, неминуемо «войдет во вкус» и попытается начать действовать против правящей бюрократии самостоятельно (в том числе и стремясь к освобождению для себя хотя бы части «сладких мест» от занимающих их чиновников).

Успешная попытка представителей администрации президен-

та остановить их (неминуемая по крайней мере после парламентских выборов, когда молодежная партия выполнит свою роль и будет уже не нужна) приведет к пассивности и загниванию основной части партии при неминуемой радикализации и переходу в деятельную оппозицию ее активной и добросовестной частей.

Однако далеко не факт, что Сурков, полностью контролирующей молодежную партию (в отличие от «Единой России», контроль над которой он и после свержения Богомолова, Волкова и замены всего Исполнительного комитета все равно вынужден делить с силовиками и ее собственным аппаратом) пойдет по этому пути. В конце концов, ему будет просто жалко дарить оппозиции тщательно отобранные, любовно выпестованные и обученные кадры. Но главное заключается в том, что перед ним неминуемо, как представляется, возникнет огромный соблазн не отдавать эту активную силу своим врагам — не только политическим, но и, что весьма существенно, зачастую и личным, — но сохранить ее под своим контролем, используя ее для дальнейшего наращивания собственного политического влияния.

А для этого надо будет, возглавив эту силу уже и в явной форме, во многом подчиниться ей, пойти за ней и, руководя ею и подправляя ее в направлении антибюрократического погрома, в котором она и так готова и жаждет идти, в определенной степени служить ей.

Это тот самый соблазн власти, которому противоестественно и крайне сложно противостоять умному и эффективному политику, засидевшемуся «на вторых ролях». Поэтому вместо обуздания и сдерживания разрушительной энергии молодежной партии Сурков — или иной инициативный представитель правящей бюрократии — может с легкостью возглавить ее, превратив ее в своего рода новых «хунвейбинов», открывающих «огонь по штабам» и ведущих под контролем своего руководителя быструю, массовую и, что самое страшное для окостеневшей бюрократии, инициативную замену старой элиты.

Ожидание этой замены, сгущаясь, висит в воздухе.

В прошлый раз, летом и осенью 2003 года, правящей бюрократии удалось отвести от себя растущее разочарование и недовольство широких масс и сфокусировать их на своем главном сопернике — коммерческой олигархии эпохи Ельцина. Результатом стало политическое уничтожение последней, окончательное освобождение правящей бюрократии от какого бы то ни

было контроля со стороны общества, ее перерождение в силовую олигархию и окостенение в этом качестве.

Имевшийся ресурс отвлечения общественного недовольства от причин вызывающих его проблем был использован практически полностью, однако коренная причина этого недовольства — неадекватность правящей бюрократии — не только сохранилась, но и была многократно усугублена. Поэтому следующий раз давать выход «политическому пару» и копящейся в обществе ненависти к уничтожающему его государству можно будет уже только за счет самой бюрократии.

Конечно, жертвами этой операции правящая бюрократия будет раз за разом назначать «новых оборотней» — своих обособленных и относительно высокопоставленных представителей, отчасти дискредитировавших себя или потерпевших поражение во внутриаппаратной борьбе, мало способных к самостоятельной защите и, главное, находящихся на периферии принятия решений и потому не играющих значимой роли.

Однако при всем этом решения по конкретным людям будут приниматься в целом случайно, что драматически повышает риск для большинства функционирующих сейчас чиновников. В то же время волна подавления, как это произошло с бизнесом в ходе «дела «ЮКОСа»», быстро приобретет свою собственную логику и инерцию, в результате чего «охота на бюрократических ведьм» может продолжиться и после того, как в ней отпадет выраженная политическая необходимость.

Подобные ощущения, хотя, как правило, и остаются невербализованными, распространены достаточно широко.

Исторический факт: тысячи «питерских», вывезенных новым режимом «на заработки» на сладкие места в столицу, не оформляют в собственность служебные квартиры в Москве — просто потому что тогда придется сдавать квартиры в Санкт-Петербурге, а они чувствуют, что возвращаться придется, и, может быть, весьма скоро.

Замена даже части ничтожной элиты, превратившей российскую государственность в подлинную «диктатуру убожества», тысячекратно доказавшей свою недееспособность практически во всех сферах жизни и ставшей главным для современного ~~российского общества~~ раздражителем — своего рода «коллективным Чубайсом» — вызовет всеобщее одобрение. Немаловажно и то, что такая замена создаст «социальный лифт» не только для самих членов крушащей бюрократию молодежной партии, но и для широких слоев общества.

Принципиально, что руководителем, осуществляющим замену элиты, может быть не только Путин, в настоящее время олицетворяющий в глазах масс скорее как раз старую, обреченную на снос и разрушение, элиту, но и почти любой современный государственный деятель. Естественно, проще всего занять эту политическую нишу Суркову (или выполняющему его функции сменщику, если он все же будет заменен), осуществляющему, насколько можно понять, непосредственное оперативное руководство «хунвейбинами». В этом случае он сможет вполне реально претендовать на место президента или, по крайней мере, теневого руководителя государства, — и это тоже является частью соблазна, перед которым он с высокой степенью вероятности окажется и которому как политик вряд ли сможет противостоять.

Таким образом, реализуемые сегодня молодежные проекты администрации президента уже в ближайшее время, в ходе парламентских выборов смогут по вполне объективным причинам, вопреки желанию кремлевских политтехнологов толкнуть их на развязывание широкой антибюрократической молодежной кампании, естественно и гармонично перерастающей в попытку свержения президента России.

Все вышеизложенное представляет собой азбуку политтехнологии, неизвестную только тем безграмотным людям, которые сегодня самодовольно, эгоистично и тупо пытаются править Россией. Еще Зубатов блистательно и трагично показал, что борьба с революцией путем ее контролируемой имитации без преодоления причин, создающих революционную ситуацию¹, лишь ускоряет революционные процессы. Более того: пестуемая и лелеемая правящей бюрократией имитация, попав под влияние этих причин, неминуемо выходит из-под контроля охранительных структур и сама перерождается в революцию!

Весьма существенно, что эта закономерность — лишь часть более общего, более широкого политологического правила: силами спецслужб в принципе невозможно компенсировать разложение государства по той же самой причине, по которой силами части невозможно остановить разложение целого.

¹ А на устранение порождающих революционную ситуацию фундаментальных факторов, кратко описанных во введении, Путин гарантированно не способен примерно по тем же причинам, что и доведший Россию до Великой Октябрьской социалистической революции и по политическим причинам причисленный ныне к лику святых Николай Кровавый.

История учит, что в таких случаях спецслужбы обычно хитрят, хитрят и, в конечном счете, обманывают сами себя. Они разыгрывают сложные и долговременные комбинации против долгосрочных исторических процессов, не понимая своей собственной кратковременности. В результате они намечают себе слишком долгую дистанцию, с которой их конкретные представители неминуемо, вследствие вовлеченности в десятки других, менее значимых, но не менее интенсивных конфликтов, сходят задолго до ее конца. При объективно обусловленной высокой персонификации управления спецслужбами это означает неминуемую потерю контроля за ими же самими «запущенными» процессами.

В результате порождения спецслужб остаются бесконтрольными, их агенты лишаются операторов и, нечаянно получив свободу, становятся непредсказуемыми. Как правило, они прежде всего наносят удар по своим создателям — даже не со зла (хотя работа с агентами часто ведется жестокими методами), а просто в силу собственных интересов. Иногда чтобы замести следы.

Вернемся к Зубатову, одному из блестящих деятелей царской охраны. Его опыт бесценен: он кропотливо создал «ручные» организации рабочих, которые на время полностью раздавили экстремистов-революционеров. Но Зубатова не стало на его посту — и созданные им организации быстро радикализировались, став источником более опасного, чем можно было предположить, революционного движения. Лекарство оказалось страшнее болезни.

Генштаб кайзеровской Германии бережно и терпеливо раздувал огонек большевистского движения в России — давал деньги, направлял революционеров — и добился своего: революционная Россия подписала Брестский мир и позволила Германии избавиться от стратегического кошмара — «войны на два фронта». Но власть кайзера рухнула уже через год после российской революции, а выкормленные им большевики, придя к власти, не жалели сил для организации революции в Германии.

А исламский фундаментализм, выпестованный США против Советского Союза и как минимум поучаствовавший в потрясших весь Запад событиях 11 сентября 2001 года?

Эти примеры можно множить бесконечно.

Они учат одному: невозможно остановить объективные процессы спецоперацией.

В частности, невозможно остановить гниение госаппарата без глубоких политических изменений. Систему управления

нельзя оздоровить изнутри. Поэтому спецслужбы могут оздоровить государство, только если они сами по каким-то причинам останутся относительно здоровыми и пойдут на открытый политический переворот: вот друзья, вот враги, вот пороки, вот новые правила, — и пошли исправлять ошибки и реализовывать новую стратегию.

«Втихую», методом не прямых воздействий, можно управлять только другими обществами. Своим собственным — не выйдет. Невозможно. Поэтому спецслужба — или группа специалистов из спецслужб, которые пытаются оздоровить свое собственное общество исключительно своими специфичными, «тихими» методами, отработанными на других обществах, неминуемо терпят полное поражение.

Оздоровление и тем более модернизация общества — не только терапия, но в первую очередь тяжелая и жестокая хирургическая операция. Ведь никто же не пытается сам себе делать трепанацию черепа!

* * *

Рассмотрение перспектив молодежного проекта администрации президента производит парадоксальное впечатление: куда ни кинь, всюду клин, и даже самые энергичные меры по поддержанию режима ведут к прямо противоположным результатам, подрывая этот режим так, что даже самым деструктивным и «отмороженным» представителям оппозиции остается лишь кусать локти в бессильной зависти!

На самом деле ничего парадоксального в этом нет.

Ведь у всякого, в том числе и современного государства есть лишь одна цель — благо доверившегося ему народа, и пренебрегающие этой целью руководители сами, своими руками лишают себя не только оправдания, но и самого права на существование. Высокомерно игнорирующие свой народ, грабящие его, искренне считающие его не более чем «быдлом» или «кормом», руководители страны уподобляют возглавляемое ими государство человеку на осыпающемся к обрыву крутом песчаном склоне: судьба его решена, и любая сколь угодно осмысленная и изощренная активность лишь увеличивает скорость его сползания к неминуемой катастрофе.

В добрый путь!

ГЛАВА 5

НИЩАЯ РОССИЯ: НОВОЕ ПРОСТРАНСТВО СОЛИДАРНОСТИ

Россия, нищая Россия!

Александр Блок

ПРОБУЖДЕНИЕ НЕИМУЩИХ

171
Россия — фантастически богатая страна, население которой благодаря не только безразличию и безграмотности, но во многом и осознанным усилиям ее руководства живет в не менее фантастической нищете. Падение уровня жизни в результате либеральных реформ таково, что даже после официального увеличения общего уровня реальных доходов населения за «шестилетку Путина» на 84,0% (с превышением официального уровня не только 1997 года на 40,8%, но и 1990 года — хотя и лишь на 1,4%) 88% населения страны, по данным социологических исследований Аналитического центра Левады, испытывает нехватку денег для покупки простой бытовой техники.

Таким образом, 88% населения России бедно (из них около 14% являются нищими, то есть испытывают недостаток денег для покупки еды¹, 37% хватает денег для покупки еды и не хватает для покупки одежды и еще у 37% хватает денег на одежду, но не хватает на покупку простой бытовой техники), и с политической точки зрения именно они являются главным фактором общественного развития.

¹ Это хорошо коррелирует с официальными данными (приведенными в «Бюджетной политике 2006–2008 годов» Минфина, так как Росстат с начала 2005 года — вероятно, в связи с последствиями монетизации льгот — прекратил публикацию данного показателя в общедоступных источниках), по которым в 2005 году имело доходы ниже прожиточного минимума 15,8% населения страны, — что, собственно, и позволяет с доверием относиться к результатам исследования.

Их бедность жестко предопределяет неизбежность смены государственной политики и ее переориентацию на первоочередное обеспечение социальной справедливости. Более того: сегодня движение к эффективности, этой иконе либерализма, автоматически означает и движение к справедливости. Самые чуткие либералы (вроде Хакамады и Немцова) уже достаточно давно уловили это, решительно и весьма заметно сдвинув свою риторику «влево», а самые ответственные (вроде Ходорковского) сдвинулись «влево» сами, вплотную занявшись синтезом либеральных и социальных ценностей. *Ход-б — Заложники!*

Изменяет свою риторику и правящая бюрократия: не стоит забывать, что непосредственно перед началом чудовищного «второго витка либеральных реформ» «Единая Россия» шла на парламентские выборы 2003 года с лозунгами и призывами едва ли не более коммунистическими, чем лозунги и призывы КПРФ!

Однако реальную жизнь, настроения и поведение масс, несмотря на все технологии формирования сознания, будет определять все же не риторика, а осуществляемая на практике политика.

Подтверждением этому служат весьма существенные изменения, произошедшие в общественном сознании (то есть в сознании как раз наименее обеспеченной части общества, составляющей его основу) во второй половине 2004 и особенно в первой половине 2005 года.

Не будем забывать, что Россия является поистине удивительной страной, в которой бедные люди, далеко не всегда сочувствующие своим соседям и даже самим себе, как правило, «по старой памяти» сочувствуют власти, с охотой входят в ее положение и надеются на нее буквально до последнего вздоха.

Это парадоксально сочетается с нелюбовью к конкретным представителям этой власти в полном соответствии с классической формулой о «хорошем царе» и «плохих боярах», но в целом носителям российской культуры свойственно инстинктивно отождествлять себя с государством. Даже противостоя ему, даже критикуя его конкретные действия, люди испытывают сильнейшую склонность говорить о нем как о продолжении себя, а о растаптывающих их жизнь бюрократах и силовых олигархах — как о «нас».

Носители российской культуры, в том числе малоимущие (особенно деклассированная интеллигенция) парадоксальным образом ощущает свою теснейшую связь и коренное родство с зачастую искренне ненавидимым ими российским государством.

Только в России может столетиями бытовать и никому не резать слух устойчивое выражение «надёжа-царь» — то есть царь, являющийся объектом постоянной и искренней надежды. Весьма существенно, что надежда эта связана не столько с каким-то конкретными материальными улучшениями в жизни надеющегося, сколько с верой в некую высшую и при том родную и добросовестную силу, которая искренне, пусть даже и без видимого результата, старается для общего блага.

Главным результатом «второй волны либеральных реформ» и особенно монетизации льгот в этом отношении следует признать начало разрушения этой скрытой духовной связи и этого ощущения кровного родства, на протяжении веков предоставлявшего государству практически полную свободу рук.

Огромное количество россиян наглядно убедилось в априорной, немотивированной, не имеющей рационального объяснения и никакого человеческого оправдания, но исключительно сильной и устойчивой ненависти правящей бюрократии к ним самим, их семьям и их близким. Монетизация льгот не просто осуществлялась с глубочайшим презрением к нуждам и интересам граждан России, к самой их повседневной жизни (в результате чего ее непосредственным следствием, которое, собственно, и вызвало массовые протесты, стало лишение пенсионеров права на передвижение внутри их собственного населенного пункта!). Монетизация льгот объективно была (и остается даже после колоссальных дополнительных выплат) направлена на «разгрузку» пенсионной и социальной систем за счет скорейшего и наиболее полного сокращения численности наиболее социально уязвимой части общества и носила, таким образом, характер геноцида — осуществляемого, правда, не по национальному, религиозному или классовому, а по социальному признаку.

Этот характер деятельности правящей бюрократии был хорошо осознан и прочувствован гражданами России и привел к началу процесса самоотстранения, внутреннего отчуждения малообеспеченной части населения от государства, которое не просто последовательно доказало им свою враждебность, но и перешло к массовому и сознательному уничтожению их.

Если до монетизации льгот люди сплошь и рядом возмущались и удивлялись разрушительным действиям государства, то после ее начала удивление очень быстро сошло на нет. Население России не просто начало осознавать открытую враждебность правящей бюрократии, не просто начало понимать, что суще-

ствование этой бюрократии представляет собой прямую и явную угрозу для каждого гражданина России и несовместимо с дальнейшим существованием самой нашей страны, но и восприняло это качественно новое для себя положение как относительно нормальное и естественное.

И погасившие открытый массовый протест огромные суммы денег, спешно и беспорядочно выброшенные населению, ничуть не улучшили отношение россиян к правящей бюрократии, осознанной уже не в качестве «своих» жуликов или «неэффективных менеджеров», но в качестве кровных, смертельных врагов, с которыми никогда не может быть никакого примирения, а над которыми может быть только победа.

В самом деле, когда человек, какой бы высокий пост он ни занимал, пытается убить вашу мать, вам в целом безразлично, делает ли он это по глупости, по корысти или из простого мелочного садизма: он в любом случае становится вашим личным врагом, которому нет прощения и которому, скорее всего, не будет пощады.

В 2005 году в России слишком многими монетизация льгот была воспринята как покушение на убийство, пусть даже медленное и неявное, миллионов пожилых матерей.

Результатом стал рост не только самих массовых протестов как таковых, но и готовности принять в них участие. При этом постепенно ширится осознание эффективности участия в протестах как способа борьбы за свои права.

Так, по данным социологических опросов, проводимых занимающим, насколько можно понять, строго официальные позиции Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), доля россиян, допускающих для себя возможность присоединиться к протестующим, в начале июля составляла 38% и снизилась к началу декабря лишь до 34% (доля «исключающих» эту возможность выросла, соответственно, с 56 до 59%).

Принципиально важно, что доля считающих, что акциями протеста можно добиться решения реальных проблем, хотя и существенно снизилась (с 56 до 44%), остается весьма существенной и превышает долю не верящих в это (она выросла с 30 до 41%).

При этом доля россиян, полагающих, что акции протеста, прошедшие в нашей стране в последнее время, принесли больше пользы, чем вреда, хотя и снизилась с 30 до 21%, по-прежнему решительно преобладает над считающими, что они принесли больше вреда, доля которых выросла с 6 до 8%. (С 31 до 41%

выросла доля граждан страны, считающих, что акции протеста не принесли ни пользы, ни вреда, с 15 до 11% снизилась доля полагающих, что они принесли пользу и вред в равной мере, с 17 до 18% вырос удельный вес затрудняющихся ответить.)

На фоне роста позитивного отношения к протестам весьма знаменательным выглядит недоверие к предстоящим федеральным выборам, парадоксальным образом сочетающееся с готовностью использования их для защиты своих интересов. Так, по данным того же ФОМа, летом 2005 года большинство опрошенных — 51% — заранее считало парламентские выборы 2007 года нечестными (23% думали, что они будут честными, и 26% затруднялись ответить). Понятно, что формирование осенью 2005 года «московско-чеченской» модели выборов с полностью предсказуемыми и, по всей вероятности, столь же полностью манипулируемыми результатами могло только снизить этот и без того критически низкий уровень доверия.

К качественно более значимым президентским выборам 2008 года россияне по понятным причинам относятся более лояльно, однако и здесь доля граждан нашей страны, заранее полагающих их нечестными, ощутимо превышает долю верящих в их честность — 44 и 31% соответственно (25% — примерно столько же, сколько в случае парламентских выборов — затрудняется ответить).

При этом 42% опрошенных верит, что нечестные парламентские или президентские выборы могут вызвать в России массовые выступления протеста, и лишь 39% граждан считают такое развитие событий нереальным (и 19% затрудняется ответить на вопрос).

Удивительно, что 55% россиян полагают, что результаты формально все еще демократических выборов не отражают мнения народа (31% думает, что отражает, и 14% затрудняются с ответом). Таким образом, существенная часть даже тех людей, которые заранее считают честными конкретные президентские и даже парламентские выборы, не верит в политическую эффективность механизма выборов как такового.

Вне зависимости от отношения к выборам, большинство людей намерено принять в них участие: в выборах в Госдуму — 64% (16% пока затрудняется с ответом, 20% не будет участвовать), на президентские выборы намерено прийти 73% избирателей (не собирается приходить 14%, затрудняется с ответом 13%).

Конечно, весьма вероятно, что эти высокие показатели в

~~Постыли бы камеру и считали бы все в -~~
~~или не орудие.~~

значительной степени представляют собой «пропаганду путем социологии», заранее направленную на адаптацию общества к завышению численности участников выборов. (Такая адаптация позволяет при низкой реальной явке избирателей провести «управляемые выборы» путем вброса бюллетеней за кандидата от «партии власти» для достижения «социологически спрогнозированного» уровня явки, не вызывая общественных подозрений и, соответственно, не создавая существенных рисков возникновения массовых протестов.) Однако, хотя бы отчасти, эти опросы отражают и реальные настроения граждан, включая желание повлиять на развитие страны даже в заведомо неблагоприятных условиях, даже в условиях заведомых махинаций с подсчетом голосов.

Подозрительность и сомнения в эффективности выборных процедур, воспитанные многолетним откровенным хамством «управляемой демократии», сами по себе должны бы порождать апатию. Однако агрессивная враждебность государства, осознанно, последовательно и откровенно разрушающего повседневную жизнь людей и ставящего их в невыносимые условия существования, вопреки этой естественной апатии пробуждает в россиянах стремление влиять на будущее своей страны и тем самым — на свое собственное. На фоне этого стремления неверие в честность и эффективность выборов способно мобилизовать энергию широких масс и существенно повышают вероятность возникновения массовых протестов.

При этом россияне не испытывают никаких иллюзий относительно псевдодемократических переворотов при демонстративном одобрении со стороны развитых стран Запада, совершенных в последние годы в ряде стран ближнего зарубежья (а до того — в Словакии и Сербии). По данным ФОМа, лишь 14% граждан страны считают, что «цветные» революции (опрос касался событий, произошедших в Грузии, на Украине и в Киргизии) произошли главным образом по воле самих граждан, а 55% полагает их главной причиной вмешательство «внешних сил».

Лишь по 3% опрошенных верит, что в результате революций жизнь простых граждан улучшилась в Грузии и Киргизии, и 6% — что на Украине, и 47% считает, что она не улучшилась ни в одной из этих стран. В то же время лишь 8% россиян считают, что жизнь обычных граждан в результате революций не ухудшилась ни в одной из этих стран; 30% полагает, что в результате революции она ухудшилась в Грузии, 26% — на Украине, 24% — в Киргизии.

Несмотря на это, 42% россиян верит в возможность в нашей стране «массовых выступлений протеста, подобных произошедшим в Грузии, на Украине, в Киргизии», и лишь 32% считает это невозможным. Поразительно, что 42% опрошенных заблуждаются, искренне полагая, что в России уже существует оппозиция, необходимая для организации массовых выступлений, и лишь 26% сознают ее зияющее отсутствие.

Таким образом, будучи в принципе готовыми защищать свои права, россияне сознают опасность революции, переоценивают вероятность реализации этой опасности и в настоящее время все еще склоняются к цивилизованному — мирному и по возможности законному отстаиванию своих интересов. Однако правящая бюрократия, последовательно лишая их возможности законного существования, неминуемо повернет российское общество на путь широкомасштабных протестов, — и оно уже верит в наличие сил, готовых организовать эти протесты. А ведь такая вера является самостоятельной движущей силой, многократно ускоряющей складывание необходимых организационных структур.

При этом все более адекватное восприятие современного российского государства постепенно распространяется на его главу и символ — президента Путина. Так, в начале октября 2005 года Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) опубликовал данные социологических опросов, свидетельствующие о снижении интереса населения к публичным выступлениям В. Путина, несмотря на весь его «тефлоновый» рейтинг.

Доля россиян, которым интересно смотреть передачи, в которых Путин отвечает на вопросы граждан в прямом эфире, снизилось с 80% в ноябре прошлого года до 66% в сентябре этого. Доля граждан, которым это «не интересно», выросла более чем вдвое — с 13 до 29%.

Удельный вес людей, которые не слышали ответы Путина на вопросы, увеличивается: с 24% в декабре 2002 до 28% в декабре 2003 и 33% в сентябре 2005 года (из знавших о его выступлениях; от всего населения — с 22,6 до 23,8 и 29,7%). Таким образом, **все большая часть россиян «не слышит» Путина.**

Из оставшихся доля тех, кому понравилось выступление Путина, снижается с 51 до 45 и 40% (от всего населения — с 47,9 до 38,3 и 36,0%). Доля тех, кому «не понравилось», уменьшилась с 3% в 2002-м до 9% в 2003-м, но в 2005 году вновь составила 2% (составив от всего населения 12,2, 7,7 и 10,8%).

При этом качество официальной пропаганды (а не только

ее количество), безусловно, значительно увеличилось (в частности, образ В. Путина стал подаваться менее казенно, более гибко и при этом более плотно, а его критика была практически устранена из медиа-поля). Бизнес поставлен под жесткий контроль государства, а информационное и политическое пространства — «окончательно выровнены».

Поэтому негативное изменение восприятия В. Путина не может быть вызвано пропагандистскими или технологическими причинами. Остается одна — социально-экономическая.

Действительно, с января 2003 по сентябрь 2005 года, несмотря на значительный статистический рост реальных доходов населения, позитивные изменения в его социальной структуре, по данным опросов центра Левады, оказались совершенно незначительными (что косвенно подтвердил Путин: признав в начале сентября 2005 года наличие 25 млн чел. с доходами ниже прожиточного минимума, он тем самым признал, что их численность практически не снизилась за последний год и что, значит, Росстат не случайно прекратил публикацию соответствующей статистики).

Доля испытывающих нехватку средств для покупки еды («уровень нищеты») весьма ощутимо снизилась за 2002 год — с 21 до 16% (в 2000 году было 23%). К сентябрю 2005 года она уменьшилась лишь до 14%!

Доля испытывающих финансовые затруднения при покупке одежды за 2002 год уменьшилась с 43 до 39% (в 2000 году их было 42%). К сентябрю 2005-го — до 37%.

Доля тех, кому не хватает денег на покупку простой бытовой техники — телевизора, холодильника, — за 2002 год выросла с 31 до 35% (в 2000 году их было 28%). К сентябрю 2005-го — до 37%.

Доля тех, кто имеет средства для покупки товаров длительного пользования, но не может купить машину, выросла за один только 2002 год с 4 до 10% (2000 год — 6%). Можно сказать, что именно этот год стал годом рождения «среднего класса». К сентябрю 2005 года их удельный вес вырос до 11%.

(Доля богатых, признающих в способности купить машину, квартиру, дачу, выросла за 2002 год с 0 до 1% и осталась на этом уровне.)

При этом самый социально успешный 2002 год с собственной экономической точки зрения был весьма сложным: среднегодовая цена нефти *Urals* снизилась с 26,6 долл./баррель в 2000

году до 23,0 в 2001 и 23,7 в 2002, и это отразилось на всей экономике: рост ВВП замедлился с 10% в 2000 до 4,3% в 2002, а инвестиционный, сократившись с 17,6% до 2,6%, вообще находился в пределах статистической ошибки. Неиспользуемые остатки федерального бюджета на конец 2002 года составили лишь 32,9 млрд руб., золотовалютные резервы Центробанка — 47,8 млрд долл.

В сентябре 2005 года цена нефти *Urals* превысила 55 долл./баррель. Рост ВВП за период с начала 2003 по середину 2005 года превысил 18%, инвестиций — 30%. Неиспользуемые остатки федерального бюджета к концу сентября 2005 года выросли в 43 раза — до 1,42 трлн руб., золотовалютные резервы Центробанка — в 3,3 раза, до 159,6 млрд долл. (на 1 октября 2005 года). Более того: выросли и реальные доходы всего населения в целом. Если в 2002 году они увеличились на 9,9%, то за период с января 2003 по середину 2005 — на 29%!

И, несмотря на это, социальная структура российского общества улучшилась крайне незначительно. Это наглядно показывает, что «путинское процветание» не касается большинства россиян — и они неумолимо, хотя и постепенно, теряют интерес к его символу.

Значение нового понимания отношений гражданина России с уже не «его», а осознанно и активно враждебным ему государством, развязавшим против него и его близких ничем не спровоцированную войну на уничтожение, поистине трудно переоценить.

15 лет сменявшие друг друга группы правящей бюрократии, успешно обманывая население страны, последовательно разрывали и разрушали ее. И понадобилось 15 лет даже не национальной трагедии, но национальной катастрофы, чтобы бесконечно терпеливые и доверчивые граждане России осознали это и ощутили окончательное и бесповоротное отчуждение от этой власти.

Малообеспеченная, наименее развитая и наиболее полно программируемая официальной пропагандой, которую она заглаживает некритично, как истину в последней инстанции, — даже эта абсолютно преобладающая часть российского общества ощутила, что сам факт ее существования, пусть даже нищенского и забитого, стал неприемлем для развращенной правящей бюрократии, и что последняя объявила ей войну на уничтожение.

Это ощущение — та самая революция в мировосприятии,

которая не просто является необходимой предпосылкой политической революции, но и делает ее неизбежной.

Осознание этого ощущения и тем более превращение его в доминирующие настроения широких слоев неимущих, как его ни будет подталкивать правящая бюрократия своей политикой, конечно, займет некоторое время.

Однако это время будет конечным, и на всем его протяжении давление широких слоев неимущих на правящую бюрократию будет нарастать, а сами неимущие — последовательно революционизироваться. Конечно, их влияние будет проявляться не прямо, через выборы или какие-либо иные официально признанные (и, скорее всего, официально фальсифицируемые) процедуры, но неявно и непрямо, через изменение массовых настроений и, соответственно, массового поведения.

В условиях избирательной кампании это может привести к неожиданной массовой поддержке и, соответственно, внезапно для самих своих организаторов успеху протеста против фальсификации выборов. (Существенно, что, так как представители правящей бюрократии также сознают подобную перспективу, следует со всей серьезностью отнестись к проработке ими идеи о проведении досрочных выборов в Госдуму в конце 2006 года — на год раньше установленного законом, чтобы опередить процессы революционизации широких слоев неимущего населения России.)

В обычных условиях эти процессы ведут к уже хорошо видному невероятному росту массового сочувствия к репрессированным по политическим мотивам. Принципиально важно, что это сочувствие парадоксально возникает даже в тех случаях, когда репрессированные относятся к социально чуждым группам населения или вызывают прямую неприязнь. Здесь у неимущих работает восприятие правящей бюрократии в качестве своего главного врага и простой жизненный принцип «враг моего врага — мой друг, даже если он мне и несимпатичен».

Успех или неудача революции, то есть то, увенчается ли она оздоровлением государства и модернизацией страны или же ее крахом и уничтожением, в значительной степени зависит от того, удастся ли здоровой части оппозиции максимально ускорить пробуждение неимущих к активной революционной деятельности и сделать эту деятельность максимально эффективной и цивилизованной.

ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ БОРЬБЫ: КРИЗИС ЖАНРА

Какие непосредственные формы борьбы за свои права может породить революционизация сознания широких неимущих масс? Следует признать, что к настоящему времени большинство традиционных форм борьбы доказали свою в лучшем случае ограниченную эффективность.

Сталкиваясь с систематическим нарушением своих прав люди осознали, что существуют только два по-настоящему эффективных способа борьбы за свои права, которые с высокой степенью вероятности могут быть восприняты государством и привести к достижению пусть даже и ограниченного, но результата.

Это, во-первых, перекрытие транспортных путей (автомобильных трасс или железнодорожных веток), причем преимущественно федерального значения (на парализацию региональных транспортных путей федеральная бюрократия просто не обращает внимания), и, во-вторых, проведение достаточно широко освещаемых средствами массовой информации голодовок.

К сожалению, оба эти метода требуют экстраординарных усилий и связаны с весьма существенными и очевидными рисками, а действенность их, как показывает практика, снижается.

Так, перекрытие трасс федерального значения (вроде стихийно произошедшего в подмосковных Химках в начале января 2005 года) может привести к человеческим жертвам. С одной стороны, некоторые водители, особенно в плотном потоке, могут не справиться с управлением, с другой — в принципе нельзя исключать и возможность сознательного наезда на перекрывающего трассу человека — как ради того, чтобы доехать до цели назначения, так и вследствие психологического срыва, вполне возможного при длительном движении в пробке.

С другой стороны, смертельно испугавшаяся борьбы граждан за свои права в ходе монетизации льгот правящая бюрократия, безусловно, будет стремиться как можно более жестоко наказывать участников перекрытия трасс федерального значения. В принципе представляется вполне вероятным, что в перспективе, по мере обострения внутривластной ситуации она вполне может пойти даже до приравнивания участия в подобных действиях (не говоря уже об их организации) к террористической деятельности.

Абсурдность подобного рода обвинений ни в коей мере не

сможет, как представляется, стать преградой для ее представителей, стремящихся парализовать протест страхом. В самом деле: возбудили же против лимоновцев, занявших кабинет в приемной администрации президента, уголовное дело за попытку «насильственного захвата власти» (правда, в конце концов — отчасти, вероятно, и под давлением сплотившейся общественности — все-таки заменив обвинение на «массовые беспорядки», предусматривающие существенно более мягкое — до 8, а не до 20 лет тюрьмы — наказание).

Другой достаточно эффективный способ борьбы за свои права — голодовка — стал широко распространяться после того, как подписанный президентом Путиным либеральный Трудовой кодекс предоставил работодателям легальную возможность при помощи чисто формальных процедур делать незаконной практически любую забастовку. По сути дела запретив забастовки, Трудовой кодекс оставил наемным работникам единственный, хотя и весьма опасный, и граничащий с членовредительством вид легальной борьбы за свои права.

И действительно, в настоящее время голодовка воспринимается в России как народный способ отстаивания своих интересов. Весьма существенным, по-видимому, является то, что ее тяжесть и рискованность автоматически снимает вопрос об искренности и реальной тяжести положения прибегающего к ней. Ведь понятно, что, если у человека есть хоть какая-то надежда решить свою проблему менее болезненными способами, или если проблема не является для него исключительно важной, он, скорее всего, не будет прибегать к голодовке.

Именно в этом кроется, в частности, секрет огромного сочувствия, которое совершенно неожиданно для правящей бюрократии пробудила в широких слоях российского общества голодовка, объявленная в конце января 2005 года Рогозиным и четырьмя его коллегами-депутатами против монетизации льгот.

Напомню, что московская политтусовка (правда, не без команды своих кремлевских кураторов) тогда буквально изошла злобой, изошряясь в черном юморе по поводу депутатов-«родинцев». Иногда возникало ощущение, что обслуживающие правящую бюрократию политологи и депутаты, некоторые из которых просто лопаются от жира, не просто рассматривают эту голодовку исключительно как способ похудения (хотя по крайней мере двое из пяти голодающих были очень худыми и до ее начала), но и смертельно завидуют Рогозину за то, что придуманный им способ является принципиально недоступным для них.

Однако страна, вопреки довольно изощренной пропаганде и нелюбви к депутатам Госдумы как таковым, испытала глубокое сочувствие к голодающим депутатам (об этом свидетельствовало среди прочего огромное количество писем и телеграмм поддержки, поступившее от людей, не имевших никакого отношения к «Родине» ни до, ни после этих событий). Главной причиной этого представляется даже не общая ненависть к монетизации льгот, а именно «народный», надежно гарантирующий внутреннюю искренность способ протеста, избранный Рогозиным и его коллегами.

В то же время эффективность голодовки как способа борьбы за свои права, как уже было указано выше, постепенно снижается.

С одной стороны, по мере ужесточения административного давления, а то и прямой цензуры за СМИ голодовки показываются телевидением и описываются другими СМИ все реже. С другой — по мере привыкания бюрократии (да и телезрителей тоже) к действиям доведенных до отчаяния людей восприятие голодовок (пусть даже коллективных) постепенно, но неуклонно теряет свою остроту, а все-таки прорывающиеся в СМИ сообщения о них становятся все более обыденными. (Нечто подобное случилось с сообщениями о постоянных террористических актах в Чечне, а затем и в Дагестане, воспринимающихся современным телезрителем примерно как прогноз погоды.)

Но самое главное заключается во внутренней противоречивости самой голодовки как способа борьбы за свои права.

Ведь голодающий наносит вред преимущественно сам себе, и голодовка, таким образом, представляет собой крайнюю форму обращения к совести правящей бюрократии — по сути дела, угрозу ей своей собственной смертью.

Проблема заключается в том, что совести — по крайней мере, коллективной — у современной правящей бюрократии не существует даже в самой смелой теории. Угроза же самоубийства со стороны представителей «быдла» — того самого населения, которое мешает правящей бюрократии самим своим существованием и на сокращение численности которого объективно направлены ее усилия — представляет собой попытку угрозы не чем-то неприемлемым для бюрократии, но реализацией ее собственных сокровенных желаний по максимальному сокращению численности неудобного населения.

Понятно, что угроза такого рода является весьма слабой, и по мере привыкания к самим фактам голодовок их эффективность будет постепенно сходить — и уже сходит — на нет.

Утрата представителями неимущих слоев российского общества действенных инструментов борьбы за свои права в условиях неуклонно и по объективным причинам нарастающего ущемления последних правящей бюрократией вплоть до создания невыносимых условий существования позволяет сделать два принципиально значимых вывода.

Первый заключается в том, что люди неизбежно найдут новые, действенные и, по всей вероятности, необычные способы защищать свои жизненные интересы от нарастающего мертвящего давления государства. Следует понимать, что интеллигентствующие оппозиционеры, скорее всего, в силу своего ограниченного жизненного опыта и неизбежно одностороннего взгляда на жизнь вряд ли смогут предугадать или предвидеть эти способы. Однако их прямой обязанностью является среди прочего внимательное изучение используемых методов (и особенностей их применения) и максимальная популяризация всех успехов с тем, чтобы, когда правильная технология будет нащупана, она была бы в кратчайшие сроки «отшлифована» и получила бы максимально широкое распространение на всей территории страны.

Второй вывод также прост. Чем труднее отстаивать свои права, чем более жестоким является давление правящей бюрократии, тем выше потребность людей в солидарности и тем выше ее ценность.

Когда малоимущие люди в массовом порядке начнут участвовать в акциях протеста, направленных не на защиту своих собственных интересов, а на поддержку неизвестных им людей, борющихся за свои права в неизвестном им регионе, несовершенство и неэффективность конкретных протестных технологий перестанет играть какое бы то ни было практическое значение.

Возникнет ситуация, памятная нам по всем революционным событиям, в которой масштаб не только непосредственно осуществляемых, но и, что исключительно важно, потенциально возможных акций протеста вне зависимости от степени эффективности конкретных применяемых технологий делает совершенно невозможным их игнорирование даже самой тупой и жестокой властью.

СОЛИДАРНОСТЬ – УСЛОВИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО УСПЕХА

Среди качественно новых элементов, привнесенных в общественную жизнь протестной волной начала 2005 года (когда за полтора месяца на улицы вышел миллион человек с четвертью, а за январь–июнь – и вовсе два с половиной миллиона), стала солидарность различных социальных слоев и групп друг с другом.

Протест пенсионеров против монетизации льгот поддержало большое количество людей, непосредственно никак не затронутых их фактической отменой, – студенты, инженеры, менеджеры достаточно активно участвовали в акциях протеста.

Это происходило даже в относительно сытой Москве, жители которой (чуть не написал «граждане» – ибо по сравнению с остальной Россией Москва действительно напоминает иное государство) и в самом деле в полном соответствии с официальной пропагандой в целом только выиграли от монетизации льгот. Как известно, на первом этапе монетизации льгот руководство Москвы за счет ее бюджета (в котором была пробита серьезная «дыра» и возник дефицит более чем в миллиард долларов) сохранило почти все действовавшие натуральные льготы. Однако москвичи, в первую очередь неимущие, все равно выходили на митинги протеста, защищая права обездоленных жителей других регионов России.

Да, в отличие от ближнего Подмосковья (напомню, что начавшийся в Солнечногорске протест стало невозможным скрыть, когда жители Химок стихийно перекрыли шоссе, ведущее не только в Санкт-Петербург, но и в международный аэропорт «Шереметьево-2») эти митинги были относительно немногочисленными и не могли изменить ничего в политике федеральных властей. Собственно говоря, они в этой политике ничего и не изменили, однако положили начало медленному, но весьма существенному изменению психологии россиян, в первую очередь их количественно преобладающей, малоимущей части.

Сегодня даже в Москве (в которой, несмотря на внешнее благополучие, бедно не менее половины населения) уже больше не странно тратить время и силы на выражение солидарности с посторонними людьми и на поддержку их борьбы за свои права. А ведь отвлечение сил от борьбы за свое существование по вполне объективным причинам в определенной степени противостоит естественному для неимущих! – да и для представителей «сред-

него класса», выбивающихся из сил ради покупки в кредит телевизора или стиральной машины, тоже.

Кроме того, помимо активной солидарности, заключающейся в каких-либо действиях, предпринимаемых людьми, весьма существенную роль играет и пассивная солидарность — брезгливый, но вполне сознательный отказ от сотрудничества с властью в тех или иных формах, начиная от недонесения и кончая проведением «итальянской забастовки» в ответ на те или иные требования властей.

Весьма симптоматичным представляется, например, поведение жильцов московского дома на улице Марии Ульяновой, в подвале которого находился знаменитый «бункер» Национал-большевистской партии. Несмотря на существенные неудобства, причиняемые его молодыми и не слишком приверженными общественным приличиям обитателями жильцам (по сравнению с «обычными» арендаторами подобных помещений — мелкими коммерсантами), никто из последних не обратился на них с жалобой в милицию. Представляется, что это было вызвано не страхом или пассивностью, но смутным сочувствием к странному молодому людям, самозабвенно занимающимся чем-то непонятным.

Инстинктивное отгораживание «своих», в качестве которых воспринимаются не только обычные добропорядочные граждане, но и вообще любые представители общества, от потенциального произвола правящей бюрократии представляется весьма существенным проявлением начальной, инстинктивной солидарности неимущих, которая будет достаточно быстро развиваться в солидарность политическую.

Эти процессы, несмотря на всю свою малозаметность, постепенно усиливаются.

Медленно и противоречиво, но все же возникает широкое пространство солидарности неимущих. Не сомневаюсь, что мы еще увидим в качестве массового явления, как случайная уличная толпа будет расступаться, пропуская преследуемого омовцами агитатора, и смыкаться сразу же за ним; бестолково путаясь под ногами и самоотверженно, хотя и пассивно мешая — уже не стражам порядка, но служителям правящей бюрократии и представителям силовой олигархии.

Являясь отражением общего неприятия правящей бюрократии, низовая солидарность малоимущих кардинальным образом укрепит протест. Более того: именно эта солидарность современем сделает протест непобедимым, попросту обесмыс-

лив силовое давление правящей бюрократии на оппозиционеров.

Эта солидарность станет неиссякаемым источником кадров и организационных возможностей, питающим оппозицию, и цементом, скрепляющим ее сетевые структуры как между собой, так и с обществом. Именно солидарность, пусть инстинктивная и непоследовательная на первом этапе, сделает сетевые структуры оппозиции по-настоящему неотъемлемой частью общества.

Более того: соединяя различные разрозненные и обособленные группы российского общества и повышая тем самым его устойчивость, солидарность малоимущих станет, а точнее — уже сегодня, на наших глазах становится одним из критически важных факторов сохранения целостности России в условиях системного кризиса.

Помогая друг другу, мы из безликой толпы, из беспомощного населения, являющегося излюбленным объектом реформатствующих вивисекторов, становимся народом — сознательным хозяином своей исторической судьбы.

ИММУНИТЕТ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРОВОКАЦИЯМ

Малоимущие традиционно натравливаются распадающимся государством на кавказцев и евреев, крупный бизнес, а также либералов и интеллигентов. Это естественная логика поведения правящей бюрократии: не имея возможности (а прежде всего — желания) взяться за решение реальных проблем, терзающих население, они при помощи пропаганды и тех или иных провокаций отвлекают их внимание, а с ним и протест, на «негодный объект», переводя удар гнева многомиллионных масс «с больной головы на здоровую».

В 1996 году «символом зла», виновным во всех бедах России, по горячим следам сделали коммунистов, в 1999 году — чеченских террористов. Ни при каких обстоятельствах не следует забывать, что история второй чеченской войны (как, собственно говоря, и первой) до сих пор так и не написана, а вопрос о ее причинах и роли в ее развязывании российской силовой олигархии — по всей видимости, в связи с самоочевидностью ответа на него — большинство российских аналитиков боится даже и ставить.

В 2003 году в ходе парламентских выборов негодование населения было отвлечено правящей бюрократией на крупный

бизнес, существовавший с середины 90-х годов в виде коммерческой олигархии. Ее дискредитация и последовавший затем политический разгром завершили формирование в России режима тотального господства силовой олигархии, окончательно (в том числе и с опорой на перенацеленный ею протест масс) подчинившей себе старую, коммерческую олигархию. Кроме того, «антиолигархическая» кампания весьма успешно и эффективно отвлекала население от своих повседневных нужд и интересов до самого лета 2004 года, когда во весь рост поднялась вторая волна либеральных реформ, смывая нажитое величайшим трудом хрупкое благосостояние и разрушая повседневную жизнь миллионов россиян.

В начале 2005 года, когда Россия внезапно для всех участников политической жизни оказалась охваченной массовым стихийным протестом, правящая бюрократия уже разложилась до такой степени, что не могла придумать никаких оригинальных ходов по переключению недовольства россиян с себя на своих жертв или противников. В условиях острой нехватки времени был, насколько можно понять, использован стандартный, энергично (и в целом безуспешно) применявшийся еще царским режимом механизм разжигания национальной розни. Впрочем, надо отдать представителям современного российского государства должное: использован он был в высшей степени творчески, так, чтобы с наибольшей эффективностью решить не только внутри-, но и внешнеполитические задачи.

К настоящему времени представляется вполне очевидным, что знаменитое «письмо антисемитов», широко разрекламированное российскими СМИ в лучших традициях политического киллерства, появилось на свет не само по себе, а при более чем существенном участии наиболее «продвинутых» представителей правящей бюрократии.

Формальный повод для появления этого письма был практически безупречен — издание в России (за несколько лет до появления письма) одной из средневековых иудейских книг, содержащей грубые выпады и оскорбления в адрес всех лиц, не исповедующих иудаизм. При разумном предисловии это издание осталось бы простым памятником истории, не имеющим отношения к современности, однако в предисловии, напротив, указывалось на вневременную и универсальную правильность положений этой книги, которые, по мысли авторов предисловия, должны определять все поведение правоверных иудеев.

Таким образом, оскорбительные и враждебные по отношению к представителям иных религий средневековые умозаключения были представлены в качестве вполне современного учебника жизни. Среди причин этого нельзя полностью исключить и вероятность того, что авторы предисловия, априорно уважая свое историческое и культурное наследие, в силу элементарного и столь привычного для российской жизни последних лет разгильдяйства просто не удосужились достаточно внимательно ознакомиться с текстом самой книги. Так или иначе, но в следующем издании этой книги (также появившемся задолго до начала скандала) наиболее агрессивные положения (хотя, надо заметить, далеко не все) были изъяты из исторического текста, что свидетельствует о том, что издатели осознали, по крайней мере, частично, неправомерность своей позиции и как могли исправили ее (хотя с логической точки зрения было бы правильнее просто написать соответствующее предисловие).

Большинство подписавших протест против первого издания этой книги (депутаты парламентских фракций КПРФ и, в меньшей степени, «Родины»), по всей вероятности, просто не знали о существовании второго, исправленного издания. В любом случае естественный и вполне оправданный протест против пропаганды иудейского фундаментализма (отношение к которому цивилизованного человека вряд ли должно существенно отличаться от отношения к исламскому, христианскому или буддийскому фундаментализмам, не ориентированным на добрососедское сосуществование и сотрудничество с представителями иных конфессий) был искусно подправлен подлинными авторами и инициаторами коллективного письма таким образом, что стал производить впечатление звериного, пещерного антисемитизма, совершенно недопустимого в современном обществе.

Представляется весьма существенным, что сам текст обсуждавшегося письма (как и текст вызвавшей протест средневековой книги) был практически недоступен большинству участников последовавшей дискуссии, которые вынуждены были ориентироваться исключительно на истерику официальных и полуофициальных СМИ.

Частью реализации провокации вокруг «письма антисемитов» представляются и весьма энергичные и откровенные действия президента России, который оказался единственным политическим лидером мира, который на церемонии 60-летия ос-

вобождения Освенцима официально заявил о существовании в своей стране антисемитизма.

Особую пикантность этому заявлению придает очевидная незначительность масштабов антисемитизма в России — по крайней мере, по сравнению с некоторыми другими странами, в том числе и являющимися членами «большой семерки». Несмотря на национальный состав российских реформаторов, нанесших стране урон, сопоставимый с уроном от нападения фашистской Германии, на бытовом уровне антисемитизм представляется незначительным — какие бы усилия для сокрытия этого факта ни прилагали многочисленные профессиональные грантополучатели, благосостояние которых прямо зависит от интенсивности очернения ими своей Родины.

Как и другие проявления активного национализма (в том числе и ненависти к России и русским), он действительно поддерживается падением уровня жизни и образования, а также общим ростом агрессивности дебилизированного государством общества. Однако, насколько можно судить, он остается пассивным, латентным и в целом вытесняется действительно растущей неприязнью к не желающей интегрироваться в российское общество или в принципе не способной к этому части представителей народов Кавказа и Средней Азии.

На уровне же общественной элиты антисемитизм в России и вовсе практически отсутствует, что также весьма выгодно отличает нашу страну по крайней мере от многих развитых стран Европы. Исключения составляют отдельные профессиональные касты в силовых структурах, влияние которых действительно драматически выросло в результате последовательно проводимой кадровой политики «путинской шестилетки», однако первобытно низкий уровень общей культуры представителей этих социальных групп способствует их изоляции даже в современном разлагающемся российском обществе. Классической иллюстрацией отсутствия реального антисемитизма в российской элите служит достаточно высокий удельный вес евреев в ее составе и в составе награждаемых государственным наградами.

Громкое признание Путина в антисемитизме в этих условиях весьма напоминает клевету на свою страну и свое общество и схоже с выступлениями либеральных фундаменталистов, испытывающих животную, иррациональную ненависть к России, а также штатных провокаторов, посещающих оппозиционные

интернет-форумы с целью недопущения возникновения на них конструктивной дискуссии¹.

Главная цель провокации, связанной с раздуванием якобы нарастающего в России антисемитизма, заключалась, насколько можно предположить, в комплексной дискредитации потенциально наиболее влиятельных левых партий — КПРФ и «Родины», всей левой оппозиции в целом и, шире, всего массового протеста. Ведь не случайно провокация была осуществлена в конце января 2005 года, когда стихийный протест общества против людоедской, приобретшей характер социального геноцида монетизации льгот (и, соответственно, страх правящей бюрократии перед этим протестом) достиг максимальной остроты.

Адресатом этой провокации были традиционно чувствительная к теме антисемитизма либеральная общественность России и, что значительно более важно для современной правящей бюрократии, общественное мнение Запада.

Борьба миллионов неимущих россиян за право на жизнь представлялась через призму этой провокации как не более чем агрессия зоологических антисемитов, а признаваемое вполне возможным в тот момент силовое подавление народного протеста правящей бюрократией — как борьба за демократию и цивилизацию против реальной угрозы захвата власти со стороны фашиствующих группировок. Недаром именно в тот момент была в очередной раз активизирована тема «русского фашизма», хотя экстремистские группировки данного направления, как можно

¹ Весьма существенным признаком широкого масштаба деятельности этих провокаторов стало резкое изменение содержания интернет-форумов в начале 2005 года, когда правящая бюрократия была шокирована массовостью стихийного протеста. Антисемитские эскапады в мгновение ока резко сократились, уступив место истерическим обвинениям в адрес любых людей, в той или иной форме выражающих симпатии в адрес протестующих и негодование в адрес государства. Мгновенная и практически полная «смена темы» (да еще на лежащую в совершенно иной плоскости — с антисемитизма на поддержку государства против русских в массе своей пенсионеров) представляется вполне достаточным доказательством того, что подавляющее большинство антисемитских высказываний на форумах принадлежит не психически нездоровым людям, а сотрудникам пропагандистских структур правящей бюрократии, занимающихся дезорганизацией и дискредитацией оппозиции. Потрясенная и напуганная протестами (голодающему Рогозину вполне серьезно звонили из Кремля с требованием не призывать народ выйти на улицу!), правящая бюрократия просто перебросила своих сотрудников с одного направления работы на другое, совершенно не интересуясь тем, как это отразится на информационном поле.

понять, в основном контролируются силовыми структурами и используются ими для решения различных текущих задач.

Основной информационный удар был сосредоточен на партии «Родина», хотя среди подписавших злосчастное письмо ее представители были в меньшинстве. Причина заключалась в страхе, испытанном представителями правящей бюрократии перед голодовкой группы депутатов Госдумы во главе с Рогозиным, которая, несмотря на информационную блокаду, получила неожиданно широкую поддержку в стране. Страх перед возможностью эффективного синтеза социальных и патриотических ценностей, осуществляемого представителями этой партии, усиливался из-за того, что «Родина» оказалась новой оппозиционной силой, еще не изученной правящей бюрократией: представители последней просто не знали, чего ожидать от нее (и голодовка лишь проиллюстрировала способность «Родины» к непредсказуемым действиям).

Следует признать, что основные предполагаемые цели антисемитской провокации были достигнуты. Все еще популярные в интеллигентской среде либеральные оппозиционеры (вроде Явлинского) даже не попытались возглавить стихийный протест широких масс, побрезговав близким общением с нормальными людьми. Правые и левые оппозиционеры не объединились в единый народный фронт (или, в других терминах, Движение Сопротивления), и артикуляция синтеза социальных, патриотических и либеральных ценностей, стихийно осуществленная российским обществом, вновь была отложена на неопределенный срок. И, наконец, общественное мнение развитых стран и глобальные СМИ ограничились простым сочувствием россиянам, вынужденным бороться за право на существование, не оказав им никакой действенной помощи (даже на уровне информационной поддержки).

Тем не менее не следует забывать, что «вслед за» — не означает «потому что».

Цели правящей бюрократии, обслуживаемые в том числе и рассматриваемой провокацией, были достигнуты, как представляется, не благодаря ее успешности, но лишь из-за преступных неготовности, самовлюбленности, напыщенности и сибаритства самих лидеров оппозиции — как правой, так и левой. Не только в то время, в начале 2005 года, но и по сей день они все еще не осознали в полной мере бессмысленность и, более того, пагубность любого сотрудничества с действующей и разлагающейся заживо властью.

Сама провокация, несмотря на колоссальное воодушевление «демшизы», вновь почувствовавшей себя неотъемлемой частью государственной машины, получила лишь весьма ограниченный резонанс, который так и не стал самоподдерживающимся. С одной стороны, российское общество, даже разумное большинство представителей либеральной интеллигенции, в целом скептически отнеслось к идее о внезапном проявлении антисемитизма левых оппозиционеров и сочло его проявлением не столько их собственной активности, сколько активности правящей бюрократии, дирижирующей в собственных корыстных целях деятельностью основной части экстремистских сил.

С другой стороны, при всей неприязни друг к другу правые и левые оппозиционеры, во-первых, хорошо знали друг друга и понимали, какие обвинения соответствуют (или в принципе могут соответствовать) действительности, а какие нет и, во-вторых, испытывали значительно большую неприязнь к правящей бюрократии, чем друг к другу. Разумеется, это относится не к некоторым лидерам, готовым продаваться за возможность приватизации дачи (так, Зюганов накануне выборов в Мосгордуму в декабре 2005 года с восторгом присоединился к травле «Родины») или просто за доброе слово кремлевского «куратора», а к широкой массе руководителей среднего уровня и рядовых участников оппозиционных партий и движений.

Поэтому трагическая для нашей страны неспособность оппозиционных групп (язык не поворачивается назвать их «силами») использовать шанс начала 2005 года является безусловным поражением России, но отнюдь не победой правящей бюрократии и тем более не успехом конкретной провокации, хотя на ее раздувание и были брошены колоссальные и достаточно разнообразные силы.

Вероятное осознание профессиональной частью правящей бюрократии неудачи антисемитской провокации, как и понимание того, что провоцируемый в среде противников раскол должен быть обоюдным (ибо односторонняя обида урегулируется значительно легче взаимной), привело к возбуждению ненависти социально-патриотических сил общества к либеральной оппозиции. При этом разжигании использовались многие реальные факторы — от ужесточающейся глобальной конкуренции, в которой основной ущерб России наносит именно Запад, до действительно имеющей место, а часто даже и вовсе не скрываемой вражды целого ряда видных либералов к России как таковой.

Дополнительным стимулом активности на этом направлении стал, по-видимому, иррациональный ужас правящей бюрократии перед перспективой возникновения в России «оранжевой революции», причины которой недоступны ее пониманию, так как она в принципе не может поверить в способность населения осознать и тем более самостоятельно защищать свои интересы.

Играет свою роль и стремление изолировать внутри нашей страны правых, чтобы получаемая ими поддержка Запада и крупного бизнеса не привела к усилению социально и патриотически ориентированных крыльев оппозиции.

Демонстрация покушения на Чубайса (в силу профессиональной нелепости действий потенциальных террористов поверить в серьезность этого покушения крайне сложно) представляется далеко не только попыткой запугать его (вероятно, для изъятия из-под его контроля тех или иных финансовых потоков или механизма принятия стратегических коммерческих решений РАО «ЕЭС России»). Весьма вероятно, что целью данной операции (как и целью публичных заявлений Чубайса и его сотрудников в декабре 2005 года с обещаниями массированных отключений света в Москве в случае похолодания) стало и напоминание обществу об этой полузабытой, но по-прежнему омерзительной политической фигуре, призванное вновь разжечь ненависть к нему лично, а заодно и к его поделщикам-либералам.

Напомнить об их злодеяниях, уже полузабытых и вытесненных из общественной памяти деятельностью современной правящей бюрократии, удалось, как представляется, в полной мере. Недаром популярный анекдот приговаривал Квачкова (ветерана ГРУ, при более чем сомнительных обстоятельствах обвиненного в покушении на Чубайса и даже по официальным данным получившего без какой бы то ни было избирательной кампании почти 30% на довыборах депутата Госдумы в Преображенском округе Москвы) к пожизненному заключению не за покушение на убийство какого-никакого, но все же с биологической точки зрения, безусловно, человека, а «за преступно халатное исполнение своих служебных обязанностей, приведшее к особо тяжким общественным последствиям — выживанию Чубайса».

В своем знаменитом интервью «Шпигелю» подлинный мозг администрации нынешнего президента Сурков весьма откровенно указал на неизбежность попыток силового захвата влас-

ти и неизбежность их подавления, причем из контекста следовало, что речь идет о либеральных попытках, напоминающих «оранжевую революцию», и о силовых, а не о каких-нибудь еще методах подавления.

В результате у политически образованных читателей его интервью возникло устойчивое ощущение того, что эти попытки будут при помощи отработанной технологии провокаций осуществлять сама правящая бюрократия.

Характерен и декларируемый «антифашистский» характер движения «Наши», который, как представляется, призван не только скрыть реальный характер этого движения (уже прозванного вслед за своим предшественником «Идущими вместе» «путинюгендом»), но и опорочить оппозицию, заклеив любую неприязнь к Путину и оппозиционную деятельность в целом как фашизм. В результате этой подмены понятий непримиримая борьба с оппозицией, в первую очередь с либеральной, как и слепая преданность Путину, становится естественным долгом всякого патриота. Недаром на селигерском слете трех тысяч активистов «Наших» кремлевские идеологи прямо указывали на то, что задачей этого движения станет силовое подавление массовых протестов (а специалисты Министерства обороны, по ряду сообщений, обучали «нашистов» навыкам рукопашного боя).

Поскольку ни о каком массовом фашизме в России нет и речи (по крайней мере, за пределами структур, прямо направляемых правящей бюрократией), движение «Наши» призвано силовым образом подавлять борьбу неимущих граждан России за свои права. При этом его антизападная направленность позволяет предположить, что отчаяние неимущих будет заклеено как проявление «тлетворного влияния Запада», а участники массовых протестов будут рассматриваться как «наймиты» стратегических конкурентов России из развитых стран. Патриотизм понимается при этом не как стремление к благу своей Родины, но как борьба за спасение правящей бюрократии (полностью подменяющей собой понятие Родины) от новой формы «фашистской» агрессии — на сей раз не военной, но идеологической и финансовой, «оранжево»-либеральной.

* * *

Таким образом, правящая бюрократия будет в соответствии с вечным принципом «разделяй и властвуй» раскалывать оппо-

зицию на правых, левых и националистов, организовывая самые разнообразные провокации. При этом на сформировавшийся социал-патриотический фронт будет и дальше лепиться ярлык «звериных националистов», отпугивающий либералов; борьба правых за свободу и демократию будет представляться левой общественности как агентурная работа на «проклятых империалистов», а национальным движениям будут формироваться образы структур, финансируемых разнообразными врагами России из-за рубежа и если и не прямо террористических, то уж во всяком случае сепаратистских, стремящихся к разрушению нашей страны.

Однако представляется, что обманывать широкие слои малоимущих все сложнее и в конечном счете не удастся, — и не потому, что они изначально разумны и хорошо сознают свои собственные интересы, а по совершенно иной причине: их учит лучший, самый жестокий, самый убедительный и доходчивый из всех доступных человечеству учителей — повседневная жизнь.

И ее главный урок, постепенно доходящий до всех, в какой бы степени ни были они погружены в изматывающую ежеминутную борьбу за выживание, заключается в том, что главным врагом России, продолжение торжества которого несовместимо не только с ее существованием, но и с физическим выживанием каждой из десятков миллионов российских семей, являются отнюдь не коммунисты, либералы или националисты, а сама правящая в нашей стране бюрократия.

ГЛАВА 6

ОБЩИНЫ: ГЛАВНЫЙ ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ

НЕДОПУСТИМОСТЬ ЗАМАЛЧИВАНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Традиционный анализ нарастания социально-политической напряженности, проводимый стандартными политологическими методами, как правило, последовательно игнорирует неуклонно обостряющиеся этноконфессиональные проблемы современной России.

Представляется, что в первую очередь это связано не с некоторым несовершенством указанных методов (которое, безусловно, имеет место), но с утратой в ходе деградации российского общества относительно сложных и, соответственно, адекватных методик, а также, что исключительно важно, с особенностями мировосприятия применяющих его специалистов.

С одной стороны, светское сознание автоматически отстраняется от учета практического политического значения национальных и тем более религиозных различий, стыдясь их как варварских и примитивных. С другой, существенное значение имеет и инстинктивное стремление сохранить своего рода либеральную целомудренность, избегая всякого, даже мысленного упоминания заведомо неполиткорректных национальных и религиозных различий.

Это стремление качественно усиливается и закрепляется сотрудничеством с развитыми странами Запада, представители истеблишмента которых агрессивно отторгают всякие попытки учета практического значения этих различий, а зачастую даже их формальное признание и потому весьма последовательно и целенаправленно навязывают заведомую неадекватность обществам, сталкивающимся с этими проблемами, — как представляется, далеко не всегда бескорыстно.

Существенным фактором замалчивания остроты этноконфессиональных проблем является еще и исключительно высокое качество жизни современной российской элиты, замечательно научившейся отгораживаться от чудовищной в своей безысходности и трагичности повседневной жизни собственного общества.

Богатые белые мужчины, передвигающиеся под надежной охраной между надежно охраняемыми офисами и надежно охраняемыми дорогими ресторанами в центре Москвы, а также надежно охраняемыми поселками на Рублевке, в силу самого своего образа жизни и круга общения в принципе не способны адекватно оценивать остроту и многообразие устойчивых конфликтов в современном российском обществе. Тем более не способны они воспринять уровень и темпы его дебилизации — причем не только молодежи, но и тех самых взрослых, которые еще несколько лет назад оставались вполне разумными.

Между тем именно эти люди, для которых серьезность этноконфессиональных проблем (как, впрочем, и многих других) по вполне объективным причинам остается недоступной, непосредственно управляют нашей страной и определяют не только направления ее развития, но и вопросы, в наибольшей степени волнующие российское общество и наиболее активно обсуждаемые им.

Для самых широких слоев общества (хотя в первую очередь, конечно, для интеллигенции) замалчиванию этноконфессиональных проблем способствует и истерическая боязнь прослыть националистами, порожденная в том числе простой неграмотностью и естественным для неопитов стремлением быть «святейшим папой Римского». В частности, некоторые российские либеральные политики до сих пор искренне убеждены (и не без успеха убеждают в этом окружающих, запутывая их и лишая их ориентиров в современном мире), что профессиональный термин правоохранительных органов «этническая преступность», применяемый в том числе и во всех демократических странах, вполне адекватный описываемому понятию и совершенно нейтральный политически, на самом деле является синонимом не просто этнической нетерпимости, расизма и ксенофобии, но и геноцида по этническому принципу, напоминая уничтожение евреев в фашистской Германии.

В ситуации, когда глобальная конкуренция все в большей степени приобретает характер конкуренции между различными цивилизациями, в первую очередь между иудео-протестант-

ской цивилизацией современного Запада и радикализирующим-ся исламом¹, подобное интеллектуальное ханжество (насаждение которого в других странах представляется уже стандартным инструментом ослабления конкурентов) становится гарантией глобального поражения.

Россия является не просто одним из полей непосредственного столкновения этих цивилизаций, но единственным, ресурсы которого имеют исключительное глобальное значение. Контроль за ними со стороны той или иной осуществляющей глобальную экспансию цивилизации служит практически гарантированным залогом если и не ее окончательной победы (которая вряд ли возможна в принципе), то, по крайней мере, долгосрочного доминирования. Весьма существенно, что все без исключения участники современного глобального столкновения осознают это с ясностью, практические последствия которой не могут не пугать российское общество.

Этой ясности, объективно означающей исключительную целенаправленность, последовательность и упорство действий по включению России исключительно в орбиту одной из конкурирующих цивилизаций, сегодняшнее и завтрашнее российское общество может противопоставить только непреклонное обеспечение постоянного и повсеместного «баланса сил» всех цивилизаций, осуществляющих глобальную экспансию. (Стоит напомнить, что экспансия западной цивилизации носит преимущественно финансово-экономический, исламской — социально-религиозный и китайской — этнический характер.)

Успешное решение этой действительно исключительно сложной и при том деликатной задачей позволит не только обеспечить всестороннюю модернизацию и долговременное социально-экономическое процветание истерзанного российского общества, но и возродить на качественно новой, современной технологической и, что не менее важно, идеологической основе российскую цивилизацию, со временем сделав ее полноправной участницей глобальной цивилизационной конкуренции.

Реальность этой позитивной перспективы не должна заслонять от нас и возможность провала, который, без всякого пре-

¹ Подробнее об основных аспектах современной цивилизационной конкуренции см. в книге Михаила Делягина «Мировой кризис. Общая теория глобализации» М., «Инфра-М», 2003, а об особенностях экспансии радикального ислама в российском обществе — в книге Михаила Делягина «Россия после Путина. Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция?» М., «Вече», 2005.

увеличения, будет означать для нас катастрофу — разрушение России, по всей видимости, уже окончательное, и ее безвозвратное исчезновение не только с карты мира, но и из самого процесса развития человечества. Мы должны ясно понимать, что, если мы не справимся с текущей задачей балансирования влияния основных цивилизационных «центров силы», уже наше поколение и, вполне вероятно, нас лично и наши семьи постигнут чудовищные, непредставимые и не поддающиеся описанию бедствия и изуверства. В этом случае у нас не будет потомков, а будут лишь могилы; уделом же России станет не история, а археология, как и у всех остальных безвозвратно исчезнувших цивилизаций.

С точки зрения внутреннего развития всякого общества проблематика цивилизационного столкновения наиболее полно и ясно выражается через этноконфессиональные проблемы. Поэтому не вызывает сомнений, что успех или провал при решении стоящей перед нами глобальной задачи, а с ним и все будущее нашей Родины в очень большой, а возможно, и в решающей степени будет зависеть от внимания ответственной части общества и, самое главное, государства к этноконфессиональным проблемам.

Исключительная, а скорее всего, и абсолютная значимость этих проблем требует ответственности, профессионализма и бдительности, которые практически исключаются их сегодняшним трусливым замалчиванием.

Табуирование общественно-политических проблем, да еще таких глубоких и иррациональных, как этноконфессиональная, не только не позволяет своевременно, эффективно и конструктивно решать их, но и само по себе способствует их углублению и обострению, в конечном итоге делая их смертельно опасными для общества¹. Выражаясь поэтическим языком, замалчивание превращает ягнят в тигров.

¹ Принципиально важно, что это правило, как, впрочем, и все остальные, отнюдь не является абсолютным и универсальным. Табуирование этноконфессиональной проблематики не только возможно, но и целесообразно при наличии жесткого и эффективного государства, последовательно, целенаправленно и успешно решающего эти проблемы при помощи гибко корректируемой по мере необходимости политики. В этом случае предельное ограничение общественной дискуссии весьма действенно содействует постепенному решению, а затем и снятию проблемы — примерно так же зарастает рана, если ее не тревожить. (См. продолжение сноски на стр. 142.)

В силу изложенного роль этноконфессионального фактора в предстоящей России революции представляется исключительной, а возможно — и решающей¹. Он может стать как камнем на шее, увлекающем нашу страну в пучину бедствий навстречу неминуемой гибели, так и двигателем ее всестороннего обновления и возрождения.

Понятно, что в ближайшие годы основной компонентой этого фактора будет стремительно распространяющийся в России и при этом радикализирующийся (как, впрочем, и везде в мире) ислам. *Объемные и медленные по отношению к ядерной и атомной энергии ресурсы*

ПЕРЕОЦЕНКА СТЕПЕНИ ОДНОРОДНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Обессиливает русское общество замалчивание этноконфессиональных проблем вызвано не только разнообразием

Однако долгосрочное соблюдение требования эффективности государства в этих условиях представляется проблематичным в принципе. Ведь замалчивание этноконфессиональных проблем, способствуя снижению внимания общества к ним (так как чрезмерное внимание подобного рода, безусловно, является опасным для самого этого общества), повышает вероятность пренебрежения ими сначала при подготовке специалистов государственного управления, а потом и в ходе самого государственного управления — когда соответствующее поколение специалистов выдвинется на ключевые позиции. Государство, являясь неотъемлемой и не поддающейся обособлению (во всяком случае, полному и долговременному) частью общества, само становится жертвой собственных требований по замалчиванию этноконфессиональной проблематики и прекращению открытой общественной дискуссии. Об этом ярко свидетельствуют примеры не только Советского Союза, но и развитых демократических стран — Франции, США, Великобритании, Австралии и Германии.

Так как решение этноконфессиональных проблем цивилизованным путем не может занять время менее жизни одного поколения, данная угроза представляется объективной и грозной.

Ее преодоление в принципе реально, но требует от государства длительных сверхусилий — подготовки высококлассных и исключительно важных специалистов по официально несуществующей или, по крайней мере, незначимой проблеме. На практике подобное длительное сверхусилие представляется возможным лишь в исключительных случаях.

¹ Ничего нового или исключительного в этом нет; еще судьбу Великой Октябрьской социалистической революции в критические дни лета 1918 года решили, как известно, латышские стрелки, а также части, сформированные из венгерских военнопленных и китайцев.

ми страхами, испытываемыми представителями российской элиты в отношении самих этих проблем, но и глубочайшим непониманием ими современного состояния российского общества.

Преобладающее представление о России как стране с абсолютным доминированием если и не русского, то, во всяком случае, славянского населения и православной религии объективно ведет к недооценке не только остроты и глубины, но и потенциальных масштабов этноконфессиональных проблем и представляется серьезнейшим, а в свете вышеизложенного — и весьма опасным заблуждением.

Прежде всего, официальные данные, насколько можно понять, серьезно завышают степень доминирования славянского населения в российском обществе. По-видимому, это происходит в результате систематического занижения данных о численности представителей других этнокультурных групп, иммигрировавших в Россию в последние 15 и особенно — в последние 5 лет. Последний промежуток времени следует выделить особо, так как частичное восстановление уровня жизни благодаря росту мировых цен на нефть превратило нашу страну в подлинный «оазис благополучия» на всем постсоветском пространстве. Это практически немедленно, уже с 2000 года привело к резкому, наблюдаемому даже невооруженным глазом на улицах крупных городов росту кавказской и среднеазиатской, а также китайской иммиграции.

Весьма существенно, что, насколько можно судить, эта иммиграция если и не преимущественно, то, во всяком случае, в значительной степени носит неофициальный характер и потому остается невидимой для предельно бюрократизированных структур государственного управления. Это ведет к систематической недооценке ее масштабов: так, официальные лица просто в силу своего положения вынуждены использовать официальные же источники, адекватность которых вызывает серьезные сомнения. Достаточно указать, что по данным Всероссийской переписи 2002 года на территории России проживало лишь 300 тыс. этнических китайцев, в то время как даже по мнению китайских специалистов число одновременно находящихся на территории России китайцев, приехавших в нее после 1992 года, составляло не менее 1 млн чел. (а по оценкам российских специалистов было как минимум вдвое большим). Не вызывает сомнений, что пятикратное увеличение квоты на импорт рабочей силы из Китая (со 100 до 500 тыс. чел. в год),

наряду с передачей Китаю островов на Амуре, осуществленное В. Путиным в 2004 году, будет способствовать существенной интенсификации притока китайской рабочей силы в Россию. Между тем иммиграция из Средней Азии и Закавказья, преимущественно исламская, еще более труднонаблюдаема, чем китайская (хотя бы в силу качественно меньших отличий во внешности с основной частью коренного населения России).

Таким образом, количественное доминирование славянского населения значительно слабее, чем кажется лицам, старательно ориентирующимся на официальную статистику, хотя сам факт этого доминирования сегодня и как минимум в ближайшее десятилетие не вызывает сомнений. Однако с практической точки зрения всякий количественный фактор является заведомо второстепенным, уступающим по своему значению качественным факторам.

С этой точки зрения ситуация еще более неоднозначна.

Численное большинство русского и тем более славянского населения с лихвой компенсируется его разобщенностью, практически полным отсутствием единой мотивации, неформальной коммуникативной системы и внутренней солидарности. Создается впечатление, что русские (под которыми понимаются не только представители русского и не только представители славянских народов, но и в целом носители русской культуры) на протяжении как минимум половины тысячелетия (то есть двадцати последовательно сменявших друг друга поколений) настолько привыкли отождествлять себя с государством, что утратили навыки самоорганизации, самоосознания и самостоятельной общественной деятельности как таковой. В результате, внезапно оказавшись в ситуации тотальной и агрессивной враждебности нового, реформаторского государства своим повседневным интересам, они, за исключением редчайших случаев, оказались полностью беззащитными перед практически всеми видами внешней и внутренней конкуренции и начали стремительно сдавать позиции по всем направлениям, в том числе и в сфере этноконфессиональных отношений.

Существенно и то, что в силу распада традиционной морали и утраты идеологии славянское население России в значительной степени утратило внутреннюю мотивацию, весьма эффективно защищающую личность от алкоголизма, наркомании и в целом болезней, связанных с утратой моральных ориентиров. В результате, если оценивать его удельный вес не в общей численности населения страны, а в здоровом и социально ак-

Г.В. нет намерения убивать!

тивном населении, официальные представления придется драматически корректировать в сторону снижения.

Еще хуже дело обстоит в сфере религии.

По устоявшейся советской традиции приписок к православным относят всех, считающих себя таковыми, то есть практически всех представителей восточнославянских народов (ибо в условиях агрессивной религиозной пропаганды для того, чтобы назвать себя атеистом даже в анонимном социологическом опросе, требуются известное мужество и выдержка). Между тем простейшие уточняющие опросы показывают, что активно верующими, то есть выполняющими основные православные обряды, являются менее 10% населения России, что вполне сопоставимо с общей численностью активно верующих мусульман. (Представляется весьма существенным, что доля активно верующих в мусульманских диаспорах, даже исповедующих традиционный, «домашний» ислам существенно выше в том числе и потому, что роль ислама для самоидентификации существенно выше аналогичной роли православия.)

Само по себе это не является чем-то страшным и, учитывая инстинктивную самоидентификацию людей и массовую тягу к православию как суррогату общенациональной идеи, могло бы стать фундаментом для стремительной и широкомасштабной экспансии в рамках российского общества.

Однако проблема заключается в том, что Русская Православная церковь (далее РПЦ) является, по всей вероятности, единственной из великих церквей мира, не прошедшая во второй половине XX века глубокое реформирование и адаптацию к современным реалиям и в силу этого отталкивает от себя огромное число потенциально верующих. Речь даже не идет о позиции РПЦ в годы Советской власти, когда она была насыщена агентурой КГБ, а ее представители, несмотря на подвижничество, а то и мученичество десятков, а возможно, и сотен тысяч священников, далеко не всегда играли благовидную роль в развитии нашего общества. Речь идет о последних 15 годах и о сегодняшней позиции многих представителей РПЦ, последовательно отвращающей миллионы думающих и чувствующих людей если и не от религии как таковой, то, во всяком случае, от православия.

Я пишу эти строки на Соловках, в «русской Шамбале», на земле вековой святости, лагерного ужаса и пореформенной безысходности. Однако едва ли не самым сильным впечатлением от Соловков стала позиция 35 монахов и послушников, с трудом

осваивающих северный угол некогда могущественного Соловецкого монастыря, которые несколько лет назад не постеснялись потребовать выселить с острова все остальное его население (сейчас 917 чел.) и запретить любое посещение его мирскими людьми, кроме религиозного паломничества (в 2004 году численность туристов оценивается в 27 тыс. чел., большинство из которых были светскими; даже в период наибольшей популярности Соловецкого монастыря перед Первой мировой войной количество религиозных паломников не превышало 12 тыс. чел. в год).

Да, в тот раз политическое мастерство и терпимость высших светских и православных властей страны (а требование со всей присущей «православным фундаменталистам» тактичностью было выдвинуто накануне визита на острова В. Путина и Алексия II, которым, похоже, пришлось искать выход из положения лично) позволило если и не разрешить, то существенно сгладить конфликт. «Соломоновым решением» стала передача почти незаселенного, но святого для православных Анзерского острова, второго по величине из Соловецких островов, в долгосрочную (на 49 лет) аренду РПЦ.

Однако большинство православных или стремящихся к православию людей сталкиваются не с высшими церковными патриархами, а с обычными священнослужителями, среди которых встречаются самые разные люди. Порой представители РПЦ проявляют качества, которые трудно назвать иначе, кроме как «фантастическое мракобесие», отвергая как «дьяволово изобретение» даже многие обыденные технологические изобретения.

Классическим примером является и по сей день вызывающее возмущение жителей Соловков, рассказавших об этом автору, неприятие монахами и послушниками Соловецкого монастыря ветряков (ветряных электростанций) как вырабатывающих «дьявольскую энергию»¹. В результате стоимость электроэнергии, вырабатываемой на дизельной электростанции, составляет 8 руб. 50 коп. за 1 кВт-ч² (цена 2005 года) и является одной из самых

¹ Правда, это мракобесие, как это часто бывает в последние десятилетия, парадоксально разделяют и экологи, считающие, что ветряки распугают местных птиц. При этом экологи не утруждают себя мыслью о возможности размещения ветроэлектростанции в отдаленных частях Соловецких островов или даже на небольших пустынных островках, где они не будут мешать ни людям, ни птицам.

² Правда, для населения, благодаря перекрестному субсидированию, цена электроэнергии поддерживается на вполне приемлемом уровне — 86 коп. за 1 кВт-ч, так что использование дизельной электростанции создает

высоких в нашей стране. Особенно пикантной представляется позиция современных монахов Соловецкого монастыря, если вспомнить, что их предшественники в начале XX века использовали ветряк в качестве резервной мощности для питания лампы церкви-маяка на вершине Секирной горы и не испытывали по этому поводу никаких комплексов.

Но даже если относиться с пониманием к подобным проявлениям воинствующего архаизма (в конце концов, РПЦ сама по себе является весьма древней организацией), нельзя не обратить внимание на отношение части ее представителей к людям.

Поистине кощунственное впечатление, достойное современной государственной бюрократии, производят многочисленные (даже в Москве) отказы в крещении под предлогом недостаточно хорошего знания Библии или недостаточно твердой веры. Некоторые священники без стеснения требуют от желающих обратиться к православной вере сдачи экзаменов, напоминающих вузовские экзамены советских времен по марксизму-ленинизму или современные — по знанию правил дорожного движения, — при том, что сами эти священники производят впечатление откровенно малограмотных и весьма ограниченных людей. Такое отношение к стремящимся к принятию таинства, которым является крещение, свидетельствует не только о хамском пренебрежении людьми, но также о непонимании и глубоком извращении самой сути священничества. Ведь священник является лишь посредником между Богом и людьми, не имеющим права отворачивать стремящихся к вере людей и отказывать им, — если, конечно, они не являются нераскаившимися злодеями.

неудобства в основном для развития хозяйства Соловецких островов (достаточно указать на то, что в номерах фешенебельных гостиниц, появляющихся на них в последнее время, нет холодильников, а в ряде случаев и телевизоров, а электрическое освещение носит скорее символический характер, — все это оказывается слишком дорого даже для тех, кто берет за суточное проживание в скромном номере 140 долл.).

Позиция монахов во многом объясняется тем, что они, насколько можно понять, благодаря отнесению основной части своих помещений в категорию жилых, платят за использование электроэнергии для хозяйственных нужд (за исключением освещения скотного двора) по ставкам населения, то есть почти в десять раз меньше, чем остальные субъекты хозяйственной деятельности, функционирующие на островах. В результате монахи получают колоссальные неконкурентные преимущества, весьма эффективно используемые, разумеется, и в рамках религиозной пропаганды.

Отталкивает и общее озлобленное отношение многих представителей РПЦ к светским или «недостаточно верующим», по их впечатлению, людям, доходящее до отношения к ним как к своего рода «недочеловекам», которое производит особенно сильное впечатление по контрасту с откровенным помыканием верующими.

Зачастую это крайне неприятно сочетается с глубокой внутренней убежденностью служителей православия, что «им все должны»¹; и переносом, вероятно, справедливых в общем представлений о греховности человека вообще на конкретных людей, в том числе и обращающихся к ним за насущно необходимыми советом и помощью. Настырное требование не просто покаяния, но еще и самоуничтожения как условия даже простого общения со многими священниками, нескрываемое лукавство и откровенное ханжество при всей частности своих проявлений являются более серьезной и более действенной если и не антирелигиозной, то, во всяком случае, антиправославной пропагандой, чем многолетние ухищрения советского агитпропа.

В свое время (несколько лет назад) некоторые священники умудрились высказать недовольство даже комплексом зданий Международного музыкального центра и высотной гостиницы в Москве (около Павелецкого вокзала), которое-де «передразнивает» церковную архитектуру! «Передразнивание» это заключалось всего лишь в том, что гостиница представляет собой узкое, вытянутое в высоту здание, а музыкальный центр — невысокое и круглое, что, соответственно, интерпретировалось как «передразнивание» классического архитектурного ансамбля, состоящего из колокольни и церкви.

В масштабах всей РПЦ болезненное впечатление производит и видимая неспособность ее представителей освоить (а иногда и просто сохранить) значительную часть возвращенных РПЦ культурно-исторических богатств, особенно в сочетании с зачастую проявляющимся агрессивным желанием отнять у светской части общества (в том числе у детских садов и школ) еще и еще.

В результате изложенного православие в России последовательно проигрывает конкуренцию за души и сердца людей не только радикальному и при этом зачастую весьма интеллигентному исламу, но и католицизму, многим ветвям протестантизма, буддизму и иудаизму, не говоря уже о по-прежнему ко-

¹ В обыденной жизни характерной больше для наиболее агрессивных и «отмороженных» представителей криминального мира.

лоссальном количестве разнообразных сект. Большинство этих религий осуществляют продуманные, ненавязчивые и психологически исключительно комфортные для неверующих программы возбуждения интереса к своим религиям с последующим привлечением неопитов, особенно молодежи (вплоть до бесплатных курсов изучения арабского языка при мечетях, широко распространенных на Южном и Среднем Урале; весьма существенно, что при приеме на эти курсы осознанное предпочтение отдается детям из немусульманских и в особенности славянских семей).

Несмотря на то что среди служителей этих религий также встречаются самые разные люди, соответствующие церкви прилагают значительные усилия не просто к собственной миссионерской деятельности (которую РПЦ в России, насколько можно судить, даже не пытается вести), но и к созданию своего привлекательного образа и в среде людей, которые гарантированно не станут объектами этой миссионерской деятельности и, соответственно, верующими, но будут своим терпимым и уважительным отношением незаметно для самих себя формировать общественное отношение к этим церквям.

ФАКТОРЫ ОБОСТРЕНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Как это обычно бывает, замалчивание насущной общественной проблемы способствует ее обострению, а самоустранение органов государственного управления от ее решения, возведенное в ранг национальной стратегии, ведет к варваризации самодейтельных попыток навести в этой сфере хоть какое-то подобие порядка — вплоть до весьма серьезных столкновений на этнической и этнополитической почве¹.

¹ Классическим примером служат сообщения о том, что получившее широкий общественный резонанс убийство Тимура Качаравы — санкт-петербургского музыканта и члена «антифашистской» экстремистской группировки «антифа» — и тяжелое ранение его спутника было простой мезтью за произошедшее за 2 часа до этого массовое избивание коротко стриженного молодого человека, в котором погибший вместе со своим другом «принял активное участие». В ходе этого избивания «десять представителей группировки «антифа» нанесли тяжкие телесные повреждения юноше с короткой стрижкой (якобы «скинхэду»). Пострадавший был госпитализирован в тяжелом состоянии». (http://www.apn.ru?chapter_name=events&data_id=2728&do=view_single)

Ситуацию только усугубляет откровенно русофобская позиция значительной части правящей бюрократии. Она, как представляется, вызвана не столько боязнью обвинений в попустительстве «русскому фашизму» и агрессивным давлением представителей Запада, сколько собственным животным страхом перед всеми формами самозащиты и самоорганизации собственного народа, в том числе и проявляющихся в сфере стихийно возникшей этноконфессиональной конкуренции.

К настоящему времени уже полностью оформилась закономерность, получившая название «феномена таджикской девочки»: любое преступление, совершенное русским против представителя неславянской национальности, представляется «вопиющим проявлением ксенофобии и расизма». В то же время всякое преступление, совершенное не желающим (или по объективной причине не способным) ассимилироваться иммигрантом против русского, рассматривается иезуитским синклитом профессиональных грантополучателей и с удовольствием спекулирующих на этноконфессиональной проблематике для доказывания Западу своей «цивилизованности» представителей правящей бюрократии исключительно как бытовое до тех пор, пока не появятся совершенно неопровержимые доказательства обратного (которые, строго говоря, могут существовать в исключительно редких случаях).

Трагичным является и то, что правящая бюрократия, осознавая как свою органическую неспособность справиться с управлением страной, так и рост недовольства населения, вызываемый этой неспособностью, находит выход в переключении общественного раздражения на «врагов», образ которых искусно формируется при помощи изощренных политтехнологий. Перед выборами 2003 года таким «врагом» была назначена коммерческая олигархия (и общество помимо своей воли помогло силовой олигархии победить ее и стать единоличным хозяином страны). В 2005 году обозначились попытки сплотить общество вокруг правящей бюрократии против не только «внешнего врага», в роли которого выступили развитые страны Запада и в первую очередь США, но и против «врага внутреннего». В его качестве были обозначены различные национально ориентированные силы, свои для каждой части общества — в полном соответствии с правилом «разделяй и властвуй».

(Строго говоря, в этом нет ничего нового: в 1999 году Путин пришел к власти на разжигании официальной пропагандой не

просто патриотизма, но, что представляется совершенно недопустимым и что аукается нам сейчас на Северном Кавказе, именно этнически окрашенного патриотизма. Не стоит забывать, что даже Сталин официально выселял не народы, а «тысячи предателей, захваченных на территории» соответствующих регионов. В результате общественное сознание в целом не поражалось расизмом и ксенофобией, не становилось агрессивным националистическим и деструктивным. В 1999—2005 годах в России наблюдается совершенно иная государственная политика, неявно, но весьма эффективно направленная, по сути дела, на дробление общества по национальному признаку.)

Скандал с антисемитским письмом значительной группы депутатов, поддержание, а в ряде случаев и раздувание как антиисламских, так и русофобских настроений представляются неотъемлемой, хотя и глубоко скрывающейся, а частично осуществляемой по личной инициативе компонентой всей политики правящей бюрократии.

Отчасти это вызвано собственной деградацией и глубокой безответственностью власти, отчасти — ужасом перед окончательно вышедшими из-под контроля (похоже, как раз во время полпредства Д. Козака, прочимого многими в преемники Путина) и стремительно нарастающими процессами варваризации Северного Кавказа, все менее напоминающего часть России даже по формальному исполнению формальных законов, не говоря уже о повседневной жизни основной массы населения. Безусловно, значимой причиной подобной политики является и чудовищный «бизнес на крови», процветающий не только в Чечне, но и в некоторых других регионах России и объединяющий, насколько можно понять, представителей силовых и террористических структур в противоестественный, но тем не менее исключительно эффективный для достижения их частных коммерческих целей симбиоз.

В любом случае уровень внутренней этноконфессиональной напряженности в современной России представляется не просто угрожающе, но и исключительно высоким.

Так, по данным самых разных социологических опросов, проводимых различными специалистами для различных заказчиков, преследовавших различные цели, лозунг «Россия для русских» в настоящее время считает правильным (хотя в основном и с весьма существенными оговорками, причем удельный вес поддерживающих этот лозунг практически не растет) более половины россиян.

Несмотря на разнообразие этноконфессиональных проблем, в частности, на глубину противоречий, связанных с представителями цыганского и некоторых других народов (например, к востоку от Урала — с китайцами), главный из имеющихся этноконфессиональных конфликтов четко очерчен и содержательно локализован, хотя и охватывает основную часть территории нашей страны. Как представляется, он состоит в наметившемся и уже идущем полным ходом разделении российского общества на коренное для большинства регионов славянское население и не интегрирующихся с ними представителей различных и часто враждующих друг с другом мусульманских общин.

При этом ислам является в современной России, как, впрочем, и во всем современном мире, не столько религией, сколько единственным доступным для обычных людей способом реализации тяги к справедливости. Существенно, что в ряде регионов Северного Кавказа, а также, в меньшей степени, в Татарии и Башкирии он служит еще и специфическим способом социализации. (Не составляет никакого секрета, что в некоторых районах титульно русских регионов Северного Кавказа представители славянских национальностей принимают ислам, просто чтобы иметь возможность реально участвовать в решении вопросов местного самоуправления, реально принимаемых в рамках мусульманских общин, а не формально обозначаемых органов местного самоуправления.)

К сожалению, знания современного российского общества о его собственных внутренних структурах, и в особенности об этнических общинах, крайне разрознены и ограничены. Это объясняется не только вошедшими с легкой руки Пушкина в поговорку ленью и нелюбопытством славян, но и обособленным характером существования общин, отнюдь не стремящихся к интеграции, а в ряде случаев и проводимой ими жесткой информационной политикой закрытости. Помимо реакции общества, обособленность общин вызвана прежде всего объективными причинами: для руководителей общин интеграция будет означать потерю власти и денег.

Для решения задач практической политики исключительно важно знать, что исламские общины современной России не только не объединены, но и далеко не однородны. Наиболее важным обстоятельством их внутреннего различия представляется довольно жесткое противостояние местного мусульманс-

кого самоуправления (джамаатов), озабоченного, за исключением отдельных регионов, преимущественно местными проблемами, с экспансионистской интернациональной компонентой ислама. Представителями последней являются салафиты, более известные как ваххабиты; наиболее серьезная структура — «Хизб'ут-Тахрир», разветвленная глобальная политическая организация, по сути дела, политическая партия, стремящаяся построить всемирный исламский халифат, но готовая, как когда-то большевики, начать с России. По некоторым данным, это третья после «Единой России» и КПРФ партия, уже в 2005 году, несмотря на негативное отношение со стороны формальных властей, имевшая свои ячейки (хотя в ряде случаев не ведущие практической деятельности и, возможно, созданные не более чем для приукрашивания отчетности) практически в каждом городе нашей страны.

Сохранение целостности России требует в качестве категорического императива формирования и внедрения новой наднациональной и, что исключительно важно, надрелигиозной идеологии, способной объединить общей долгосрочной целью людей, принадлежащих к разным культурам, религиям, народам и общинам.

Это азбучное и вполне объективное требование остается тем не менее совершенно недоступным для сознания правящей бюрократии. В условиях фактического отсутствия или, если угодно, последовательного самоустранения государства от реальных проблем общественного развития (выдаваемого к тому же за высшую мудрость либерализма) решение этой задачи целиком ложится на плечи оппозиции — вне зависимости от того, нравится это ее представителям или нет.

Одной из важнейших неотложных потребностей является, как это ни парадоксально, позитивное и обязательно не агрессивное объяснение истории, в том числе новой и новейшей, нашей страны. Такой взгляд на нее действительно является нетрадиционным даже для советской историографии (не говоря уже о пореформенной и особенно «демократической», последовательно и целеустремленно представляющей нашу страну и наш народ исчадием ада и главным источником всех бед и несчастий человечества). Однако невозможно себе представить времена, для которых не было бы актуальным восстановление истины.

Это особенно верно для нашей страны и нашего народа, на протяжении всей своей более чем тысячелетней истории бывшего преимущественно добровольным помощником, развивав-

шим своих соседей¹ или обеспечивающим их мирное развитие (пусть даже и в форме помощи их правительствам, а не непосредственно самим народам, как, например, это было во время Священного союза), или жертвой чужеземной агрессии.

Характерно, что наша страна, несмотря на суровость своей и мировой истории, почти никогда не была захватчиком и эксплуататором², а вошедшие в поговорку жестокости, например, Ива-

¹ Именно поэтому Российская империя и в еще в большей степени Советский Союз не были империями в традиционном смысле слова: они занимались не столько эксплуатацией, сколько развитием «колоний». Обвинение их в «имперскости» представляет собой, таким образом, простую пропаганду, направленную на извращение их сущности и дискредитацию путем приравнивания к колониальным империям и современной неоколониальной империи — США.

² О масштабах сознательного переписывания и извращения истории свидетельствует, например, культивируемая в Прибалтике обида за «оккупацию» ее территории Советским Союзом. При этом последовательно игнорируется, что все прибалтийские страны получили независимость из рук «преступной» Советской власти (а Литва — еще и огромные территории), ни одна из них в период независимости не управлялась не только демократическим, но даже и просто разумным образом, в результате чего все они уже во время Второй мировой войны вошли в состав СССР в результате волеизъявления собственного (пусть даже и обманутого пропагандой) населения, то есть по доброй воле. С точки зрения не только тогдашнего, но и современного международного права, не говоря уже о простом здравом смысле, вхождение Прибалтики в состав СССР никак не соответствовало содержанию понятия «оккупация». То же, с незначительными поправками, относится и к Польше.

Действительным эксплуататором Советский Союз был исключительно короткие периоды в своей истории. Так, например, после победы в Великой Отечественной войне цены на поставляемую в него продукцию стран Восточной Европы последовательно занижались, что вело, по сути дела, к их эксплуатации. Однако после беспорядков в Берлине и Польше в 1953 году, во многом вызванных именно социально-экономическими последствиями этой практики, она была решительно прекращена, и наша страна, напротив, начала субсидировать развитие социалистических стран Восточной Европы как своих союзников.

Субсидирование это пережило и сам Советский Союз; в настоящее время оно существует в виде практически безоговорочного признания Россией в высшей степени спорных «долгов», возникших перед наиболее развитыми социалистическими странами Восточной Европы в последние годы существования СССР в результате, насколько можно судить, массового предательства государственных интересов коррумпированной советской бюрократией. Спорность этих долгов позволяла не признавать и не платить их, однако руководство России отказалось от этой возможности — при этом некоторые скандалы (в частности, дело «Фалькона») позволяют предположить, что этот отказ также не был вполне бескорыстным.

на Грозного, являются таковыми лишь на фоне относительно мягких российских нравов (чего стоит одно то, что он мог в ходе церковных служб поименно поминать почти всех своих жертв!); достаточно вспомнить хотя бы средневековую Англию, в которой основным приговором судов являлась виселица. (Нелишне вспомнить и то, что уничтожение рабства в России произошло, несмотря на все его запаздывание, исторически лишь немногим позже, чем в некоторых сегодня кичащихся своими демократическими традициями странах Европы¹ и до его уничтожения в США; женщины же получили право участия в выборах намного раньше, чем в Великобритании и Швейцарии, где это случилось соответственно аж в 1928 и 1941 годах.)

В рамках конструктивного переосмысления своей истории, например, разумно рассматривать предоставление государственной независимости Польше, Финляндии и Прибалтике как результат того, что Российская империя, при всех своих бесспорных недостатках, воспитывала свои народы до уровня, позволяющего им самостоятельно существовать в Европе. По достижении этого уровня наша страна, хотя и в результате исключительно драматических событий, «отпускала» эти народы, предоставляя им независимость². Этим она принципиально от-

¹ Франция отменила рабство в своих колониях лишь в 1848 году; крепостное право, отмененное в 1772 году, существовало в ней минимум на сто лет больше, чем в России (где оно было введено в 1649 году); крепостное право в Германии (Пруссии) было отменено в 1807 году.

² Прогресс, достигнутый многими народами именно в рамках Российской империи (фантастическая цивилизаторская роль Советского Союза не вызывает сомнений даже у его оголтелых противников), по понятным идеологическим причинам никогда толком не популяризовался и в настоящее время практически забыт. Тем не менее он становится очевиден из многих вроде бы незначительных деталей; так, во второй половине XIX века серьезное недовольство в Финляндии (бывшей не просто автономией в составе царской России, но автономией, имевшей собственные законы, весьма существенно отличавшиеся от российских!) вызвал запрет «горячим финским парням» посещать трактиры с ножами (известными до сих пор как «финки»). Запрет был вызван многочисленностью жертв в результате поножовщин, в которые, естественно, перерастали частые пьяные драки.

В качестве подтверждения этой гипотезы стоит вспомнить и то, что в последующем польский и финский народы с оружием в руках отстаивали и, в конечном счете, успешно отстаивали (хотя и с понятной и объективно обусловленной помощью извне) свою независимость против бывшей метрополии. В то же время остальные получившие государственную независимость народы в разные годы и при разных исторических обстоятельствах сочли за благо вернуться в ее состав.

личалась от западных колонизаторов, которые в 50–70-х годах XX века «отпускали» заведомо не подготовленные к самостоятельной жизни и полному самоуправлению народы. Подобная безответственность, вызванная, как Правило, эгоистическим стремлением уменьшения собственных расходов и отказа таким образом от цивилизаторской миссии, вела к деградации получавших независимость стран и чудовищным гуманитарным катастрофам, многочисленные примеры которых дала, например, Африка (в которой колониальное иго воспринимается сейчас как без всяких преувеличений «золотой век»).

И распад Советского Союза был страшен не столько сам по себе, сколько в первую очередь именно «досрочным» и при этом одновременным выводом в самостоятельное существование большого количества обществ, еще заведомо не готовых к этому. Некоторые из них даже свою письменность обрели уже в составе СССР, то есть менее чем за 70 лет до обретения независимости!

Нынешнее руководство нашей страны, как это ни печально, не имеет, по всей видимости, не только ответственности, но и общегуманитарной¹ культуры, необходимой хотя бы для простого осознания стоящей перед современным российским обществом задачи восстановления его идеологического единства. Все, на что оказывается способной правящая бюрократия в современных условиях, — это апеллировать к стратегическим технологиям более чем полутысячелетней давности — XV века (хорошо хоть нашей эры), когда Россия действительно создавалась на базе религии, а не идеологии.

Придерживающаяся этого подхода часть православных фундаменталистов и следующих за ними в идеологическом кильватере государственных и политических деятелей, по всей видимости, действительно не в состоянии осознать, что вернуть страну на более чем 600 лет назад невозможно в принципе, а попытки этого не могут не быть заведомо контрпродуктивными. В частности, они объективно ведут к обособлению славянского населения и превращения русских из «государственнообразующей нации», которые имеют все предпосылки для того, чтобы стать основой будущей российской цивилизации, как они стали основой цивилизации советской (и, более того, по вполне объективным причинам одни только и могут стать этой основой) про-

¹ Несмотря на филологическое образование некоторых руководителей силовых структур.

сто в одну из общин, пусть даже наибольшую по численному составу и наиболее интенсивно кичащуюся своими прошлыми заслугами.

Современные православные фундаменталисты старательно игнорируют очевидное — то, что за прошедшие века (не менее 25 поколений!) бывшие «бусурмане» стали неотъемлемой частью страны и народа, а их национальные культуры обогатили русскую, вместе с ней (хотя, безусловно, и на ее основе) создав, как их сплав, великую российскую культуру. Сторонникам попыток возрождения России на основе православной религии необходимо понимать с поистине беспощадной ясностью, что раскол нашей страны и нашего общества по религиозному признаку значительно реальнее раскола по национальному. Причины этого очевидны — стоит упомянуть хотя бы то, что на более крупные элементы распадаться всегда проще, а главный фактор самосознания, культура, определяется принадлежностью к той или иной религии сильнее, чем принадлежностью к тому или иному народу.

Собственное бескультурье и стихийная агрессивность многих представителей правящей бюрократии, заставляющие априорно считать «инородцев» если и не врагами, то, во всяком случае, потенциальными противниками, усугубляется чудовищным наследием не только по-прежнему продолжающейся, но и, более того, расширяющейся на другие территории, пока Северного Кавказа, чеченской войны. Она не просто ежедневно и ежечасно прививает российскому обществу привычку к насилию и жестокости, не просто разрушает общественную психику (не говоря уже о миллионах индивидуальных), но и приучает миллионы, если не десятки миллионов людей к межнациональной и межрелигиозной вражде как обыденному, повседневному и, более того, единственному нормальному состоянию.

Весьма негативную роль, насколько можно понять, в развитии этих процессов сыграло индивидуально справедливое убийство Масхадова, который, при всей своей мерзости, был глубоко светским деятелем и неявно рассматривал религиозных лидеров как своих конкурентов, пусть даже и потенциальных. Возмездие ему (лишившее к тому времени западную общественность объекта для симпатий среди чеченских боевиков) существенно усилило предпосылки для превращения национальной войны (само развязывание которой также было безусловным преступлением) в религиозную. А религиозная война легко может не только расшириться с собственно Чечни на часть Север-

ного Кавказа (в первую очередь Дагестан), но и перекинуться затем на другие регионы России с существенной долей мусульманского населения.

СМЕРТЕЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ РОМАНТИЧЕСКОГО ФАТАЛИЗМА

Несмотря на то что значительная часть республик Северного Кавказа в настоящее время даже по устройству быта, по обычаям повседневной жизни не является частью России (свадьбы и похороны регистрируются не в ЗАГСе, а в мечети, продажа жилья осуществляется без справок и регистрации, а по изменению записи в домовое книжке и так далее), несмотря на интенсивное формирование, обособление и качественное увеличение диаспор, несмотря на отторжение самого образа России как синонима коррупции, насилия, глупости и аморальности, — масштабы и особенно устойчивость этноконфессиональной напряженности не следует преувеличивать.

Любое монотонно нарастающее явление легко абсолютизировать.

Любую тенденцию легко счесть постоянной.

Любое длительное обострение серьезной проблемы — ведущим к гибели всего общества.

Этому способствует и романтизация «борцов за свободу своего народа», «за веру предков» и «исконный образ жизни», во многом вынужденная (действительно — не продажного же представителя «силовой олигархии» воздвигать на романтический пьедестал: для этого есть официальная пропаганда), а во многом порожденная неизбежным уважением и завистью к их пассионарности.

Этому способствует и исторический фатализм, в целом присущий современной российской интеллигенции.

Однако этим понятным и приятным чувствам поддаваться нельзя, как и любому соблазну простых решений. Если эти простые решения оставляют нам только две равно не просто неприятных, но и совершенно неприемлемых возможности. Первая — покончить жизнь коллективным самоубийством (пусть даже и растянутым во времени), уступив место более энергичным и сплоченным «дикарям»¹. Вторая — попытаться самим

¹ Ничего необычного в таком самоубийстве нет: оно обычно наблюдается в районах этнических чисток в виде практически полной пассивности истребляемого и изгоняемого населения. В Европе в последние годы оно

уничтожить их в прямом смысле, до последнего человека в силу мнимой полной, биологической несовместимости и невозможности совместной жизни.

Рост этноконфессиональной напряженности вызван не столько некоторыми неустраняемыми, объективными причинами, сколько беспомощностью и безответственностью разложившегося государства, уже более 15 лет практически устранившегося от регулирования важнейшей — межнациональной — сферы жизни российского общества.

Оздоровление и модернизация государства, его возврат к исполнению его неотъемлемых функций, конечно, не изменят ситуацию сразу, но позволят сначала остановить оползание в пропасть, а затем постепенно начать отодвигаться от ее края, осуществляя политику созидания новой российской нации на основе русской и советской культуры при помощи внутренней этнокультурной интеграции.

Конечно, можно и опоздать, — и тогда эта попытка будет обречена на провал, а Россия на гибель.

Однако мы не только не можем знать заранее, есть ли у нас еще время для формирования (а точнее, восстановления заново) единого культурного пространства, но и получили именно в 2005 году, казалось бы, совершенно к этому не располагающему, весьма внятные, хотя и косвенные, обнадеживающие свидетельства о наличии этого времени.

Как это ни странно, в течение 2005 года, наряду с по-прежнему высокой остротой национальных проблем, в России наблюдалась весьма наглядно растущая толерантность населения в этой сфере. Бросающееся в глаза расхождение фактов с истерией, нагнетаемой представителями правящей бюрократии, весьма убедительно свидетельствует об объективной заинтересованности последней в обострении национальных и этноконфессиональных проблем, рассматриваемых, по всей вероят-

наблюдалось, например, со стороны невайнахского (преимущественно русского) населения Чечни в 1991–1994 годах (по данным С. Маркедонова, заведующего отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа, приведенного в статье «Чечня не отпустит Россию» (<http://www.ipma.ru/publikazii/voenkonflikt/582-print.html>), в 1991–1994 годах в Чечне было убито или пропало без вести более 10 тыс. чел., в большинстве своем русских, а в 1992–1994 годах из нее выехало 147 тыс. чел., из которых более 80% — русские, более 12% — представители других невайнахских народов) и сербского населения Косово после 1999 года.

ности, как инструмент укрепления своего господства по печально известному принципу «разделяй и властвуй».

Так, социологический опрос, проведенный в ноябре 2005 года Аналитическим центром Ю. Левады, показал, что по сравнению с 2004 годом в нашей стране весьма резко — с 42 до 37% — сократилась доля согласных с тем, что «во многих бедах России виноваты представители «нерусских» национальностей». Доля несогласных с этим выросла, соответственно, с 52 до 57%, и их численное превосходство стало безусловным.

Удельный вес жителей России, чувствующих к себе враждебность со стороны представителей других национальностей «очень часто и довольно часто», увеличился с 9% в 2002 до 14% в 2004 году, однако в 2005 году снизился до 12%. Доля признающих в том, что они чувствуют враждебность к людям других национальностей, выросла с 13% населения в 2002 до 17% в 2004 году и в 2005 году снизилась опять до тех же самых 13%.

Удельный вес в общей численности населения нашей страны тех, кто чувствует враждебность к себе представителей других национальной «редко, практически никогда и никогда», с 89% в 2002 снизился до 85% в 2004 и вырос в 2005 до 86%. Доля чувствующих свою собственную враждебность к представителям других национальностей «редко, практически никогда или никогда», снизившись с 87% в 2002 году до 81% в 2004, восстановилась в 2005 году до 85%.

О значимости и актуальности перечисленных вопросов свидетельствует полная и весьма необычная для социологических опросов такого рода незначительность доли затруднившихся с ответом — она не превышает 2%.

Доля людей, положительно относящихся к работе на стройках России «гастарбайтеров из ближнего зарубежья» (справедливости ради надо отметить, что в вопросе конкретно назывались украинцы, белорусы и молдаване, а наиболее раздражающие среднеазиаты и кавказцы упоминались как «другие»), выросла с 25% в 1997 до 30% в 2002 году, упала до 21% в 2004 и вновь подросла в 2005 году до 22%. Доля относящихся к этому отрицательно резко колебалась — в 1997 году составила 33%, в 2000 — 38%, в 2002 — 27%, в 2004 — снова 38%, но в 2005-м снизилась все-таки до 35%. Весьма показательно, что при этих метаниях «крайних» показателей неуклонно растет лишь удельный вес населения, относящегося к «гастарбайтерам» «нейтрально»: с 33% в 1997 и 32% в 2000 году до 39% в 2002 и 2004 годах и 42% в 2005 г.

Доля согласных с утверждением, что национальные меньшинства «имеют слишком много власти в нашей стране», снизилась с 47% в 2004 до 45% в 2005 году, в то время как удельный вес не согласных с этим возрос с 45 до 46%. Таким образом, сторонники второго, безусловно толерантного подхода оказались в 2005 году хотя и в небольшом, но все же большинстве.

При этом удельный вес считающих «необходимым ограничить влияние евреев в органах власти, политике, бизнесе, юридической сфере, системе образования и шоу-бизнесе» снизился с 48% в 2004 до 44% в 2005 году, а выступающих против этого вырос с 41% до 44%, достигнув, таким образом, равновесия. При этом данный вопрос не воспринимается как актуальный: доля затруднившихся с ответом относительно велика и составляет 11% в 2004 и 12% в 2005 году.

Как правило, для обвинений России и русских в ксенофобии приводятся данных о росте доли людей, считающих необходимым ограничить проживание на территории России представителей других национальностей. Однако большинство выступающих за это, за исключением достаточно редких случаев, не испытывает к ним вражды и само не сталкивается с проявлениями вражды с их стороны. Поэтому представляется, что рост соответствующих настроений является реакцией людей на конкретные жизненные трудности, часто безвыходные, связанные со столкновением с большими массами не желающих или в принципе не способных интегрироваться приезжих.

Удельный вес считающих необходимым ограничить проживание в России всех наций, кроме русской, — а только этот подход может быть отнесен к последовательно расистским, а не являющимся отражением реально существующих, не решаемых государством и потому обостряющихся проблем, — не только относительно невелика, но и снизилась с 14% в 2004 до 11% в 2005 году.

Доля считающих, что нужно ограничить в России проживание кавказцев (в том числе, разумеется, и выходцев с формально российского Северного Кавказа), выросла с 46% в 2004 до 50% в 2005 году, китайцев — с 39 до 46% (максимальный рост — при практическом отсутствии национальной вражды к ним, отражающий колоссальные сложности, с которыми сталкивается население Забайкалья и Дальнего Востока, а также многих регионов Сибири), вьетнамцев — с 39 до 42%, евреев — с 15 до 18%.

Осталась на прошлогоднем уровне доля считающих необходимым ограничить проживание выходцев из Средней Азии —

31% и украинцев (!) — 8%. С 32 до 30% снизилась доля считающих необходимым ограничить проживание цыган.

Доля считающих, что правительство России должно «ограничить приток приезжих» как таковых, увеличивается неуклонно — с 45% в 2002 до 54% в 2004 и 59% в 2005 году, что отражает обострение существующих проблем при практически полном бездействии коррумпированной и безответственной правящей бюрократии. Удельный вес населения нашей страны сторонников либерального подхода — «не ставить на пути приезжих административных барьеров и пытаться использовать их на благо России» — уменьшился в связи с его все более очевидной неадекватностью с 44% в 2002 году до 38% в 2004 и 36% в 2005 году. То, что при этом доля затрудняющихся с ответом упала соответственно с 11% до 8 и 5%, весьма убедительно свидетельствует о неуклонном росте актуальности этой проблемы.

Однако рост толерантности в отношении к представителям иных народов и конфессий все же налицо, и пропагандистские усилия представителей правящей бюрократии по обострению межнациональных отношений, предпринятые в ноябре—декабре 2005 года («правый марш» 4 ноября, истерическая шумиха вокруг предвыборного ролика «Родины» и «антифашистского марша» 18 декабря, а также «скинхэдов» и «антифашистов»-экстремистов), наглядно свидетельствуют о ее испуге. Действительно, причиной неожиданного роста толерантности, скорее всего, является постепенное ухудшение условий жизни основной части населения, заставляющее его задумываться о причинах бедствий и постепенно разворачивающее недовольство от представителей иных национальностей и религий к правящей бюрократии, реально осуществляющей порочную и разрушительную политику.

Этот разворот представляет собой очевидную угрозу для правящей бюрократии и автоматически вызывает ее жесткую реакцию, привлекающую внимание общества к обострению этноконфессиональных проблем и объективно разжигающую их (в том числе в форме агрессивной навязчивой русофобии «демшизы») без каких бы то ни было усилий по их практическому решению.

Однако инстинктивное сопротивление общества оползанию в пропасть этноконфессиональной вражды, проявившееся в 2005 году, свидетельствует о возможности эффективного противодействия этой разрушительной политике.

ОТНОШЕНИЕ К НАЦИОНАЛЬНЫМ И РЕЛИГИОЗНЫМ ДВИЖЕНИЯМ

В свете изложенного подход ответственной оппозиции к представителям этноконфессиональных движений, выступающих (разумеется, исходя из своих собственных интересов и мотиваций) против правящей бюрократии либо используемых ею в своих корыстных политических интересах¹, но жаждущих освобождения от этой унижительной, а часто и просто опасной зависимости, должен быть исключительно прост и утилитарен.

Представителей национальных и религиозных движений следует четко и последовательно разделять на желающих жить в составе единой России, сколь угодно видоизмененной и модернизированной, и на желающих ее распада и уничтожения, в том числе и в ходе выделения из нее соответствующих национальных государств.

Первые, даже если стремятся паразитировать на основной части российского общества, используя наработанные навыки психологического давления, «битья на жалость» и изуверского применения в повседневной жизни четкого разделения окружающих на «своих» и «чужих», являются объективными союз-

¹ Этнические диаспоры просто в силу своего общественного положения являются исключительно зависимыми от отношения к себе силовых и особенно правоохранительных органов. В сочетании с исключительной внутренней дисциплиной это вполне объективно делает их если и не «ударной силой», то, во всяком случае, весьма существенным элементом широко используемого в политических целях «административного ресурса».

В частности, по оценкам ряда специалистов, «правильное» голосование диаспор на выборах губернатора Санкт-Петербурга, в значительной степени обусловленное эффективной работой с ними представителей силовых структур, сыграло решающую роль в победе Матвиенко. При этом произошло знаменательное событие: так как соперницу Матвиенко, насколько можно понять, поддерживали в том числе и организованные преступные сообщества, получилось, что диаспоры голосовали против преступных группировок, в том числе и состоящих из членов диаспор!

Разрыв, пусть даже и временный, связей между этническими диаспорами и этнической преступностью, длительное время казался недостижимым и представляется, несмотря на все сопутствующие обстоятельства, выдающимся политическим достижением. Сама возможность такого результата (не говоря уже об относительной простоте его достижения) является сильнейшим аргументом в пользу возможностей социализации, а затем и интеграции основной массы существующих в сегодняшней России диаспор в российское общество.

никами здоровых сил России не только сегодня, но и в отдаленной перспективе. Соответственно, они являются естественными партнерами и для ответственной оппозиции — недаром правящая бюрократия последовательно прилагает поистине титанические усилия для того, чтобы вбить между ними клин и как можно сильнее опорочить одних в глазах других.

Позитивность всех без исключения сил, искренне стремящихся к сохранению территориальной целостности России, вызвана их правильным отношением к главному вопросу современности и к главной сегодняшней угрозе — угрозе распада страны. Склонность же некоторых из них к паразитированию во многом объективно обусловлена низким уровнем их развития, в том числе экономического, а в индивидуальном плане зачастую и интеллектуального, попросту не оставляющей им иных способов приемлемого выживания. В этой части указанная склонность представляется вполне извинительной до тех пор, пока государство не предоставит им возможностей развития и прогресса — разумеется, без стимулирования иждивенчества и исключительно в качестве неотъемлемого элемента единого общероссийского организма.

Представители этноконфессиональных движений, выступающих против правящей бюрократии ради не укрепления, но разрушения России, по названной же причине не могут быть признаны даже временными союзниками ответственной оппозиции. Это наши объективные и непримиримые враги, содержательный компромисс с которыми невозможен по элементарной, своего рода биологической причине: эти силы действительно, без какого бы то ни было преувеличения, стремятся к нашему уничтожению¹.

Существенная опасность, связанная с ними для ответственной оппозиции, заключается в том, что правящая бюрократия

¹ Именно в этом заключается принципиальное отличие стремящейся к разрушению России части исламистов от крыла либералов, выражающих интересы транснациональных корпораций. Первые стремятся к нашему уничтожению уже сегодня, представляют собой смертельную опасность уже сегодня и потому уже сегодня должны восприниматься только в качестве врагов.

Вторые же ведут в настоящее время преимущественно правозащитную деятельность, приносят в этом качестве значительно больше пользы, чем вреда, и потому до самого крушения правящей бюрократии в системном кризисе являются союзниками, хотя, безусловно, временными и частичными, ответственной оппозиции.

будет пытаться, а точнее, уже пытается выпихнуть части ответственной оппозиции на линию непосредственного столкновения с этими силами и, эксплуатируя ее естественный патриотизм, прикрыться ею и истощить ее в своих собственных целях. В этом случае, фактически поставив ответственную оппозицию на службу себе и отчасти подчинив ее, правящая бюрократия к тому же затушует в глазах общества отличие оппозиции от себя и тем самым, по крайней мере, частично, дискредитирует ее. Элементы этой политики мы видим с осени 2005 года; весьма ярко они проявились в опосредованной организации «Правого марша» 4 ноября (хотя он, конечно, имел и прямо провокационные цели, связанные с дискредитацией патриотической оппозиции как «фашистов», в том числе в лице Запада, и в разрушении ее партнерства с либеральной оппозицией).

Опасность выталкивания патриотической оппозиции «на первый план» борьбы с сепаратистами и превращения ее таким образом в своего рода «пушечное мясо» весьма серьезна и актуальна, и ее следует избегать вплоть до тех пор, пока уклонение от сотрудничества с правящей бюрократией не начнет наносить прямого, явного и долгосрочного вреда нашей Родине — тогда уже придется пойти на жертвы. Ясно видя провокации наших ничтожных и омерзительных оппонентов, влекущих Россию к новой революционной катастрофе, мы не должны забывать, что будем как оппозиция иметь право на существование только до тех пор, пока будем служить не собственному самолюбию или стремлению к власти и даже не собственным представлениям об истине, но исключительно интересам нашего общества.

Силы, выступающие против правящей бюрократии не как внутреннего врага России, но как ее части, являются для ответственной оппозиции не более чем временными, неустойчивыми и крайне опасными попутчиками. Следует помнить, что они способны нанести удар в спину в любой момент, выбранный даже не ими, а их зарубежными лидерами и организациями (а в целом ряде случаев — и самой этой правящей бюрократией), исходя из их собственных представлений, возможно, вовсе не имеющих отношения к российским реалиям.

Их можно и должно пытаться использовать, но отстраненное партнерство по отдельным вопросам не может перерасти ни во что большее, не говоря уже о политическом союзе.

Ни о каком сотрудничестве с ними, влекущим за собой обязательства перед ними, пусть даже и исключительно морально-го плана, не может быть и речи. Следует понимать, что сам факт

появления таких обязательств объективно, помимо желания ставит имеющего их на грань измены Родине.

Именно на основе этого до обидного простого критерия и следует подходить ответственной светской оппозиции как к разным факторам растущего исламского самосознания, так и к разным течениям и даже отдельным группам в современном российском исламе (да и в других религиозных силах).

Так, безусловными союзниками являются обращающиеся к активному исламу в результате столкновения с социально-экономическими и политическими проблемами, приобретающими в ряде случаев выраженный этноконфессиональный или национальный характер. (В качестве примера последнего можно привести то, что получивший широкую известность «зачищенный» милицией город Благовещенск населен преимущественно русскими и татарами, в то время как милиционеры были, по имеющейся информации, в основном башкирами; в результате обыденный для современной России акт террора силовой олигархии в отношении мирного населения способствовал обострению межнациональных проблем.)

Весьма часто людей приводит к активному исламу поиск идеологических оснований повседневной жизни и жажда справедливости, также вызванный неадекватностью власти, хотя и в более мягкой ее форме: не ущемляющими репрессивными действиями, но органической неспособностью представить людям жизненно необходимую им позитивную перспективу. Если эти люди не перешагнули грань, отделяющую стремление к улучшению России от стремления к ее разрушению (а в силу репрессий правящей бюрократии, провокаций экстремистов и общего отчаяния такое происходит все чаще), они также являются объективными союзниками ответственной оппозиции.

Все же проявления внешней экспансии или по-человечески понятного, а часто и объективно обусловленного, неизбежного внутреннего отчаяния, направленные на дробление России и ее вовлечение в глобальную исламскую цивилизацию (в частности, на реализацию проекта всемирного халифата или на создание теологического государства), являются для ответственной оппозиции безусловно враждебными.

При этом ответственная оппозиция не должна повторять трагической ошибки государства, которое работает не с исламом и внутри ислама, а против или, по крайней мере, извне ислама, что только раздражает мусульман, способствует росту популярности наиболее экстремистских элементов и весьма су-

шественно обостряет и без того исключительно серьезную и опасную проблему.

Ни при каких обстоятельствах не следует забывать, что интеграция различных этноконфессиональных групп в единую и в определенной степени новую российскую нацию является объективной стратегической целью ответственной оппозиции. Более того: принципиальная возможность этого является колоссальным и при этом объективно обусловленным политическим преимуществом разумной оппозиции перед разлагающейся на глазах, захлебывающейся от собственной коррупции правящей бюрократии!

Между тем достижение этой цели в принципе невозможно без скорейшего осуществления (или как минимум начала осуществления) аналогичной интеграции в рамках самой ответственной оппозиции. Да, такая интеграция по понятным причинам потребует от многих ее нынешних эгоистичных лидеров существенных уступок и даже ограничения своего влияния, однако даже с сугубо эгоистической точки зрения за счет увеличения совокупной мощи оппозиции они приобретут неизмеримо больше утраченного.

ГЛАВА 7.

РЕГИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

✓ Кончилась Москва, и началась Россия.

Ю. Латынина

За последние полтора десятилетия основная часть людей в нашей стране так или иначе выучилась жить самостоятельно, опираясь только на свои собственные силы, не рассчитывая ни на какую внешнюю помощь. Многие россияне (хотя их количество ни при каких обстоятельствах не следует преувеличивать — в силу особенностей общественной психологии они по-прежнему остаются в значительном меньшинстве) привыкли воспринимать личную самостоятельность и относительную независимость, пусть даже и связанную с изнурительно тяжелым трудом и изматывающим страхом перед будущим, не как тяжкий груз, незаслуженно легший на их плечи, но как свое важнейшее достояние. По сути дела, личная самостоятельность, хотя и доступная для безусловного меньшинства общества (в первую очередь по психологическим, а не материальным причинам), представляет собой едва ли не единственный реальный и в принципе доступный для всех позитивный результат реформ.

Аналогичная привычка к относительной самостоятельности сформировалась и на уровне региональных, и на относительно обеспеченных территориях местных систем управления. На их основе стихийно сложились несовершенные, зачастую коррупционные и опирающиеся на злоупотребление административным ресурсом, но устойчивые и, в отличие от федерального уровня, вполне способные как к выживанию, так и, в целом ряде случаев, к достаточно динамичному развитию и качественному улучшению модели.

Эти модели в их современном виде, при всей региональной и национальной специфике, как правило, основаны на соединении в единый хозяйственно-политический организм ключе-

вых руководителей (на уровне вице-губернаторов, мэров и вице-мэров крупных городов), связанного с ними бизнеса и самостоятельных бизнесменов регионального уровня. Во многих, особенно экономически развитых субъектах Федерации, значимыми элементами такого организма являются и региональные филиалы общенациональных коммерческих структур. При всей своей сложности и внутренней противоречивости указанные структуры весьма устойчивы и, более того, играют исключительно важную роль в общественной жизни современной России.

Уже к началу 2005 года они стали важнейшим фактором стабилизации российского общества — в частности, в качестве действенного инструмента его консолидированного противодействия разрушительному влиянию федеральных структур государственного управления, сочетающих безграмотность и безответственность с патологической жадностью и ужасающей агрессивностью. Наиболее наглядно это показал в целом весьма адекватный и достаточно оперативный характер реакции основной части региональных и муниципальных властей на массовые протесты обездоленного населения, вызванные поистине людоедской монетизацией льгот.

Вместе с тем само возникновение подобных хозяйственно-управленческих организмов в регионах стало не только живым упреком, но и реальной политической угрозой федеральным властям, так как способность регионов самостоятельно жить и развиваться воспринимается значительной частью нынешнего руководства страны как смертельно опасный для них выход из-под тотального контроля.

Политическая реформа, объявленная президентом Путиным сразу же после трагедии Беслана, резко ограничила политические возможности и права региональных элит, не открыв взамен практически никаких хозяйственных перспектив. Более того: последовательно проводимая политика в области межбюджетных отношений лишила региональные элиты значительных финансовых потоков, сократив их возможности обеспечивать развитие своих регионов. При этом ответственность за разрушительные последствия политики правящей федеральной бюрократии была всецело возложена на региональные власти, поставленные при всем этом под удар силовой олигархии.

Следующий этап преобразования российской системы управления, намеченный было на начало 2006 года — муниципальная реформа, — означал уже не ограничение, а по сути уничтожение сложившегося в российских регионах и стаби-

лизирующего их синтеза хозяйственных и управленческих структур.

Недаром в первую очередь именно единодушный протест региональных элит, а не техническая непроработанность и неготовность реформы местного самоуправления (не говоря уже о ее потенциальной разрушительности — кого и когда в путинском руководстве волновали такие мелочи!), вынудил федеральную бюрократию отступить. Результатом стало разрешение регионам в зависимости от степени готовности, то есть, по сути дела, по своему собственному усмотрению начать муниципальную реформу в любое время до начала 2009 года. (Понятно, что перенос ее начала за рубеж президентских выборов с политической точки зрения равнозначен его переносу в бесконечность, хотя целый ряд желающих выслужиться губернаторов полез «поперед батьки в пекло» и начали-таки ее с 1 января 2006 года.)

Эта уступка, носящая, по всей вероятности, вынужденный характер, стала зримым свидетельством как силы региональных хозяйственно-управленческих организмов, так и их вынужденного противостояния правящей федеральной бюрократии.

Региональные руководители в массе своей, как бы ни утверждали обратное снобистски настроенные московские политехнологи, отнюдь не глупы (даже если и ограничены), а погруженность в вопросы повседневной жизни регионов (или их выживания) отнюдь не отрицает наличия у большинства из них довольно широкого кругозора. Они достаточно хорошо видят безграмотность значительной части указаний федеральных властей и с потрясающей ясностью сознают, что за наглую безответственность и откровенную корысть руководителей страны расплачиваться в конечном счете придется именно им.

Более того: большинство из них прекрасно понимает (или, по крайней мере, ощущает), что правящая федеральная бюрократия разрабатывает и реализует свою политику, изначально ориентируясь на последующее перекладывание ответственности за ее негативные последствия на плечи региональных руководителей. Понимание подобного запредельного по обыденным человеческим нормам цинизма отнюдь не способствует не только дружеским чувствам, но и простой покорности.

При этом правящая бюрократия последовательно и вполне сознательно лишает региональные власти все новых и новых полномочий, одновременно превращая их в профессиональных «козлов отпущения» не только за свои ошибки, но и в целом за все издержки ее антироссийской политики. Торжественное воз-

вращение губернаторам отдельных ранее отнятых у них полномочий, как правило, не сопровождается переводом соответствующих источников финансирования и с лихвой компенсируется лишением их политических прав (связанным прежде всего с их назначением).

На региональном уровне исключительно болезненно переживается паралич и разрушение власти, вызываемый в том числе коррупционными интересами федерального центра. Так, по ряду экспертных оценок, в ходе аппаратной отработки технологии назначения губернаторов «плата» за это назначение для относительно развитых регионов только в первой половине 2005 года выросла вдвое — с 10 до 20 млн долл., что привело к отсечению от власти представителей местных политических и деловых элит и существенному ослаблению региональных хозяйственно-управленческих организмов, стабилизирующих современную Россию. Кроме того, взвинчивание правящей федеральной бюрократией цен на назначение губернаторов существенно увеличило вероятность назначения ими не столько компетентных руководителей федерального уровня, сколько лиц с произвольными способностями и мотивациями, просто способными заплатить требуемую сумму, которую потом, разумеется, придется «отбивать», разрушая или по крайней мере истощая управляемую территорию.

Символом разгула коррупции, во многом инициируемой правящей федеральной бюрократией (для которой рост коррупции означает простое увеличение ее текущих доходов за счет злоупотребления монопольным положением), стала грозящая взрывом на всем Северном Кавказе ситуация в Дагестане. В этой республике посты членов правительства, по имеющейся информации, продаются без их предварительного освобождения при помощи увольнения того или иного министра: создать вакансию — чаще всего при помощи теракта — «по умолчанию» входит в обязанность купившего соответствующее кресло. Разгулу терроризма (уровень которого в несколько раз превысил в 2005 году показатели соседней Чечни) способствует и сложившаяся, по некоторым сообщениям, практика продажи одного и того же руководящего поста представителям нескольких «групп влияния» одновременно.

Конечно, описанные выше хозяйственно-управленческие организмы, являющиеся результатом тесного и отнюдь не цивилизованного сращивания региональных властей и бизнеса создают в регионах вязкую административную среду, душащую

наряду с самодеятельной экономической активностью и всякий политический протест. Однако одновременно она и генерирует протест своей чудовищной ограниченностью, объективно обусловленной самим ее внутренним устройством, и тем, что последовательно лишает возможности самостоятельной жизни не связанных с ней непосредственно людей.

В этом отношении образ действий региональных властей с его противоречивыми последствиями представляет собой простую кальку с политики федеральной бюрократии.

Однако, стремясь к снижению степени зависимости от федерального центра, в первую очередь бюджетной, региональные власти стихийно склонны поддерживать (в том числе и «по умолчанию», не преследуя слишком жестко) по крайней мере отдельные проявления протеста, рассматривая его как средство давления на федеральную бюрократию и инструмент частичной корректировки ее наиболее разрушительных решений, а также как инструмент «переключения недовольства», которое в иной ситуации обрушилось бы на сами региональные власти.

Стремление к повышению степени финансовой самостоятельности является одним из важнейших мотивов региональных элит. Колоссальный рост доходов бюджетной системы Российской Федерации в результате баснословного улучшения внешнеэкономической конъюнктуры был последовательно сконцентрирован в федеральном бюджете, благодаря чему реальные финансовые возможности регионов сократились (этот процесс продолжился в полной мере и в 2006 году, когда рост расходов федерального бюджета на 0,8% ВВП был обеспечен в первую очередь сокращением доходов региональных бюджетов на 0,72% ВВП), а их зависимость от федерального центра не просто существенно выросла, но и значительно превысила уровень, достаточный для гарантированного сохранения целостности страны.

Так, в результате правления Путина и созданной им бюрократии доля финансовой помощи федерального центра в доходах региональных бюджетов, наиболее полно выражающая степень финансовой зависимости регионов от центра, снизившаяся было с 14,4% в 1996 до 9,6% в 1999 году, увеличилась в 2004 году до 21,9%. В бюджете же 2006 года она и вовсе предусмотрена на запредельном уровне 35%. Соответственно, возросла сумма средств, перераспределяемых через федеральный бюджет, и нагрузка на него: удельный вес финансовой помощи регионам в его расходах увеличился с 10,2% в 1999 до 33,0% в 2005 году и до 33,4%, предусмотренных проектом федерального бюджета на 2006 год.

Усиление финансового давления федерального центра при общей наглядности снижения адекватности его политики естественным образом провоцирует рост сепаратизма, особенно в относительно обеспеченных удаленных регионах с диверсифицированной экономикой. Это движение поддерживается и направляется различными корыстными силами (вплоть до, насколько можно понять, транснациональных корпораций, которым действительно намного проще требовать установления своего контроля за полезными ископаемыми Республики Восточная Сибирь, чем Российской Федерации), однако возникает и развивается прежде всего как элемент регионального протеста против безответственности и самодурства правящей бюрократии.

О его масштабах свидетельствуют листовки и интернет-рассылки, широчайшим образом распространявшиеся в Красноярском крае весной 2005 года в связи с проведением референдума по включению в состав края Таймыра и Эвенкии. Представление о стилистике, энергетике и направленности этих призывов может дать следующий (о масштабе охвата соответствующей пропаганды свидетельствует то, что данный текст был прислан на интернет-форум автора, практически не имеющего отношения к Красноярскому краю), публикуемый в присланном виде:

«Край объединили! Теперь самое время начать процесс отделения от наших колонизаторов, которые засели в Москве. Вперед в Новый свет! Вперед к Русской Америке! Вперед к реальной новой жизни!»

Сегодня в США уже действуют уже готовые обкатанные на практике законы, и самое главное, что они исполняются всеми! Только Америка способна в обозримой перспективе создать современную инфраструктуру, рабочие места, освоить те полезные ископаемые, которыми богата Сибирь, но при условии, что Сибирь станет частью Америки, станет частью ее территории, а граждане, проживающие на ее территории, — американцами. В крае нужна, просто необходима, оранжевая революция, главная цель которой — передача всей территории и населения, ее населяющего, под юрисдикцию США с последующим объединением и оформлением в штат США. Русские и сегодня живут на Аляске, живут и все довольны, работают, зарабатывают, детей растят, по миру ездят — они часть цивилизованного мира!

Москва, со своей неменяемой грабительской и никому не понятной политикой, направленной на уничтожение собственного

населения — политикой колонизаторов собственной страны все равно не удержит ни край, ни Дальний Восток, ни Чукотку. Нас тут меньше 10 млн человек !!! а рядом Китай, уж лучше стать частью Америки, чем частью Китая.

Остановить проект Русская Америка никто не сможет, так как на сегодня у нас уже нет армии, а что есть — с удовольствием сдастся в « плен » на условиях предоставления американского гражданства. Наша армия будет служить Нам — Русской Америке — и охранять Нас от Московских колонизаторов, потому, что тогда ей будет, ЧТО и ради ЧЕГО защищать! Сегодня они растерянны и ничего не могут сделать ни с Украиной, ни с Молдовой, ни с Грузией, ни с кем и ни с чем!!! У этой власти нет политической воли, нет сил, нет народа! Они не смогут Нам помешать, они так же подожмут свой хвост, как сейчас молча утираются от плевков государств-карликов, они просто никто и ничто, они ничего не могут, они всего боятся, они боятся Нас.

Вперед в Новый свет!!!

Вперед к подлинной новой жизни!!!»

Представляется, что призывы такого рода, несмотря на свою карикатурность (а во многом и благодаря ей), весьма эффективно « промывают » общественное сознание — при практически полной, что характерно, пассивности государственной власти и ее разветвленного пропагандистского аппарата. Активность официальной пропаганды направлена на обеспечение частных коррупционных интересов и мелких личных амбиций лидеров правящей бюрократии, а также подавление и превентивный подрыв оппозиции. Для решения реальных государственных задач времени и ресурсов практически не остается даже на исключительно пропагандистском уровне.

Конечно, сепаратистская пропаганда остается не более чем пропагандой.

Конечно, хозяйственно-управленческие организмы, сложившиеся в большинстве регионов, стремятся к развитию своих территорий прежде всего в составе России с использованием всех возможностей, предоставляемых принадлежностью к все еще значительной по масштабам экономике с емким рынком, высокой нормой прибыли, разнообразными ресурсами и в целом относительно цивилизованными (по сравнению, например, с рядом стран Африки) и, главное, в основном известными заранее правилами.

Однако под давлением неадекватности федерального цент-

ра, отдаленности и заброшенности своих регионов они оказываются вполне в состоянии начать всерьез сопоставлять свои перспективы и перспективы развития управляемых ими территорий под властью правящей федеральной бюрократии и в условиях самостоятельного развития (то есть перехода под контроль иных, более успешных, эффективных и, как предполагается, заботливых участников глобальной конкуренции).

Это касается не столько Южных Курил (где местной элиты, способной иметь и собственные интересы и осознавать их, насколько можно судить из Москвы, практически не существует), сколько Сахалина и Калининградской области. Первый уже почти десятилетие является частью нашей страны более в административном и географическом, чем в экономическом плане, так как его нефть и газ, насколько можно судить, в значительной степени выведены из-под национального контроля России в результате вполне колониальных (чтобы не сказать «оккупационных») соглашений о разделе продукции. Весьма характерно, что эти соглашения до сих пор превозносятся либеральными фундаменталистами всех мастей как пример едва ли не идеального вписывания нашей страны в «мировое сообщество».

Калининградская же элита остро переживает изматывающее отсутствие у федерального центра каких бы то ни было внятных представлений о стратегии развития этого исключительно значимого для России региона, окруженного со всех сторон по меньшей мере недружественными нашей стране членами Евросоюза. В условиях продолжающегося по инерции распада экономических и человеческих связей Калининградской области с остальной Россией (возможности стихийного наращивания хозяйственных связей практически ограничиваются превращением региона в «окно» по беспошлинному ввозу в Россию сложнотехнических товаров под видом их «отверточной сборки»¹ и транзитный пункт для российского экспорта) все более перспективной становится идея превращения Калининграда в «офшорную зону» для европейского бизнеса (включая вынос туда

¹ После снижения импортных пошлин на ввоз комплектующих для последующей «отверточной сборки» на территории всей России, осуществленного с 1 января 2005 года, описанная возможность практически сошла на нет. Однако Калининградская область все еще остается «окном» для некоторых видов импорта, в том числе нелегального (так называемого «серого») — например, импорта мяса птицы сверх официальных тарифных квот.

целого ряда европейских производств, ориентированных на обслуживание европейского же рынка). Представляется, что это неминуемо оторвет его от России в экономическом смысле и станет прелюдией для превращения бывшего Кенигсберга в «вольный город», так или иначе ассоциированный с Евросоюзом.

Региональная элита вряд ли с энтузиазмом относится к этой перспективе и на словах пытается найти какую-либо иную модель развития, но в условиях полного равнодушия правящей федеральной бюрократии альтернативы постепенного «отползания» от России — вплоть до последующего отделения — просто не существует.

Аналогичное «отползание» по тем же самым причинам в направлении в первую очередь Китая, а также Японии наблюдается и в Забайкалье, а также на почти всем Дальнем Востоке.

Таким образом, современный региональный сепаратизм носит преимущественно вынужденный характер и представляет собой специфическое «эхо» глубочайшей неадекватности современного федерального центра, создающей жесточайшее противоречие с улучшением объективных экономических условий из-за повышения мировых цен на экспортное сырье России.

Обычным же, наиболее простым и естественным «эхом» этой неадекватности и этого противоречия представляется протест, генерируемый региональными элитами. Он может проявляться самыми разными, как правило, глубоко скрытыми способами, однако в его основе лежит общее для основной части региональных элит осознание собственных интересов и, что исключительно важно, собственной ответственности перед населением регионов, принципиально отличающее их от последовательно безответственной федеральной правящей бюрократии.

Этот протест может принимать самые разнообразные конкретные формы, однако главной, наиболее значимой формой выражения протеста региональных элит представляется самая «тихая» и малозаметная, заключающаяся в поддержке или по крайней мере сочувствии протесту других социальных групп и слоев общества.

Значение этого скрытого сочувствия региональных элит неоценимо. Прежде всего, оно укрепляет уверенность протестующих в своей правоте, являющуюся главным источником их политической силы. Кроме того, сочувствие представителей власти, частично даже институционализированное, предоставляет гражданам России удивительные возможности по исполь-

зованию для борьбы за свои права инфраструктуры правящей олигархии, пусть даже и региональной. Не стоит забывать, что именно с подобного сочувствия представителей власти к оппозиции начиналось победное шествие демократов к вершинам власти в Советском Союзе в конце 80-х годов прошлого века.

Помимо сочувствия, протест региональных элит будет выражаться, по всей видимости, и в разжигании управляемого и подконтрольного, по их мнению, общественного протеста на своих территориях. В тактическом отношении это будет восприниматься ими как элемент привычного повседневного торга с центром, а в стратегическом — как достаточно эффективный инструмент борьбы за восстановление политических прав, ставших привычными не только за 90-е годы, но и за первые годы текущего десятилетия.

Существенно, что основная часть этих прав региональных политических элит сама по себе отнюдь не ведет к подрыву целостности страны, обеспечивая лишь необходимую гибкость и адаптивность управленческого механизма. Соответственно, и поддержка общественного протеста хозяйственно-управленческими организациями, сложившимися в регионах, направленная на восстановление этих прав (но не на защиту личных эгоистических интересов руководителей соответствующих регионов, прямо противоречащих общественным интересам), сама по себе не угрожает целостности страны и является поэтому безусловно позитивным явлением, повышающим шансы России на выживание.

ГЛАВА 8

СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ: ПРОТИВОЕСТЕСТВЕННОСТЬ БЛАГОПОЛУЧИЯ

ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР СОЗДАНИЯ «СИЛОВОЙ ОЛИГАРХИИ»

Абсолютной опорой современной правящей бюрократии были и остаются силовые структуры — спецслужбы и правоохранительные органы, переродившаяся часть руководства которых составила основу «силовой олигархии», ставшей в последние пять лет коллективным хозяином всей нашей страны.

Существенно, что, по крайней мере, некоторые личности, стоящие во главе современного российского государства, связаны с процессом перерождения части силовых структур в силовую олигархию значительно более тесно, а возможно, и более сознательно, чем кажется стороннему наблюдателю. В частности, специалисты фонда «ИНДЕМ», заинтересовавшись, когда же в России начался в значимых масштабах переход от простого «крышевания» бизнеса кадровыми сотрудниками ФСБ к установлению плотного коммерческого контроля за ним вплоть до его прямого захвата, провели специальное исследование. Результаты воистину поразили воображение: тщательный опрос значительного числа разумных и добросовестных российских предпринимателей с неопровержимой ясностью показал, что указанный переход начался не только не в 2003, но даже и не в 2000, а еще в 1998 году, практически совпав по времени с назначением В. Путина на должность директора ФСБ.

Это позволяет предположить связь конкретной модели взаимодействия бизнеса и государства, пик развития которой мы наблюдаем в настоящее время и неминуемое разложение которой приведет к системному кризису и вероятной революции, не только с определенными историческими обстоятельствами, но и со вполне определенной исторической личностью. Дей-

ствующий президент России, таким образом, представляется не просто неправдоподобно удачливым чиновником, сумевшим воспользоваться уникальным стечением обстоятельств, но и в определенном смысле демиургом, создателем, — возможно, даже сознательным, — сложившейся в нашей стране общественно-политической системы. Таким образом, его президентство выглядит значительно более заслуженным, а опора на «силовую олигархию» — значительно более последовательной и внутренней органичной, чем представляется многим оголтелым критикам (особенно либеральным).

Массовый приход на руководящие должности представителей силовых структур, ставший (наряду со вполне феодальными принципами землячества и личной преданности) одним из краеугольных камней путинской кадровой политики, представляется, таким образом, отнюдь не проявлением простой симпатии и тем более лени руководителя страны. Массовый «призыв» силовиков в коррумпированные механизмы государственного управления, сопровождающийся качественным усугублением и усилением коррупции, оказывается осознанным элементом последовательно и эффективно осуществляемой стратегии формирования «силовой олигархии» как принципиально нового даже не социального слоя, а общественного класса, призванного осуществлять всю полноту функций по управлению современной путинской Россией.

Тем удивительнее и страшнее, что реально осуществляемая политика правящей бюрократии — и не только социально-экономическая, но и государственная политика в целом, вызывает достаточно серьезное недовольство и в недрах силовых структур, являющихся не просто опорой, но и основной несущей конструкцией всего политического режима, созданного в последние пять лет.

Недовольство их сотрудников подспудно копилось и нарастало длительное время, однако стало заметно только в ходе людовоедской монетизации льгот, ставшей своего рода «моментом истины» для всего путинского режима.

МОНЕТИЗАЦИЯ ЛЬГОТ: ВЫЯВЛЕНИЕ НЕДОВОЛЬСТВА

Сотрудники силовых структур в значительно большей степени, чем ветераны и инвалиды, воспринимали натуральные льготы не как материальные блага (в конце концов, насколько

можно понять, критически значимая их часть к моменту монетизации льгот уже давно не «жила на зарплату»), но как признание своих заслуг и повседневное свидетельство своего особого статуса. Натуральные льготы были неотъемлемой и в силу своей повседневной подтверждаемости исключительно значимой частью ореола сотрудников силовых структур, делавшего их «государевыми людьми» (и далеко не только в их собственных глазах) и поднимавшего их над погрязшей в обыденности массой рядовых граждан на действительно недостижимую высоту.

Лишение этих льгот внезапно и жестко «опустило» «сверхчеловеков» на уровень «быдла», поставило их в те же очереди у окошек касс метрополитена, заставило давиться в тех же турникетах в транспорте и стало в итоге подлинным шоком. При этом отмена натуральных льгот, по крайней мере, на первом своем этапе, совершенно не учитывала «специфику службы».

В порядке анекдота чуть ли не вся околополитическая Москва рассказывала о рапорте сотрудников службы наружного наблюдения, которые в красочных и весьма откровенных «эмоционально окрашенных» выражениях живописали, как упустили объект наблюдения — сотрудника иностранного посольства. Причиной неудачи было то, что он спустился в метро с талончиком на несколько поездок, а офицеры, привыкшие к бесплатному проходу, были вынуждены встать в длиннющую очередь к окошечку кассы!

Существенно и то, что на первом этапе монетизация льгот в отношении сотрудников силовых структур, как и в отношении большинства остальных категорий льготников, была, насколько можно понять, совершенно недостаточной. В последующем основная часть отобранного была действительно возвращена при помощи разного рода надбавок (во многом из-за потока рапортов об отставке со стороны рядовых честных сотрудников, которых монетизация поставила в финансово невыносимые условия). Однако, как выразился один из высокопоставленных офицеров, «если вас ограбили, а потом вернули деньги, это не значит, что вас не грабили; если вам дали пощечину, а потом дали за это деньги и даже извинились, это не значит, что вас не били по лицу».

Здесь в порядке лирического отступления можно заметить, что главная прелесть современной правящей бюрократии России заключается в ее неизбывной глупости. В частности, она просто не в состоянии исправить допущенную ею ошибку, не

совершив при этом нескольких совершенно новых, еще более тяжелых.

Например, в ходе исправления последствий монетизации льгот для сотрудников силовых структур возникли внутрисистемные диспропорции в величине оплаты труда, которых раньше не было. Эти диспропорции, насколько можно понять, весьма быстро приобрели исключительное символическое значение даже для тех сотрудников силовых структур, которые до того «в силу специфики службы» просто не интересовались величиной тех копеечных для них сумм, которые они получали в виде официального денежного довольствия.

Возникший разрыв носил двоякий характер. С одной стороны, основная часть сделанной прибавки досталась сотрудникам центральных аппаратов силовых структур, в то время как основная часть тяжелой работы ложится на «работающих на земле» сотрудников региональных управлений. С другой стороны, возник значительный разрыв между должностями среднего звена, занимающие которые люди не просто принадлежат к одному и тому же уровню управления, но, как правило, работают вместе, делают примерно одно и то же и находятся в хороших личных отношениях. Старшинство одного из них обычно носило формальный характер и проявлялось преимущественно в разного рода критических ситуациях — до тех пор, пока оно не было подчеркнуто и выпячено созданием нелепого разрыва в оплате труда людей, делающих практически одно и то же общее дело.

Доходит до анекдотических ситуаций, при которой в одном и том же кабинете сидят четыре офицера одного опыта, одного жизненного пути и одного и того же звания, занимающиеся совместной разработкой одного и того же конкретного дела. Однако двое из них состоят в штате центрального аппарата силового ведомства, а двое весьма надолго (как минимум на месяц, а то на несколько месяцев) прикомандированы из региональных управлений. В результате одновременной монетизации льгот и повышения денежного содержания возникла ситуация, при которой старший по должности и среди сотрудников центрального аппарата, и среди «регионалов» получает значительно больше своего младшего коллеги, а разница в оплате одного и того же труда офицеров, сидящих в одной и той же комнате, превысила два раза!

Психологический климат в коллективе, поставленном в такие условия, даже теоретически не может быть благоприятным.

Разумеется, прикомандированные — и особенно младший по должности — чувствуют себя ущемленными и глубоко лично обиженными, что просто не позволяет им работать с полной отдачей. Более того: они по вполне естественным соображениям принципиально не остаются работать по завершении рабочего времени (что зачастую просто необходимо), устраивают длительные перекуры, затягивают обед, отказываются от проявлений инициативы, а зачастую и перестают поддерживать своих более удачливых коллег, которые буквально задыхаются под свалившейся на них удвоенной нагрузкой. Подобная ситуация граничит, по сути дела, с итальянской «всхлипывающей забастовкой» и весьма существенно снижает эффективность деятельности силовых структур, которая — и об этом не стоит забывать — не только направлена против оппозиции, но в других (по-прежнему основных) своих проявлениях является категорическим условием не то что развития, но и самого выживания нашей Родины.

Однако следует повторить, что монетизация лишь позволила выплеснуться на поверхность общественной жизни подспудно копившемуся глухому недовольству, причины которого были, конечно же, значительно глубже.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ НЕДОВОЛЬСТВА

Самой болезненной причиной недовольства представляется стремительно нарастающие по мере общего разложения бюрократии и в силу порождающего ее причин¹ некомпетентность и недобросовестность (чтобы не говорить «коррупционность») руководства. Излишне говорить, что в силу специфики профессиональной деятельности эти некомпетентность и недобросовестность в целом ряде случаев создают «прямую и явную угрозу» не только благополучию, но и самой жизни сотрудников силовых структур.

Представляется принципиально важным, что специфика военизированных структур, в принципе не подразумевающая обсуждения (а значит, и гибкой корректировки) приказов, возлагает на их руководителей значительно большую ответственность, чем на руководителей гражданских ведомств и, соответственно, в силу объективных причин предъявляет значи-

¹ См. об этих причинах в книге автора «Россия после Путина. Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция?». М., «Вече», 2005.

тельно более высокие требования к их профессиональной компетентности. При этом профессионализм этот весьма специфичен и, как правило, в принципе не поддается адекватной оценке со стороны широкой общественности: она даже теоретически не может располагать достаточными для оценки степени профессионализма того или иного решения знаниями и тем более — информацией о повседневной деятельности силовых структур.

Изложенное отнюдь не является эхом романтических представлений о доблестных военных, милиционерах, чекистах и пожарных, вбитых в поколения детей еще советской пропагандой (которая в «шестилетку Путина» все сильнее дополняется путинской). Силовые структуры действительно необходимы любому современному обществу и действительно имеют свою специфику. При этом не следует забывать, что, хотя они действительно склонны, в том числе и в корыстных целях, преувеличивать ее масштабы и значение (и в этом правы либералы), недооценка и преуменьшение этой специфики ведет к драматическому снижению эффективности силовых структур.

Это не означает, что указанными структурами в принципе не могут руководить гражданские лица, не представляющие заранее в деталях всех тонкостей тех или иных управляемых ими сфер; это означает лишь, что указанным гражданским лицам на их постах придется значительно труднее, чем бывшим военным, руководящим, например, Министерством экономики.

Практически повсеместное нарастание безграмотности и безответственности правящей бюрократии (приобретшее в ходе и, во многом, в результате административной реформы характер ее дебилизации), объективно обусловленное полным освобождением последней от всякого общественного контроля, в силовых структурах воспринимается наиболее болезненно и имеет наиболее разрушительные последствия.

Существенно и то, что относительная (а в ряде случаев и абсолютная) информационная закрытость силовых структур, объективно обусловленная особенностями их деятельности, создает тепличные условия для самых фантастических злоупотреблений со стороны их руководителей, не говоря уже о простом сокрытии неграмотности и некомпетентности последних.

Неумолимо проводимая в последние годы кадровая политика, ориентированная на выдвижение не профессионалов, но — в полном соответствии с феодальными принципами — земля-

ков, сослуживцев и лично преданных людей с минимальным учетом уровня их компетентности — наглядно усугубляет положение.

Важным фактором, усиливающим недовольство сотрудников силовых структур и их чувства к своим руководителям, зачастую весьма напоминающие ненависть, является разгул коррупции. Нарастание ее масштабов продолжается, хотя еще несколько лет назад казалось, что она достигла максимально возможного уровня.

Конечно, сама по себе коррупция приносит достаточно много благ коррумпированным сотрудникам силовых структур и сама по себе, как источник колоссальных доходов, не может вызывать их неудовольствия. Более того: не только руководители, но и сотрудники силовых структур до их перерождения в силовую олигархию и мечтать не могли о фантастическом уровне не только потребления, но и вседозволенности. Именно благодаря сложившемуся в последние годы режиму члены и прислужники «силовой олигархии» стали хозяевами России не только в финансово-экономическом, но и в бытовом, и в уголовном смысле. Ни для кого не секрет, что сегодня практически любые действия, вплоть до убийств, пыток и погромов целых городов (из «сафари» такого рода получил заслуженную известность, пожалуй, один лишь башкирский Благовещенск); почти гарантированно остаются безнаказанными и не ведут не только к суду, но даже к увольнению с занимаемой сотрудниками силовых структур должности!

Однако то, что в последние годы силовые структуры в основе своей, насколько можно понять, окончательно стали коммерческими, создает определенные неудобства не только для их честных сотрудников, но и для силовой олигархии как класса.

Прежде всего, они почти перестали выполнять свои непосредственные функции. Мысль о том, что сотрудник ГИБДД может регулировать уличное движение, скоро станет хитом эстрадного юмора; в обыденной жизни (по крайней мере, Москвы) представить себе такое уже затруднительно. Обращение в милицию по поводу мелких уголовных преступлений воспринимается как опасное проявление минутной слабости, а то и глупости. Мысль о защите своих прав в суде вызывает у растущей части граждан сомнения в психической нормальности того, кому она приходит в голову.

По данным социологических опросов Аналитического цен-

тра Левады доля россиян, сообщающих о своем недоверии к «правоохранительным» органам, выросла с января по июль 2005 года с 69 до 74% (удельный вес однозначно доверяющих им снизился с тоже ничтожных 4,3 до 2,8%, что ниже уровня статистической погрешности). С 60% до 63% возросла доля участников опроса, полагающих, что россияне не могут восстановить свои права, нарушенные судом. На стабильно высоком уровне остается неверие людей в возможность отстоять законными методами (с помощью суда и прокуратуры) свои права, попранные милицией: 64% (на 1% больше, чем в январе) участников опроса не надеются на эффективную защиту от милицейского произвола со стороны прокуратуры и суда. Только 2,3% россиян чувствуют себя полностью защищенными от неправомερных действий сотрудников «правоохранительных» органов (в январе 2005 года таких было 2,8%).

Между тем весьма значительная часть сотрудников силовых структур (по крайней мере, низшего звена) имеет лишь ограниченный доступ к «административному ресурсу» и, как это ни парадоксально, в большинстве сфер повседневной жизни весьма близка по своим реальным возможностям и правам к обычным гражданам. Поэтому она, как и обычные граждане России, испытывает существенные и нарастающие неудобства от разложения государства и, в частности, от коррупционного перерождения силовых структур, — усугубленные еще и разочарованием от невозможности использовать в своих интересах принадлежность к вроде бы привилегированной касте.

Существенно и то, что в силовых структурах весьма распространен своего рода рудиментарный патриотизм. Стороннему наблюдателю заверения в любви к Родине и в стремлении к ее величию в устах махровых коррупционеров, ежечасно и ежеминутно продающих и насилующих свою страну, по вполне понятным причинам неминуемо кажутся чудовищным цинизмом и лицемерием. Однако, несмотря на это, для многих сотрудников силовых структур и даже членов «силовой олигархии» любовь к Родине является глубоко органичным, сильным и в целом искренним чувством.

Это парадоксальное сочетание имеет внятное психологическое объяснение, общее для представителей «силовой олигархии» при всей их бросающейся в глаза разнородности: замещая собой государство (и формально, и реально — их корыстные позывы и образуют в совокупности основную часть государственной политики), они поневоле частично ассоциируют себя с ним.

В самом деле, одни сотрудники «силовой олигархии» рассматривают свою повседневную деятельность как вынужденное «приспособление к общей подлости». Для других она представляет собой неизбежную плату за «возможность творить добро» при помощи полномочий, предоставляемых должностью (хотя таких становится все меньше, и с середины 2004 года по конец 2005-го эти романтики были практически вытеснены со всех сколь-нибудь значимых позиций). Третьи утешают себя тем, что при всех своих недостатках они все же лучше большинства чиновников, и без их относительной добросовестности (в случае их добровольной или вынужденной отставки) рухнет вся российская государственность.

Есть, наконец, и такие, которые путем неведомых интеллектуальных усилий умудрились убедить себя в том, что повседневная деятельность «силовой олигархии» направлена не на ее личное обогащение, да еще и за счет разрушения своей страны, но исключительно на благо последней. Еще в начале 2004 года указанная категория составляла, по некоторым включенным наблюдениям, около половины членов «силовой олигархии», однако уже к середине 2005 года она практически сошла на нет. Причина этого быстрого структурного изменения представляется самоочевидной: сама практика работы весьма эффективно и интенсивно излечила разумную часть членов силовой олигархии от заблуждений, навеянных официальной пропагандой. Прекраснодушествующие же идиоты с неизбежностью проиграли внутриолигархическую конкуренцию за ресурсы и влияние своим более расчетливым, хладнокровным и циничным соратникам и были оттеснены на периферию государственной системы либо вовсе выброшены за ее пределы.

Так или иначе, «силовая олигархия», формально замещая собой принципиально значимую часть государственного аппарата, действительно испытывает не показную и не пропагандистскую, но искреннюю любовь к Родине — и демократической общественности, как бы она ни негодовала против этого объективного факта, придется смириться с ним. Представляется, что это тот самый случай, когда форма в полном соответствии с диалектическими закономерностями оказывает на содержание существенное, хотя и безусловно второстепенное влияние.

Вместе с тем нельзя не заметить того, что, искренне любя Родину «в свободное от работы время» и неумоимо уничтожая ее в ходе своей повседневной профессиональной деятельности,

представители «силовой олигархии» находятся в состоянии объективно обусловленного и исключительно жестокого внутреннего конфликта, близком к тривиальному раздвоению личности.

Принципиально важно понимать, что многие из них действительно негодуют по поводу «проданных операций» в Чечне, самой чеченской войны, в значительной степени являющейся противоестественным многосторонним «бизнесом на крови», а также самоубийственной для России безумной северокавказской политики правящей бюрократии в целом и многих других проявлений чудовищной сущности сложившегося в нашей стране политического режима.

Современное российское общество уже перешагнуло рубеж, за которым превращение системной и почти повсеместной коррупции в основу государственной политики «достало» (выражаясь живым великорусским языком) даже и самих коррупционеров.

Существенно и то, что многие сотрудники силовых структур являются внутренне честными и искренними людьми. Наиболее чуткие из них болезненно ощущают противоестественность своего личного благополучия в распадающейся стране, погибающей в нарастающей национальной катастрофе. Крайне трудно примириться им и с неизбежным понимаем того, что свое личное благополучие они в значительной степени обеспечивают за счет усугубления несчастий своей Родины и в конечном итоге — за счет ее дальнейшего разрушения.

При этом, чем меньше сотрудники силовых структур вовлечены в силовой рэкет и коррупцию, чем больше они склонны заниматься исполнением своих служебных обязанностей, а не грабежом бизнеса и населения, тем меньше у них поводов для названного внутреннего противоречия. Чем они честнее, тем более полно испытывают они раздражение и недовольство в связи с последовательно антигосударственной политикой правящей бюрократии, претворяемой в жизнь с поистине убийственной последовательностью и эффективностью.

Эти чувства усиливаются многими конкретными обстоятельствами, среди которых следует прежде всего выделить неизбежную, объективно обусловленную многонациональностью страны многонациональность и многоконфессиональность состава ее силовых структур. Их сотрудники неизбежно болезненно воспринимают свою незащитность перед лицом роста этнической преступности (в том числе этнической коррупции,

скупающей должности, по всей вероятности, и в самих этих структурах). Остро реагируют они и на рост националистических настроений в обществе, в значительной степени разжигаемых правящей бюрократией (а возможно, и руководством некоторых силовых структур) в целях вульгарного политического самосохранения.

Яркой иллюстрацией остроты межнациональной проблемы для работников российских силовых структур представляются многочисленные и ставшие уже обыденными случаи притеснения (не говоря уже об избиениях и задержаниях) московскими милиционерами даже широко известных и уважаемых добросовестных сотрудников этих структур — вплоть до Героев России.

Особая «головная боль» сотрудников силовых структур, по интенсивности уступающая, вероятно, только чеченской войне и межнациональным отношениям, — последовательная сдача геополитических позиций России. Превращение МИДа и российской дипломатии в целом в «похоронную команду», обслуживающую удачливые бригады западных внешнеполитических «киллеров», утрата остатков политического влияния не только в «дальнем зарубежье», но и на собственном «заднем дворе» — в постсоветском пространстве — оказывается психологически невыносимым для людей, «по должности» вынужденных считать себя активными патриотами и часто действительно являющихся ими.

Ситуация, в которой вся деятельность государства превращается в череду национальных унижений, нетерпима для людей, отождествляющих себя со своей страной и при этом стоящих к процессу государственной деятельности слишком близко — и, соответственно, осведомленных о нем слишком хорошо. Для понимания их психического и эмоционального состояния представляется существенным и то, что в силу профессиональной специфики работники силовых структур сталкиваются с наиболее грязными, а зачастую и просто омерзительными аспектами деятельности как «силовой олигархии», так и в целом органов государственного управления.

Не стоит забывать и такой сильнейший раздражитель, как внутренние дрязги в силовых структурах, также имеющие разрушительные для страны последствия. Принципиально важно, что они носят далеко не только «системный» характер и касаются не только столкновений, например, «силовых олигархов» и либеральных фундаменталистов или «силовых» и обычных коммерческих олигархов.

Более того: наибольшей остроты (в полном соответствии с биологическим фактом о большей остроте внутривидовой конкуренции по сравнению с межвидовой), как представляется, конфликты достигают внутри самой «силовой олигархии», буквально раздираемой ими. В современной России она всесильна лишь как класс, как целое, а внутри состоит из большого количества жестоко и достаточно хаотично воюющих между собой группировок. Эти внутренние конфликты представляются совершенно неизбежными из-за того, что «силовая олигархия» служит не объективно объединяющим патриотическим (или иным идеологическим), а объективно раздробляющим ее коррупционным (или в лучшем случае просто индивидуальным корыстным) целям.

При этом специфика деятельности «силовой олигархии» и понятная профессиональная склонность ее представителей к применению аргументов, сочетающих предельную простоту и действенность с окончательностью¹, делает эту внутреннюю конкуренцию исключительно, а в отдельных случаях и непредсказуемо опасной. В первую очередь эта опасность существует для самих участников этой конкуренции, которые отнюдь не защищены не только от произвола конкурентов (не говоря уже об ударах, наносимых ими под прикрытием юридически и содержательно безупречных разоблачений их обиденной деятельности как членов «силовой олигархии»), но и от обычных «случайных» наездов. Однако она автоматически распространяется и на «обычных» сотрудников силовых структур, непосредственно не являющихся ни членами «силовой олигархии», ни даже ее обслуживающим персоналом и, соответственно, не получающих от своего положения сколь-нибудь существенных выгод.

О степени ожесточенности внутренней борьбы между различными группировками «силовой олигархии» некоторые аналитики пытаются судить по загадочной, но во многом вполне однозначной смерти Романа Цепова, однако значительно более откровенной и прозрачной представляется история с делом так называемых «оборотней в погонах» (во главе с генералом Гане-

¹ В полном соответствии с классическим анекдотом начала 90-х годов, по которому милиционер, обнаруживший в багажнике остановленной автомашины автомат Калашникова, получает в ответ на вопль «Что это?» невозмутимый ответ: «Калькулятор». После демонстрации соответствующего прибора милиционер получает «научное» разъяснение: «У тебя калькулятор для предварительных расчетов, а у меня — для окончательных».

евым из МЧС). Инкриминируемые им и, по-видимому, действительно совершавшиеся ими злодеяния при всей вероятной (с точки зрения репутации современных российских силовых структур) обыденности были чудовищны. Помимо традиционного «силового рэкета» и вымогательства денег они включали поставленное «на конвейер» выбивание из огромного числа заведомо невинных, а часто и совершенно случайных людей признаний в совершении ими тяжких преступлений с последующим их осуждением.

В то же время, насколько можно судить по сообщениям СМИ, следствие не заинтересовалось достаточно разветвленными связями этой группы в среде «силовой олигархии», без которых ее действия в описываемом официальной пропагандой масштабе были попросту невозможны, а суд над этой группой идет в закрытом режиме без всякой видимой спешки, «ни шатко ни валко». При этом один из каналов российского телевидения показал сюжет, из которого следовало, что обвиняемые в тягчайших преступлениях находятся (или, по крайней мере, находились одно время) в зале суда вне специальной клетки — что создавало отчетливые иллюзии «социальной близости» обвиняемых власти (по крайней мере, на фоне шедшего в то же самое время процесса над Ходорковским и Лебедевым, в соответствующую клетку демонстративно помещенным).

О «казном» характере дела «оборотней» косвенно свидетельствует и наглядно демонстрируемое его инициаторами и официальными пропагандистами равнодушие к судьбам как минимум десятков невинно осужденных людей, продолжающих отбывать наказания за преступления, которых они, как стало совершенно ясно, не совершали, в весьма суровых условиях мест лишения свободы.

В результате разоблачение «оборотней» представляется не более чем внешним проявлением победы одной группировки «силовой олигархии» над другой в борьбе за контроль над значительными финансовыми потоками (и, возможно, значимыми политическими ресурсами). Вероятно, непосредственной причиной этой победы стала объективная необходимость частичной дискредитации «министра-спасителя» Шойгу. Его колоссальная популярность (рейтинг которой устойчиво является вторым после президентского) в эпоху «путинских катастроф» сначала была необходима для раскрутки «партии власти», но затем, по-видимому, начала представлять собой реальную

угрозу политическим перспективам президента Путина и непосредственно связанным с ним лицам. Дело «оборотней» стало, насколько можно понять, прекрасным инструментом обеспечения жесткого контроля за Шойгу, бывшим в то время одним из лидеров «Единой России» и единственным ее руководителем (не считая популярных губернаторов), имевшим свой собственный авторитет у широких масс населения.

Однако оно же весьма убедительно и в предельно доступной для сотрудников силовых структур форме показало неустрашимую неустойчивость положения практически всех без исключения групп «силовой олигархии» и их уязвимость перед принципиально непредсказуемыми и не только не контролируемые, но даже и в принципе не наблюдаемыми ими факторами.

Разобранные факторы раздражения и недовольства сотрудников силовых структур в основном были связаны со спецификой их положения. Вместе с тем не стоит забывать, что при всей своей безусловной особости они являются не только неотъемлемой, но и вполне органичной частью государственной бюрократии, которая в целом взбешена полным параличом, в который погрузили ее административная реформа и очевидная неспособность нынешнего руководства государства заниматься даже рутинной административной деятельностью.

Это постепенное, но неуклонное остервенение проявляется даже не уровне бюрократического фольклора: например, если сразу же после назначения в марте 2004 года председателя правительства России Фрадкова за глаза почти ласково звали «Чебурашкой», то уже к лету 2005 года его внутриаппаратные прозвища стали не только оскорбительными, но порой и непечальными.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НЕДОВОЛЬСТВА СИЛОВЫХ СТРУКТУР

Практические последствия недовольства представителей силовых структур ни в коем случае не следует переоценивать — так же, как не стоит недооценивать масштаб и глубину этого недовольства.

В предстоящем системном кризисе представляется крайне маловероятным не только переход сколь-нибудь значимой части силовых структур на сторону отстаивающего свои права

общества, но даже и простой их нейтралитет по образцу наблюдавшегося во время пародийного «путча ГКЧП» в 1991 году или недавних «оранжевых» революций на Украине и в Киргизии.

В качестве аксиомы стратегического прогнозирования следует признать то, что силовые структуры, по крайней мере, на первом этапе системного кризиса, в целом останутся послушным инструментом правящей бюрократии. Назойливые предположения ряда правых либералов о том, что их представители в сколь-нибудь значимых масштабах будут отказываться «стрелять в народ», следует признать не только недопустимо расхолаживающими, но и в целом заведомо не соответствующими действительности.

В то же время отдельные проявления системного недовольства сотрудников силовых структур, весьма существенно облегчающие деятельность ответственных сил общества, представляются практически неизбежными. Это прежде всего халатное отношение к своим обязанностям и скрытое сочувствие населению, выражающееся не только в склонности к ограничению масштабов применения насилия, но и в реальном информационном сотрудничестве, включая передачу оппозиционерам как аналитической, так и — в отдельных случаях — оперативной информации. (Понятно, что в данном случае идет речь о действительно добросовестном информировании ради достижения каких-либо частных целей либо удовлетворения личных представлений об общественном благе или простой справедливости, а не об актах информационной войны, ставших обыденными в последние годы.)

Главным же проявлением недовольства, постепенно копиющегося в недрах силовых структур, следует признать вероятное появление стремления играть в собственную уже не локальную, а глобальную политическую игру, самостоятельно решать собственные ведомственные задачи (а то и специфически понимаемые задачи развития всего общества) при помощи стимулирования сначала оппозиционного, а затем, вероятно, и революционного движения. Отдельные проявления этого, по некоторым оценкам, уже наблюдаются, но пока они незначительны и сосредоточены преимущественно в сфере политической аналитики и в самом лучшем случае — публицистики.

Когда же представители силовых структур начнут для достижения своих узко корыстных, а часто и сиюминутных целей

стимулировать практическую организационную деятельность и формирование массовых организаций, судьба правящей бюрократии и всей олицетворяемой ею политической системы будет решена окончательно.

Дополнительные штрихи в картину внесут профессиональная готовность многих представителей силовых структур к применению насилия, их широкие оперативные (весьма вероятно, ставшие в последние полтора десятилетия и долгосрочными стратегическими) связи с националистическими и религиозными движениями, в том числе экстремистскими, а также с организованной преступностью, включая наркомафию и, возможно, террористические сети.

Для понимания практических последствий этого стоит вспомнить, что в формировании демократического движения в Советском Союзе в конце 80-х годов и в его приходе к власти в России и некоторых других бывших союзных республиках весьма существенную, если вообще не решающую роль сыграли, по всей вероятности, некоторые структуры в рамках советских спецслужб. Эти структуры, насколько можно понять, вполне сознательно стремились освободиться из-под контроля ЦК КПСС при помощи демократического (в союзных республиках быстро приобретшего вид националистического) движения, используемого ими как сверхэффективный политический таран. Однако они, в полном соответствии с теоретическим постулатом о невозможности управления по-настоящему широким общественным и при этом антигосударственным движением силами и методами спецслужб, не справились со своей задачей и в результате — безусловно, помимо своего желания — сыграли решающую роль в разрушении страны.

Важнейшей задачей современной оппозиции представляется не организация революции и даже не взятие власти, — этот вопрос, как представляется, будет успешно решен за нее и без нее современной правящей бюрократией, — но сохранение целостности страны после того, как эта бюрократия с неизбежностью «малолетнего имбецила, тупо и методично мучающего кошку», доведет ее до революции.

Следует понимать с беспощадной ясностью, что запутанные и противоречивые политические игры, затеваемые силовыми структурами из-за ширящегося в них недовольства развитием общественно-политической ситуации, с неизбежностью станут одним из фундаментальных — именно фундаментальных, играющих определяющую роль факторов сваливания России в сис-

темный кризис. После начала этого кризиса, в ситуации пред-революционного хаоса и революции, эти же самые игры, несмотря на весь рудиментарный патриотизм сотрудников силовых структур, с легкостью могут превратиться в едва ли не главную угрозу территориальной целостности и самому существованию нашей Родины. (Представляется значимым и то, что в условиях системного кризиса начатые силовыми структурами игры частично перейдут из-под их контроля под контроль иных, в том числе и глобальных, и иностранных политических сил, а частично — приобретут собственный, уже никак не контролируемый никакими государственными структурами динамизм и внутреннюю логику развития.)

Это накладывает на ответственную часть российской оппозиции весьма существенные качественно новые, совершенно непривычные для нее и по-настоящему тяжелые обязательства по организации не просто политической борьбы, но и государственного строительства в весьма мало подходящих для этого условиях.

ГЛАВА 9

«ПОКОЛЕНИЕ АДРЕНАЛИНА»: ЗДОРОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ

«Я готов финансировать революцию из своих денег, потому что хочу смотреть телевизор и видеть в нем новости».

*40-летний директор российского филиала
транснациональной корпорации*

Описанные в предыдущих главах основные движущие силы надвигающейся на Россию революции становятся таковыми благодаря своему социальному, экономическому или политическому положению. Их протест всецело находится в рамках традиционных политических факторов и является поэтому общеизвестным, самоочевидным предметом применения стандартных политологических процедур.

Вместе с тем, по крайней мере, один из важных факторов зреющего в российском обществе протеста носит преимущественно психологический характер и находится поэтому практически вне сферы внимания подавляющего большинства специалистов. Этот фактор связан с закономерной «сменой поколений»: на ключевые посты и в государстве, и в бизнесе, и в общественной деятельности по вполне естественным демографическим и управленческим причинам постепенно выдвигается новое поколение 30–40-летних управленцев.

Они имеют различные индивидуальные недостатки и достоинства, принадлежат к различным социальным слоям и лоббистским группам, но объективно объединены общими историческими обстоятельствами, которые они прошли и которые наложили на них свой общий специфический отпечаток, произведя исключительно жестокий и весьма специфический «естественный отбор».

Прежде всего, именно представители поколения нынешних 30–40-летних специалистов являются живыми и энергичными носителями системообразующего мифа современной российской реальности – мифа о Советском Союзе (который является еще и последним источником бесспорной легитимности нашей страны). Все, что происходило, начиная с его краха, можно считать случайным и неправомерным, но само существование СССР остается незыблемым фундаментом всех политических построений, точкой отсчета всей современной российской истории и такой же естественной основой для сопоставления, какой для самого Советского Союза был последний предвоенный 1913 год¹.

Нынешние 30–40-летние по вполне объективным причинам и вне зависимости от своего собственного желания являются «последними очевидцами» «великого и ужасного СССР» и, одновременно, последними его законными наследниками. Это последнее поколение, жившее, пусть даже и во вполне бессознательной юности, в условиях по-настоящему незыблемой, в принципе не подлежащей никакому сомнению легитимности и хоть как-то, но помнящее, какой она была и как была устроена, – и, соответственно, какой она в принципе должна быть.

Данное историческое положение этих людей практически никак не связано с их личным отношением к самому Советскому Союзу и тем более – к Советской власти. Большинство из них просто в силу высокого социального статуса являются либералами и антикоммунистами, бессознательно разделяя со своим классом целый ряд сословных и политических ценностей и предрассудков. Однако, помимо своей воли, они являются носителями определенной культуры, определенного отношения к жизни, принципов и методов целеполагания, унаследованных ими от советской цивилизации (других просто не было), – причем то, что им удалось пройти последующий жесточайший естественный отбор, является объективизированным подтверждением того, что они в целом унаследовали именно лучшие, позитивные, а не худшие, саморазрушающие, черты *homo soveticus*.

Таким образом, в целом антисоветски настроенная успеш-

¹ Хотя большевики и лукавили, используя для сравнения его показатели, так как в силу экономического кризиса они в целом были заметно хуже, чем показатели, например, 1910 года.

ная часть поколения 30—40-летних, будучи в значительной степени продуктом советской цивилизации, помимо своей воли и вполне неосознанно во многом оказалось ее наследником. Более того: оно оказалось в силах стихийно, в процессе индивидуального выживания, осуществить плодотворный синтез советских и рыночных ценностей, перенеся в качественно новое будущее именно лучшие, а не худшие черты прошлого.

При этом важно понимать, что личности представителей данного поколения сформированы уже отнюдь не чудовищным по своим психологическим последствиям застоем, а в самом раннем случае агонией Советского Союза — горбачевской «катастрофой» — со всеми ее надеждами и порывами, беспощадно перечеркнутыми последующими «стреляющими 90-ми»¹. В большинстве же своем именно 90-е годы наложили главный отпечаток на личности людей, приходящих сегодня к рычагам управления обществом, и завершили их «огранку», а в целом ряде случаев и целиком сформировали их.

Значение и беспощадность стихийного естественного отбора, прошедшего нынешними 30—40-летними управленцами, невозможно преувеличить. Годы жесточайших кризисов и целой череды принципиально непредсказуемых кардинальных поворотов, годы борьбы без правил и без сколь-нибудь универсальных стандартов деятельности по вполне объективным причинам растоптали часть этого поколения, психологически ориентированную на стабильные условия и добросовестное следование «правилам игры», и либо сбросили их на нижние этажи «социальной лестницы», либо и вовсе уничтожили физически.

Главным средством индивидуального выживания в условиях беспрецедентной по своим масштабам социальной катастрофы стала психологическая адаптация личности к постоянным в своих разнообразии и непредсказуемости кризисам.

Однако выжить мало — надо преуспеть, а это уже качественно иная задача, требующая существенных личностных предпосылок.

И вот преуспели во внезапно ставших обыденностью кризисных условиях люди совершенно определенного психологического склада, наиболее комфортно чувствующие себя именно в условиях хаоса и неопределенности, когда необходимые для взаимодействия правила поведения надо вырабатывать на ходу,

¹ Дух которых точнее всего передан отнюдь не приукрашивающей историю в угоду «конкретным пацанам» «Бригадой», а жуткими в своей незатейливости «Жмурками».

наугад нащупывая разумные алгоритмы и стандарты, но затем обеспечивая свое лидерство за счет их распространения и превращения в общепринятые.

Эти люди не просто адаптированы к постоянным кризисам — они психологически нуждаются в них. Более того: разного рода кризисы представляют собой естественную и наиболее органичную среду их обитания. Между тем не просто устойчивый, но и постоянно нарастающий приток доходов от сырьевого экспорта, несмотря на все нарастающие проблемы с «силовой олигархией», создает для значительной части крупного и крупнейшего бизнеса России условия относительной размеренности, стабильности и предсказуемости. Представители «поколения кризисов» испытывают в этих комфортных с формальной точки зрения условиях жесточайший недостаток адреналина и даже «сенсорное голодание», внешние проявления которого весьма схожи с памятными большинству служивших в армии или сидевших в тюрьме.

Пытаясь преодолеть нарастающий и неизбежно пугающий их дискомфорт, успешные менеджеры стремятся, в том числе и вполне бессознательно, к вовлечению в разнообразные кризисные ситуации, зачастую провоцируемые ими самими «на пустом месте» и в масштабах, значительно превосходящих индивидуальные психологические потребности каждого из них.

ПРАВЯЩАЯ БЮРОКРАТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИ НЕСОВМЕСТИМА С НОВЫМ ПОКОЛЕНИЕМ УПРАВЛЕНЦЕВ

Стандартный выход из положения, используемый успешными менеджерами по всему миру, — активизация личной жизни и занятия экстремальными видами спорта (от тривиальных в результате пристрастий Путина горных лыж до изматывающего и небезопасного для здоровья двухнедельного «пустынного марафона»). Конечно же, эти средства в полном объеме используются и преуспевающими представителями российского «поколения победителей», однако они выработаны человеческой цивилизацией лишь для обычной совокупности людей, включающей в себя все основные психологические типы, и являются в целом достаточными только для нее. Российские же успешные менеджеры, как было показано выше, по вполне объективным причинам образовали весьма специфический социальный слой, в котором удельный вес «людей кризисов» необычайно высок, — и для них стандартные

средства преодоления «сенсорного голодания» имеют лишь ограниченную ценность.

В результате поиск кризисных ситуаций, без которых их жизнь не может быть полноценной, приводит их в смежные с их основной сферы человеческой деятельности, и в одну из первых — в наиболее важную, то есть влияющую на жизнь других людей), разнообразную и внутренне неисчерпаемую, а по совокупности этих факторов и наиболее затягивающую сферу — политику.

Значительную роль в растущем интересе успешных менеджеров к ней играет и ее теснейшая связь с основными человеческими инстинктами — к власти, к деньгам и к любви (из-за того, что невозможно быть добросовестным политиком, не испытывая любви к людям, — которая почти неизбежно приобретает и индивидуальное, а не только коллективное воплощение).

Существенно, что этот интерес в большинстве случаев является вполне бескорыстным, что в терминологии большинства современных российских политологов и аналитиков означает «иррациональным» (что крайне затрудняет прогнозирование и даже простую оценку их деятельности представителями власти и, соответственно, качественно повышают их эффективность в противостоянии ей). Значительная часть представителей поколения «успешных менеджеров» заинтересовывается политикой, а затем и начинает активно вмешиваться в нее не для достижения каких-либо конкретных политических или коммерческих целей, но лишь стремясь преобразовать в соответствии со своими потребностями и сделать более эмоционально и информационно комфортной для себя саму среду своего обитания.

Для людей, ощущающих себя полноценными лишь в кризисных условиях, это невинное и естественное стремление оборачивается далеко не всегда осознанным, но весьма последовательным и целенаправленным генерированием общественных кризисов или, по крайней мере, внутренних напряжений.

Достаточно высокая образованность их основной части и ее безусловная принадлежность к российской интеллигенции, органическим свойством которой является недовольство любой властью как таковой, весьма существенно усиливает этот «протест вследствие сенсорного голодания».

Важно понимать и то, что основной части представителей поколения «успешных менеджеров» в высшей степени свой-

ственна и весьма специфическая потребность советских людей — потребность в содержательном, а то и интеллектуальном общении с себе подобными. Для того, чтобы чувствовать себя комфортно, им необходимо спокойно и раскрепощенно обсуждать со своими друзьями, знакомыми и другими людьми, чье мнение представляет для них какую-либо ценность, какие-либо общественно значимые и при этом обязательно отделенные от их повседневной профессиональной деятельности проблемы, в первую очередь общественные. Следует понимать: это не личная блажь отдельно взятого и «бесящегося с жиру» «буржуя», но, несмотря на свой психологический характер, безусловно объективная массовая потребность, являющаяся таким же неотъемлемым фактором общественной жизни страны, как, например, отношение к президенту Путину.

Крайнее и по откровенности, и по экспрессивности выражение этой проблемы вынесено в эпиграф настоящей главы, однако в менее жесткой и категоричной форме его приходится слышать от большинства успешных бизнесменов, топ-менеджеров и управленцев среднего звена. Эти люди, полностью удовлетворив свои первичные потребности, столкнулись с болезненной нехваткой общественных впечатлений, экстремальная острота которой порождается мертвящим влиянием правящей в нашей стране бюрократии.

Таким образом, созданный в России политический режим начал приходить в прямое противоречие с биологической природой человека, физиологически нуждающегося для состояния эмоционального и психологического комфорта в постоянном получении новой информации (в результате освоения которой организм вырабатывает «гормоны счастья» — эндорфины).

БОГАТЫЕ ПЛАЧУТ ГРОМЧЕ

Для большинства общества проблема снимается (а точнее сказать — вытесняется значительно более острой проблемой) жесточайшей борьбой за существование, отнимающей основную часть сил и времени и обеспечивающей человека постоянным притоком весьма разнообразных и интенсивных впечатлений. Однако стабильно обеспеченная часть общества, совершенно незначительная в количественном отношении, но весьма значимая по своему потенциальному влиянию на его развитие, оказалась в жерновах этого противоречия, будучи не в состоянии справиться

ся с сочетанием собственной пресыщенности и резкого оскудения «выравненного» правящей бюрократией информационного поля.

Да, это «проблемы богатых», не идущие по своей остроте и объективной тяжести ни в какое сравнение с остротой проблем абсолютного большинства россиян. Однако для отдельно взятого человека понятие «объективного», как правило, просто не существует: оказываясь в повседневной жизни лицом к лицу со своими собственными проблемами, он по вполне естественным с точки зрения психологии причинам воспринимает в первую очередь именно их. За весьма редким совестливым исключением, в своей обыденной жизни люди отнюдь не склонны сопоставлять свои трудности с проблемами других, находящихся в более трудных обстоятельствах (в том числе менее обеспеченных) людей.

В этом отношении Маяковский совершенно не кривил душой, не преувеличивал и не поддавался природной склонности к эпатажу, когда писал: «Гвоздь в моем сапоге кошмарней, чем фантазия у Гете». «Своя рубашка» действительно «ближе к телу»; это общее правило, заложенное в самой природе человека, и, соответственно, изъяны этой рубашки значительно ближе большинству людей, чем даже полное отсутствие оной у их ближних (не говоря уже о дальних). Подавляющее большинство людей может без каких бы то ни было затруднений (в том числе моральных) привести огромное количество примеров из собственной жизни, когда они остро переживали свои собственные незначительные трудности, оставаясь совершенно равнодушными к трагедиям и даже гибели сотен, тысяч, а то и миллионов посторонних людей.

Поэтому богатые переживают свои относительно незначительные трудности не менее остро, чем бедные. В силу же более высокого (в современной России, где люди с высшим образованием в результате реформ в значительной части не востребованы и влачат жалкое существование, — более актуального) образования, способствующего в том числе и привычке к рефлексии, у богатых, и эмоционального обеднения из-за постоянной монотонной и изматывающей борьбы за существование, доходящего до отупения, — у бедных ситуация парадоксально, а с моральной точки зрения — чудовищно изменяется: богатые в целом ряде случаев значительно острее переживают свои объективно незначительные проблемы, чем бедные — свои, значительно более масштабные и глубокие.

Кроме того, богатые, как подмечено в мириадах примеров

(хотя бы в тех же «горячих точках» или местах стихийных бедствий), плачут не «тоже», а значительно громче бедных. Причина объективна — в силу самого своего богатства они имеют эффективно используемые и разнообразные ресурсы, включая авторитет, индивидуальные и коллективные умения для того, чтобы придать своим нуждам видимость большей значимости и актуальности.

Поэтому психологические проблемы богатой и активной части российского общества окажут на его развитие по крайней мере не меньшее влияние, чем материальные проблемы бедных и пассивных, уставших от постоянных бытовых трудностей масс. Удивительно, что образованная часть нынешних руководителей России, на словах предавая анафеме традиционные положения марксизма с его преобладающим влиянием материальных факторов общественной жизни, в политической реальности оказывается его заскорузлыми и догматичными приверженцами на уровне 50-х годов прошлого века, полностью игнорирующими описанные важные психологические факторы развития современной России.

А ведь недовольство «поколения победителей» качественно усиливается неизбежными, объективными для большинства его представителей кризисами личного характера.

В первую очередь это, конечно, кризис «среднего возраста»: достижение вероятного максимума и в карьере, и в сфере личных отношений, ощущение в полном объеме ограниченности своих возможностей и переход от каждодневного «штурма неба» к «жизни без проекта»¹, драматичность которой прямо пропорциональна способностям и энергии каждого конкретного человека.

Другой личный кризис, становящийся общественным явлением, — пресыщенность успешных менеджеров, достаточно быстро обеспечивающих все свои материальные потребности.

Следует признать очевидное: относительно высокопоставленные (как в коммерческой сфере, так и в области государственного управления) граждане России с реальным месячным доходом 5 тыс. долл. и выше, как правило, бесконечно далеки от восплаемого либеральными пропагандистами 16-часового рабочего дня. Они уже обеспечили себе комфортные условия существования и в целом отнюдь не утруждают себя «трудовыми подвигами». Это для них появился преуспевающий и разнообразный, сделавший Москву подлинной столицей мира в этой области московский ресторанный бизнес — ибо совещания зна-

¹ По меткому выражению А.М. Ильницкого.

чительно комфортнее проводить в ресторане (а подражающим им представителям «среднего класса» — в кафе). А массовая и неожиданная для них самих переориентация с выживания на обеспечение комфорта означает, что у них появилась реальная и серьезная проблема досуга. Не смейтесь и не пожимайте плечами, — это серьезно, это та самая проблема, которая в значительной степени и похоронила Советский Союз, так как сталкивающиеся с ней люди начинают искать приложения своих сил и выхода своей энергии в том числе и в общественной жизни.

Ибо авторитарный режим, если он разумен, сравнительно легко может обеспечить своим гражданам достаточный уровень жизни, но по самой своей природе в обычных, некризисных условиях не в силах достичь необходимого человеку уровня ее разнообразия.

Нынешний путинский режим неразумен. В частности, он совершенно открыто не собирается обеспечивать людям приемлемый уровень жизни, по всей вероятности, считая, что сможет удерживать их в подчинении при помощи пропаганды, а при необходимости и насилия (о последнем свидетельствует, например, создание «антифашистского» движения «Наши», весьма напоминающего «штурмовые отряды»).

Своей неразумностью он принципиально отличается от советской системы.

Однако у него с ней есть и весьма существенная общая черта — авторитаризм, в принципе не позволяющий решить «проблему досуга» относительно обеспеченной части общества — в случае современной России поколения «успешных менеджеров».

Не стоит забывать, что его представители имеют в личном и практически бесконтрольном распоряжении огромные организационные, материальные, финансовые и интеллектуальные ресурсы — принадлежащие не только их корпорациям, но и им лично либо структурам (обычно неформальным сетевым), в которые они объединены.

При этом безответственность, продуманно и последовательно создаваемая для менеджеров (особенно высших) современной корпоративной системой¹, в России как стране молодого хищ-

¹ На самом деле, конечно, эти фантастически комфортные условия созданы для топ-менеджеров крупных корпораций ими самими, а корпоративная система, будучи послушной им и практически не контролируемой извне средой, оказалась лишь исключительно удобным и эффективным инструментом для оправдания и реализации их ни с чем не сопоставимых фантастически завышенных материальных требований.

нического капитализма не умеряется ни силой традиций и морали (как корпоративной, так и общественной), ни контролем со стороны государства и институтов гражданского общества.

Это та самая «сытость в острой форме», которая, по емкому определению Е. Шварца, «смертельно опасна для окружающих», хотя в политическом отношении в первую очередь эта опасность существует для правящей бюрократии, вызывающей основные негативные эмоции класса успешных управленцев.

Ибо социальная агрессия «успешных управленцев» в силу самой специфики этой общественной группы проявляется не в хулиганстве или вандализме, характерных для необразованных и малообеспеченных слоев, но в сознательных, последовательных, жестоких и достаточно эффективных действиях.

* * *

Таким образом, даже достроив непрерывно стоящую не только на явных, но и на потенциальных оппонентов «вертикаль власти», президент Путин не сможет решить свою главную задачу — предотвратить революцию. Более того: сама эта революция будет вызвана именно его политикой, которую он уже не в состоянии изменить.

Однако описанная институциональная беспомощность вызывает естественный вопрос: а где та оппозиция, которая сможет преодолеть проблемы страны, и где гарантия того, что она действительно сможет с ними справиться?

Мы должны ясно понимать, что такой оппозиции и таких гарантий нет. И если оппозиция еще имеет шанс выковаться в предстоящей в ближайшие полтора—три года политической борьбе (в самом деле: Россия — не Киргизия еще и потому, что правящая бюрократия будет защищать свою власть — выковывая тем самым более дееспособную оппозицию), то никаких гарантий ее эффективности нет и не будет.

Именно это отсутствие гарантий (а вместе с ними — и уверенности в том, что Россия выживет в предстоящем ей системном катаклизме) и не позволяет ответственной части российского общества приветствовать надвигающуюся революцию как грандиозный хеппенинг. Именно это отсутствие гарантий заставляет нас помнить, что революция — это трагедия и катастрофа, хуже которой может быть только война (и то не всякая).

Тем не менее органичная, объективная неспособность путинского режима удовлетворить самые насущные, категоричес-

кие потребности сегодняшней и завтрашней России делает эту революцию неизбежной.

В этих условиях задача всех сил общества, сохранивших, несмотря на вой официальную пропаганды и повсеместной дебилизации, здравый смысл и ответственность перед Россией, заключается в подготовке борьбы не столько за собственную власть, сколько за выживание нашей страны, в первую очередь — за сохранение ее целостности.

Уже сейчас, пока у нас еще есть время и силы для этого, мы должны выработать жесткий долгосрочный общественный консенсус относительно постреволюционной политики, который будет действительно ограничивать и четко направлять удачу, корысть и безграмотность любой группы лиц, которая сумеет захватить власть в надвигающемся на нас Смутном времени.

ЧАСТЬ 2

МЕХАНИЗМЫ И ЭТАПЫ РЕВОЛЮЦИИ

**И оба сошли где-то под Таганрогом
Среди бескрайних полей,
И каждый пошел своею дорогой,
А поезд пошел своей.**

«Машина времени»

ГЛАВА 10.

«РЕПЕРНЫЕ ТОЧКИ» ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ

ДАЖЕ МЕРТВЫЕ НЕ БУДУТ СПАТЬ ВЕЧНО

Представляется, что срыв в системный кризис с последующей утратой управляемости и антифеодальной революцией может произойти практически в любой момент после того, как правящая бюрократия исчерпает в основном имеющиеся у страны резервы прочности, то есть приблизительно начиная с весны 2007 года. Разумеется, если правящая бюрократия не откажется в конце концов от хотя еще пока и не доминирующих, но прорабатываемых все более подробно во время написания этой книги планов проведения в декабре 2006 года досрочных парламентских выборов, Россия войдет в «зону риска» значительно раньше — с фактическим началом новой избирательной кампании, то есть уже в августе 2006 года.

Ориентируясь на динамику утраты правящей бюрократией интеллекта и инстинкта самосохранения в сочетании с разрушающей экономику эскалацией как силового рэкета, так и разрушающей человеческий потенциал России «второй волны либеральных реформ», можно с высокой вероятностью предположить, что системный кризис произойдет достаточно быстро (разумеется, с исторической точки зрения). В настоящее время, даже с учетом вероятного сохранения исключительно благоприятной для нашей страны внешнеэкономической конъюнктуры, практически неизбежным представляется его наступление до конца 2009 года, наиболее вероятным — до конца 2008.

Таким образом, весь период нестабильности, который определит судьбу нашей Родины и судьбу каждого из нас как минимум на ближайшие десятилетия, уместается в менее чем четырехлетний, а, скорее всего, — трехлетний период. При этом

практически неизбежными катализаторами разрушительных общественно-политических процессов представляются, вне зависимости от характера их проведения, парламентские и президентские выборы.

Конечно, сегодня, после чудовищных по цинизму и масштабу фальсификаций «самых чистых выборов» 2003 и 2004 годов, даже по форме мало чем напоминающих избирательный процесс «выборов» в Мосгордуму 2005 года, результаты которых были в основном известны в момент их объявления, и в условиях всеобщего ожидания новых извращений демократии правящей бюрократией, крайне затруднительно даже представить себе возможность массового возмущения из-за сколь угодно грубых и масштабных нарушений в ходе проведения сколь угодно значимых выборов.

Однако человеческое общество представляет собой живой и постоянно изменяющийся организм, в котором даже безусловно верное для сегодняшнего дня уже завтра может оказаться полностью и необратимо устаревшим.

Как бы крепко и как бы долго ни спали люди, в конце концов они просыпаются — и даже уснувшие вроде бы вечным сном просыпаются на Страшном суде.

Мы видели массовое и совершенно неожиданное для практически всех грамотных аналитиков пробуждение нации в конце 2004 года в ходе «оранжевой» революции на Украине. Да, украинцев разбудил не кто-нибудь, а наш собственный президент: по-видимому, то, что в России казалось ему нормальным, естественным и само собой разумеющимся, для граждан соседней страны стало душераздирающим и совершенно невыносимым хамством.

Но и в нашей стране нечто подобное произошло совсем недавно. Еще в начале 2005 года, буквально через несколько недель после того, как все авторитетные специалисты (в том числе и не приемлющие путинский режим по принципиальным идеологическим соображениям) и все мало-мальски известные оппозиционеры признали полную невозможность массового протеста, мы увидели этот массовый протест и в России. Тогда за два с половиной месяца на улицы совершенно стихийно вышло полтора миллиона человек!

Комплексное разрушение повседневного человеческого быта, с небывалой после фашистской оккупации изощренностью и последовательностью осуществляемое сегодня правящей бюрократией, вполне способно довести широкие массы граж-

дан России до состояния, когда они начнут всерьез рассматривать выборы как способ реального улучшения своей повседневной жизни. При этом принципиально важно, что выборы будут восприниматься ими не только как вполне реальный и важный, но и как единственный доступный им безопасный для них лично и потому единственный приемлемый для них способ нормализации повседневных условий своего быта.

В этом случае они достаточно быстро и, что особенно важно, совершенно внезапно для посторонних наблюдателей (в число которых, безусловно, входит и современная правящая бюрократия России) станут абсолютно нетерпимыми не только к тотальным фальсификациям результатов этих выборов, но и к ставшим обыденными в последние годы более мелким злоупотреблениям.

В результате привычные мелкие шалости с «административным ресурсом», по инерции воспринимаемые правящей бюрократией как невинная забава и мелкое удовольствие, как небольшие, но приятные бонусы, привилегии, являющиеся неотъемлемым атрибутом ее высокого общественного статуса, могут совершенно неожиданно для нее стать поводом полноценного общенационального кризиса.

Хотя не следует забывать и о том, что его причиной может стать и неполитическое по своему характеру явление — внезапное неприемлемое ухудшение условий жизни широких масс граждан (в том числе обязательно и в Москве как столице, являющейся в силу своего положения и объективной централизации внутренней жизни России единственной значимой площадкой политической борьбы).

Это ухудшение может быть вызвано либо привычным сочетанием безграмотности и безответственности правящей бюрократии, либо очередной техногенной катастрофой из-за реструктуризации естественных монополий или обычного оголтелого воровства, либо последовательным и успешным проведением соперничающих друг с другом либеральными фундаменталистами и силовой олигархией смертельных для российского общества либеральных реформ.

Настоящая глава посвящена последовательному рассмотрению и сопоставлению возможных *casus belli*¹.

¹ Повод к войне (*лат.*).

МАРТ 2007 ГОДА: ДОСРОЧНЫЕ ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ?

Самый простой и вместе с тем весьма эффективный катализатор системного кризиса в России, представляющийся практически самоочевидным (и поэтому наименее вероятный в силу практически неизбежного противодействия), — это предстоящие нам парламентские выборы.

Конечно, в настоящее время, после выборов последних 10 лет действительно трудно представить, чтобы злоупотребления любого масштаба (или подозрения на них) при подсчете голосов были способны вызвать сколь-нибудь заметный протест даже при существенном внешнем «разогреве».

Однако раздражающего воздействия и разрушительных способностей правящей бюрократии никогда не стоит недооценивать. В конце концов, накануне «оранжевой революции» на Украине, не говоря уже о парламентских выборах в Грузии или Киргизии, авторитетные исследователи высказывали точно такую же точку зрения — и обвинять их в некомпетентности нельзя. Недовольство общества зреет и копится глубоко внутри и может прорваться на поверхность внезапно даже для искушенного и квалифицированного наблюдателя.

Кроме того, интриги в среде самой правящей бюрократии, сопутствующие даже полностью управляемым выборам, способны не только спровоцировать возмущение самых пикорных масс, но и полностью дезорганизовать ее, лишив воли и возможности сопротивляться самым слабым воздействиям со стороны самой трусливой и непоследовательной оппозиции.

Кроме того, в случае современной России нельзя полностью исключить вероятности того, что под тем или иным предлогом, — хотя бы в связи с действительно имеющейся необходимостью привести состав Госдумы в соответствие качественно новой политической системе, созданной правящей бюрократией после и во многом под предлогом бесланской трагедии, — парламентские выборы в нашей стране будут перенесены на год, с декабря 2007 на март 2007 года.

Реальные цели этой операции, детали которой все более подробно и старательно прорабатываются правящей бюрократией по крайней мере с середины 2005 года, представляются вполне рациональными. Прежде всего, ей жизненно необходимо — и она вполне осознает эту необходимость — не допустить консолидации разношерстной оппозиции и формирования внятной и потенциально дееспособной оппозиционной структуры (не го-

вора уже о боеспособной в конкретных политических столкновениях организации), объединяющей и политически воплощающей социальные, патриотические и либеральные ценности.

Это стремление вызвано не только страхом непосредственного политического соперничества, но и восприятием правящей бюрократией каждой из этих ценностей и тем более их синтеза как совершенно неприемлемых для себя. Принципиально важно, что эти ценности воспринимаются ею как враждебные и потому подрываются ею не по каким-либо содержательным соображениям, но в первую очередь просто потому, что правящая бюрократия России в силу своего нарастающего разложения в принципе не приемлет никаких ценностей, кроме ничем не ограниченной свободы воровства и вымогательства, а также слепого и нерассуждающего подчинения ей и повиновения любым ее указаниям.

Конечно, сегодняшняя оппозиция во всем богатстве ее разнообразия и при всей ее энергичности в целом не заслуживает такого страха и настолько гипертрофированной реакции; в самом лучшем случае она годится на удобрения. Преобладающее большинство ее так называемых «лидеров» одновременно и в острой форме страдает нарциссизмом и продажностью, хотя и в разных пропорциях. Они не способны к взаимодействию даже между собой, а органическая неспособность сотрудничать с обычными людьми, не говоря уже о таком необходимом качестве, как умение привлекать на свою сторону их широкие массы, делает их законченными политическими импотентами.

Однако гипертрофированная нетерпимость правящей бюрократии ко всем общественным явлениям, хоть сколько-нибудь нарушающим ее комфорт, не просто является одним из наиболее ярких проявлений глубины ее разложения, но и служит важным фактором предстоящего системного кризиса. Ведь чрезмерно агрессивная реакция государственного аппарата на безопасные в целом элементы общественного организма представляет собой форму политической аллергии, опасной для общества точно так же, как обычная аллергия опасна для отдельно взятого биологического организма.

Весьма существенной причиной досрочного проведения парламентских выборов может стать стремление правящей бюрократии в максимальной степени использовать преимущества, возможно, последнего года политической стабильности, начинающегося в сентябре 2005 года и продолжающегося до начала политического сезона 2006/2007 годов. В это время российское

общество в максимальной степени вкушает плоды баснословно благоприятной внешней конъюнктуры, государство имеет колоссальные свободные средства как для удовлетворения практически любых нужд населения, за которые то будет способно бороться, так и для подавления практически любых форм протеста. В то же время негативные последствия разложения правящей бюрократии, по всей видимости, еще не начнут создавать невыносимые и, что является наиболее важным для политической борьбы, отчетливо осознаваемые проблемы для широких слоев общества.

Этот год представляется идеальным моментом для реализации своеобразного «творческого» подхода к текущей российской истории, характерной для наиболее энергичной части правящей бюрократии. Не имея собственно творческих и даже аналитических способностей, они мыслят успешное развитие России как простое заимствование институтов и механизмов развитых стран, в первую очередь наиболее развитых США, — разумеется, исключительно в той части, в которой оно не противоречит их собственным текущим интересам.

Соответственно, они стремятся к формированию формально двухпартийной, а на самом деле — полупарламентской системы (открыто ссылаясь в минуты откровенности на практику Японии, а порой и Мексики, не говоря уже о Китае, ГДР и Советского Союза). В рамках этой системы, как предполагается, гарантированное конституционное большинство в парламенте будет по-прежнему иметь «партия власти», что позволит администрации президента сохранить жесткий контроль за парламентскими декорациями. Политическая дискуссия будет вестись в рамках этого контроля сугубо внутри «партии власти» — примерно так же, как она велась в рамках КПСС.

В то же время ни на что не влияющее парламентское меньшинство будет консолидировано в опять-таки контролируемой правящей бюрократией «карманной оппозиции». В результате государство получит гарантированную возможность в полное свое удовольствие при помощи демонстрации разного рода видов «борьбы нанайских мальчиков» симулировать сколь угодно насыщенную политическую жизнь, не просто создавая видимость демократии для развитых стран Запада и собственной интеллигенции, но и отвлекая ответственные и потому потенциально опасные для него ответственные силы общества от реальных проблем. Эти силы будут затягиваться в заведомо фиктивную, истощающую их силы политическую борьбу и по

сути дела замуровываться в паутине запутанных и противоборствующих друг с другом, но неизменно контролируемых государством разноуровневых политических структур. Представляется, что черновыми набросками последних служат не только современные политические организации разного рода, но и, например, широко разрекламированная Общественная палата.

Всякому непредвзятому наблюдателю понятно, что структуры такого рода в условиях назревающего кризиса с неизбежностью выходят из-под контроля правящей бюрократии и захватываются представителями оппозиции, превращаясь в эффективные революционные тараны, — как это было, например, в ходе «демократизации» советского общества в 1987–1989 годах. Однако понимание органической невозможности не только долго-, но даже и среднесрочного управления общественными процессами в режиме спецоперации, по-видимому, остается принципиально недоступным не только для представителей силовой олигархии, но и для всей правящей бюрократии в целом.

Значимым фактором, толкающим правящую бюрократию на проведение досрочных выборов, представляется также страх возникновения массового протеста в будущем. Для стороннего наблюдателя подобный протест представляется неизбежным в силу самого характера государства, полностью освободившегося от всякого контроля со стороны общества и превратившегося по сути в инструмент личного обогащения представителей правящей бюрократии — как либеральных фундаменталистов, так и силовых олигархов. Политика такого государства объективно направлена прежде всего на систематический грабёж населения и бизнеса, что ведет к тотальному подавлению жизненных интересов населения и созданию не только неприемлемых с морально-психологической точки зрения, но и невыносимых условий его повседневного существования.

Как ни парадоксально, это понимание вполне разделяет и значительная часть представителей правящей бюрократии, по понятным причинам наблюдающих современное российское государство с наиболее близкого расстояния и если и не сознающее, то, во всяком случае, в полной мере ощущающее его глубочайшую порочность.

Но даже наиболее ограниченная часть бюрократов, полностью убежденная в незыблемой стабильности своей власти, тем не менее на конкретных примерах (хотя бы «оранжевой революции» на Украине и стихийных выступлений в начале 2005 года

в результате монетизации льгот) смогла наглядно убедиться в возможности появления внезапного и при этом принципиально не поддающегося прогнозированию массового протеста и, соответственно, испугаться его. Понимая, что с течением времени вероятность неприятных неожиданностей повышается (просто из-за естественного снижения качества предвидения ситуации), эта часть правящей бюрократии также склоняется к идее досрочных парламентских выборов, рассматриваемой ею в качестве средства опережения возможного (хотя и по непонятным ей причинам) возникновения массового протеста и лишения его легитимных политических рычагов.

Некоторую роль при принятии решения о досрочных выборах сыграют, насколько можно понять, и чисто тактические соображения. Так, практика показывает, что выборы федерального масштаба в силу самой своей специфики, как правило, обнажают весьма существенные с практической точки зрения аспекты состояния политических сил и общества в целом, остающиеся скрытыми при традиционных исследованиях или, по крайней мере, выявляемые ими лишь с большим трудом.

В этом отношении выборы, действительно, являются лучшим и наиболее комплексным не только политологическим, но и социологическим исследованием. Проведение парламентских выборов в установленный законом срок, в конце 2007 года, оставляет на осмысление полученных результатов с точки зрения важнейшего события политического цикла — президентских выборов, а также на подготовку и проведение государственной реакции на них лишь несколько месяцев. Представляется, что нынешней расслабившейся, обленившейся и глубоко развратившейся бюрократии этого совершенно недостаточно. В результате, желая наилучшим образом провести президентские выборы (или, что более вероятно, называемый подобным образом грубый фарс), она будет стремиться к максимально раннему проведению выборов в Госдуму, рассматриваемых ею в качестве важного этапа подготовки к «большим», президентским выборам. Конечно, результат и парламентских, и тем более президентских выборов будет, по всей вероятности, заранее предопределен и практически никак не связан с реальным поведением избирателей, однако всякой бюрократии, даже самой ленивой, свойственно стремление «перестраховаться».

Именно на этом, как форель на блесну, ее и стоит ловить.

При принятии решения о досрочных выборах в Госдуму сыграет свою роль, насколько можно понять, и дикое, ирра-

циональное раздражение правящей бюрократии, направленное на буквально несколько депутатов, не продавшихся ей, не поддавшихся ее давлению и оставшихся независимыми по-настоящему, а не на словах. Конечно, желание лишить общественно-политического статуса буквально нескольких человек слишком мелочно даже для нынешних руководителей России и само по себе ни при каких обстоятельствах не может являться главным аргументом для столь масштабной операции, как проведение досрочных парламентских выборов. В то же время, как представляется, подобное желание (в том числе именно из-за своей мелочности, вполне соответствующей масштабу личностей многих наших руководителей) вполне может послужить весомым дополнительным аргументом, способным сыграть решающую роль в условиях колебаний и неопределенности.

Наконец, вполне логичной представляется и попытка правящей бюрократии решить свои достаточно глубокие внутренние проблемы при помощи эффективной и масштабной политической операции, надежно скрывающей за блеском и шумом серьезные внутриаппаратные изменения. Жесточайшая внутренняя борьба между представителями правящей бюрократии естественным образом порождает жесточайшую борьбу между различными группировками внутри контролируемой ею «партии власти» — «Единой России». Принципиально важно, что эта партия не является «собственностью» того или иного клана правящей бюрократии, а практически повторяет ее структуру: в силу коалиционного характера формирования и развития различные группы партийных аппаратчиков и депутатов «Единой России» ориентируются (а как правило, и контролируются) различными, в том числе и непримиримо противостоящими друг другу группами правящей бюрократии.

Борьба между различными группами внутри «Единой России» является не только бесплодной, но и бесконечной, могущей прекратиться лишь с исчезновением самой этой партии. Причина проста: сама способность к достижению сколь угодно краткосрочного и шаткого компромисса является своеобразной привилегией людей, занимающихся реальной политикой, причастных к выработке принципиальных решений и потому входящих в структуры по-настоящему правящей бюрократии.

«Единая Россия» же представляется сборищем марионеток, простым придатком администрации президента на уровне в лучшем случае управления. Доходит до того, что, по некоторым дан-

ным, из более чем 300 депутатов ее фракции право на общение с журналистами в зависимости от ситуации имеют от 7 до 15 человек!

А марионетки, в отличие от людей, не способны дружить и не могут договариваться: они могут только кусать друг друга.

Даже если представители различных «групп влияния» правящей бюрократии в силу уникальной комбинации тех или иных условий заключают неизбежно временный «пакт о ненападении», они, ненавидя друг друга и стараясь нанести вред своим оппонентам, «покусывают» друг друга зубами своих марионеток из «Единой России», объясняя и оправдывая это якобы существующей относительной самостоятельностью последних. Подобные оправдания, несостоятельность (а значит, и наглость) которых очевидна для всех участников политического процесса, не способны вызвать ничего, кроме злобы и ответных действий, которые до сохранения потребности в компромиссе носят вынужденно симметричный характер и ограничиваются активизацией деятельности соответствующих внутренних фракций «Единой России».

Досрочные парламентские выборы рассматриваются всеми без исключения группировками правящей бюрократии как инструмент, позволяющий добиться изменения в свою пользу соотношения сил внутри партии «Единая Россия», а при особо благоприятных обстоятельствах — и поставить ее под свой исключительный контроль.

Однако их объединяет и общая цель — ослабление собственной партийной бюрократии «Единой России» и недопущение выхода ее как целого из-под совокупного контроля правящей бюрократии. Последняя жизненно заинтересована в том, чтобы понятие «партия власти» по-прежнему расшифровывалось по-путински — «партия, принадлежащая власти», а не по-сталински или по-брежневски — «партия, которой принадлежит власть».

Как минимум один раз для сохранения подчинения крупнейшей российской партии во многом анонимной правящей бюрократии понадобились экстраординарные меры. Это произошло в ночь перед открытием ее очередного съезда, когда в кабинете ее лидера, второго после Путина по популярности политика России, министра по делам чрезвычайных ситуаций С.К. Шойгу был проведен демонстративный обыск, а один из его ближайших сотрудников (генерал Ганеев) был арестован. С этого началось громкое «дело оборотней», и по сей день дамок-

ловым мечом висящее над значительной частью силовой олигархии и тем самым обеспечивающее ее лояльность.

К настоящему времени возникла если не политическая, то экономическая потребность в еще одной «встряске» «Единой России», в рамках которой сложились весьма разветвленные и эффективные лоббистские системы, способные существенно корректировать усилия, включая коммерчески ориентированные, не только правительства, но и администрации президента, нанося ее представителям весьма ощутимый в том числе и материальный ущерб.

Досрочные парламентские выборы, позволив существенно обновить состав «Единой России», представляются естественным инструментом разрушения сложившихся лоббистских механизмов и снижения эффективности ее лоббистского потенциала, вступившего уже в некоторую конкуренцию с лоббистскими механизмами администрации президента, не говоря уже о правительстве. Ослабление этой конкуренции позволит провести еще один раунд (после перехода к назначению губернаторов и выборам по партийным спискам) централизации коррупционных потоков на федеральном уровне, исключительно выгодный прежде всего для администрации президента.

Ну и, конечно же, существенная корректировка полностью дискредитировавшего себя персонального состава «Единой России» позволит на некоторое время приподнять ее авторитет. Помимо сугубо эгоистических соображений, авторов и разработчиков идеи досрочных парламентских выборов питает надежда на вливание в безнадежно сгнившие мехи «партии власти» нового, на короткий срок действительно способного оживить их вина.

Косвенным признаком, свидетельствующим о готовности правящей бюрократии к досрочному проведению парламентских выборов, следует признать и принятое буквально в последний момент без каких бы то ни было внятных обоснований решение о проведении также досрочных (хотя с переносом не на год, а лишь на три месяца вперед) выборов в Московскую городскую думу.

Принципиально важно, что, при всей своей политической выгоды и обусловленности, достойным образом обосновать досрочное проведение парламентских выборов с точки зрения здравого смысла практически невозможно. Перенос их на год вперед неминуемо привлечет внимание общества к политике и активизирует мирно дремлющие сегодня политические силы и общественные структуры. При этом необъяснимость действия

правлящей бюрократии породит массу подозрений, основная часть которых в силу самой природы и глубокого разложения этой бюрократии будет с блеском подтверждена.

Злоупотребления в ходе выборов неизбежно будут масштабными и хаотическими, причем спрятать их не удастся, прежде всего из-за неуклонно и вполне оправданно усиливающегося чувства безнаказанности правящей бюрократии, делающего избыточными, а порой и откровенно смешными для нее все усилия по «заметанию следов». Сыграет свою роль и растущая внимательность общества, раздраженного необъяснимыми и никак не объясняемыми политическими играми за его спиной, и, что представляется особенно важным, почти неизбежный отказ ряда оппозиционных политических партий от коллаборационизма с властью в силу наглядной демонстрации последней принципиальной невозможности сотрудничества с ней в силу органической неспособности учитывать чьи бы то ни было интересы, кроме своих собственных.

Парламентские выборы 2003 года, президентские выборы 2004 и, с некоторыми незначительными исключениями, выборы в Мосгордуму 2005 года прошли для правящей бюрократии гладко в первую очередь потому, что тогдашние оппозиционные силы испугались привлечь внимание общества к масштабам злоупотреблений, предпочтя поверить в индивидуально дававшиеся им победителями обещания тех или иных компенсаций. Прошедшее время неопровержимо доказало, что правящая бюрократия считает право на обман неотъемлемой привилегией государственного управления, и оппозиция в массе своей осознала, что поверить каким бы то ни было обещаниям представителей путинского государства — значит быть цинично и беспощадно «кинутыми».

В 2004 и первой половине 2005 годов само понятие «сотрудничество с государством» стало даже для самых сервильных российских политиков такой же нелепой катахрезой, как и «сотрудничество с МММ» — для широких масс российских граждан несколькими годами раньше. А принципиальная невозможность сотрудничества с государством не оставляет даже самым послушным и боязливым политикам никакого иного выхода, кроме борьбы, так как единственной альтернативой становится политическое самоубийство.

Дополнительным разъяснением этого стали выборы в Мосгордуму в декабре 2005 года, демонстративно проведенные с особым цинизмом. Наиболее ярко он, как представляется, выра-

зился в отмене графы «против всех», в снятии с выборов «Родины» при допуске к ним ЛДПР, обвинения в разжигании международной розни в адрес которой представляются значительно более обоснованными, а также в превентивных репрессиях против молодых оппозиционеров.

Нескрываемый размах фальсификаций и нарушений, вплоть до использования бюджетников для агитации, подкупа избирателей и почти повсеместного продолжения агитации за «Единую Россию» даже непосредственно в сам день выборов представляет собой инструмент не столько борьбы за власть, сколько демонстрации своей силы и неуязвимости.

Выборы в Мосгордуму стали знаковыми, обнажив слабость и ничтожность оппозиции и ее неспособность противодействовать массовым и открытым злоупотреблениям правящей бюрократии хотя бы в ходе избирательных кампаний. Если бы оппозиция смогла самоорганизоваться настолько, чтобы при столкновении со злоупотреблениями (которые, повторим, в силу созданной в России политической культуры заранее представлялись неизбежными) сумела бы устроить болезненный для властей скандал, а в идеале и добиться хотя бы частичного пересмотра итогов выборов¹, это качественно повысило бы вероят-

¹ Это представлялось в принципе возможным еще и потому, что протест оппозиции против фальсификации итогов выборов в Мосгордуму формально подрывал бы позиции не федеральной, а московской бюрократии, облегчая тем самым усилия силовой олигархии по смещению Лужкова и установления своего контроля за Москвой. Ведь не секрет, что столица России рассматривается преобладающей частью «хозяев» нашей в качестве не столько нуждающегося в эффективном управлении города, сколько подлежащей разграблению совокупности ценных объектов имущества и мощных финансовых потоков. Столь деструктивный подход с высокой степенью вероятности превратит вероятный перехват ими власти в городе в один из ключевых факторов обрушения России в системный кризис.

В то же время жесткая антилужковская ориентация силовой олигархии создавала объективные предпосылки для временного союза с ней наиболее организованной части российской оппозиции. Ведь поскольку системный кризис все равно неизбежен, бороться за его избежание или наступление его в более поздние сроки (когда он будет более разрушителен из-за более полного исчерпания общественных «запасов прочности») попросту не имеет смысла. Соответственно, то или иное укрепляющее оппозицию действие представляется вполне приемлемым, даже если оно может приблизить системный кризис.

С этой точки зрения борьба против фальсификации выборов в Мос-

ность начала цивилизованного, легального процесса модернизации политической системы нашей страны уже в ходе парламентских выборов.

Однако на практике оппозиция не смогла не только добиться какого-либо реального результата, но даже выступить единым фронтом. Более того: наметившиеся в конце лета интеграционные тенденции были подорваны политтехнологами администрации, наиболее полным проявлением активности которых стало позорное и заведомо лживое¹ письмо руководства КПРФ с осуждением «Родины».

В силу изложенного более вероятными представляются иные рассматриваемые в настоящей главе причины срыва российского общества в системный кризис, хотя оппозиция сохраняет принципиальную возможность объединения на региональном уровне.

Весьма существенным представляется то, что сильный удар по внешнему финансированию общественной деятельности, насколько можно понять, превентивно наносимый правящей бюрократией по личному и удивительно откровенному указа-

гордому могла бы стать для российской оппозиции исключительно значимой генеральной репетицией действий в условиях системного кризиса, хотя для силовой олигархии она оставалась бы инструментом удовлетворения своих непомерно растущих appetитов. При этом случайное мимолетное совпадение интересов могло при должной аппаратно-политической подготовке обеспечить оппозиции действенную защиту со стороны отдельных элементов силовой олигархии и, соответственно, исключительно комфортные условия проведения протеста.

Такие условия, если заранее подготовиться к ним, позволили бы качественно улучшить организованность и слаженность действий, существенно расширить круг союзников и, главное, создать качественно новые организационные механизмы, которые эффективно функционировали бы и в будущем, в обычных условиях жесткого подавления со стороны правящей бюрократии.

Потеря этой великолепной возможности в силу ничтожества руководителей целого ряда оппозиционных структур стала подлинной трагедией не столько для оппозиции, сколько для России.

¹ Руководство КПРФ, как и полтора десятка московских маргиналов, составивших некий «Левый фронт», в частности, заявили, что снятие «Родины» с выборов Мосгорсудом является не отражением реальной оппозиционности этой партии, но всего лишь пиар-акцией, которая привлечет внимание к этому «кремлевскому проекту». Окончательное снятие «Родины» показало, что борьба велась всерьез, и разоблачила в качестве «проекта Кремля» самих крикунов.

нию президента Путина во второй половине 2005 года¹, может иметь единственную цель — подготовку нового увеличения масштабов предстоящих злоупотреблений и исключение самой возможности выявления этих масштабов российским обществом.

Действительно, это не просто затруднит работу российских наблюдателей на выборах, но в основном, вероятно, сделает ее по сути дела невозможной. Однако это палка о двух концах: широкие массы избирателей, уверенные в том, что их обманывают, охотно поверят в любой домысел, враждебный правящей бюрократии, как только стихийно усиливающееся недоверие к ней перерастет в коллективное желание перемен. Представляется, что именно так развивались события в Сербии, большинство населения которой проголосовало в свое время за Милошевича, и, вероятно, именно так это было в Грузии, на Украине и в Киргизии, хотя там масштаб злоупотреблений с обеих сторон практически полностью исключает возможность выяснения реального результата.

Таким образом, сама подготовка правящей бюрократии к досрочному проведению парламентских выборов (хотя весьма

¹ Принципиально важно, что речь идет не о самоочевидном запрете иностранного финансирования политической деятельности, действующего во всех суверенных государствах мира, включая Россию, а об ограничении финансирования именно общественной деятельности.

Это вызвано не только тем, что правящая бюрократия в силу своих неотъемлемых особенностей рассматривает (возможно, вполне справедливо) в качестве своего основного врага собственное общество, но и безусловным политическим давлением, оказываемым на нее рядом финансируемых извне российских общественных организаций. Подобное давление является одним из инструментов глобальной конкуренции и часто действительно оказывает разрушительное воздействие (как мы помним хотя бы на примере Советского Союза или России 90-х годов).

Однако в силу самого характера этого давления единственным эффективным инструментом его нейтрализации является ответственная и внятная государственная политика, убедительно соответствующая интересам общества и тем самым заранее обесценивающая все усилия, направленные на формирование недовольства. Попытки административного ограничения внешнего финансирования (как и активизация пропагандистских усилий) могут быть действенной вспомогательной мерой, но лишь при условии четкого выполнения этого главного условия. В противном же случае они способны лишь усилить общественное недовольство, вызываемое в первую очередь не внешним давлением, но обострением внутренних проблем из-за видимой безответственности государства.

вероятно, что естественная аппаратная лень и уверенность в длительном сохранении баснословной внешнеэкономической конъюнктуры в конце концов заставит руководство страны отказаться от их проведения) становится при определенных обстоятельствах дополнительным фактором срыва в системный кризис именно в ходе подведения их итогов.

СЛУЧАЙНАЯ КАТАСТРОФА

Спите спокойно: это повторится.

*Надпись на трансформаторной будке в Москве
27 мая 2005 года*

Помимо досрочных (или проведенных, как им и положено, в 2007 году) парламентских выборов, фактором обрушения России в системный кризис может стать масштабная катастрофа, на значительный срок разрушающая повседневную жизнь значительных масс людей в ряде российских регионов. Существенно, что подобная катастрофа будет иметь значимые политические последствия только в том случае, если среди пострадавших регионов будет Москва, так как в условиях предельно централизованного управления (а при путинском режиме принципиальные решения могут приниматься только одним человеком) политические изменения при сохранении целостности общественной системы способны происходить только в столицах.

Прелюдией серьезных политических изменений могут быть и какие-либо драматические события в периферийных регионах, однако системный кризис они смогут вызвать не сами по себе, а исключительно «рикошетом», через удар, нанесенный ими по Москве. В противном случае даже (не дай бог) масштабные техногенные катастрофы и драматическое отпадение тех или иных территорий от нашей страны не приведет к рассматриваемому в рамках настоящей книги системному кризису и останется лишь эпизодом, но ни в коей мере не переломным моментом в истории России.

Весьма важно, что возникновение такого рода катастроф в ближайшие годы представляется принципиально непредсказуемым. Прогнозировать техногенные катастрофы, к сожалению, так и не научились (так как тогда успевали бы и предотвращать их): с одной стороны, технические системы обладают значитель-

ными скрытыми «запасами прочности» (позволяющими, например, продолжать успешно эксплуатировать вроде бы полностью изношенные мощности), с другой — системы наблюдения за их состоянием, не говоря уже о прогнозировании их «поведения», частью никуда не годятся (как из-за разрушения в ходе реформ, так и из-за сложности задач), частью находятся в недрах различных ведомств, не позволяющих никому использовать соответствующую информацию и не использующих их сами.

Природные катастрофы могут приобретать политически значимые последствия только в сочетании с техногенными. Прогнозирование их затруднено по тем же основным причинам, разве что большее значение имеет последовательное разрушение российской науки¹.

Принципиально важно и то, что политически значимые катастрофы будут, скорее всего, провоцироваться или как минимум усугубляться неадекватностью государственного управления, проявления которого практически не поддаются прогнозированию. С определенностью можно сказать одно: дебилизация путинского государства превращает его в потенциальный катализатор катастроф такого рода.

Достаточно вспомнить, что в 2004 — 2005 годах россияне (в том числе москвичи, что политически важно) благодаря разложению аппарата государственного управления стали жертвами практически всех видов кризисов:

- финансового (дестабилизации банковской системы летом 2004 года), вызванного вопиющим непрофессионализмом и безответственностью финансовых властей страны²;
- террористического (в результате серии беспрецедентных по разрушительности и влиянию на общественное сознание терактов, продолжавшихся с 9 мая по 3 сентября 2004 года);
- социального (монетизация льгот, вызванная бюрократи-

¹ Теоретически, единственная представляющаяся вполне гарантированной природная катастрофа — таяние вечной мерзлоты в Западной Сибири с соответствующим разрушением инфраструктуры добычи нефти и газа. Однако в силу неопределенности причин глобального потепления нет никаких гарантий в том, что оно будет продолжаться до тех пор, пока подобное таяние не начнется (и, кстати, неясны масштабы изменения температуры, необходимой для этого; достаточно указать, что в принципе логичный вывод о неравномерности изменения температуры в различных регионах Земли был признан официальной наукой лишь относительно недавно).

² Подробнее об этом см. в книге М. Г. Делягина «Россия после Путина. Неизбежна ли «оранжево-зеленая» революция?». М., «Вече», 2005.

чески выхолощенным, казалось бы, разграничением полномочий между уровнями власти, привела в том числе к лишению социально уязвимых слоев общества возможности передвижения внутри собственного населенного пункта)¹;

• техногенного (отключением света в конце мая 2005 года, жертвами которого в той или иной степени только в Москве стало, по оценкам, не менее половины реального населения, то есть свыше 6 млн чел., что втрое превышает официальную оценку в 2 млн чел., сделанную не только для Москвы, но для всех четырех пострадавших регионов).

Отключение света в Москве (а на самом деле в Центральной России) дало весьма показательный материал для понимания характера реагирования путинского государства на техногенные катастрофы и может рассматриваться как своего рода «модель» будущих катастроф, в том числе и имеющих политическое значение.

Прежде всего, важно понимать: по своим масштабам «блэкаут» представляет собой крупнейшую техногенную катастрофу в нашей стране после Чернобыля.

Ее масштабы весьма существенно преуменьшались; в частности, о прекращении энергоснабжения в других регионах говорилось крайне мало и вскользь, хотя оно затронуло населенные районы Московской, Тульской и Калужской областей, а по данным работников железных дорог — как минимум еще и Смоленскую область.

Категорически отрицался факт человеческих жертв в результате аварии, хотя в последующем появились неофициальные сообщения как минимум об одном погибшем именно из-за отключения света.

На фоне сообщений о примерно 20 тыс. застрявших в метро и 1,7 тыс. — в лифтах москвичих не делалось даже попыток сосчитать застрявших в электричках и проведших мучительные часы в колоссальных автомобильных пробках.

Единственная оценка числа пострадавших — 2 млн чел. — была откровенно смешна: даже на показанной РТР карте было видно, что свет отключался почти на трети территории Москвы (реальное население которой, по оценкам, — около 12,5 млн чел.). То есть только в Москве пострадало свыше 4 млн чел., а с учетом блокирования наземного транспорта и отключений во-

¹ Подробнее об этом см. в книге М.Г. Делягина «Россия после Путина. Неизбежна ли «оранжево-зеленая» революция?». М., «Вече», 2005.

доснабжения и канализации, которые затронули и районы Москвы, в которых свет не отключался (не говоря об отказах телефонной связи), число пострадавших может быть оценено как минимум в половину населения — 6 млн чел.

Число пострадавших вне Москвы вообще, насколько можно понять, не оценивалось никак.

Не оценивались официально (по крайней мере, в публичном информационном пространстве) последствия даже известных аварий. И если в Новомосковске выброс на химическом комбинате был практически безвреден, то авария в Капотне, прорыв канализации на Волгоградском проспекте и длительный сброс сточных вод в Москву-реку имели, по всей вероятности, характер подлинных экологических катастроф.

Никакой комплексной оценки не получили потери бизнеса.

Практически ничего не говорилось об отключении воды в ряде районов столицы, продолжавшемся и 26 мая, и даже в последующие дни. Само ограничение длительности аварии исключительно 25 и 26 мая вызывает сильнейшие сомнения — чего стоит один лишь победный рапорт о полном восстановлении энергоснабжения города — спутника Москвы Реутова, расположенного непосредственно на внешней стороне МКАД, с... 1 июня 2005 года!

При все этом данная авария носила полностью прогнозируемый характер и была практически неизбежна. Более того: практически все специалисты в области электроэнергетики, оценивавшие влияние на нее чубайсовской реформы, указывали на предопределенность именно подобных аварий практически единодушно.

Системная причина энергетической катастрофы, грянувшей утром 25 мая в Центральной России, одна: реформа электроэнергетики, направленная, вопреки официальным декларациям, на разрушение единого технологического комплекса отрасли и этим разрушающая ее надежность.

Произвольное разделение генерирующих мощностей на независимые компании, самостоятельно оптимизирующие мощности (и этим изменяющие топологию энергосистемы), абсурдное усложнение и одновременно раздробление системы управления, попытка сформировать рынок вопреки технологическим ограничениям на переток энергии создало неприемлемые риски на первом же шаге реформы.

Стоит напомнить, что в Советском Союзе практически никак не повлияла на массовое энергоснабжение даже черныбыль-

ская катастрофа (означавшая мгновенное прекращение поставок энергии с крупнейшего энергоблока).

Концентрация усилий реформаторов на разделе финансовых потоков, политически обусловленном энерготерроре против общества, приватизации и перераспределении собственности объективно отвлекала их не только от инвестиционной деятельности (которая по либеральным догмам должна идти сама, под влиянием «невидимой руки рынка»), но и от рутинного исполнения собственных служебных обязанностей. Более того: реализация их стратегических интересов делала исполнение этих обязанностей просто невозможным.

В частности, изгнание из отрасли критической массы специалистов, указывавших на безграмотность и опасность реформы, дополнительно снижало устойчивость энергосистемы. Технологическое раздробление отрасли (на производителей энергии, сетевиков и распределителей), дополненное региональным, сделало управленчески невозможным оперативную локализацию аварии и привело к распространению «маятниковых» отключений до размеров, сопоставимых с известными авариями в США и Великобритании (и, кстати, по тем же самым причинам).

Официальные сообщения о катастрофе последовательно выгораживали реформу электроэнергетики. Ее главной причиной с самого начала с подачи руководства РАО «ЕЭС России» и лично Чубайса назывался износ подстанции (отремонтированной, между прочим, в 2003 году, что для ответственного государства стало бы поводом для самостоятельного расследования). При этом всячески нагнеталось ощущение необходимости дополнительного роста финансирования отрасли, которая и так буквально захлебывается от денег, используемых, впрочем, преимущественно непрозрачно (главная же причина в том, что реформа объективно не заинтересовывает энергетиков в инвестициях в остающееся у государства сетевое хозяйство; схожая картина наблюдается и в эталонной для реформаторов Великобритании)¹.

Депутатская же комиссия Гудкова, насколько можно понять, была озабочена в основном обелением своих членов, вопреки здравому смыслу и профессиональным знаниям поддержавших реформу электроэнергетики и в результате ставших ее залож-

¹ Подробнее об этом см. в книге М.Г. Делягина «Россия после Путина. Неизбежна ли «оранжево-зеленая» революция?». М., «Вече», 2005.

никами. Достаточно вспомнить, что о ее окончательных выводах было широковещательно объявлено после первого же посещения ею подстанции «Чагино», то есть практически до начала ее работы!

В результате «крайним» за аварию назначен стрелочник Евстафьев — прославившийся выносом из Белого дома фольклорной «коробки из-под ксерокса» политтехнолог, назначенный Чубайсом на пост руководителя «Мосэнерго». Вопрос о том, как совершенно не разбирающийся в весьма специфической отрасли человек мог быть поставлен во главе энергоснабжения одного из крупнейших городов мира, даже не был поставлен, — как, впрочем, и аналогичный вопрос в отношении самого Чубайса.

Полная безнаказанность, заметание следов, круговая порука и превентивная дискредитация Чубайсом жертв его собственной политики, выставляемых в виде алчных грабителей, стали нормой в реакции государства на практически любые «неудобные события» — от дорожно-транспортного происшествия с участием высокопоставленных чиновников до терактов и техногенных катастроф.

Это ярко проявилось почти ровно через полгода после энергетической катастрофы: 29 ноября 2005 года, накануне выборов в Мосгордуму, Чубайс публично заявил о веерных отключениях электричества в Москве в случае, если мороз в 25 градусов продержится трое суток подряд. Конечно, это заявление носило прежде всего политический характер. С одной стороны, Чубайс публично унизил и дискредитировал своего давнего врага, мэра Москвы¹, показав, что он не способен обеспечить устойчивое энергоснабжение собственного города и не является в нем полноценным хозяином. С другой — он вбил клин между наметившимся и, вероятно, раздражающим его союзом «Яблока» и СПС, в результате которого последнее могло выскользнуть из-под его влияния.

Однако какую бы тактическую цель ни преследовал Чубайс, его заявление имело и весьма существенное стратегическое значение. Прежде всего, несмотря ни на какие нормативные документы, регламентирующие действия энергетиков в условиях необычных морозов, его публичное заявление представ-

¹ Главной причиной вражды между Чубайсом и Лужковым является в первую очередь то, что последний спас Москву от грабительской приватизации (именно этим в первую очередь вызвано относительное благополучие Москвы; сомневающиеся могут сравнить ее с реформаторским Санкт-Петербургом).

ляло собой открытое и безнаказанное снятие с себя всякой ответственности за последствия своих собственных реформ и своей собственной «профессиональной» деятельности, в том числе за последствия длительного недоинвестирования отрасли.

Через некоторое время Чубайс якобы спохватился и «вспомнил» про население и социальную сферу (а новый руководитель контролируемого РАО «ЕЭС России» «Мосэнерго» Копсов заявил об отключениях уже не при минус 25, а при минус 20 градусах, которые в Москве наблюдаются почти каждую зиму), однако москвичи прекрасно понимают, что в Москве есть масса и производственных объектов, отключение которых от света вызовет подлинную катастрофу, причем не только экологическую.

Заранее снимая с себя ответственность при как минимум попустительстве Путина, Чубайс тем самым демонстрирует возросшую вероятность новых аварий, от ответственности за которые он, по-видимому, стремится заранее застраховаться.

Весьма существенно, что в результате последовательной и целенаправленной деятельности реформаторов в последние 7 лет произошло коренное изменение корпоративной культуры электроэнергетиков. Чувство ответственности за обеспечение страны энергией было, как представляется, вытеснено полной безответственностью, ощущением, что им «все должны», агрессивностью по отношению к потребителям и стремлением к нанесению им ущерба, в том числе психологического. Чего стоит одна лишь рассылка льготникам Москвы летом 2005 года требований немедленно, под страхом отключения света оплатить недоплаченные из-за применения законных льгот суммы, трактуемые как «задолженность»! При этом представители электроэнергетиков, к которым были вынуждены спешно обращаться потрясенные льготники (большинство из которых является весьма пожилыми людьми), на недоуменные вопросы требовали: «Сначала погасите долги, а потом разберемся». В конечном счете выяснялось, что льготники, включая инвалидов, — о чем их, кстати, никто и никогда не предупреждал (в том числе и в широко рассылаемых энергетиками угрозах отключения света), — обязаны ежегодно¹ (а с 2006 года, благодаря нововведе-

¹ Подробно эта ситуация была описана в статье И. Федотовой «Тушите свет. Льготников обещают отключить от электричества за... несуществующие долги». — «Труд», 24 августа 2005 года.

нию «Мосэнерго» — и дважды в год) лично являться к энергетикам, чтобы подтвердить факт наличия у них права на получение льгот!

Агрессивность энергетиков и их враждебность к потребителям в полной мере проявилась в декабре 2005 года в Нальчике, психологически еще не оправившемся от последствий более чем странной террористической атаки 13 октября. Из-за долгов (вызванных в том числе и ростом тарифов) там внезапно, без предварительного оповещения горожан были более чем на двое суток отключены не только свет, но и вода — и горячая, и холодная (а значит, и канализация). Тем самым 300-тысячный город был без зазрения совести поставлен «энерготеррористами» на грань коммунальной катастрофы, что закономерно привело к возникновению стихийных протестов¹.

Последовательное и планомерное очищение органов государственного управления от квалифицированных специалистов, сохранение таких «эффективных менеджеров», как Чубайс, и продвижение Кириенко всех мастей, характерно для кадровой политики путинского режима, органически не выносящего честных профессионалов. Вероятно, если бы Чикатило был жив и при этом происходил бы из Питера, в путинской России он давно был бы поставлен во главе какого-нибудь детского сада. Впрочем, назначение Кириенко руководителем «Росатома» имеет, по крайней мере, одно позитивное следствие: теперь в обозримом будущем в нашей стране почти точно не будет дефолта. Как утверждают злые языки, «потому что будет Чернобыль», но бросаться подобными прогнозами не менее страшно, чем думать о подобных назначениях.

При подобной кадровой политике путинского режима совершенно избыточно говорить о сохранении угрозы терактов, способных вызвать техногенную катастрофу: подобное управление с легкостью может оказаться страшнее любого теракта, — хотя политически значимая техногенная катастрофа по-прежнему, конечно, может быть вызвана деятельностью не только реформаторов, но и обычных террористов.

Вместе с тем нельзя не отметить, что террористическая активность в целом сдерживается — так, пока, несмотря на значительное число человеческих жертв и общественный резонанс, действия террористов не создавали реальной угрозы техногенных катастроф (вне зависимости от того, вызвано ли это эффек-

¹ См., например, <http://www.forum.msk.ru/material/news/5937.html>

тивностью спецслужб, или их связью с террористами, или особенностью последних).

В то же время деятельность либеральных реформаторов настолько разрушительна, что такую угрозу создает, — в этом отношении энергетический террор, давно уже развязанный Чубайсом и его подчиненными против населения России (как минимум при личном попустительстве Путина, а скорее всего, и при его прямом поощрении), значительно страшнее опасностей, исходящих от «международных террористов».

Кроме того, либеральные реформаторы последовательно и эффективно проводят самоубийственные для страны реформы. Эти реформы в основном направлены на реализацию интересов контролируемого ими российского и связанного с ними (чтобы не сказать контролирующего их) международного бизнеса. Часто они служат инструментом осуществления личных и корпоративных амбиций реформаторов, подтверждением их всевластия и способности привести пока еще живую страну в соответствие самым диким и случайным догмам, поселившимся в их мозгах. В результате в целом они оказываются несовместимыми с жизненными интересами большинства россиян и представляют собой геноцид населения России, продолжающийся уже полтора десятилетия.

В последние годы наиболее ярко это проявилось в людоедской монетизации льгот и замораживании колоссальных средств налогоплательщиков в Стабфонде. Реформаторы демонстрируют готовность финансировать что угодно и кого угодно, вплоть до наших стратегических конкурентов из развитых стран, лишь бы не ухудшать жизнь своих собственных сограждан.

Поэтому социально-экономические реформы могут стать катализатором системного кризиса не только через провоцируемые ими техногенные катастрофы, но и непосредственно, через провоцируемые ими социально-экономические потрясения¹.

Кроме того, разложение правящей бюрократии объективно лишает ее способности адекватно и своевременно реагировать на изменение условий, в том числе на изменение экономической конъюнктуры, которое может быть вызвано не только гипотетическим снижением мировой цены на нефть, но и совер-

¹ Подробнее см. об этом, например, в книге Михаила Делягина «Россия после Путина. Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция?». М., «Вече», 2005.

шенно неизбежным усилением appetитов и, соответственно, давлением на бизнес «силовой олигархии».

В частности, по оценкам специалистов Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП)¹, даже при относительно высоких ценах на нефть (расчеты были проведены для цены нефти сорта *Urals* в 45 долл./барр в среднем в 2006 и 40 долл./барр — в 2007–2008 годах) сальдо торгового баланса в 2006–2008 годах будет снижаться из-за опережающего роста импорта. Это приведет к резкому замедлению роста валютных резервов. (Стоит отметить, что даже при сохранении среднегодовых мировых цен на нефть сорта *Urals* на уровне 2005 года — 50,8 долл./барр — или их росте к аналогичному результату могут привести усиления административного давления на бизнес и усиливающийся произвол «силовой олигархии».)

При сохранении существующего и, насколько можно понять, идеологически обусловленного для российских реформаторов механизма стерилизации денежной эмиссии в Стабфонде (при неизменной цене отсечения) приостановка роста валютных резервов приведет к сжатию денежного предложения.

В то же время спрос на деньги будет, по мнению аналитиков ЦМАКП, продолжать интенсивно расширяться, в первую очередь за счет вкладов населения и наличных денег.

В результате возникнет масштабный разрыв между динамикой денежного спроса и предложения, который будет покрываться прежде всего за счет снижения ликвидности банковской системы страны. В условиях проведения прежней чрезмерно жесткой финансовой политики (обусловленной не только бюрократической привычкой, но и либеральной идеологией) это приведет к исключительно опасному снижению ликвидности банковской системы.

В частности, уровень ликвидности, характерный для дестабилизации банковской системы в мае 2004 года, может быть достигнут к середине 2006-го, а уровень, наблюдавшийся во время системного кризиса августа 1998-го, — к середине 2007 года. Ликвидность банковской системы будет снижаться вплоть до изменения политики государства (перехода к рефинансированию банковской системы Центробанком или отказу от политики стерилизации денежной массы) либо до банковского кризиса.

¹ См., в частности, доклад А. Белоусова «Сюжеты экономического роста в 2005 году» на семинаре «Стратегии развития», проведенном Институтом комплексных стратегических исследований 15 декабря 2005 года.

Поскольку качество государственного управления в путинской России не вызывает никакого сомнения, развязывание банковского кризиса представляется более вероятным исходом. Между тем он, если и не может быть приравнен к масштабной техногенной катастрофе по комплексности и разрушительности воздействия, затронет все сферы общественной жизни, большинство развитых регионов (и совершенно точно — Москву) и с легкостью может стать катализатором системного кризиса.

Понятно, что это лишь один из возможных сценариев, однако сам факт его обнародования представляется весьма знаменательным с учетом как принципиальной отстраненности от политики специалистов ЦМАКП, так и их добросовестной близости к государству¹, позволяющей обращаться к общественному мнению только после исчерпания возможностей всех остальных инструментов воздействия на ситуацию и корректировки намечающихся проблем.

МАРТ 2008 ГОДА: ПРЕЕМНИК, «ОВОЩ» ИЛИ ТРЕТИЙ СРОК?

Путин заходит в ресторан, заказывает мясо и на вопрос официанта о гарнире и овощах, оглядев соратников, заключает: «А овощи тоже будут мясо».

Анекдот лета — осени 2005 года

Неизбежность утраты легитимности

Власть как субстанция наиболее уязвима, подвержена внешним воздействиям и даже перехвату в момент ее передачи, какой бы законной, неоспоримой и легитимной не являлась бы эта передача. Недаром даже в самых демократических странах именно процедура передачи власти, при всей ее условности и символичности, является одной из наиболее охраняемых государственных церемоний. Недаром и в нашей стране именно при передаче власти традиционно вспыхивали мятежи, распространялись слухи о «подмене» царя и появлялись разного рода самозванцы, порою даже успешные.

¹ Достаточно указать на то, что генеральный директор ЦМАКП А. Белоусов является заместителем Министра экономического развития и торговли Грефа, а до того был советником на общественных началах премьеров Фрадкова и Касьянова.

Напомним, что все эти колоссальные проблемы возникали при передаче власти даже в стране, в которой легитимность власти была практически абсолютной и определялась почти божественным статусом монарха и самодержавия как общественно-го института. В сегодняшней же России ситуация представляется значительно более сложной и напряженной.

В самом деле: легитимность власти может опираться либо на свободное волеизъявление народных масс, доказательное для них самих, либо на их неявно выраженное, но опять-таки безусловно очевидное для них приятие ими данной власти. Как правило, данное приятие имеет весьма серьезную, хотя отнюдь не обязательно осознаваемую (и даже, как правило, не осознаваемую подавляющим большинством населения) в явной форме содержательную основу — согласие общества с глобальным проектом его развития и самоосознания, носителем, символом и ключевым инструментом осуществления которого является (или умеет себя представлять) соответствующая власть. Согласие с этим проектом как основа легитимности власти может быть традицией или привычкой, но наличие самого осуществляемого глобального проекта представляется категорически необходимым условием устойчивой легитимности власти.

Как это ни парадоксально, люди, большинство которых, взятое по отдельности, готово неограниченно долго «по привычке» терпеть постылую жену, в совокупности оказываются не способны из тех же соображений терпеть бесконечно более далеких от них руководителей своих стран. Возможно, это связано с подспудным сознанием значительно большей значимости вторых даже для их собственной частной жизни.

Легитимность, основанная на прямом и явном волеизъявлении населения, является демократической, а порождаемая подразумеваемым, неявно проявляемым и, как правило, оказываемым заранее, «авансируемым» доверием этого же населения, — авторитарной.

Не вызывает сомнения, что вне зависимости от того, считать ли режим Путина демократическим или авторитарным, он испытывает глубочайшие и, по всей видимости, неизлечимые проблемы как с демократической, так и с авторитарной составляющими легитимности.

Действительно: последовательное искоренение, а затем и дискредитация в глазах общественного мнения уже не только сути, но и фасада демократии в лице соответствующих институтов окончательно и бесповоротно лишает путинский режим всякой надежды

на демократическую легитимность. Обрушившись всей своей силой на демократическую основу собственной власти, он совершил своего рода самокастрацию, оставив себе в будущем возможность уповать лишь на авторитарные механизмы и институты.

Однако авторитарные механизмы — и в этом одновременно заключается как один из одновременно зловещих и ироничных парадоксов современной истории, так и источник внутренней силы демократического устройства — предъявляют к правящим режимам качественно более высокие требования. Ведь относительное несовершенство, чтобы не сказать — примитивность авторитарных механизмов, вынуждает представителей государства собственным умом, энергией и организованностью восполнять отсутствие или слабость инструментов непосредственного восприятия и учета общественных интересов.

Современная правящая бюрократия — и в этом нет никаких сомнений, — последовательно создав авторитарный режим, никоим образом не соответствует объективным требованиям, предъявляемым им к ней самой. Она напоминает недоросля, купившего на случайно свалившиеся ему на голову «нефтяные» деньги мощный роскошный автомобиль, но не удосужившегося ознакомиться не только с правилами дорожного движения, но и с азами управления машиной.

Уже одна ее органическая неспособность не то что породить сколь угодно хилый общенациональный проект, но даже и осознать саму необходимость этого проекта (а не его симулякров) полностью исключает все ее надежды на приобретение, пусть даже в сколь угодно отдаленном будущем, авторитарной легитимности.

Таким образом, ни демократическая, ни авторитарная легитимность, несмотря на все успехи в надувании различного рода рейтингов, оказываются в принципе недоступными для путинского режима.

А значит, всякая, пусть даже жестко контролируемая административными и политическими инструментами, процедура передачи власти представляет для него смертельную опасность, которую в принципе невозможно избежать.

Именно поэтому, кстати, столь оголтелую ненависть возбудило у правящей бюрократии создание группой безобидных либералов, не способных договориться даже между собой, вполне невинного и беззубого «Комитета-2008». Ведь напоминание о неизбежности передачи власти в 2008 году (пусть даже и передачи самим себе) лишь для скользящего по поверхности являе-

ний либерала является простой и безобидной констатацией бесспорной календарной истины. Для представителя же режима, особенно ощущающего, а то и понимающего его суть (а таких, как это ни парадоксально, немало), простое перечитывание календаря звучит страшным и едва ли не мистическим напоминанием о неизбежности политической гибели. Те же, кто по непониманию или геройству рискует напоминать власти очевидное, становится естественным объектом и жертвой ее гнева, ярость и разрушительность которого лишь усиливается по мере роста понимания его исторического бессилия.

Насколько можно понять, Путин и его окружение с нарастающей ясностью ощущают холодное дыхание весны 2008 года уже с начала 2005 года. Как бы ни устал лично президент от интриг, страха и груза ответственности, он вряд ли способен отказаться от связанного со своим статусом уровня потребления, в том числе (а с учетом общего уровня жизни представителей силовой олигархии, к которой он, по-видимому, принадлежит — в первую очередь) и символического.

К наиболее важным элементам последнего следует отнести в первую очередь не почести, оказываемые ему внутри страны, но участие во встречах «большой восьмерки» и обсуждение на равных (или якобы на равных) интересующих его вопросов с признанными лидерами мира. Главной же компонентой этого символического потребления представляется ни с чем не сравнимое, непередаваемое ощущение непосредственной личной причастности к решениям и процессам, определяющим судьбу всего человечества.

Правящая бюрократия, по всей видимости, не может и помыслить о том, чтобы выпустить из рук власть, однако развитые страны, и в первую очередь США, как представляется, весьма жестко обозначили свою позицию: Конституция не должна переписываться под текущие нужды президента Путина и его окружения, и он не может в нарушение (или в изменение) ее остаться у власти на третий срок.

В то же время острая объективная потребность в безопасности российских ядерных объектов и надежной работе экспортноориентированной части нефтегазового комплекса объективно вынуждает Запад стремиться к обеспечению стабильности в России¹.

¹ Подобного рода успокаивающие соображения длительное время отвергались автором, так как исходят из отнюдь не очевидного предположе-

Неприятие открытого попра́ния демократических процедур и самой законности (какой стало бы сохранение Путина у власти после двух президентских сроков) в сочетании со стремлением к стабильности в России объективно толкают США к поддержке (а возможно, и совместному проведению) операции «Преемник-2». Ведь по-настоящему свободные конкурентные

ния о заинтересованности развитых стран Запада, и в первую очередь США, в сохранении территориальной целостности России.

До последнего времени эта заинтересованность представлялась практически несуществующей. Распад России действительно грозил глобальными проблемами с ядерной энергией, однако вполне возможное (и, более того, уже начавшееся) установление точечного военного контроля США за ограниченным числом ее ядерных объектов позволяло решить эти проблемы с высокой (по крайней мере, с вполне приемлемой) вероятностью. В то же время не вызывало сомнения, что американским глобальным корпорациям и американскому государству было бы значительно проще установить контроль за нефтегазовыми ресурсами раздробленных государственных образований, возникших после распада России на ее месте, чем за теми же самыми ресурсами, принадлежащими современной России.

Поскольку современная правящая бюрократия шла навстречу американцам в обоих направлениях, предоставляя им растущий контроль как за ядерными объектами России, так и за нефтегазовыми месторождениями, до последнего времени американское государство, насколько можно понять, оставалось равнодушным к возможному выбору между двумя сценариями: преимущества распада России казались зыбкими, порождали много новых опасностей и ставили ленивую по самой своей природе бюрократию перед лицом необходимости новых действий. При этом США получали необходимое себе и при сохранении территориальной целостности России, а последняя находилась на все большей периферии американского взгляда на мир.

Ситуацию в корне изменило стремительное возвышение Китая, создавшее в стратегической перспективе реальную угрозу американскому доминированию. Активизируя радикальный ислам как один из инструментов «взламывания» Китая (и блокирования развития современного конкурента США – Евросоюза), американское руководство тем не менее осознало, что распад России по любой причине, в том числе и в результате усиления исламистов, объективно приведет к передаче под китайский контроль колоссальных регионов, пригодных для заселения сотнями миллионов человек и обладающих значительными природными ресурсами, качественно снижающими зависимость Китая от остальных стран мира.

Подобное усиление Китая, насколько можно понять, расценивается американцами как прямая угроза, которую следует избежать. А это объективно заинтересовывает США в сохранении территориальной целостности России и превращает в правду дежурные заявления политиков о соответствии стабильности нашей страны коренным интересам Запада.

выборы невозможны при нынешней правящей в нашей стране бюрократии и в силу этого могут привести к непредсказуемому развитию событий, что противоречит заинтересованности развитых стран во внутрироссийской стабильности.

При этом практически не вызывает сомнений, что политический наследник Путина должен быть «своим» не только для него, но и для Запада, — раз уж Россия пока еще не доведена до состояния, когда ее президентом (по аналогии с некоторыми прибалтийскими странами, Афганистаном или Ираком) может быть с соблюдением демократических формальностей назначен эмигрант в третьем поколении или выехавший из Советского Союза 30 лет назад владелец закуской в Нью-Йорке.

Провал операции «Преемник»?

По ряду косвенных признаков можно с высокой степенью вероятности предположить, что в качестве преемника американцы в конце апреля — начале мая 2005 года предложили Путину заведомо неприемлемого для того Касьянова. Причины острой «любви» президента к второму по качеству (после Примакова) премьеру пореформенной России могут быть самыми различными — от зависти к представительной внешности и внутренней психологической гармонии до органической неспособности простить Касьянову его грубого и внезапного увольнения, — но при всей неопределенности своих причин они не способны вызывать ни малейшего сомнения.

По всей видимости, подготовка уголовного дела против Касьянова (а возможно, и нескольких уголовных дел сразу — на случай, если «дачное дело» не напугает его и не вынудит отказаться от активного участия в политической жизни) началась немедленно после того, как правящая бюрократия России получила соответствующие предложения представителей развитых стран.

Насколько можно судить, сразу же после этого и по крайней мере до начала осени приемлемой для Путина и его окружения кандидатурой на пост преемника стал Д. Козак — представитель группы либеральных фундаменталистов, что в принципе делало его теоретически приемлемым для Запада, но при этом (как «питерский юрист») весьма близкий к Путину человек.

К сожалению, профессиональные качества этого представителя правящей бюрократии, по распространенной точке зрения, вполне соответствуют доминирующему в современной России представлению о ее членах. Благодаря этому перспектива его превращения в реального руководителя страны заставляла букваль-

но трепетать от ужаса за ее судьбы даже специалистов, весьма критически настроенных по отношению к Путину и поначалу поддерживавших идеи, выдвигаемые и рекламируемые Козаком.

Насколько можно понять, «главный президентский юрист» практически равнодушен к практике применения иницилируемых им и разрабатываемых под его руководством законов. Складывается ощущение, что он вообще не видит практику правоприменения как самостоятельную сферу деятельности людей, отличную от конструирования и написания законов, и даже, более того, не подозревает о существовании этой сферы.

Именно эта потрясающая всякого правоведа особенность, граничащая с обыденной для современной правящей бюрократией безграмотностью, вероятно, и превращает его деятельность в цепь «достижений»; более всего напоминающих профессиональные катастрофы.

В самом деле, первая же связанная с именем Козака реформа — судебная — не только поставила суды, по сути дела, под контроль исполнительной власти, но и, насколько можно понять, окончательно дискредитировала их в глазах общества, похоронив последние надежды последнего на превращение судов в независимый, беспристрастный и правовой инструмент разрешения конфликтов¹.

Второе масштабное детище этого «эффективного менеджера» путинской «бригады» — административная реформа — обернулась продолжающимся уже более полутора лет параличом правительства, погруженным во внутренние склоки, институционально обусловленные именно проведенными преобразо-

¹ Справедливости ради надо отметить, что одной цели судебная реформа все же достигла: она вывела основную часть региональных судов из-под контроля региональных властей — правда, не для обеспечения независимости судебной власти, а, насколько можно понять, для ее подчинения президентской «вертикали», делом отрицающей саму идеологию разделения властей.

Однако в отношении региональных подразделений формально тоже являющейся независимой прокуратуры, а также подчиняющихся президенту, а не правительству МВД и некоторых иных силовых структур эта задача была решена в рамках института полномочных представителей президента.

Весьма вероятно, что и перевод судебной системы из-под регионального под федеральный контроль также был вполне осуществим в ходе разделения страны на семь федеральных округов. В этом случае реформа судебной системы «по Козаку» (за исключением существенного увеличения расходов на ее содержание, не имеющего, впрочем, прямого отношения к процессу реформирования) была, строго говоря, просто избыточной.

ваниями¹. Поистине, если бы кто-то хотел искусственно сконструировать в российском государстве управленческий кризис, он не смог бы придумать ничего более разрушительного.

Наконец, мало кто помнит, что закон о людоедской монетизации льгот, доказавшей миллионам россиян объективную враждебность им правящей путинской бюрократии и кардинально изменившей их отношение к сложившемуся политическому режиму, на самом деле был всего лишь законом о «разграничении полномочий между уровнями власти». Да, монетизация была творением заслуженно проклятых народом России Зурбова, Кулрина и Грефа, но ее основные принципы и механизмы были сформированы, насколько можно понять, именно Козаком. По всей видимости, он из органически присущего ему стремления к порядку возжаждал максимально упростить и формализовать сложившийся во многом несовершенный, но все-таки живой и функционировавший общественный организм, распределявший обязанности и деньги между федеральными, региональными и местными властями.

Излишне напоминать, что последствия этого вполне оправданного самого по себе и весьма своевременного желания оказались просто чудовищными — как для населения и государственной бюрократии, так и для страны в целом.

Однако монетизацию льгот может затмить также подготовленная под прямым руководством Козака реформа местного самоуправления, способная полностью дезорганизовать основу повседневной жизни России — систему местных властей — и погрузить нашу страну в хаос. О степени неподготовленности этой реформы ярче всего свидетельствует данное регионам в последний момент беспрецедентное (особенно для путинской «вертикали») разрешение осуществлять ее не одновременно, с первоначально установленной для всей страны даты 1 января 2006 года, а «по мере готовности» в течение последующих трех лет.

На Северном Кавказе, представителем президента в котором Козак стал за несколько месяцев до монетизации, он не проводил никаких широко разрекламированных реформ (за исключением разве что выборов в чеченский парламент, идеология которых, насколько можно понять, была проработана помимо него). Однако именно при нем коррупция в северокавказских

¹ Подробнее об этом и о других реформах, подготовленных либо инициированных Д. Козаком, см. в книге Михаила Делягина «Россия после Путина. Неизбежна ли «оранжево-зеленая» революция?». М., «Вече», 2005.

республиках разрослась до уровня, непосредственно угрожающего социально-политическим и религиозным взрывом в регионе, а через него — стабильности всей страны. Просочившаяся в СМИ (а возможно, осознанно переданная им для заблаговременной подготовки снятия с себя ответственности) аналитическая записка аппарата Козака о критическом положении в Дагестане свидетельствует не только о результате некоторых объективных процессов, но и о неспособности самого полномочного представителя президента по Северному Кавказу противостоять разрушительным тенденциям. В конце концов, предшествовавшие полпреды президента, при всей неоднозначности своих репутаций, справлялись с задачей поддержания стабильности за пределами Чечни и не позволяли событиям выйти из-под федерального контроля.

Впрочем, несмотря на все изложенные недостатки, на фоне остальных членов президентской «бригады» Козак представляется подлинным не только административным и юридическим, но и интеллектуальным титаном. По всей видимости, он импонирует Путину жесткостью, организованностью и упорством. Его направление сразу после Бесланской трагедии на вновь ставший «трехпогибельным» Кавказ, по всей вероятности, было ссылкой лишь частично¹, а в значительной степени выводило

¹ По одной из версий, Козак совершенно внезапно для путинского окружения выступил против проведения под предлогом бесланской трагедии политической реформы (отменяющей выборы губернаторов населением и выборы депутатов Госдумы по одномандатным округам), в разработке которой, насколько можно понять, принимал деятельное участие. Поскольку последнее представляется практически бесспорным, наиболее вероятно, что он выступил против не самой реформы, а неудачного, с точки зрения пропагандистского обеспечения, момента ее проведения.

Следует отметить, что, по крайней мере, частично, в этом он оказался прав. Хотя для России момент объявления политической реформы был идеален (потрясенное общество было готово отказаться от любых гражданских прав ради призрачной надежды на спасение жизней своих детей), западная общественность очень быстро осознала полное отсутствие какой-либо содержательной связи путинской реформы с необходимостью борьбы с терроризмом. В результате, прочувствовав весь чудовищный цинизм прикрытия глубокого политического переворота кровью детей, значительная часть западных СМИ по своей инициативе, без команды своих правительств и без оплаты российскими олигархами, объявила Путину подлинный газават. Интенсивность и продолжительность информационной кампании против него была вполне сопоставима с развернувшейся в 1984 году, в разгар «холодной войны», в связи с уничтожением южнокорейского пассажирского «Боинга».

его из-под удара бесконечных кремлевских интриг и сохраняло для будущего как своего рода президентский резерв.

В рамках «проекта Козак» функцию «официального» преемника, аккумулирующего и отвлекающего общественное и внутриэлитное недовольство и критику, своего рода «ложной цели» должен был, похоже, выполнять С. Иванов (который, естественно, не мог избежать соблазна заведомо тщетной надежды со временем превратиться из прикрытия в реального, основного преемника). Предполагалось, насколько можно понять, что Козак сменит Фрадкова за год-полтора до выборов и затем будет либо открыто и недвусмысленно поддержан Путиным (а также всеокрущающей мощью направляемого им административного ресурса), либо вообще назначен им и.о. президента на всю предвыборную кампанию и героически победит какого-либо оппозиционера (например, Рогозина), превращенного к тому времени в символ вселенского зла, каким в 1996 году был сделан Зюганов.

Понятно, что замена Касьянова на Козака, произведенная, насколько можно понять, в начале мая 2005 года, требовала согласия американцев, — а у путинской «бригады», как известно, имеются большие и вряд ли поддающиеся излечению проблемы с дипломатией, тем более с международной.

В результате, по ряду имеющихся оценок, вести переговоры с американцами было поручено Чубайсу как имеющему наилучшие (из всех российских деятелей, готовых сотрудничать с нынешней правящей бюрократией) отношения с ними. Было учтено, что его контакты особенно тесны с демократами, которые, как считают горе-аналитики из нынешнего российского руководства, придут к власти в 2008 году и с которыми тогда придется иметь дело следующему президенту России. (Правда, за прошедшие годы он завязал прочные связи, хотя и более низкого уровня, и с рядом представителей республиканцев.)

Это очень кстати (с учетом вызванной реформой электроэнергетики катастрофы в Центральной России) сделало Чубайса неуязвимым перед любой внутренней критикой и, более того, вновь превратило его в ключевую политическую фигуру. Он снова замелькал на центральных каналах с еще более наглыми, чем прежде, заявлениями, но, главное, в силу особенностей своего характера просто не мог не использовать изменение своего положения для достижения собственных целей. Как мы увидим, именно это, по всей вероятности, и разрушило в зародыше всю неплохо выстроенную и достаточно технологичную операцию по продвижению на президентский пост Д. Козака.

Похоже, именно Чубайс и его представители имели удовольствие обратить внимание американского истеблишмента на то, что виновные в безобразиях, творящихся в путинской России (а среди них и война в Чечне, и дело Ходорковского, и искоренение демократических процедур, и подрыв экономики в условиях баснословной внешней конъюнктуры), должны быть названы и наказаны. В то же время, пока Путин следует в кильватере американской политики, является добросовестным партнером США и обладает властью в России, он в принципе не может быть «назначен виноватым».

Стоит ли удивляться тому, что, по всей видимости, именно в ходе общения с представителями Чубайса в качестве «крайних» американцы осознали политических врагов самого Чубайса и либералов в целом — силовых олигархов? Вероятно, в качестве главной мишени, традиционного и остро необходимого для политтехнологических кампаний «символа зла» был избран наиболее слабый и при этом умудрившийся в наибольшей степени замараться в скандалах последнего времени силовой олигарх — И. Сечин. Однако и остальные, ощущая общность своего образа действия, также не могли не почувствовать себя под ударом.

Если эти рассуждения верны, либеральные фундаменталисты во главе с Чубайсом готовились брать власть, «зачищая силовиков» примерно по тем же схемам, которые использовал Чубайс в 1996 году, когда выбросил из Кремля группу Коржакова — Барсукова — Сосковца (в этом аспекте нашумевшее в свое время покушение на Чубайса — не говоря уже об усердно распускавшемся слухе о якобы сорванном втором покушении на него — весьма напоминает «самострел», сделанный, чтобы обвинить в покушении противостоящую группу).

При этом положение либеральных фундаменталистов было качественно лучше, чем в 1996 году. В самом деле: в 2005 году они контролируют не только СМИ и гражданскую часть правительства, как тогда, но и Центробанк, а также относительно самостоятельную демократическую (в том числе молодежную) оппозицию, которой в 1996 году попросту еще не было. Противостоящие им силовые олигархи выглядят бледной пародией на ельцинских силовиков (при всей недееспособности последних) и возбуждают не только ненависть, но и презрение даже собственных подчиненных. Да и арбитр конфликта — президент — несравнимо слабее в личностном отношении и значительно легче поддается внешнему влиянию (не будем забывать, что Б. Ельцин не утрачивал самостоятельности и способности к са-

мостоятельному принятию решений даже в худшем своем состоянии).

При анализе ситуации в конце мая 2005 года практически не возникало сомнений в том, что Путин в критической ситуации (которую, скорее всего, сумел бы сконструировать для него Чубайс) сделал бы, как и Ельцин, однозначный и окончательный выбор в пользу либерального крыла. В самом деле: такой союз означает для него поддержку Запада, а значит, сохранение репутации, статуса и привычного уровня потребления (в том числе символического).

Союз с либеральными фундаменталистами означает для российского президента и большую личную свободу в политике, так как опора на Запад в целом делает его мало зависимым от конкретных представителей последнего в России.

В случае отказа от союза с либеральными фундаменталистами и выбора в качестве своей главной опоры силовой олигархии президент России неминуемо и весьма серьезно ссорится с Западом. Прежде всего, это создает дискомфортность его повседневного существования — вплоть до постоянного страха физического уничтожения в результате террористического акта или утраты власти в результате осуществления государственного переворота.

Весьма важно и то, что такой президент с неизбежностью попадает в зависимость от силовой олигархии. Эта зависимость жестче и полнее, чем зависимость от Запада, так как силовые олигархи значительно ближе расположены и практически не имеют не связанных с президентом России интересов, на которые они могли бы отвлекаться. Кроме того, она неприятна и с психологической точки зрения: силовые олигархи в массе своей куда менее цивилизованны и воспитаны, чем либеральные фундаменталисты, и не обладают присущим тем западным лоском.

Таким образом, ситуация казалась вполне прозрачной: силовые олигархи были практически приговорены, а либеральные фундаменталисты должны были восторжествовать. Подвели их, насколько можно понять, самонадеянность, закостеневшая в последние годы вера в собственную непогрешимость и мстительность, выразившиеся в открытой демонстрации стремления свести счеты со своими оппонентами до решения главной задачи — перехвата и концентрации в своих руках всей полноты политической власти в стране.

Либеральные фундаменталисты, по всей вероятности, просто не подумали о том, что успешное копирование схемы деся-

тилетней давности, да еще в длительной перспективе (до президентских выборов еще почти 3 года), да еще в условиях очевидности ситуации, в том числе и для будущих побежденных, в принципе маловероятно.

Не подумали они и о том, что демонстративно приступить к практически публичному процессу «назначения виноватых» до привода к власти «своего президента» — значило пробудить силовых олигархов от беспробудной дележки собственности и финансовых потоков, до смерти напугать их, активизировать их и сплотить общим страхом против себя. В результате силовые олигархи, даже несмотря на действительно серьезные трудности с адекватным восприятием действительности, встревожились и осознали, что приговорены и практически не имеют шансов на выживание в нормальной политической борьбе.

Это осознание отнюдь не означало их исторической обреченности, — даже наоборот: «кто предупрежден, тот вооружен». Это осознание лишь с высокой вероятностью перевело предстоящую нам политическую борьбу в заведомо ненормальное с точки зрения традиционной политической теории русло.

Ослепленные призраком своего величия, либеральные фундаменталисты не подумали, по всей вероятности, и о том, что их нескрываемые планы создали весьма серьезные угрозы не только для силовой олигархии, но и для ответственной оппозиции, попросту не существовавшей в России 10 лет назад. В самом деле: одобрение американцами, а в их лице и всем Западом кандидатуры Козака и его последующее превращение в президента страны поставило бы крест на идее общего либерально-социально-патриотического фронта и проведения антифеодальной революции. Причина проста — либеральная компонента этого движения пришла бы к власти самостоятельно, в одиночку, при поддержке президента и Запада, и при этом в лице наименее адекватной своей части (либеральных фундаменталистов).

Будучи органически неспособной к управлению, эта часть либералов все равно довела бы страну до системного кризиса, однако в этом кризисе власть досталась бы уже не широкой и в значительной степени цивилизованной (за счет демократически настроенных либералов) коалиции, но лево-патриотическим силам, молодежи и националистам разного рода, которые зачастую просто неграмотны и пытаются восполнить агрессией дефицит не только знаний и умений, но и общей культуры. В этой конфигурации Россия имела бы существенно меньше шансов на модернизацию и больше — на распад. Осознание этого фак-

та, насколько можно понять, привело значительную часть ответственной оппозиции к не менее активному, энергичному и глубокому (а с учетом ее реальных возможностей — и эффективному), чем демонстрируемому силовой олигархией, противодействию «проекту Козак».

В результате уже к концу лета 2005 года этот проект, насколько можно понять, провалился: вполне рутинными аппаратными методами Козака, похоже, просто «не выпустили» с горящего под ногами («мозг администрации» президента Путина Сурков употребил даже термин «подземный пожар») Северного Кавказа. Более того: именно он, насколько можно понять, заранее назначен виноватым за все возможные в этом регионе в обозримом будущем трагедии и теракты, которые по тем или иным причинам будут официально признаны не победами (как это имело место, например, в Нальчике), но поражениями или хотя бы частичными неудачами.

Есть основания полагать, что свой кирпичик на чашу весов в самый последний момент положил тишайший Фрадков, тем самым окончательно склонив их на сторону силовой олигархии. По всей видимости, ему отнюдь не улыбалась уготованная ему либеральными фундаменталистами судьба простой ступеньки в восхождении Козака к президентскому креслу. В результате он, дождавшись неустойчивого равновесия, в условиях которого даже его слабые аппаратные и тем более политические возможности могли сыграть решающую роль, воспользовался ими без колебаний и промедлений.

Невидимый миру крах «проекта Козак» был не просто личной неудачей провинциального аппаратчика. Длительное и эффективное «выравнивание политического пространства», проведенное президентом Путиным и его окружением, обеспечило не только видимое, но и практически гарантированное отсутствие каких-либо реальных потенциальных преемников Путина. В его собственной «бригаде» лучшим, вне всякого сомнения, был и остается Козак, а выжившие под жестким административным давлением относительно самостоятельные политики по своим качествам напоминали кусты саксаула, изувеченные острейшей жаждой и горячими ветрами пустыни.

Таким образом, провал «проекта Козак» стал тем самым и провалом «проекта преемник», обеспечивавшего правящей бюрократии иллюзорную, но все-таки надежду на стабильность при сохранении хотя бы части внешних приличий и демократических декораций. Провал этот проекта лишил руководителей стра-

ны всякой надежды завуалировать свое стремление к увековечиванию своей корыстной и, главное, разрушительной для России власти и вынудил их обнажить его со всей безобразной откровенностью.

«Запад стерпит»

Чуть ли не единственным всерьез рассматриваемым аргументом против предельно циничного в своей откровенности желания сохранить действующего президента на третий срок было, по всей вероятности, нескрываемое и категоричное неприятие его Западом, и в первую очередь руководством США.

Однако, насколько можно понять, в рамках «доктрины конструктивного изоляционизма», возобладавшей в путинской «бригаде» после «дела Ходорковского» и захвата «ЮКОСа» и сводящейся к заведомо обреченной попытке воспроизвести игнорирование Запада, характерное для брежневского Советского Союза, при качественно меньших (не только в относительном, но и абсолютном выражении) ресурсах путинской России, возобладало представление о возможности системного пренебрежения позицией Запада, который стерпит любые действия Путина внутри России, пока он будет предоставлять требуемые уступки в стратегически главных сферах контроля за российскими энергоносителями и атомными объектами, а также будет участвовать, пусть и с вынужденной непоследовательностью, в сдерживании Китая.

В краткосрочном плане такой подход представляется верным, однако уже в период до 2008 года он провоцирует Запад на занятие (причем не по конкретным корыстным, но по ценностным, цивилизационным и потому в принципе не поддающимся коррективке причинам) хотя и ускользающе неявной, но тем не менее жесткой антипутинской позиции. Эта позиция уже становится существенным фактором внутривнутриполитической жизни России и является одной из важных причин саморазрушающего характера проекта сохранения Путина на третий срок.

Причина системного и при том долгосрочного конфликта с Западом, в который помимо своего желания ввергает сама себя правящая Россией бюрократия, заключается в специфической принципиальности западной цивилизации. В силу ряда фундаментальных причин ее лидеры исключительно спокойно относятся к выхолащиванию демократических ценностей, но категорически не способны примириться с открытым по-

приятием значительно менее важных демократических институтов¹.

Конфликт правящей бюрократии с Западом носит скрытый характер, его не признают и, более того, не будут признавать не только официальные лица, но и эксперты, и даже уважаемые журналисты, но он уже возник и развивается.

Помимо ценностной несовместимости, его глубинная причина заключается в том, что развитые страны даже при желании просто не в силах примириться с демонстрируемым президентом России курсом на создание принципиально не интегрируемого с ними общества (ибо западная цивилизация характерна именно приверженности «букве» демократических принципов даже при сколь угодно глубоком извращении их духа). В современной глобальной конкуренции, давно уже принявшей цивилизационный характер, всякое не интегрируемое с вами, чужеродное вам общество по вполне объективным причинам, вне зависимости не только от вашего, но и от собственного желания, скорее всего, со временем станет частью того или иного вашего цивилизационного конкурента. Поэтому допускать создание такого общества, да еще на месте традиционно находившегося с вами в рамках одной и той же цивилизации, — недопустимая, непосильная даже для американцев роскошь, представляющая собой заведомо непоправимую ошибку.

Принцип «кто не с нами — тот против нас», при всей своей исторической скомпрометированности, в условиях цивилизационной конкуренции стал значительно более актуальным, чем даже в предшествовавшее ей время противостояния двух систем.

Поэтому крах «проекта преемник», вынуждая Путина сохранить реальную власть в стране и тем самым при помощи тех или иных юридических ухищрений растоптать Конституцию (не доставшуюся по наследству от прошлой эпохи, как было в 1993 году, а созданную уже в условиях «демократии и рынка»), тем самым ввергает его, а с ним и всю правящую Россией бюрократию в жесточайший системный конфликт с Западом. Неприемлемость этого конфликта, в котором у нынешнего российского политического режима нет шансов на сохранение (не из-за всемогущества Запада, а из-за недееспособности самого этого

¹ О фундаментальных причинах этого см. в книге Михаила Делягина «Мировой кризис. Общая теория глобализации». М., «Инфра-М», 2003, о практических аспектах применительно к современной России — в его же книге «Россия после Путина. Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция?». М., «Вече», 2005.

режима и его нежелания исполнять свои обязанности перед собственной страной), лишь усугубляется его скрытым характером.

Неявность, непроявленность конфликта достигают такой степени, что он вообще не осознается российской бюрократией как конфликт, а это значит, что перевод его Западом в открытую фазу станет для нее роковой неожиданностью.

Конечно, развитые страны не будут «мочить в сортире» своего все более матеряющего в бесплодном и корыстном авторитаризме союзника, и в этом расчет правящей бюрократии совершенно верен. Она не учитывает лишь того, что в силу ее деградации, неуклонного ослабления и снижения эффективности для ее краха через достаточно короткий промежуток времени может оказаться достаточным даже весьма слабого, малозаметного и ни в коем случае не нарушающего международных «правил приличия» воздействия.

Конституционные методы третьего президентства Путина

Нынешних «хозяев России», насколько можно понять, практически всецело занимает глубоко второстепенный, хотя, безусловно, также важный (как и вся тактика) вопрос о юридических механизмах передачи власти нынешним президентом самому себе.

Рассматриваемые проекты довольно широко рекламировались, в том числе, по-видимому, и не совсем не причастными к их разработке аналитиками, поэтому мы имеем возможность с вполне приемлемой, по всей вероятности, точностью отслеживать пытливые биение административно-политической мысли.

Прежде всего, по-видимому, возник проект избрания в 2008 году «фиктивного президента», полностью управляемого президентом Путиным и его окружением и при всей полноте власти выполняющего лишь номинальные функции. Предполагалось, что Путин займет позицию главы (а то и владельца) «Газпрома» либо председателя некоего специально созданного (взамен действующего) Государственного совета, позволяющую ему контролировать ситуацию и неформально управлять страной, в том числе и при помощи низведенного до положения марионетки нового президента.

Авторы этой модели копировали ее с китайской ситуации, когда Дэн Сяопин действительно довольно длительное время управлял огромной страной «из-за кулис». Однако при этом они упустили из виду ряд принципиальных отличий России от Китая.

Прежде всего, китайское общество трепетно относится к ав-

торитетным людям и их мнению; россияне же в результате 15 лет реформ, когда они бывали обмануты всеми, не верят ни в бога, ни в черта.

В Китае бюрократия и интеллигенция, пропущенные Мао Цзэдуном через деревню, в целом ответственны перед своим народом и испытывает к нему искреннее глубокое уважение. Это один из залогов эффективности китайского госуправления и глобальной конкурентоспособности Китая в принципе. Современные же руководители России порой производят впечатление людей искренне считающих основным содержанием государственного управления силовой рэкет и воровство.

Существенную роль играет и личностный фактор. Не следует забывать, что к тому времени, когда Дэн Сяопин стал руководить «из-за кулис», он был дважды едва не расстрелян Мао Цзэдуном, он уже был великим реформатором, он командовал армией, причем в крайне сложных обстоятельствах. Дэн Сяопин стал лидером великой страны отнюдь не по принципу «на безрыбье и рак рыба» и к моменту своего ухода «за кулисы» действительно уже был патриархом — и не реформ, как у нас иногда пишут, и не материкового коммунистического Китая, а всей китайской цивилизации! И он действительно создал команду, которая до сих пор успешно правит Китаем.

Понятно, что все сказанное нельзя ни в малейшей мере отнести даже к нынешнему руководителю России, не говоря уже о любовно подобранной им «бригаде».

В результате непроработанный проект «фиктивного» президента умер весьма быстро. Непосредственные причины вполне понятны: с одной стороны, длительный внешний контроль за формально всевластным президентом невозможен в принципе, с другой, в то время, пока он еще существует, он с легкостью перехватывается членами путинской «бригады». Эта легкость не только практически гарантирует жесточайшую борьбу каждого из членов этой «бригады» со всеми остальными, но и делает практически неизбежным устранение из реальной политики, с той или иной степенью деликатности, нынешнего президента, объективно превращаемого данным проектом в основную помеху на пути к власти для каждого из своих ближайших соратников.

Как опытный политик, Путин просто не мог не ощущать, что при любом, самом лояльном, самом верном, самом фиктивном преемнике, находясь на самом защищенном и самом влиятельном посту — от владельца «Газпрома» до премьера или

даже Патриарха всея Руси — нельзя исключить, что максимум через месяц после инаугурации этого преемника тот в лучшем случае начнет давать показания.

Любые — какие попросят.

И никакие самые верные соратники, поставленные «смотрящими» за преемником, Путину не помогут и, скорее всего, даже не захотят помогать — просто потому, что действующий президент всегда сможет предложить им больше, чем бывший и будущий. С другой стороны, для них самих нужен как можно более слабый президент, а преемник Путина, по самой логике преемничества, обязательно будет еще слабее его...

Однако этот топорный и заведомо безнадёжный проект стал своего рода прототипом для значительно более красивой и реалистичной (если к тяжелому аппаратному бреду можно применить это слово) идеи «временного президента».

Смысл ее изысканно прост: на президентских выборах побеждает один из соратников Путина, полностью контролируемый им и остальными соратниками, и через очень короткое время (от недели до двух месяцев) по тому или иному замечательному предлогу (вплоть до неуверенности в своих силах, хотя базовым вариантом, скорее всего, было состояние здоровья) он подает в отставку. Путин, передвинутый «временным президентом» на пост премьера, в полном соответствии с Конституцией участвует в новых президентских выборах и, разумеется, побеждает в суровой и тяжелой борьбе с охранниками, общественниками и дрожащими тенями своих политических оппонентов.

Главная слабость этого сценария заключалась, как и в прошлом случае, в исключительной противоречивости объективных требований к личности «временного президента». С одной стороны, он, безусловно, должен что-то собой представлять, чтобы его победа на президентских выборах 2008 года не выглядела сфальсифицированной слишком уж откровенно и чтобы во время исполнения своих обязанностей, каким бы коротким оно ни было, он был бы в состоянии справляться хотя бы с их минимумом. С другой стороны, став полностью (как предполагается) легитимным президентом ценой достаточно серьезных личных усилий, он должен тем не менее практически добровольно отказаться сначала от какого-либо использования своей власти, а затем и от нее самой (именно благодаря этому на политическом жаргоне «временный президент» стал именоваться «овощем»).

Эти взаимоисключающие и при этом объективные требо-

вания отсеяли практически всех потенциальных претендентов, которые представляли собой либо явных ничтожеств, либо психологически неустойчивых или просто самостоятельных людей, способных после получения власти оставить ее себе, либо и тех и других одновременно. Единственным исключением был, насколько можно понять, спикер Госдумы Грызлов, невероятно глубоко и искренне преданный лично президенту Путину. Однако именно эта преданность делала его невосприимчивым к воздействию других членов путинской «бригады», многим из которых, по всей видимости, хотелось кардинально расширить свое личное влияние благодаря объективной слабости «временного президента». И, вероятно, поскольку его назначение (разумеется, под видом избрания) не сулило никаких персональных выгод другим представителям правящей бюрократии, проект «временного президента» также был отложен в долгий ящик.

Таким образом, процедура передачи власти самому себе при помощи использования «промежуточного руководителя» срывается из-за объективного отсутствия такого руководителя. Однако слабость человеческого фактора была преодолена в проекте «срыва президентских выборов»¹ — вместе с самим этим фактором, при помощи своего рода автоматизации политического процесса.

Действительно, систематические усилия по построению «управляемой демократии» не прошли даром: обеспечение необходимой явки избирателей на выборы, даже президентские и даже с использованием всей мощи административного ресурса, становится все более сложной задачей. В 2008 году простой отказ от использования административного ресурса для того, чтобы «загонять на выборы» непосредственно зависимое от властей население, практически гарантирует их срыв из-за низкой явки избирателей. Это позволит Путину, не нарушая Конституции, выдвинуться и победить на следующих выборах, заодно создав достаточно убедительный и действенный пропагандистский миф о том, что россияне ходят на президентские выборы лишь для того, чтобы отдать свои голоса «дорогому Владимиру Владимировичу».

¹ Впервые описанным, насколько можно понять, председателем партии «Родина» Д. Рогозиным на научно-практической конференции «Действия ответственной оппозиции в революционных условиях», прошедшей под председательством М. Делягина 30 августа 2005 года в здании московской мэрии на Новом Арбате.

С точки зрения обыденного здравого смысла схема кажется безупречной, но дьявол, как обычно, кроется в мелочах.

Действительно: почти всякий взрослый человек твердо знает, что чудеса случаются.

И нынешние руководители России, хотя бы на примере «оранжевой революции» на Украине, не менее твердо знают, что даже наилучшим образом спланированные и просто обреченные на успех политические операции могут закончиться крахом.

Поэтому их пугают все сколь-нибудь сложные, пусть даже и тщательно выверенные, схемы. «Все, что сложнее прямого удара ломом, кажется им непонятным, запутанным и в итоге нереализуемым», — сказал один из аналитиков и, возможно, оказался ближе к истине, чем предполагал сам.

Их неоформленные страхи усиливает глубочайшее недоверие к людям и страх добровольно даже не отключить, а просто ослабить пресловутый административный ресурс — так неумелый пловец пугается одной мысли о возможности в силу тех или иных причин остаться без спасательного круга.

И ужас перед заведомо невозможным — перед массовым голосованием россиян за одного из заведомо третьестепенных кандидатов, — скорее всего, похоронит проект «срыв выборов», несмотря на всю его технологическую красоту, бесспорную осуществимость и безусловную, почти стопроцентную надежность.

Безысходность ситуации, по-видимому, вынудила на некоторое время вернуться к проекту «временного президента», полностью изъяв из него добровольность передачи власти. По крайней мере, такое впечатление производит анализ интервью Путина голландским СМИ 31 октября 2005 года, в котором Путин, в очередной раз пообещав не идти на третьи выборы подряд, очень четко оговорил, что сохраняет власть до момента принятия новым президентом присяги и не допустит никакой дестабилизации обстановки.

С учетом того, что отказаться от власти он не может (просто потому, что выстроенная им система, мафиозная по своей сути, в отличие даже от ельцинской, размолет в порошок любого, кто захочет отдать власть), это означает, что Путин действительно не идет на выборы президента в 2008 году, и на них действительно кто-то побеждает.

То, что новый победитель не имеет никакой власти до инаугурации, означает, что для сохранения власти Путиным необходимо, чтобы между проведением выборов и инаугурацией нового президента с этим новым президентом что-нибудь случи-

лось. При этом, учитывая реалии режима, полностью исключить нельзя ничего — ни теракта («Норд-Ост» показал возможность безнаказанной концентрации в центре Москвы 50 боевиков, защита от которых представляет собой уже войсковую операцию), ни заболевания (пример Ющенко у всех перед глазами, а Щекочихина и Цепова — уже нет; были и другие примеры), ни странной автомобильной аварии, которые уже становятся чуть ли не неотъемлемым атрибутом высокопоставленного чиновника.

В принципе возможно и простое убеждение, после которого последует внешне вполне добровольный отказ от власти. Для этого нужно подобрать в качестве «спарринг-партнера» Путину политика, не имеющего серьезной команды и потому организационно обреченного на полную зависимость от аппарата, который до инаугурации будет контролироваться и направляться по-прежнему Путиным. Скажем прямо: придумать более простую задачу, учитывая современное состояние российской политики, невозможно.

Но у этого вроде бы безупречного варианта есть один сильнейший недостаток. Как ни странно, но разрабатывавшие его представители правящей бюрократии молчаливо исходили из презумпции полной законопослушности нового президента, которая и превратит его в смиренную жертву.

Люди, превратившие надругательство над буквой и духом закона в основное содержание всей государственной политики, по причудливой иронии судьбы искренне полагают, что политик, победивший их в предвыборной борьбе «без правил», будет свято чтить закон! И это в ситуации, когда законопослушный человек, как представляется, в принципе не может победить в политической борьбе в современной России. Так устроена — причем в значительной степени твердыми руками нынешнего президента и его соратников — вся наша политическая система.

Поэтому победитель выборов, скорее всего, отнесется к путинской уверенности, что до момента инаугурации вся полнота власти принадлежит старому президенту, то есть Путину, как к нелепому стариковскому суеверию. И даже не имея соратников, немедленно и решительно потянет властное «одеяло» на себя — и перетянет его в считанные недели, ибо, как было показано выше, для правящей бюрократии нужен президент, который готов дать ей больше. А слабый кандидат, борющийся за власть, всегда готов отдать на порядок больше того, кому эта власть уже

принадлежит, — история борьбы Ельцина против Горбачева в свое время показала это с исчерпывающей ясностью.

Возможно, сегодня Путин, занятый текущими проблемами управления, еще не видит этого. Но как только вопрос о сохранении власти перейдет из сферы планирования в плоскость немедленных действий, он в полной мере прочувствует беспомощную зыбкость своего положения и откажется от этого сценария, на который он наемкнул голландским журналистам.

Собранная им своими руками, по кирпичику и по человечку политическая система не оставляет возможности выбора не только России, но и ему самому.

Тоталитаризм мстит своим создателям

Изменение Конституции

Таким образом, все проекты, связанные с попытками обойтись без формального нарушения Конституции России, насколько можно понять, в конечном счете были или будут отвергнуты из-за своей ненадежности и нерациональности.

С властью не шутят.

Поэтому сохранение Путина у власти, по всей видимости, будет осуществляться наиболее простым и откровенным способом — через изменение Конституции, причем правящая бюрократия по-прежнему будет исходить из презумпции собственной безнаказанности и принципа минимизации всех и всяческих усилий.

Вероятно, одним из первых появился проект, связанный с передачей, начиная с 2008 года, всей полноты власти премьеру — разумеется, с одновременным назначением Путина на этот пост. Президент превратится в декоративную фигуру, играющую, помимо статусной, роль преимущественно морального авторитета.

Главным недостатком такого маневра в глазах правящей бюрократии представляется переход от президентской к парламентской республике, в результате чего главным субъектом власти в стране станет парламент. Это идеологически и принципиально неприемлемо для нынешних «хозяев страны», искренне презирающих демократические институты, в том числе парламент; сама мысль о даже формальной зависимости от него, как представляется, стала бы для них невыносимой.

Кроме того, будущее Путина и его окружения оказалось бы в прямой зависимости от успеха или неудачи «Единой России» на выборах, что, учитывая качество ее «человеческого материа-

ла» (даже по сравнению с качеством путинской «бригады»), представляется прямым и совершенно излишним унижением. Не стоит забывать и о том, что «Единая Россия» в силу чудовищного уровня своих членов и фантастических темпов деградации рано или поздно вполне может совершить невозможное и, несмотря на всю мощь административного ресурса, провалить выборы, тем самым «подвесив в воздухе» Путина и его окружение и, скорее всего, лишив их власти.

Крайне существенно и то, что переход от президентской к парламентской республике создаст реальную угрозу драматического изменения баланса сил в отношениях администрации президента с «Единой Россией» (или иной «партией правящих марионеток», которая может быть приведена ей на смену). «Партия, принадлежащая власти», формально станет основным источником этой власти и потому объективно начнет неостановимо и необратимо превращаться в партию, которой эта власть принадлежит.

Не стоит сбрасывать со счетов и значительность масштаба преобразований, откровенно пугающую ленивую правящую бюрократию, чувствующую к тому же свою органическую неспособность избегать ошибок (а чем больше масштаб действий, тем больше вероятность и потенциальная разрушительность этих ошибок).

Наконец, весьма важным представляется и личностный фактор: первым и наиболее последовательным приверженцем идеи трансформации российской президентской республики в республику парламентскую был, как известно, вызывающий истерические и непроходящие со временем ненависть и страх практически всей правящей бюрократии М.Б. Ходорковский. Путин, который, по ряду косвенных признаков, вполне разделяет эти чувства, как представляется, в принципе не способен принять никакое решение, даже в малой степени связанное с именем человека, посмеявшегося публично, да еще и в прямом телевизионном эфире указать ему на коррупциогенность операций, связанных с его ближайшим окружением компаний.

Все эти соображения и привели к тому, что проект перехода к парламентской республике и превращения Путина в «правлящего премьера», по всей вероятности, был отвергнут.

Та же судьба, вероятно, постигла и придуманную еще для Ельцина конструкцию объединения России в союзное государство с одним из ее соседей. «Новацией» эпохи Путина стало, по всей видимости, рассмотрение возможности подобного объе-

динения не только с Беларуссией, но и с Казахстаном, «эхо» которого носило фарсовый характер и просуществовало в информационном пространстве ровно один день.

Вероятно, сама идея об этом появилась как, в свою очередь, следствие проработки возможностей, открывающихся перед Россией в случае дестабилизации Казахстана во время проведения там президентских выборов. Такая дестабилизация в принципе возможна, если Назарбаев не пойдет на выборы сам и начнет проталкивать к власти свою дочь Даригу, которую не готовы поддерживать даже многие представители его собственного окружения; при определенных вариантах развития событий дестабилизация Казахстана может создать предпосылки для возвращения в состав России его северной части.

Однако, несмотря на это, объединение России и Казахстана невозможно в первую очередь из-за значительно большей степени модернизации Казахстана, который уверенно обогнал путинскую Россию по уровню развития своей экономики. Объединение означало бы для него вполне бессмысленную и совершенно неизбежную деградацию.

Кроме того, объединение с Казахстаном делает невозможным тот же фактор, который делал при Ельцине и делает при Путине невозможным объединение России с Казахстаном, — несоответствие личных качеств руководителей разных стран. Представляется, что и Назарбаев, и Лукашенко по своим волевым и интеллектуальным качествам превосходят Путина, что делает весьма вероятным его проигрыш в естественной внутри-аппаратной конкуренции в рамках одного государства.

Если же вспомнить, что и Лукашенко, и Назарбаев весьма убедительно демонстрируют глубокую заботу о своих странах и способность добиваться реальных, а не фиктивных результатов, возникает серьезная опасность, что в случае объединения значительная часть населения России предпочтет нахождение во главе государства не «своего» Путина, а «чужого» Лукашенко или Назарбаева.

Эта опасность серьезна и вполне достаточна для того, чтобы надолго оставить идеи реального объединения России и Беларуссии (не говоря уже о Казахстане) в жанре околополитической фантастики.

Однако рассмотрение и проработка этих вариантов ни в коей мере не были совершенно бесполезными. Как минимум они привели к всестороннему изучению возможности быстрого изменения Конституции, а затем — к осознанию правящей бю-

рократией отсутствия каких бы то ни было существенных преград для ее перекройки в соответствии со своими текущими интересами. Более того: сам факт серьезного рассмотрения данного проекта в полном соответствии с органически свойственной всякой бюрократии логике гигантомании породило на порядок более масштабную идею подготовки качественно новой Конституции страны.

Формальное обоснование этой идеи было элементарным: каждый из сколь-нибудь значимых лидеров нашей страны в XX веке вводил собственную Конституцию: Ленин — уже забытую 1918 года, Сталин — самую демократичную в мире для своего времени 1936 года, Брежнев — Конституцию «развитого социализма» 1977 года, Ельцин — спешно слепленную сразу же после расстрела Белого дома Конституцию 1993 года.

В высшей степени характерным представляется и то, что исторические неудачники-«демократизаторы» (по крайней мере, в глазах нынешней правящей бюрократии) не смогли оставить стране собственной Конституции: хрущевская так и осталась проектом (не только из-за внезапного свержения Хрущева, но и в силу своего исключительного демократизма), а Горбачев, хотя и исключил из Конституции статью о руководящей роли КПСС, в целом не задавался всерьез вопросом конституционного строительства.

На этом фоне создание и принятие своей собственной, «именной» Конституции представляется неотъемлемым атрибутом величия российского политического деятеля, а нынешняя правящая бюрократия, как известно, исключительно падка на подобные атрибуты.

К тому же вызрели и объективные предпосылки для глубокого переделывания Конституции:

- укрупнение регионов (численность которых, похоже, предполагается сократить более чем вдвое — не более чем до 40);
- ликвидация конституционных социальных прав (начиная с права на жилье и неухудшение условий жизни решениями государства и кончая самым правом на жизнь) в ходе «второго витка либеральных реформ» и отказ в ходе тех же самых реформ от концепции социального государства;
- уже осуществленный и представляющийся несовместимым с Конституцией переход (хотя и под прикрытием изощренного юридического словоблудия) от избрания руководителей регионов к их фактическому назначению.

В силу изложенного идея «путинской Конституции» пред-

ставлялась исключительно соблазнительной. Более того: по некоторым данным, она (или ее несколько проработанных вариантов) «на всякий случай» была написана, то есть практически полностью подготовлена к принятию. Тем не менее и от нее, по-видимому, отказались — опять-таки из-за избыточной сложности и масштабности предполагаемых преобразований. Как выразился один из аналитиков правящей «бригады», «с какого перепуга мы будем брать на себя ответственность за широко-масштабные изменения с заведомо не до конца предсказуемыми последствиями ради того, чтобы выбросить из этой брошюры в шкуру кенийского козла (имелась в виду Конституция России) две с половиной строчки», представляющие реальный интерес правящей бюрократии!

В результате к осени 2005 года, несмотря на продолжающиеся по инерции споры, в среде правящей бюрократии выкристаллизовалось, насколько можно понять, окончательное решение «проблемы-2008». Оно заключалось в выдвижении Путина на третий срок при заблаговременном (не менее чем за год) внесении и ускоренном (за полтора-два месяца, причем без каких бы то ни было серьезных усилий) соответствующих поправок к Конституции.

Совершенно точно будут изменены ее части, описывающие количество субъектов Федерации (по техническим причинам) и непосредственно запрещающие участие в третьих президентских выборах подряд (по причинам содержательным). Весьма вероятно, что изменению подвергнутся и противоречащие либеральным реформам положения о правах граждан и «социальном государстве» в целом, а также полномочия регионов и правительства.

Это решение представляется тем более логичным, что в условиях благоприятной в целом стабильности, ассоциируемой лично с Путиным, и отсутствия какой бы то ни было внятной альтернативы, значительная часть населения еще до какой-либо систематической пропагандистской подготовки склоняется к сохранению президента Путина на третий срок как к единственному возможному варианту развития России.

Даже по данным исследования оппозиционного Аналитического центра Юрия Левады «благом для России» 44% россиян считают сохранение Путина на третий срок, а еще 12% ратуют за переход власти к его преемнику (что означает, что они хотят сохранения власти Путина, но стесняются признаться в этом прямо). Лишь 34% россиян считают «благом» для страны точ-

ное исполнение механизма, заложенного в ее Конституции, — и все это еще до начала активной пропагандистской кампании по внесению соответствующих изменений!

Понятно, что откровенное переписывание Конституции в интересах конкретного лица весьма серьезно подорвет его легитимность, привлечет к политике дополнительный интерес общества и, главное, окончательно ликвидирует принципиальную возможность цивилизованной эволюции сложившейся политической системы.

Тем самым реализация данного, наиболее логичного и естественного сценария чревата дестабилизацией и системным кризисом, в которые правящая бюрократия не сможет поверить до самого их начала.

Успешность проекта третьего срока президентства Путина кажется сегодня самоочевидной — и именно это является главным содержательным аргументом против нее, так как практически все участники политического процесса без исключения будут работать «на опережение», тем самым объективно, помимо своей воли способствуя приближению системного кризиса.

«Практически все без исключения» означает, разумеется, и «государство».

*Возможно, статьи Морозов, Мамон
и Москвитин, а также, объедини-
те в их!*

04.02.2007 г.

ГЛАВА 11

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОВОКАЦИИ

СПЕЦОПЕРАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОГРАНИЧЕННОСТЬ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Современная российская бюрократия осуществляет управление преимущественно при помощи спецопераций. Это многократно подмечено, проверено на наиболее значимых эпизодах последних пяти лет и к настоящему времени представляется самоочевидной истиной.

Причина столь экзотического характера государственного управления заключается, как представляется, не столько в историческом происхождении нынешнего руководства страной (все они являются выходцами из спецслужб, причем не просто спецслужб, а из спецслужб, находящихся в состоянии разложения, которое и стало в конечном итоге главным фактором разрушения страны), сколько в его неоправданно низкой квалификации.

Знакомство с практически любой реформой из осуществляемых во время правления Путина (и с большинством осуществляемых до него) поневоле наталкивает на мысль о полной профессиональной ничтожности и вопиющем несоответствии занимаемому служебному положению подавляющего большинства руководителей нашей страны.

Готовя и реализуя преобразования, нелепость, неадекватность и разрушительность которых являются самоочевидными, а логическое обоснование в силу этого — принципиально невозможным, руководители страны тем самым ставят себя в достаточно жесткие рамки. Они поневоле вынуждены всемерно избегать огласки, вводить в заблуждение не только общественное мнение, но и остатки профессионального сообщества, прибегать к заведомо недобросовестной рекламе и перекладыванию ответственности на заранее подготовленных (хотя обычно корыстно заинтересованных) «козлов отпущения».

Все это родовые признаки спецопераций.

Проводя политику, которую невозможно проводить открыто в силу ее вредности для общества, правящая бюрократия вынуждена проводить ее скрытно, прибегая тем самым к наиболее подходящим для тайных воздействий методам спецопераций.

Принципиально важно тем не менее, что спецоперации по самой своей сути являются исключительно тактическими мероприятиями. Осуществляемые в стратегических целях, то есть имеющие долгосрочный характер, спецоперации неминуемо и непроизвольно, в силу самой своей природы выходят из-под контроля своих разработчиков и операторов (а зачастую и просто переживают их) и начинают развиваться самостоятельно, в рамках своей собственной внутренней логики, становясь органичной частью политического процесса.

Можно с высокой степенью уверенности утверждать, что спецоперации, выходящие по тем или иным причинам за рамки сугубо тактических мероприятий, со временем перестают быть спецоперациями. Накладывая на начальном этапе весьма серьезный отпечаток на ход нормального политического процесса и грубо корректируя его (именно в этом заключается их смысл), в дальнейшем они постепенно поглощаются им и перерождаются в его элементы. Эти элементы часто остаются весьма существенными для его хода, но действуют и развиваются уже не по своим собственным закономерностям, а по законам и правилам, общим для всех субъектов общественно-политической жизни.

Конечно, в момент выхода на политическую арену и первое время после него, когда они развиваются еще в рамках собственной, «специальной» логики, спецоперации являются весьма необычными элементами политического процесса. Прежде всего, их возникновение (а также возникновение связанных с ними общественных структур и элементов) и поведение в это время практически не поддаются прогнозированию при помощи стандартных аналитических методов и представляются для носителей этих методов иррациональными. Включенные в спецоперации структуры, как правило, экстремально жестко относятся к своим оппонентам, а в момент выхода из-под контроля — и к своим создателям, с оглушающей эффективностью и простотой «заметая следы» в силу остаточной «специальной» логики. Всегда, пока они сохраняют свою специфику и не «растворяются» полностью в обыденном, «регулярном» общественно-политическом процессе, они склонны к значительно большему, чем обычные структуры, эгоизму и агрессивности:

Надо сказать, что наша страна накопила достаточно большой опыт государственного управления при помощи спецопераций. То, что этот опыт представляется преимущественно негативным, в сочетании с исключительно тактическим характером спецопераций служит достаточным аргументом против сколь-нибудь масштабного применения в будущем этого весьма специфического и обоюдоопасного инструмента.

Наиболее известным примером применения спецопераций представляется ставшая уже хрестоматийной деятельность Зубатова, которая, несмотря на всю свою первоначальную успешность, завершилась сногсшибательным поражением, во многом способствовавшим Октябрьской революции и приходу к власти большевиков¹.

Значительно менее известной, хотя и не менее разрушительной по своим последствиям представляется серия операций, направленных на разрушение сетей белогвардейского и западного шпионажа, проведенных советскими спецслужбами с середины 1920-х до конца 1930-х годов. Их суть заключалась в создании в Советском Союзе фиктивного антисоветского подполья, энергично ищущего контакты с западными эмиссарами. После привлечения внимания и завоевания доверия, а зачастую и получения значительной поддержки это фиктивное подполье ликвидировалось вместе со значительными сетями действительных агентов и шпионов, развернутых на территории Советского Союза.

Излишне объяснять, что без проведения соответствующих спецопераций (первые из которых известны нам под названиями-

¹ Деятельность большевиков с точки зрения применения спецопераций в сфере государственного управления обычно рассматривают через призму операции немецкого Генштаба, по непроверенным данным финансировавшего их ради вывода России из Первой мировой войны. При всей формальной успешности этой операции она обернулась приходом большевиков к власти в России, длительными усилиями по разжиганию революции в Германии и, вероятно, приходом к власти Гитлера со всеми вытекавшими из этого последствиями. (Роль Сталина в победе фашизма в Германии и особенно то, в какой степени его действия, разрушившие союз коммунистов и социал-демократов, были плодом ошибки, а в какой — трезвого расчета, представляется как минимум не до конца проясненной.)

Однако весьма вероятно, что на ранних этапах деятельности большевистской партии она поддерживалась, по крайней мере частично, и царской охранкой, которая рассматривала большевиков как «меньшее зло», способное отвлечь активных оппозиционеров от смертельно опасных для режима и болезненно склонных к фанатичному террору эсеров.

ми «Трест», «Синдикат» и «Синдикат-2») значительная часть оппозиционно настроенных советских граждан никогда бы не была вовлечена в деятельность этих шпионских или диверсионных сетей, не совершила бы тем самым государственных преступлений и, соответственно, не была бы репрессирована. Эти жертвы государственных провокаций, которые без их проведения остались бы добропорядочными, а в значительной части — и вполне благополучными советскими гражданами, как правило, даже не рассматриваются в качестве издержек ни мемуаристами, ни нынешними апологетами спецопераций.

Однако главным аргументом против спецопераций в качестве методов государственного управления представляется трагический конец серии, без всякого преувеличения, блистательно успешных операций «Синдикат». Поскольку практически каждая из предшествующих операций западных разведок заканчивалась болезненным крахом, для продолжения серии этих операций и втягивания западных спецслужб во все новые авантюры нужно было раз за разом повышать масштаб подставляемых противнику фиктивных антисоветских операций. Это создало бы для него все больший соблазн, которому он не мог бы противостоять, несмотря на прошлые болезненные неудачи. Принципиально важно, что наращивание «наживки» не могло идти бесконечно; насколько можно понять, уже операция «Синдикат-4» вовлекла в себя значительную часть командных кадров Красной Армии, включая ее высшее командование. Участники операции эффективно соблазняли западные разведки (в первую очередь германскую) призраком подготовки военного переворота в Советском Союзе, направленного на свержение власти ВКП(б) и уничтожение советского строя.

По-видимому, знаменитое сообщение о якобы готовящемся в Советском Союзе антисталинском перевороте, переданное Сталину чехословацким президентом Бенешем, отражало именно наработки операции «Синдикат-4», воспринятые всерьез немецкой разведкой и тем более чехословаками. Сталин, конечно же, знал о проводимой его собственными спецслужбами операции и по идее должен был только радоваться правдоподобности подготовленной ими дезинформации. Однако болезненная подозрительность, естественным образом развивающаяся у носителя абсолютной (или близкой к таковой) власти, по всей вероятности, привела к тому, что он поверил разработанной по собственному указанию дезинформации или же просто «на всякий случай» «отреагировал на сигнал», уничтожив всех участ-

ников операции «Синдикат-4» так, как будто они действительно являлись тем антисоветским (или, по крайней мере, антисталинским) подпольем, которое изображали для привлечения западной агентуры.

Конечно, внутренняя логика развития диктаторского режима все равно потребовала бы от Сталина провести массированную чистку, освободившись от старых партийных и командирских кадров, воспринимавших его как ровню, а не как божество. Однако эта чистка, как представляется, могла бы пройти несколько позже или принять значительно более мягкие формы. В конце концов, если бы репрессивный аппарат не набрал чудовищные обороты на уничтожении масс «шпионов и вредителей» во время «ежовщины» (в течение 1937 и начала 1938 годов), в последующем не возникла бы категорическая необходимость в его собственном «прореживании» при помощи «встречного пала» репрессий, направленных на сотрудников самой репрессивной машины. При этом роль карательных органов, органически не способных к развитию, да и сама «прививка страхом», полученная советским обществом в конце 1930-х годов и навсегда парализовавшая значительную часть его творческих сил, были бы несравнимо меньше. Соответственно, негативное влияние, оказанное ими на его развитие, было бы значительно более слабым.

Не стоит забывать и о том, что само по себе существование сталинской государственной машины также может рассматриваться в качестве примера спецоперации стратегического характера.

Благодаря безукоризненному исполнению вполне мафиозного завета «не оставлять письменных следов» не только цели, но и основные механизмы функционирования грандиозной государственной машины, созданной Сталиным и его приспешниками, были утрачены после смерти «вождя народов» и отстранения от власти (а то и физического истребления) его ближайших помощников. Какое-то время государственная машина еще развивалась по инерции: цели ее были забыты, однако основные принципы и правила функционирования сохранялись. Они передавались аппаратчиками и политическими лидерами из поколения в поколение, хотя уже и не как понятная инструкция, но как мертвая и лишённая содержательного обоснования традиция, как своего рода «аппаратный фольклор», свод обязательных к безусловному исполнению ритуалов, преданий и мистических «заветов предков».

Это положение не могло длиться долго. Со временем все руководители, причастные к созданию советской государственной машины и помнящие хотя бы самые общие правила управления ею, просто умерли. Пришедшее им на смену поколение, не имевшее никакого представления о внутреннем устройстве унаследованного ими действительно уникального общества (в полном соответствии со знаменитыми словами Андропова о том, что «мы не знаем общество, в котором живем»), поставило под сомнение основополагающие принципы доставшегося им социального механизма. В силу элементарного невежества оно не было способно понять действительного значения своих поступков; в результате его критическое восприятие действительности и безусловный творческий дух помимо его собственного желания окончательно развалили и без того расшатавшуюся и нуждавшуюся в глубокой модернизации общественную систему, невольно уничтожив всю страну.

В рамках описанного саморазрушения советской системы государственного управления весьма характерным примером вышедшей из-под контроля и пережившей своих организаторов спецоперации представляется программа привнесения рыночных элементов в социалистическую централизованно планируемую экономику, задуманная и начатая осуществляться Андроповым. Сейчас уже прочно забыто, что эксперимент по переводу советской экономики на хозрасчетные отношения, увенчавшийся в конечном кошмарной реформой 1987 года, разрушившей все наше общество, был начат в 1983 году именно им — разумеется, из самых лучших побуждений.

Насколько можно понять в настоящее время, почти четверть века назад Андропов, при всех своих безусловных недостатках, ясно видел как необходимость модернизации централизованно планируемой советской экономики, так и принципиальную невозможность осуществления этой модернизации на основе унаследованного от брежневской эпохи корпуса заскорузлых управленцев. Для решения этой задачи он начал формирование качественно новой команды специалистов, которые должны были хорошо знать опыт и реалии развитых стран Запада и под жестким контролем «компетентных органов» осуществить в Советском Союзе необходимые преобразования.

Излишне напоминать, что Андропов успел лишь начать этот проект; после его смерти он, как и многие другие, был прочно забыт, но не умер, а продолжался по инерции. Контроль над формированием и воспитанием «группы рыночных специали-

стов» был перехвачен конкурентами Советского Союза из развитых стран, и в результате вместо осторожных и грамотных реформаторов, способных направить нашу страну по пути, отдалено напоминающему китайский, Россия через семь с половиной лет после смерти несостоявшегося реформатора получила полностью «отмороженную» и люто ненавидящую свою страну команду либеральных фундаменталистов, разрушительность деятельности которых во многих сферах общественной жизни пре-
высила даже результат гитлеровского нашествия.

Говоря о распаде Советского Союза, не стоит забывать и о колоссальной роли, сыгранной в этом процессе его собственными спецслужбами, которые стремились освободиться из-под контроля ЦК КПСС при помощи формирования демократического движения, в том числе и националистического характера. Насколько можно понять, предполагалось, что демократы всех мастей, дестабилизировав общественно-политическую ситуацию в стране, либо разрушат власть ЦК КПСС, либо, по крайней мере, полностью дискредитируют ее в глазах общества. После этого спецслужбы как единственная сила, способная «навести порядок», выйдут на авансцену политики и явно или тайно, но возьмут управление страной в свои руки.

Эта комбинация потерпела сокрушительное поражение не только благодаря глубочайшему разложению самих спецслужб¹, но и в результате быстрого выхода демократического движения из-под их контроля и началу его самостоятельного развития, а также его частичного (в первую очередь это касалось националистических движений) перехода под контроль Запада. Таким образом, провокация спецслужб способствовала обретению демократическим движением самостоятельности, его переходу к деятельности на основе собственных интересов и побуждений

¹ Разложение советских спецслужб ярчайшим образом проявилось в ходе путча ГКЧП 19 августа 1991 года. Нелишне напомнить, что КГБ СССР начал проводить самоубийственную политику невмешательства лишь после того, как выяснилась полная профессиональная несостоятельность (а следовательно, и бесперспективность) организаторов переворота: в частности, они не озаботились даже изоляцией лидеров демократического движения, в результате чего последние после понятного замешательства смогли прибыть к Белому дому и организовать видимость сопротивления, которой оказалось достаточно для победы.

Воистину, свобода слова никогда не будет оценена в нашей стране больше, чем в дни ГКЧП: его члены устроили государственный переворот и взяли власть с единственной видимой целью — устроить пресс-конференцию!

и в конечном итоге — приходу его к власти в России и всех остальных республиках Советского Союза, за исключением среднеазиатских.

Разумеется, это ни в коей мере не означает, что демократическое движение было целиком или хотя бы в основе своей марионеточным. Напротив, оно даже в самые трудные для себя времена опиралось на сильные и искренние чувства и стремления десятков миллионов людей по всей стране. Речь идет лишь о том, что в результате операции советских спецслужб, затем вышедшей из-под их контроля, демократическое движение было искусственно усилено и поддержано настолько, что задолго до достижения политической зрелости получило, а потом и смогло воспользоваться реальными шансами на политическую победу и завоевание власти, к использованию которой на благо общества оно было заведомо не готово.

Именно в этом заключается фундаментальная объективная причина провала западной советологии, до самого последнего момента последовательно отказывавшейся верить в победу демократических сил и крах коммунистического режима. Ведь в силу самого своего положения она могла видеть лишь поверхностные события, а разнонаправленно и интенсивно проводившиеся спецоперации, неутомимо подтачивавшие прочность системы, оставались принципиально недоступны ее восприятию и анализу.

Таким образом, управление при помощи спецопераций, по инерции и традиции практикуемое нынешним руководством нашей страны, отнюдь не является для нее чем-то принципиально новым. Скорее, это элемент его общей стратегии, направленной на реализацию синтеза рыночных механизмов и структур, характерных для Советского Союза. В самой этой идее нет ничего плохого, и ее реализация могла бы быть полезной, если бы не осуществлялась разлагающейся правящей бюрократией по принципу минимизации усилий, из-за которого синтез неминуемо оказался порочным, объединяющим отнюдь не лучшие, а наихудшие черты двух систем.

От рыночной экономики была взята хаотичность, обогащение немногих за счет разрушения жизни большинства, безответственность государства, принципиальный отказ от развития системы социального обеспечения как инструмента создания человеческого капитала и от развития общественной инфраструктуры как инструмента создания капитала производственного.

От централизованно планируемой системы были взяты гипертрофированная роль государства, подавление всей и всяческой инициативы, всевластие спецслужб (при этом еще и некомпетентных) и, в частности, государственное управление при помощи заведомо не подходящего для его стратегических целей инструмента — специальных операций.

Существенно, что неотъемлемым, а зачастую и основным инструментом спецопераций являются провокации. Соответственно, управление при помощи указанных операций при более детальном, углубленном рассмотрении в значительной степени представляет собой управление при помощи разнообразных, но, как правило, глубоко аморальных и разрушительных провокаций. Пораженный этой болезнью государственный аппарат отторгает от себя как заведомо чужеродные элементы не только творцов, но и добросовестных исполнителей, замещая их профессиональными (или, вследствие своего разложения, не очень профессиональными) провокаторами.

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАТОРЫ И ВОЗМОЖНЫЕ МОТИВЫ ПРОВОКАЦИЙ

Принципиально важно, что государство оказывает колоссальное воспитательное воздействие на все общество и всех без исключения субъектов политического процесса, которые частью поневоле начинают подражать ему, а частью вынуждены действовать по нормам и правилам, создаваемым им, в том числе и неосознанно, при помощи создания тех или иных прецедентов. Хочет того государство или нет, оно является тем самым командиром, любой жест и поступок которого воспринимается его подчиненными как руководство к действию — по принципу «делай как я!». Непонимание этого аспекта деятельности государства (и даже недостаточное его понимание) служит, как представляется, исчерпывающим доказательством профессиональной непригодности практически любого государственного руководителя.

Поэтому после того, как провокации разной направленности, масштаба и изощренности становятся нормой и основным содержанием государственной политики, они весьма быстро приобретают аналогичное значение и во всей общественно-политической жизни как таковой. Последняя в результате этого извращения начинает напоминать вальс, в котором партнера

остается неуверенной в искренности отношения к себе своего кавалера до тех пор, пока он не уронит ее или, по крайней мере, не отдавит ей ногу.

Как ни печально, описанная ситуация в полной мере характерна и для современной России, хотя безусловными лидерами по использованию провокаций в политической сфере, насколько можно понять, остаются представители правящей бюрократии. Соответственно, именно их усилия и станут, по всей вероятности, основным фактором дестабилизации общественной жизни нашей страны.

4. Прежде всего, среди потенциальных организаторов государственных провокаций следует выделить силовых олигархов, хотя бы из-за одной только принадлежности к структурам, наиболее склонным к использованию провокативных методов. Ситуацию усугубляет то, что они отнюдь не едины, но раздроблены на множество непримиримо воюющих друг с другом групп, крайне неохотно объединяющихся лишь перед лицом совершенно бесспорных общих угроз. Эта в прямом смысле слова военно-феодалная раздробленность представляет собой кипящий котел внутренних дразг и склок, в котором каждый воюет с каждым (не исключая собственных руководителей и подчиненных) и готов использовать сколь угодно масштабные и разрушительные для общества провокации для достижения сколь угодно мелких собственных целей.

Единственным общим политическим мотивом этих группировок является ненависть к либеральным фундаменталистам, осознаваемым в качестве главного и непримиримого противника. По мере укрепления оппозиции и развития протестного движения силовая олигархия начинает воспринимать как врага и его, однако и здесь основные эмоции направлены на социально и идеологически чуждых либералов, по-простому расцениваемых если и не как «агенты мирового империализма», то, во всяком случае, как «агенты Запада».

При этом силовые олигархи, все более настороженно относясь к оппозиции и ненавидя ее либеральное крыло, буквально с наслаждением используют ее (конечно, в той степени, в которой они в силу снижающейся эффективности способны организовывать, в том числе провоцировать, чужие действия) в качестве оружия против своих главных конкурентов — либеральных фундаменталистов.

Хрестоматийным примером, по крайней мере, попытки такого использования стала реакция целого ряда представителей

силовой олигархии на многочисленные предупреждения о разрушительных последствиях монетизации льгот. Самые разные люди, зачастую пораженные в отношении друг друга не только клановой, но и личной нетерпимостью, реагировали на эти предупреждения практически с одинаковым восторгом. Силловые олигархи впадали в состояние, близкое к трансу, предвкушая, как массовые протесты или просто очевидная неразумность разработанных законов вынудят президента отправить в отставку устроивших «на ровном месте» политический кризис либеральных фундаменталистов. Попытки апеллировать к разуму, указание на колоссальный вред для общества, неизбежное разочарование людей в президенте и снижение его рейтинга, и даже на то, что «в конце концов вам же все это разгонять придется», не воспринимались в принципе: любые негативные представления были вытеснены из сознания силовых олигархов сияющим видением поправа и изгнания с высот политической власти ненавистных либеральных фундаменталистов.

Весьма вероятно, что для решения других, в том числе и совершенно незначительных корпоративных проблем представители силовой олигархии способны привлечь колоссальные и все-разрушающие резервы контролируемых ими как государственных, так и коммерческих структур. И в принципе, как представляется, нет ничего невозможного ни в инициировании нового (и при этом по понятным причинам смертельно опасного для России) обострения ситуации на Северном Кавказе ради дискредитации того или иного действующего там либерального фундаменталиста, ни в разжигании межнациональной розни или создания мощных оппозиционных групп ради подрыва позиций конкурирующей силовой группировки или перехвата у силовых либо либеральных конкурентов контроля за значимыми финансовыми потоками.

Потенциально весьма существенной, хотя пока никак не проявляющей себя силой могут быть еще сохранившиеся относительно честные силовики, которым «за державу обидно». Несмотря на их преимущественную вовлеченность в коррупционную политику силовой олигархии, возникающую иногда, насколько можно понять, просто «по долгу службы», мотивация этой части силовых структур носит относительно бескорыстный и подлинно патриотический характер. Не располагая в силу преобладающей честности сколь-нибудь значимыми финансовыми ресурсами, представители этой категории не являются в настоящее время значимыми субъектами российской политичес-

кой жизни. В то же время не стоит полностью сбрасывать со счетов возможность самоосознания этого социального слоя и начала использования им своих служебных возможностей (в том числе и в области организации провокаций) для достижения общественно значимых, с их точки зрения, целей.

Учитывая девственное политическое сознание (да и простую неграмотность в вопросах общественной жизни) большинства «честных силовиков», крайне упрощенное восприятие действительности, а также профессиональную привычку к решительным действиям и склонность к окончательным решениям, последствия этого могут быть весьма разрушительными. (Понятно, что даже до попытки государственного переворота в силу ничтожности и разрозненности указанного социального слоя дело не дойдет, но дров может быть наломано изрядно — в том числе и исподтишка, при сохранении организаторов тех или иных событий в полной тайне.)

Значимым фактором является и естественное для чиновника стремление к обострению («мультипликации», по выражению В. Иноземцева) курируемых им проблем для того, чтобы максимизировать свои полномочия и, что является для России исключительно важным, контролируемые им финансовые потоки.

В условиях полного отсутствия ответственности перед страной и доминирования стремления к достижению личных корыстных интересов подобное массовое стремление может стать фактором провоцирования самых разнообразных и в принципе не поддающихся прогнозированию кризисов, с легкостью выходящих из-под контроля государства.

Нелишне вспомнить, что кризису в Нальчике в октябре 2005 года предшествовали, по многочисленным сообщениям СМИ, длительные усилия местных силовых структур по раздуванию угрозы терроризма — по-видимому, для расширения своих полномочий. Жестокость и произвольность этих действий, насколько можно понять, объективно способствовали росту недовольства и сами по себе создали питательную почву для разразившегося кризиса.

Наконец, весьма существенным направлением деятельности представителей «силовой олигархии», причем входящих в ближайшее окружение Путина, может стать осознанное провоцирование недовольства им со стороны все более широких слоев российской и зарубежной общественности. Причина этого странного с точки зрения обыденного здравого смысла поведения весьма проста: чем уже социальная база Путина, тем объек-

тивно выше значение для него его ближайшего окружения, заложником которого он станет после достижения некоторого критического уровня отторжения своей персоны¹.

Для ближайших «друзей» Путина, насколько можно понять, идеальной является ситуация полной дискредитации его и в России, и в мире: тогда они становятся его единственной опорой и единственным (хотя и коллективным) гарантом сохранения его власти, а он превращается в простую марионетку, ничуть не отличающуюся по сути от, например, руководителей «Единой России».

В этой логике нет ничего принципиально нового: она имманентно присуща спецслужбам, по крайней мере, современным российским. Именно в соответствии с этой логикой весной 1996 года силовики в окружении Ельцина готовили разгон Госдумы: узурпировав власть, Ельцин автоматически стал бы их заложником. Именно в понимании этого заключалась и главная причина того, что Ельцин на переворот, несмотря на все колебания, в конечном итоге не пошел, дав себя убедить разумной части силовиков во главе с Министром внутренних дел А.С. Куликовым. Однако при всех недостатках Ельцина сравнивать его как государственного лидера с Путиным просто смешно — поэтому весьма вероятно, что гипотетические усилия окружения последнего увенчаются-таки успехом.

Понятно, что провокации, на которые им придется пойти для достижения этой цели, неизбежно будут масштабными и разрушительными и в силу этого — способными сами по себе, даже без учета остальных дестабилизирующих общественную жизнь факторов столкнуть Россию в пропасть системного кризиса.

¹ Первой на эту мотивацию как на значимый фактор политической жизни современной России, насколько известно автору, обратила внимание Юлия Латынина: «К власти в России пришли люди, которые не умеют заниматься бизнесом и не умеют управлять государством. Они умеют профессионально одно — уничтожать врагов; и, если врагов нет, их надо создать. Чтобы потом показать любимому президенту, что только друзья защищают его от врагов (имущество которых в процессе защиты обыкновенно переходит к друзьям). Что в процессе уничтожения врагов друзья президента сужают социальную базу Путина, это для них не минус, а плюс. Это в начале правления Путина поддерживал Запад, бизнес и народ. Для них идеально было б, чтобы Путина поддерживали только друзья, а Запад, бизнес и народ были б против». («О системной оппозиции и внесистемной табакерке», «Ежедневный журнал» от 23 декабря 2005 года, <http://ej.ru/dayTheme/entry/2669/>).

2. Второй по значимости общественно-политической силой после силовой олигархии в настоящее время являются либеральные фундаменталисты. Несмотря на тщательную пропаганду своей якобы имеющейся цивилизованности, они, насколько можно понять, полностью готовы к широкомасштабному использованию провокаций (в том числе и государственных) в текущих политических целях. В этом они являются почти полным подобием своих антагонистов, силовых олигархов, причем менее интенсивные, насколько можно понять, контакты с потенциальными исполнителями и отсутствие возможности отдавать прямые приказы, по всей видимости, с лихвой восполняются значительно более эффективным владением политическими технологиями, контролем над большинством негосударственных и сильнейшим влиянием на большинство государственных СМИ.

Играет свою роль и значительное, хотя в целом и остаточное, доверие, которым пользуются даже наиболее лживые и циничные представители либеральных фундаменталистов со стороны не только «демшизы», но и достаточно широких слоев либерально ориентированной интеллигенции.

Можно спорить о том, было ли знаменитое «дело Квачкова» вульгарным «самострелом» Чубайса (возможно, с заранее «заготовленными» «козлами отпущения») или же актом его запугивания ради достижения конкретных целей (например, передачи под контроль представителей силовой олигархии финансовых потоков РАО «ЕЭС России», процедуры принятия в нем стратегических решений или и того, и другого)¹. Однако не вы-

¹ Являющиеся основой официальной версии предположения, что отставной офицер ГРУ, готовя покушение, не подумал о том, что Чубайс может ездить в бронированной машине, и отвез киллеров с места преступления на собственном автомобиле, что бывшие спецназовцы оставили после себя буквально груды улик, а продавцы вещевого рынка не просто помнят, кому, когда и какой резиновый коврик они продали, но и охотно делятся этой информацией с органами правопорядка, с точки зрения здравого смысла находятся в одном ряду с предположениями сталинских следователей 1930-х годов о вредительстве при помощи подсыпания толченого стекла в масло и шпионаже путем замысливания строительства тоннеля «Москва—Калькутта» и потому всерьез не рассматриваются.

Конечно, интенсивно ведущаяся по заветам Геббельса официальная пропаганда в условиях деградации российского общества может заставить массы людей поверить и в еще более нелепые домыслы, однако настоящая книга написана прежде всего для здравомыслящей, адекватной части читателей.

зывает сомнения то, что пропагандистская машина Чубайса «отработала» в этой ситуации с блеском, высокой эффективностью и слаженностью — так, как будто ее представители заранее были готовы к действиям в условиях якобы совершенного покушения.

Вдогонку произошедшему акту то ли запугивания, то ли «самострела» со стороны либеральных фундаменталистов оеуществлялось интенсивное распускание слухов о якобы имевших место новых попытках покушения на Чубайса. Это представляется косвенным, но вполне убедительным подтверждением готовности этой группы к повторению очередного спектакля в стиле 1996 года.

Напомним, что 20 июня 1996 года, через четыре дня после первого тура президентских выборов, в момент выноса полумиллиона нигде не учтенных наличных долларов из Дома правительства России были задержаны верный соратник Чубайса, тогдашний пиарщик и будущий руководитель «Мосэнерго» А. Евстафьев и тогдашний крупнейший деятель рекламного рынка, будущий птицевод С. Лисовский. Это задержание грозило накануне второго тура президентских выборов вскрыть масштабы махинаций и не только финансовых, но и политических злоупотреблений при пропихивании откровенно недееспособного Ельцина на второй президентский срок. Однако этого не случилось, так как задержание было представлено Чубайсом (надо отдать должное, при поддержке ныне покойного А. Лебеда) как новое ГКЧП и, по сути дела, попытка государственного переворота.

Это привело к поражению тогдашней силовой группировки Коржакова — Сосковца — Барсукова, полному вычищению ее членов из власти и переходу всей полноты последней в руки либеральных фундаменталистов (А. Лебедь весьма быстро потерял заработанное им и не имевшее никакого реального значения кресло секретаря Совета безопасности). Последние, правда, весьма быстро не поделили захваченную и разрываемую ими на части страну, что привело к их расколу на начавшие непримиримую борьбу друг с другом (не считая совместного продвижения во власть В. Путина в 1999—2000 годах) кланы Чубайса и Березовского, рецидивы которой порой проявляются и до сих пор.

Важно понимать, что в случае повторения подобных провокаций, вплоть до объявления захвата очередных жуликов попыткой государственного переворота, насколько можно понять,

никакая «корпоративная солидарность», во многом уже мифическая, не помешает «людям в погонах» старательно отрабатывать деньги спонсоров из числа либеральных фундаменталистов.

Говоря о потенциальных организаторах разрушительных государственных провокаций, не следует забывать и о «третьей силе» — о политтехнологах. Они, разумеется, не представляют никакой значимой части общества, но являются довольно влиятельной и серьезной по степени своей «отмороженности» политической группой, при возникновении перспектив сверхприбылей вполне способной действовать самостоятельно, причем с весьма высокой эффективностью.

Значительная часть современных успешных политтехнологов зарабатывает деньги на провоцировании кризисов и, как правило, хотя и не обязательно, попытках их последующего регулирования, которые иногда, во все большей степени случайно, удаются. Принципиально важно, что практическая отмена избирательного процесса и его подмена прямым или скрытым назначением на формально выборные должности в последние годы резко сократила сферу деятельности политтехнологов и, в том числе и помимо их желания, вытеснила многих из них в сферу организации разнообразных «управляемых кризисов» (вплоть до запугивания власти «оранжевой революцией»).

Весьма существенной частью сил, готовых с увлечением заниматься организацией разрушительных государственных провокаций, являются, насколько можно понять, и представители правящей бюрократии, просто добросовестно желающие достичь тех или иных конкретных мер в рамках своих служебных обязанностей (или своего понимания этих обязанностей). Например, организация в начале 2005 года антисемитской провокации для решения вполне естественной с точки зрения современной управляющей системы России задачи дискредитации оппозиции не только дискредитировала нашу страну на мировой арене (к ужасу и стыду всякого ответственного гражданина нашей страны, при колоссальных усилиях президента Путина). Весьма существенно, что, вызвав весьма серьезную и ощутимую значительной частью населения страны волну русофобии, эта провокация действительно способствовала разжиганию международной розни.

Искреннее усердие добросовестных (насколько к ним, конечно, может быть применимо это слово) прислужников правящей бюрократии также представляется весьма существенным

источником грозящей России опасности. Реализуя с подачи власти те или иные нужные или интересные ей проекты (иногда просто по принципу «а почему бы и не попробовать и не посмотреть, что из этого получится»), они зачастую начинают действовать самостоятельно и в собственных эгоистичных целях либо просто с гипертрофированным и потому разрушительным энтузиазмом.

Принцип «заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет» стал одной из неписаных норм современного российского государственного управления, — с той, правда, существенной поправкой, что нынешние «дураки» действуют не сами по себе, а с благословения явного или скрытого начальства и, как правило, весьма предусмотрительно расшибают чужие, а отнюдь не свои лбы.

Классическим в своем идиотизме примером является написание проекта Конституции России, в которой православие объявлялось бы государственной религией. Само по себе вбрасывание идеи новой Конституции, призванное приучить общественность к идее «путинской Конституции» или, по крайней мере, ее изменения для сохранения Путина на третий срок, является обычным, рутинным и ни в коей мере не «запрещенным» политтехнологическим приемом. Однако фиксирование идеи о создании привилегий для одной из религий, пусть даже и наиболее распространенной, и об отказе (пусть даже неявном) от принципа разделения светских и духовных властей представляется смертельно опасным, так как само по себе способно расколоть страну по этноконфессиональному признаку и даже погрузить ее в хаос.

К провокациям той же категории, хотя значительно меньшим по масштабу и потому менее опасным, следует отнести дискредитацию «мозга администрации президента», в некоторых кругах имеющего также репутацию «путинского Геббельса» В. Суркова при помощи всяческой популяризации его чеченского происхождения (действительно, в детстве Владислава Юрьевича Суркова звали Асламбеком Андабековичем Дудаевым¹). Понятно, что это пропагандистское наступление, скорее всего, вызвано желанием представителей «силовой олигархии» избавиться от чуждого им кланово и социально Суркова

¹ Эта фамилия, насколько можно понять, распространена в Чечне довольно широко, и В. Сурков, по-видимому, не является родственником Джохара Дудаева, — по крайней мере близким.

по принципу «мавр сделал свое дело (поставил политическую жизнь в стране под полный контроль Путина и его окружения) — мавр может уходить». Однако нельзя не видеть, что характер его проведения объективно разжигает межнациональную рознь и тем самым подрывает стабильность в России.

Особая роль в организации государственных провокаций может принадлежать молодежным экстремистам. Наиболее известны расистские группы, получившие условное собирательное наименование «скинхеды», и Движение против нелегальной иммиграции (не участвовавшее, надо отдать ему должное, в экстремистских и вообще насильственных действиях, — по крайней мере, на момент написания книги и насколько это известно автору). Вместе с тем события 2005 года, безусловно, требуют как минимум присоединить к ним официальное «антифашистское» движение «Наши», производящее впечатление смеси «путинюгенда» и «штурмовых отрядов».

Столь же опасными, производящими впечатление вполне экстремистских представляются менее известные группы «антифа» (по-видимому, от слова «антифашист»), получившие рекламу на федеральном телевидении. В качестве иллюстрации потенциальных механизмов организации таких провокаций стоит напомнить, что, по одной из версий, избиение группой представителей «антифа» молодого человека с нанесением тому тяжких телесных повреждений стало причиной ответного (буквально через 2 часа) нападения на участника этого избиения активиста «антифа» Т. Качараву. Трагическая гибель последнего была эффективно использована для раскрутки, в том числе и представителями правящей бюрократии, не только антирасистской, но и русофобской пропагандистской кампании¹.

Для понимания степени манипулируемости этих группировок стоит вспомнить, что знаменитая РНЕ, ставшая пугалом, весьма эффективно, насколько можно понять, контролировалась и даже направлялась российскими силовыми структурами и на некоторых в свое время этапах использовалась для борьбы с бытовой этнической преступностью. Так, представители РНЕ совместно с милицией патрулировали один из парков Москвы, что вызывало восторг окрестных жителей, в эпоху всеобщего беспредела совершенно неожиданно получивших личную безопасность.

¹ http://www.apn.ru/index.php?chapter_name=events&data_id=2728&do=view_single.

Основной политической задачей развития и рекламирования националистических и антинационалистических групп представляется придание этнического характера подспудно растущему социальному протесту населения и безопасное, подконтрольное «пережигание» этого протеста. Почти официальная поддержка и насаждение русофобии вызвана не только личными предпочтениями значительной части правящей бюрократии, но и преобладанием в России русского населения, протест которого является основной частью «пережигаемого» протеста и потому является для руководителей страны значительно большей политической опасностью, чем любой другой протест, включая чеченский.

Со временем все большее значение стало приобретать использование экстремизма (как в 1999–2000 годах терроризма) для корректировки общественного сознания. Справедливо ужасаясь преступлениям, совершенным на почве национальной ненависти (достаточно вспомнить заминированную табличку с надписью «Бей жидов» на обочине трассы и погромы на рынках), общественное сознание привыкло считать саму эту тему табуированной, грязной, превращающей в фашиста всякого, кто ее затрагивает. В результате общество становилось более послушным и управляемым со стороны правящей бюрократии, готовой платить за сохранение своей власти в том числе и лишением своего народа иммунитета перед этнической экспансией.

Правящая бюрократия постоянно обвиняет в «экстремизме» оппозицию. Представляется, что эти обвинения служат не только инструментом дискредитации и превентивного оправдания будущих репрессий, но и своего рода защитной реакцией, попыткой переключить внимание общества с официального экстремизма на значительно более слабый и менее опасный (если вообще существующий) неофициальный.

Официальные обвинения полностью и с понятными корыстными мотивами игнорируют очевидное ничтожество современной оппозиции — и, соответственно, ее безопасность с точки зрения дестабилизации общественной жизни.

Наконец, обвинения такого рода сами представляют собой провокации, которые зачастую служат простой маскировкой действий представителей государства. Так, после нападения «неизвестных», одетых в майки движения «Наши», на московский горком КПРФ (в ходе которого были зверски избиты четыре нацбола — настолько зверски, что даже милиция была вынуждена задержать нападавших и освободила их, как говорят, лишь

после непосредственного вмешательства высокопоставленных сотрудников администрации президента), один из штатных «соловьев Кремля» заявил буквально следующее: «У меня вообще сложилось твердое убеждение, что побоище на “Автозаводской” было организовано вечером 29 августа, чтобы утром 30 августа главный докладчик на конференции «Ответственная оппозиция в условиях революционной ситуации» Михаил Делягин, идеолог “Родины”, имел возможность произнести пламенную, почти ленинскую речь о реальной угрозе, уже осуществившейся угрозе “государственного терроризма”»¹.

Что ж – мы и без того знаем, что цинизму путиноидов², как явных, так и латентных, действительно нет предела.

Этот цинизм еще более подчеркивается ничтожностью, мелочностью целей, которых они пытаются достичь, организуя разрушительные и в конечном итоге смертельно опасные для общества провокации.

Наиболее значимыми среди них представляются устранение политических конкурентов (принадлежащих как к оппозиции, так и к враждебным кланам правящей бюрократии), получение прибыли от текущей коммерческой деятельности и политико-административного лоббирования, а также утоление психологической склонности к интригам. Весьма существенной мотивацией является и простая месть противникам по детскому, но не становящемуся от этого менее разрушительным принципу «он первым начал».

Едва ли не последнее по значимости место занимает реализация собственных представлений о правильном пути развития и внутреннем устройстве общества. Благодетельство этой цели, как правило, полностью перечеркивается чудовищной примитивностью, убогостью и агрессивностью этих представлений, которые при глубине укорененности зачастую еще и являются иррациональными (вроде антисемитизма или стремления вернуть Россию на 700 лет назад и начать формировать единую нацию на основе православия).

¹А. Ципко. «Почему оппозиция бьет «Наших»?». «Независимая газета», 9 сентября 2005 года.

²Жаргонное наименование соратников и сторонников Путина произошло, по всей вероятности, от «андроида» – прозвища руководителей «Единой России».

ВЫХОД СИТУАЦИИ ИЗ-ПОД КОНТРОЛЯ НЕИЗБЕЖЕН

Вне зависимости от конкретных сценариев государственных провокаций (которые мы не приводим хотя бы для того, чтобы не облегчать работу планировщикам соответствующих ведомств), не только само их осуществление, но и последовательное нарастание их масштабов представляется практически неизбежным. При помощи этих провокаций правящая бюрократия поневоле, вне зависимости от своего желания «на ровном месте» создаст деятельную организацию и переведет нынешний пассивный и потому практически безопасный для себя протест в активную и разнообразную форму.

Представляется принципиально важным, что практически все значимые политические силы готовятся к «моменту истины» во время избирательной кампании 2007/2008 годов — примерно так же, как все финансовые силы страны готовились к дефолту в октябре 1998 года. В итоге, работая в силу естественной конкуренции «на опережение», они объединенными усилиями обречены приблизить кризис до степени, неожиданной для каждой из них.

Кроме того, растущая на глазах неадекватность государственной бюрократии, скорее всего, просто не оставит ей времени даже до парламентских выборов.

Наиболее вероятным политическим катализатором срыва в системный кризис с последующим революционным взрывом представляется грызня различных группировок самой силовой олигархии за власть и контроль за ключевыми финансовыми потоками. Видимая неспособность определиться с будущей судьбой захваченного «Юганскнефтегаза» наглядно иллюстрирует способность этой грызни блокировать решения, важные даже для коллективного выживания силовой олигархии.

В силу особенностей корпоративной культуры эта грызня предусматривает не столько прямые удары по враждебным группировкам, сколько провоцирование их на самоубийственные действия без учета последствий последних для страны в целом. В результате ради возможности выплеснуть грязную воду вместе с чужим младенцем представители различных групп силовой олигархии, как представляется, вполне способны запалить собственный дом.

Общая неадекватность госаппарата представляет им для этого безграничное поле возможностей. Достаточно простой интенсификации уже объявленных социально-экономических ре-

форм: некоторое ужесточение вводимых рамок, осуществление на практике потенциальных угроз, форсирование заложенных разрушительных механизмов, синхронизация различных действий (например, ужесточения практики выселения неплательщиков и перехода на 100%-ную оплату услуг ЖКХ, что означает двукратный рост тарифов).

Каждая из существующих «групп влияния» с азартом будет пытаться представить своих конкурентов инициаторами реформ и, соответственно, подставить их под удар общественного негодования. Похоже, такой опыт уже наработан в ходе трагической монетизации льгот, в первоначальном виде лишившей миллионы людей права передвижения (на общественном транспорте) в пределах собственного населенного пункта.

Дополнительным дестабилизирующим фактором, вероятно, станет широкое использование контролируемых представителями власти экстремистских структур (от части «скинхэдов» и жириновцев до специально создаваемых «штурмовых отрядов», в качестве зародыша которых можно рассматривать свежесозданных «нашистов», тренирующихся пока на избиениях журналистов и лимоновцев). Помимо запугивания интеллигенции, боевики, вероятно, будут своими действиями компрометировать оппозицию в ходе локальных беспорядков — подобно тому, как антисемитский скандал вокруг письма группы депутатов использовался для дискредитации протеста против монетизации льгот в начале 2005 года. Весьма вероятно, что они быстро начнут выходить из-под контроля своих кураторов, следуя собственным не только интересам, но и порочным склонностям, разрушая тем самым и без того хрупкую стабильность.

Естественное стремление не дать кризису вызреть при помощи его ускоренного провоцирования, чтобы задавить оппозицию в зародыше (примерно так, как это произошло осенью 1993 года; довольно внятные намеки на это содержатся, в частности, в знаменитом интервью Суркова «Шпигелю»), при нынешней степени разложения правящей бюрократии также, безусловно, способствует выходу ситуации из-под контроля.

Весьма важно, что каждая группа правящей бюрократии будет вылезать — причем примерно одновременно — на авансцену российской политики со своим, до боли знакомым и навязчивым в зубах сценарием.

Это и разжигание проблем на Северном Кавказе, и провоцирование усиления межнациональной розни, и форсирование все новых чудовищных, разрушающих сам повседневный строй

жизни людей социально-экономических реформ, и патологическое бесстыдство новых «хозяев жизни», принадлежащих преимущественно к правящей бюрократии. Последнее проявляется прежде всего в усилении раздражающей рекламы перепотребления (весьма характерно, что летом 2005 года на «обновленном» и «освобожденном от власти олигархов» НТВ домохозяйкам подробно объясняли, как правильно чистить бриллианты, а в декабре почти все российские СМИ транслировали призыв к населению, 88% которого живет ниже уровня бедности, а 14% — нищеты, отказаться от потребления черной икры).

Некоторые события 2005 года позволяют предположить, что «раскачивание лодки» уже началось. Возможным примером этого явилось, например, удивительное и так никем никогда и не объясненное нападение на Нальчик, в ходе которого в один и тот же момент по всему городу (что свидетельствует о хорошей подготовке и высокой организованности) были атакованы все силовые структуры.

Все атаки были успешны: нападавшим удалось ворваться в помещения, причем блокирование всех силовых структур 300-тысячного города сделало нападавших его полноценными хозяевами по меньшей мере на полтора-два часа — которые, насколько можно понять, не были использованы практически никак!

В частности, ворвавшись в здание ФСБ и преодолев сопротивление охраны, нападавшие, насколько можно понять, не попытались ни захватить оружие, ни уничтожить находившихся в своих кабинетах практически беззащитных сотрудников, ни захватить архивы, ни, наконец, разрушить ненавистное им здание. Республиканское ФСБ находилось, по сути, в руках террористов, но превосходно организованные и неплохо обученные нападавшие не то что не воспользовались, но даже не попытались воспользоваться открывавшимися перед ними безграничными возможностями!

Сходная картина наблюдалась и на остальных объектах нападения: лишь в одном месте боевики заняли оборону (в захваченном райотделе милиции). Безумное с военной точки зрения поведение нападавших, на первом этапе действовавших весьма эффективно, не вызывает сомнений: нападение на Нальчик было не столько традиционной террористической атакой, сколько демонстрацией, которая и по сей день оставляет самый широкий простор для толкований.

Во всяком случае, не вызывает сомнений, что при реализации государственных провокаций весь богатейший сценарий полицейских методов будет использован правящей бюрократией в полной мере и без каких бы то ни было моральных ограничений.

Подобные забавы способны даже в нормальных условиях «раскачать лодку» до угрожающей амплитуды. Тем более они опасны сейчас, когда население запутано и озлоблено откровенно неадекватной политикой правящих ею изошренных, а зачастую и извращенных специалистов по рекламе, испытывает кризис самоидентификации и деградирует по всем показателям — от медицинских до интеллектуальных.

Принципиальное значение имеет то, что при всей интенсивности пропагандистской риторики практически ни одна из политически значимых групп правящей бюрократии не идентифицирует себя с «этой страной», не связывает с ней однозначно и категорически своего будущего и не считает своей главной задачей сохранение ее стабильности (не говоря уже о развитии). Более того: занимаясь удовлетворением личных интересов, представители правящей бюрократии категорически не готовы приносить сколь-нибудь значимые жертвы на алтарь не то что общественных, но даже своих собственных групповых интересов, действуя по апробированному принципу «работа дураков любит».

Когда нежелание действовать в общих, пусть даже только классовых интересах охватывает подавляющее большинство представителей правящего класса, он неминуемо погибает — и приближение к этому сегодняшней правящей бюрократии наглядно, очевидно и не вызывает практически никаких сомнений.

Сложные хаотические игры силовых олигархов, либеральных фундаменталистов и прочих тварей, «допущенных к столу», еще более усугубляют ситуацию и неизбежно приведут к полной утрате контроля за инициированными ими процессами.

Как это бывает, мы слишком хорошо помним по распаду Советского Союза.

ГЛАВА 12

СТИХИЙНЫЙ ПЕРЕХВАТ УПРАВЛЕНИЯ

Свято место пусто не бывает

Власть не бывает бесхозной.

Короны, даже опасные для жизни, даже сделанные из радиоактивных материалов, валяются в грязи совсем недолго. По мере того, как в ходе системного кризиса правящая бюрократия и особенно силовая олигархия будут один за другим утрачивать рычаги управления страной, эти рычаги будут немедленно подхватываться, а то и перехватываться в опережающем режиме.

Сначала за них будет цепляться собственная агентура всех мастей и работающие «в поле» подчиненные, осознавшие неадекватность и слабость руководства и потому начавшие все более активно и откровенно работать исключительно на самих себя. Затем рычаги управления начнут выдирать из вцепившихся в них рук политических карликов или просто спекулянтов представители политических сил — сменяющих друг друга, но все более и более самостоятельных, все более и более адекватных и эффективных.

«Драка за штурвал» по вполне объективным причинам неминуемо качественно усугубит все проблемы общества — как социально-экономические, так и политические, и этнокультурные, к тому моменту и так дошедшие уже до остроты системного, то есть всеобщего кризиса. В результате повседневная жизнь подавляющего большинства населения будет становиться все более трудной, а для определяющей с политической точки зрения массы граждан — и вовсе невыносимой.

Неадекватность, бессилие и неизбежные для России претензии правящей бюрократии на величие будут делать ее по-настоящему смешной — при том, что ведь только смех один и страшен для власти, так как он с наименьшими усилиями и необра-

тимо делегитимизирует и лишает ее сакральности. По мере стремительного нарастания негативных последствий неудач государственной политики для каждого отдельно взятого человека правящая бюрократия начнет вызывать все большее и большее омерзение. Даже сочувствие ей начнет восприниматься в самых разных социальных слоях как грубое нарушение общественной морали, а поддержка постепенно приравняется в глазах основной части населения к преступлению, к измене обществу.

Разрушение старой власти в ходе системного кризиса будет вполне закономерно порождать и усугублять хаос, в котором будет зарождаться и крепнуть привычная и всецело адаптированная к нему власть новая, на этом этапе ориентированная, однако, не столько на решение нарастающих многообразных проблем, сколько на разрушение старой власти, устранение конкурентов, утверждение и расширение своего влияния. Политический естественный отбор, искусственно остановленный предшествующим путинским «застоем», пойдет с головокружительной остротой и со всей беспощадностью, свойственной политической борьбе в кризисных условиях, как между сражающимися за власть группами, так и внутри каждой из них.

1
2
3
4
Ни официальные ставленники Запада, ни выпестованные в различного рода политических теплицах вундеркинды, ни ленивые бюрократы бьющейся в агонии умирающей эпохи, ни построившие благополучие на несчастьях своей страны и своих близких «эффективные менеджеры» не будут иметь в этой жестокой и не признающей заранее установленных правил борьбе никаких шансов. а символика??

Ударной политической силой станет молодежь, которую реформаторы более пятнадцати лет последовательно лишали и наконец лишили будущего, — как не получающие никакого реального образования студенты, так и маргиналы спальных районов. Ее будут хаотически направлять как различные группы силовой олигархии, так и лихорадочно пытающиеся использовать стихийный протест политические группы (не успевшие вызреть в полноценные партии из-за ускорения кризиса играми силовой олигархии), серьезные российские и зарубежные коммерческие структуры, организованная преступность (в том числе наркомафия) и, скорее всего, некоторые достаточно разветвленные диаспоры.

Вероятно, расшатывание институтов все менее адекватной государственной власти и общая дезорганизация могут осуществляться также при помощи террористических актов, прово-

цирования межнациональных конфликтов и сепаратистских устремлений (помимо Северного Кавказа, ахиллесовой пятой представляется с этой точки зрения Башкирия). Не следует забывать, что мы уже видели двукратный захват толпой женщин кабинета президента республики в составе Российской Федерации, а в 2005 году, по мнению чуткого и хорошо информированного аналитика, «беспредел ментов достиг такой степени, что на Кавказе их начинают массово отстреливать»¹.

Вероятны и осознанные целенаправленные действия как собственно российских сепаратистов, так и этноконфессионально ориентированных сил, являющихся элементами глобальных структур (как, например, «Хизб'ут-Тахрир»)

Тем не менее все эти (и еще некоторые другие) разнородные силы будут действовать в едином идеологическом поле, созданным глубочайшим, все более агрессивным и непримиримым отторжением правящей бюрократии и наиболее полно выраженном в прошлую российскую революцию ставшими крылатыми словами «Так жить нельзя!». Это отторжение, переходящее в чувство биологической несовместимости, в невозможность находиться с объектом ненависти в одном и том же пространстве и на одной и той же земле, будет парадоксальным образом, помимо их собственной воли спланивать даже не любящих, не понимающих и воспринимающих друг друга преимущественно в качестве конкурентов оппозиционеров.

Сплочение в борьбе с заживо гниющей и тупо уничтожающей страну властью может стать дополнительным фактором, стимулирующим углубление и распространение в российском обществе синтеза патриотических, социальных и либеральных ценностей. Этот синтез, воплощение которого в жизнь и станет позитивным содержанием предстоящей нашему обществу революции, будет замешан в том числе и на естественной для многонациональной страны жажде установления справедливых и упорядоченных межнациональных отношений и искоренении этнической преступности

Как было подробно показано выше, алгоритм срыва в хаос может быть практически любым, но наиболее вероятная причина — очередное безумное (и потому непредсказуемое, как дестабилизация банковской системы прошлым летом) асоциаль-

¹ Ю. Латынина. «О системной оппозиции и внесистемной табакерке». — «Ежедневный журнал», 23 декабря 2005 года (<http://ej.ru/dayTheme/entry/2669/>).

ное действие реформаторов. Силловые олигархи будут с величайшим удовольствием провоцировать их на «углубление реформ» и «последовательную либерализацию», мечтая, что вот теперь-то ненавистные «космополиты» наконец-то сломают шею и уступят им контроль за новыми секторами экономики и, главное, связанные с этим контролем доходы. Вполне логичным представляется в рамках «силовой» логики и подзуживание агентуры на организацию возможно более широких и разнузданных протестов, подавление которых докажет незаменимость силовой олигархии и надежно обеспечит ей политическое доминирование.

Как обычно бывает при разложении полицейского аппарата, протесты (и, что значительно более разрушительно, государственные провокации, не говоря уже о провокациях всех остальных участников внутренней политики, включая иностранные структуры Запада и ислама, диаспоры, представителей системной и внесистемной оппозиций) весьма быстро и в драматических формах выйдут из-под контроля. При этом не только правящая бюрократия, но и сросшиеся с нею за годы реформ и привыкшие прекраснодушествовать «штатные» оппозиционеры ничего не смогут сделать со стихией протеста, распалаемой хаотическими провокациями и худшими человеческими инстинктами.

Как это ни ужасно, подобное развитие событий представляется, по крайней мере, в настоящее время, совершенно неизбежным.

Для понимания реалистичности этого достаточно вспомнить события 9 июня 2002 года, когда на Манежной площади произошел самый настоящий погром. По официальной версии, он был спровоцирован проигрышем российской футбольной сборной японцам. По неофициальной, реальной причиной была необходимость создать убедительные для тогда еще имевшего значение общественного мнения обоснования для скорейшего протаскивания через Госдуму закона о борьбе с «экстремизмом». Так или иначе, во время погрома толпа подвыпивших молодых болельщиков буквально гоняла оказавшихся совершенно беспомощными омонцов по центру Москвы.

Схожие события происходили и в менее отдаленные времена. Так, в июле 2004 года во время митинга против планов монетизации льгот этот же ОМОН недалеко от Госдумы был смят натиском протестующих инвалидов (!). Захват нескольких молодых участников первомайской демонстрации 2005 года выз-

вал взрыв массового негодования, буквально прижавший омовцев, которым потом позволили спастись бегством, к стене Госдумы.

Вне зависимости от способности силовых структур защитить самих себя (вероятно, какая-то их часть еще не успеет разложиться настолько, чтобы быть способной хотя бы на это) стремление их представителей и руководства защитить от беспорядков обычных граждан представляется совершенно нереалистичным. Несмотря на безусловное наличие отдельных исключений, основная часть силовых структур будет относиться к своим обязанностям по защите граждан с еще большим пренебрежением и цинизмом, чем сейчас.

Возможно, на непродолжительное время мы столкнемся даже с эффективно направляемым бандитизмом и массовым мародерством в стиле Киргизии. При этом жертвы как среди мирного населения, так и тем более среди активно протестующих (да и среди преступников, пользующихся общей смутой, если только их преступления не будут слишком очевидными и не поддающимися обелению или сокрытию) с неизбежностью будут отнесены на «зверства агонизирующего режима» и приобретут, строго по Березовскому, «сакральный характер».

В условиях всестороннего разочарования и презрения к власти это, скорее всего, станет решающим, переломным моментом в противостоянии протестующих и все еще правящей к тому моменту бюрократии. СМИ и общественное мнение, проявляющееся и укрепляющее само себя в слухах и сплетнях, играющих исключительную роль в кризисных условиях, решительно и однозначно встанут на сторону оппозиции.

Даже слабость и непоследовательность последней, даже органически присущая ей и вызванная ее разнородностью, чтобы не сказать разношерстностью, неспособностью определить себя повысит ее эффективность в процессе борьбы за власть, так как сделает ее привлекательной для самых различных слоев общества.

В результате старая государственная власть, превратившись в символ осточертевшей, разложившейся и на тысяче примеров доказавшей свою общественную опасность бюрократии, будет опрокинута и растерзана (в наименее культурных центрах страны — возможно, не только политически, но и физически).

Происходящее в этот период будет ужасной коллективной трагедией, составленной из миллионов индивидуальных, и оставит страшный след в общественном сознании и обществен-

ной психологии. Именно неизбежный ужас столь же неизбежного периода хаоса и безвластия, равно как и первичного захвата власти заведомо не способными к ответственности (не говоря уже про грамотное и последовательное управление) авантюристами, превращает революции, в том числе организуемые и осуществляемые из самых лучших побуждений, в подлинный кошмар человеческой истории.

Однако безграмотность и безответственность правящей бюрократии в том виде, в котором она заостенела в путинские шесть лет, практически утратив ответственность, адаптивность и способность к эволюции, в настоящее время уже не оставляет России иного выхода. А это значит, что ответственные силы нашего общества должны уже сейчас думать о неизбежном и готовить свои действия в критических условиях, в том числе и при помощи создания соответствующих организационных структур, с тем, чтобы период хаоса был как можно менее продолжительным и разрушительным.

Чтобы преодолеть страшное, надо не замуриваться, не прятаться самому и тем более не отрицать его реальность, а понимать его сущность, внутренние закономерности и логику развития и решительно изменять его — разумеется, в меру своих возможностей.

ГЛАВА 13

КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ

Весьма вероятно, что в результате системного кризиса к власти придут не «системные оппозиционеры» и тем более не «профессиональные революционеры», а достаточно случайная группа людей. (Про фаворитов конца XVIII века так и говорили: «попасть в случай», — правда, «попавшие» в него проходили весьма серьезный, хотя и стихийный, заранее никем не организованный, предварительный отбор и в силу этого в целом справлялись с государственными обязанностями, которые вроде бы им должны были быть непосильны.)

Понятно, что эта группа в значительной степени будет формироваться «по ходу дела», в ходе системного кризиса, включая в себя соответствующих ее требованиям и ориентирам людей из «внешнего мира» и беспощадно выплевывая в бушующие волны кризиса своих старых членов, уставших или по иным причинам переставших соответствовать непрерывно растущим объективным требованиям.

Из кого бы ни состояла эта группа будущих правителей России, ей по необходимости придется лавировать между представителями различных оппозиционных сил и других также растущих и крепнущих групп, поглощая, подчиняя или стравливая их друг с другом. Не вызывает сомнения, что по мере стабилизации и собственного укрепления она будет избавляться от потенциальных противников и становящихся опасными, а то и просто обременительными союзников с драконовски революционной простотой.

Все это технические и по большому счету не существенные ни для кого, кроме их непосредственных участников (большинству из которых в разные сроки суждено стать их жертвами), процессы. Подлинный интерес представляет совсем иное: кем будут победители, каким объективным требованиям они должны

соответствовать для того, чтобы не только взять, но и удержать и, что самое главное, — использовать государственную власть над Россией для ее модернизации?

Понятно, что они, как и всякие дети потрясений и порождения кризисов, будут жестоки и циничны (до степени «отмороженности», если следовать порожденному либеральными реформами коммерческо-блатному жаргону); изворотливы и изобретательны. Но этого понимания мало: оно слишком односторонне.

Кем они будут — или, с другой стороны, кем они должны быть (или стать в ближайшие год-полтора, отделяющий нас, если повезет, от наступления политического «момента истины»)?

Чтобы ответить на этот ключевой вопрос, представляется необходимым учесть, что разрушение правящей бюрократии запустит два одновременных и прямо противоречащих друг другу процесса.

С одной стороны, утрата общенациональных управляющих импульсов, сдерживающих рамок, если уже и не существующих, то, во всяком случае, по инерции еще подразумеваемых правил поведения, в сочетании с дезорганизацией сложных общегосударственных и региональных инфраструктурных систем будут усиливать воцаряющийся хаос и стимулировать разрушение повседневной привычной жизни подавляющего большинства населения.

С другой стороны, общегосударственным тенденциям хаоса и разрушения постепенно начнут противостоять крепнущие тенденции стихийной самоорганизации людей в местах их постоянного и компактного взаимодействия — в многоквартирных домах, в поселках и деревнях, на предприятиях. Постепенно эти тенденции начнут перерастать в стихийное формирование параллельных органов власти — пока еще только местного самоуправления (в настоящее время эти тенденции наблюдаются, насколько можно судить, лишь в некоторых районах Северного Кавказа, где местное самоуправление стихийно сложилось либо продолжает складываться на исламской основе).

Эти местные тенденции самоорганизации будут по-прежнему активно сдерживаться всей силой правящей бюрократии. Последняя вполне справедливо расценивает параллельно и стихийно формирующееся местное самоуправление если и не как своего смертельного врага и могильщика, то, во всяком случае, как потенциального конкурента в борьбе за влияние и деньги, а

в конечном счете — за государственную власть. Поэтому правящая бюрократия будет стремиться подавить и подорвать местные тенденции самоорганизации даже тогда, когда на все остальное, включая исполнение прямых обязанностей перед страной и даже личное обогащение ее представителей, у нее не останется уже ни сил, ни возможностей.

Во многом благодаря этому последовательному, осознанному и активному противодействию стихийное формирование местного самоуправления (там, где оно вообще начнется, — ибо значительная часть российского общества просто утратила не только навыки самоорганизации, но и способность к ней) будет отставать от распространения хаоса. В этом нет ничего странного, ибо люди начинают самоорганизовываться не от хорошей жизни, а от ясного и многократно вбитого им в голову понимания того, что никто, кроме них, даже не попытается решить проблемы, с которыми они сталкиваются.

Главным фактором самоорганизации будет сам хаос, нарастающие по мере приближения системного кризиса, а затем и его развития трудности и беды основной части общества. Без раздражающего и активизирующего влияния нарастающих неудобств и несчастий люди не способны расстаться со своей ленью и апатией; они могут пробудиться к активной совместной деятельности — сначала по организации собственного выживания, а потом и по решению политических вопросов — лишь под жестокими ударами конкретной жизненной необходимости¹.

¹ А могут — и это ни при каких обстоятельствах нельзя забывать, из-за чего и напоминаю это еще раз, — и не пробудиться, беспомощно умирая поодиночке, как многократно происходило в самых разных «горячих точках». Да и в знаменитом Ленске после наводнения значительная часть населения вместо работ по восстановлению своего жилья устроила пикник с выпивкой. Эти люди пребывали в глубочайшем убеждении, что им «все должны», и даже не собирались предпринимать никаких усилий для самостоятельного улучшения своей жизни — примерно так же, как не предпринимает эти усилия почти никто на безграничных пространствах сегодняшней не столько даже нищей, сколько беспросветно убогой России.

Наши сограждане в массе своей предпочитают жить, а точнее, существовать в невыносимых, нечеловеческих условиях, а не предпринимать усилий по самостоятельному их улучшению. Инициатива, самостоятельность, воля к созиданию (а не копеечному разрушительному воровству) как будто ампутированы из их душ.

Эта потеря способности к самоорганизации и инициативе, эта утрата инстинкта самосохранения и коллективного выживания исторически может быть объяснена тем, что соответствующие качества и способности были

Таким образом, хаос — причина, самоорганизация — всего лишь следствие. Понятно, что, как бы нам того ни хотелось и как бы это ни было гуманно и полезно, следствие ни при каких обстоятельствах не может опередить свою собственную причину.

Поэтому хаос отнюдь не сразу, но все же начнет постепенно умеряться стихийно формирующимся кризисным местным самоуправлением — примерно таким, какой была в момент своего зарождения и на ранних этапах существования Советская власть.

вытравлены из народа сталинским террором, брежневским развратом и садистскими либеральными реформами.

Однако это тот самый случай, когда понимание не только не подразумевает прощения, но и требует наказания, как, впрочем, и всякое преступление, в том числе и совершаемое против себя самого.

В практической жизни утрата россиянами инициативы означает элементарное, хамски торжествующее и в конечном счете самоубийственное иждивенчество. Мягкие механизмы воспитания, в том числе и постановкой в нечеловечески тяжкие условия, здесь не помогут — и практика последних пятнадцати лет доказывает это более чем убедительно.

Эта самоубийственная пассивность подлежит в прямом смысле слова выжиганию каленым железом и без всякой пощады. Да, «принуждение к инициативе» — противоестественное сочетание, но без него, активно проводимого и направляемого новым государством, в России никогда не вырастет следующее поколение людей, для которых постоянное проявление инициативы станет естественным и единственно возможным состоянием, а самостоятельность — не просто основной, но и наиболее распространенной чертой личности.

Правда, сказанное отнюдь не отрицает возможности стихийного формирования местного самоуправления. Оно идет уже сейчас, причем не только в исламских регионах, но и в местах активного противостояния населения с властью — даже в таком относительно сытом и развращенном месте, как Москва. Да и во время приведенного в качестве примера Ленского наводнения жители многих также смытых деревень отнюдь не дожидались помощи (и правильно делали — в некоторые населенные пункты, по данным журналистов, она так и не пришла), а сразу же взялись за работу — причем кое-где им приходилось валить деревья в прямом смысле слова голыми руками, не имея никакого инструмента вообще.

Однако наиболее важно то, что для стихийной самоорганизации отнюдь не требуется большого количества самостоятельных и инициативных людей. Более того, они должны быть, но их должно быть мало — иначе они просто будут мешать друг другу; строго говоря, на каждую общность людей вполне достаточно одного-единственного лидера, который активизирует их и поведет за собой.

А это уже значительно более мягкое требование, вполне выполнимое даже в современной России.

Порождаемые ею островки если и не стабильности и разума, то хотя бы понятного и относительно рационального порядка в море хаоса будут постепенно расширяться, увеличиваться численно и сливаться друг с другом.

Не вызывает никакого сомнения, что практически все сложившиеся к началу системного кризиса политические силы и структуры попытаются взять их под контроль, чтобы превратить в свою социальную (а особо наивные — и в «электоральную») базу. Однако тяжесть и разнообразие повседневных житейских проблем, составляющих естественный удел всякого местного самоуправления, неминуемо отпугнет крикунов, прожектеров и политических махинаторов, стремящихся к власти и деньгам без затраты каких бы то ни было систематических усилий (либо вовсе на такие усилия не способных) примерно так же, как отпугивает их и сейчас.

Именно здесь, по кропотливому «тяжелому крестьянскому труду»¹ «на земле», а не по заведомо вторичным партийным конференциям, демонстрациям, митингам, уличным дракам и тем более дискуссиям в телепередачах, и пройдет граница между «пикейными жилетами» всех мастей (от маскхалатов до костюмов от Бриони) и теми, кто реально сможет участвовать в формировании новой власти и в последующем — бороться за ее концентрацию в своих руках.

Это не романтизм.

В условиях системного кризиса функция предоставления легитимности возвращается от тех или иных государственных или пропагандистских учреждений непосредственно к народу, из-за чего становится в принципе невозможным всерьез и надолго взять власть, не став так или иначе частью этого народа.

Другое дело, что для политической силы, думающей о прорыве к власти, участие в повседневных делах, трудах и заботах людей — не более чем половина, причем несравненно более легкая, стоящей перед нею задачи. В политической борьбе в условиях системного кризиса победит тот, кто, помимо установления постоянного живого контакта с самыми широкими народными массами и организации постоянного взаимодействия со стихийно растущим местным самоуправлением, сможет «накрыть» островки последнего единой инфраструктурой координации, взаимодействия и взаимопомощи.

¹ По определению Э.В. Лимонова; он, правда, говорил о создании политической партии.

Речь идет прежде всего об объединении усилий разрозненных групп местного самоуправления для решения совместных задач (вплоть до увеличения числа протестующих против строительства конкретного магазина на месте конкретной детской площадки, если использовать реалии Москвы 2005 года) и о предоставлении этим группам универсальных, но труднодоступных для каждой из них видов помощи — от материальной поддержки до юридических консультаций и административной поддержки. Какой бы слабой ни является последняя, она всегда важна и имеет по крайней мере символическое значение; кроме того, она может играть исключительно важную роль как инструмент урегулирования отношений местных сообществ с официальными структурами власти (разумеется, только в то время, пока последние еще будут продолжать существовать в этом качестве).

Наконец, исключительно важным для прорывающейся к власти политической силы является предоставление группам местного самоуправления функций, близких к функциям государственного управления. В первую очередь это силовая защита и поддержка (важность которой будет неуклонно нарастать по мере ослабления правящей бюрократии и нарастания хаоса), а также урегулирование споров — сначала внешних, а потом, постепенно и во все большей степени, и внутренних.

В общем и целом, предоставляя группам местного самоуправления необходимые им услуги, которыми они не могут обеспечить себя сами, перспективная политическая структура будет выполнять по отношению к ним по сути дела функции государства (по крайней мере, наиболее привлекательную часть этих функций) и тем самым займет по отношению к ним его место. В результате группы местного самоуправления станут не просто естественной опорой, но и органичной частью прорывающейся к власти политической силы, объективно, безотносительно к намерениям конкретных лиц, делающей ее прообразом будущего государства.

Таким образом, опираясь на группы местного самоуправления и интегрируя их, политическая сила сама превращает себя в систему государственной власти — сначала параллельную, а потом (в случае успеха) и единственно возможную.

Понятно, что для этого она должна всеми силами стремиться к развитию реального, а не формального местного самоуправления — как говорили большевики, к «самодеятельности на местах».

Тот, кто сможет стимулировать его развитие и возьмет его под свой контроль в населенном пункте, станет его мэром или, по крайней мере, неформальным лидером, слово которого будет более важным и более весомым, чем любое деяние формально существующих органов власти.

Тот, кто стимулирует стихийный рост реального местного самоуправления и возьмет его под свой контроль в областном центре или столице республики, станет ее «хозяином», причем получит все возможности закрепить это положение формальным статусом.

Тот, кто решит поставленную задачу в Москве (желательно, конечно, обеспечить хотя бы нейтральное отношение населения Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода, но и это не обязательно), станет властителем России и ее безусловным лидером.

Вместе с тем, помимо решения задачи создания реальной связи с населением, которая должна быть лишь дополнена и тысячекратно усилена, но ни в коем случае не подменена энергичным применением всего спектра качественных политических технологий, для прихода к власти необходимо также выполнить ряд формальных и содержательных условий.

Формальные задачи достаточно просты. Если сто лет назад принципиально значимая для политического процесса инфраструктура была достаточно разнообразна (достаточно вспомнить ленинское «телеграф, телефон, мосты, банки...» и так далее), в наше время — и это показал уже негативный опыт ГКЧП и защитников Белого дома в 1993 году — ключевым является центральное телевидение. Именно оно — наряду с финансовой системой, силовыми структурами и народной привычкой — является одним из основных факторов, скрепляющих нашу рыхлую и в настоящее время практически лишенную самоидентификации (не говоря уже о национальной идее) страну.

Поэтому в условиях доминирующего хаоса власть может захватить и, что представляется значительно более важным, удержать только та группа лиц, которой удастся установить монопольный контроль за центральным телевидением.

Принципиально важно, что этот контроль должен быть именно монопольным, по образцу и подобию ситуации в Советском Союзе до начала горбачевских «катастрофы и гласности» или России после победы «демократов» (начиная с 1991 года и, с теми или иными в основном формальными и никогда не существенными изменениями, по сей день). Монополизм мо-

жет и должен, как это было при позднем Ельцине (ликвидация этого порядка при Путине была воспринята не только оголтелой «демшизой», но даже и значительной частью интеллигенции как «крах демократии»), маскироваться демонстрированием различных подходов в рамках одной и той же магистральной линии. Это качественно повышает эффективность пропаганды и резко ослабляет ее отторжение — просто потому, что являющемуся ее объектом человеку намного сложнее осознать единообразие вбиваемого в его мозги «месседжа», если то вбивание осуществляется разными способами и при помощи разных (а в идеале еще и открыто враждующих друг с другом) инструментов.

После захвата и первичного удержания власти контроль за центральным телевидением, разумеется, должен быть ослаблен, и оно должно быть возвращено к состоянию коллективного воспитателя общества, являющегося одновременно тонким и многообразным инструментом обратной связи с ним. Однако во время борьбы за власть все имеющиеся средства должны быть использованы для достижения единственной, главной цели, и беда телевидения, заключающаяся в том, что этот тонкий и чуткий механизм лучше всех других подходит и для грубого и тупого забивания пропагандистских «гвоздей» в критических условиях, является бедой только для него самого.

Для политиков это сказочный подарок, и не использовать его в полной мере — значит самому отдать его в руки своего собственного врага и пасть в результате этого его безропотной и, главное, совершенно напрасной жертвой.

Второй технологической задачей является обеспечение опоры на силовые структуры федерального масштаба. В противном случае, учитывая простоту российских политических нравов, которая будет многократно усугублена системным кризисом, потенциальный победитель имеет все шансы столкнуться с непредсказуемыми и совершенно неожиданными препятствиями в самый неподходящий момент. Диапазон этих препятствий, как представляется, может быть просто любым — от несчастного случая или попадания в тюрьму по обвинению в организации теракта 11 сентября 2001 года до внезапной измены ближайших, наиболее проверенных и преданных соратников.

При всей нелюбви к «силовой олигархии», возникновение которой стало сутью и наиболее концентрированным выражением путинского разложения, не следует забывать, что именно ее представители являются подлинными хозяевами современ-

ной России. Силловые структуры, многие из которых тесно вовлечены в различные коммерческие и политические процессы, а часто и преследуют свои собственные интересы, причем не только коммерческие, но и политические, являются исключительно значимым, хотя и скрытым от глаза постороннего наблюдателя, элементом политической жизни России.

Системный кризис снизит их эффективность, но имеющие собственные интересы элементы силовых структур сохраняют, а при определенных обстоятельствах и нарастят свое влияние. Пока старая власть будет существовать, «флирт» с ними будет простым условием самосохранения; когда же она рухнет — они сыграют в ее сломе одну из ключевых ролей просто для того, чтобы обеспечить свое благополучие и после формирования новой власти, которой объективно, волей-неволей придется считаться с ними до собственного укрепления.

Опора на силовые структуры требует прежде всего разнообразия отношений партнерства. Несмотря на то, что каждый из их представителей по вполне понятным причинам будет пытаться «подмять под себя» перспективную политическую силу, она сохранится в качестве таковой только в том случае, если сумеет заблаговременно диверсифицировать свои связи. Для этого понадобится установить тесные и прочные рабочие отношения не только с основными (и традиционно враждующими друг с другом) силовыми структурами страны, но и основными (и также враждующими между собой) группами, существующими внутри каждой из этих структур.

Кроме того, принципиально значимым является уровень контактов. Вопреки традиционному правилу американского менеджмента — «говорить с боссом» — общение с первыми лицами может рассматриваться исключительно как дополнительный инструмент, так как в ходе развития системного кризиса они неминуемо станут заложниками разлагающейся правящей бюрократии и утратят всякое влияние вместе с ней. Кроме того, руководители, даже если они и не обюрократизировались до полного безобразия и сохраняют необходимые профессиональные качества, как правило, безнадежно оторваны от «земли» и имеют искаженные представления о характере функционирования и коллективных интересах собственных структур, не говоря уже о систематическом использовании как минимум неполной, если не сознательно искажаемой подчиненными, информации.

Реальную ценность представляет нижестоящее звено управления, еще сохраняющее возможности оперативного управле-

ния значимыми силами, но уже обладающее видением стратегических перспектив и способное не просто осознавать свои интересы, но и последовательно, инициативно и изобретательно отстаивать их.

В каждом силовом ведомстве и, более того, почти в каждом функциональном элементе каждого ведомства подобные руководители находятся на различном уровне, обладают различными специфическими особенностями. Существенно отличается и численность подобных людей: в некоторых структурах, насколько можно понять, их в результате многократных чисток и систематического изгнания профессионалов (жертвой чего, по видимому, оказались некоторые структуры МВД) практически не осталось.

Таким образом, чтобы прийти к власти в условиях вызванного системным кризисом хаоса и в последующем удержать ее, перспективная политическая сила должна возглавить и направить стихийный процесс формирования местного самоуправления, в значительной степени став этим самоуправлением, взять под монопольный контроль центральное телевидение и договориться с силовыми структурами. Это минимальные формальные условия, без выполнения которых нечего и думать о серьезной борьбе за власть.

Однако есть и еще одно, содержательное условие победы, неразрывно связанное со всеми формальными условиями: прорывающаяся к власти политическая сила должна быть носителем главной народной мечты, выразителем главной цели народа.

Иначе она неминуемо выродится в сборище обычных интриганов и перестанет быть кому бы то ни было нужной.

Поэтому работа перспективной политической силы объективно носит и колоссальный интеллектуальный, культурологический аспект: она должна вычленив в хаосе и сумятице народного поведения основные идеологические принципы, нащупанные народом, и выразить их, сначала в словах, а затем и в действиях, наиболее полно и внятно.

Никогда не следует забывать, что политическая сила — это не просто группа более или менее симпатичных или вызывающих отвращение политиков, экспертов, аппаратчиков и спекулянтов (или одних лишь только спекулянтов). В первую очередь и главным образом политическая сила является инструментом, при помощи которого народ проявляет, артикулирует, выражает и конкретизирует свою идеологию, свою главную — и в каждый момент времени единственную абсолютно преобладающую

идею. Именно в результате этого проявления и выражения идея из набора неосмысленных эмоций и неосознаваемых ценностей превращается в целостный привлекательный образ. Этот образ при помощи своего рода «обратной индукции» пробуждающий и воодушевляющий породивший его народ и направляющий его на достижение его главных целей, которые он без соответствующей политической силы не может осознать, а может лишь прочувствовать.

Будучи выражена и закреплена политиками¹ в общественном сознании, эта идея начинает жить сама — она сама развивается, усложняется, проверяет себя «на прочность» и на соответствие истине и изменяет свои не проходящие постоянную проверку элементы.

Политическую силу, наиболее последовательно и искренне выражающую эту идею, народ допускает к власти, а иногда и прямо приводит к ней (причем далеко не всегда формально демократическими способами), веря ей государственный аппарат как единственно возможный инструмент осуществления своей мечты, достижения своей главной цели — воплощения в жизнь своей национальной идеи.

Это обоюдный процесс, требующий обратной связи; пройти его способна только сила, действительно являющаяся частью — и при этом неотъемлемой частью — народа.

При этом тест на «народность» придется сдавать (а точнее, преобразовываться в соответствии с нуждами, интересами и настроениями народа) не только при организации взаимодействия с группами стихийно формирующегося местного самоуправления и его последующим расширением и направлением, но и при решении других вроде бы «формальных» задач.

В самом деле: взять под контроль телевидение при помощи

¹ Главная функция политика заключается, конечно, в закреплении национальной идеи в общественном сознании, а также ее актуализации и конкретизации. С выработкой и даже трансляцией национальной идеи значительно лучше справляется творческая интеллигенция (строго говоря, это и есть ее основная общественная функция), однако в периоды ее полного разложения (как, например, в нашей стране в настоящее время) эту работу также приходится взваливать на себя политикам.

Как правило, они не возражают: с одной стороны, чувство ответственности за слово по сравнению, например, с писателями (даже современными российскими) у них редуцировано, а с другой — они слишком всерьез принимают на веру армейскую максиму, неафористичный вариант которой звучит как «болтать — не мешки ворочать».

одних только административных рычагов невозможно. Причина банальна: творческое по своему характеру, оно в этом случае станет невыносимо скучным (ибо по-настоящему самостоятельные, а значит, и эффективные творцы покинут его сами или будут изгнаны за непокорство), а значит — и практически бесполезным. С другой стороны, профессиональные специалисты всегда найдут способ показать «фигу в кармане» — проще всего «выставить свет» так, что сиятельный вельможа превратится в персонаж фильма «Восстание живых мертвецов». Способов такого рода множество, и практически все они были опробованы на Зюганове в ходе президентской кампании 1996 года, так что специалисты сохранились, и технологии не придется ни вспоминать, ни изобретать заново.

Поэтому административный контроль и партнерство с руководством телеканалов должно быть дополнено идеологизированностью не только журналистского корпуса, но и так называемого «технического персонала» (операторов, осветителей, звуковиков, гримеров), вклад которых в итоговую передачу, насколько можно понять, существенно превышает вклад собственно журналистов.

«Распропагандировать» их при помощи целевых усилий в условиях нарастания всеобщего хаоса и неизбежно острой нехватки всех видов ресурсов, скорее всего, не удастся (хотя они должны быть одной из важных «целевых групп», пропаганда среди них может быть лишь второстепенным, дополнительным направлением работы).

Значит, привлечь их на свою сторону, превратить в активных, хотя, возможно, и бессознательных помощников можно только одним-единственным старым как мир и очень непопулярным среди политтехнологов (в основном из-за его честности) способом — по-настоящему, не притворяясь соответствовать их идеалам, представлениям об общей и личной пользе.

Другого пути нет.

А так как они — в отличие от большинства журналистов — в прямом смысле слова являются частью народа — политическая сила сможет привлечь их на свою сторону, только сама став его частью.

Это же целиком и полностью, без каких бы то ни было исключений относится и к достижению партнерства с силовыми структурами (или хотя бы их нейтралитета).

Да, политика, особенно в стадии борьбы за власть, — это жестокая, беспощадная и часто омерзительная игра без правил.

И эта игра ждет нас.

Но, чтобы быть эффективным в этой игре, надо быть честным.

Да, обманщик может выиграть богатство, пост, титул, популярность, но он никогда не сможет быть полностью органичным и потому никогда не сможет получить главный приз, ради которого ведется игра и без которого все частные выигрыши просто теряют смысл.

Этот приз — власть и связанная с ней чудовищная ответственность.

Победитель может оказаться неэффективным, как Ельцин и Путин.

Он может разочароваться, опустить руки, подменить общие цели мелкими задачами личного потребления и благополучия и потом — так или иначе, но неминуемо — заплатить за это.

(Господь вообще похож на слабую страну: его возмездие, как правило, асимметрично и неадекватно.)

Но победить, прорваться к власти — по крайней мере, в кризисных условиях и, по крайней мере, нашей страны — можно только будучи честным, только не притворяясь, а на самом деле соответствуя ожиданиям своего народа.

Можно лгать в обещаниях — никто и не ждет от политика правдивых обещаний.

Нельзя лгать в образе, в мотивациях и поступках — потому что «не того» не поддержат, сочтут самозванцем.

Это в российских традициях.

А насколько соответствие затаенным чаяниям и ожиданиям народа может быть неудобным и даже страшным, видно на одном-единственном простом и, в общем, вполне самоочевидном примере, касающемся главной ценности россиян.

Что за вопрос! — скажет читатель.

Действительно: ни для кого (включая Чубайса) сегодня не является секретом, что Россия жаждет и практически всегда, пока существует, будет жаждать справедливости.

Это основа основ, это понятно, это не вызывает сомнений.

Но что есть справедливость?

И этот простой вопрос способен обернуться для прекраснодушествующих маниловых от политики жесточайшим и чудовищным разочарованием, схожим с разочарованием девушки, поехавшей в Англию работать няней, а попавшей в албанский публичный дом.

Ведь справедливость для россиян — это уже давно не про-

житочный минимум, не «доступная квартира в кредит» и даже не экспортный трубопровод, разрубленный на 143 миллиона кусков.

Люди давно уже не верят в позитивные обещания: им слишком много и слишком изощренно лгали.

Для сегодняшней и завтрашней России справедливость — это возмездие, не больше, но и не меньше.

Так сказал своей судьбой полковник Квачков.

Конечно, слова и повод были иными, но он, вероятно, в наибольшей степени из всех попадающих на страницы газет людей, будучи частью российского народа, уловил и выразил это чувство честнее и раньше всех остальных.

122 Политической силе, которая возьмет власть в ходе системного кризиса, своими действиями придется, хочет она того или нет, выражать и воплощать в жизнь сегодняшнюю национальную идею «многонационального российского народа» — возмездие.

Я не завидую этим людям, потому что это действительно тяжелая и по-настоящему страшная работа.

Да, безусловно, российское общество уже давно осуществило синтез патриотических, социальных и либеральных ценностей, уже давно ждущий своих выразителей, — это правда.

Но вы никогда не задумывались, почему уже как минимум пару лет никому толком не удастся выразить этот синтез словами? Воплотить в лозунги? В произведения искусства массовые акции?

А ответ прост: это задача для интеллигенции, а ее представители, какими бы записными оппозиционерами они ни были, четко если не сознают, то ощущают свое соучастие — прямое или косвенное — в чудовищных реформах, уничтожающих Россию, и понимают, что им придется нести свою долю коллективной ответственности.

Они страшатся даже подумать о неизбежности и необходимости возмездия за совершенное и совершаемое над нашей страной.

Этот страх глушит раскаяние — христианские традиции утрачены интеллигенцией еще в советскую эпоху — и, прикрываясь удачно подвернувшейся политкорректностью, практически полностью парализует интеллигенцию.

Но это ненадолго.

Одних позовут совесть и стыд, других — мечта о наживе, третьих — страх перед будущим, прибежит — то есть уже прибежала

и вовсю действует молодежь, не соучаствовавшая, ни по глупости, ни по корысти в преступлении против человечности и убийстве собственных матерей, известных под псевдонимом «либеральные реформы»...

Они сделают свое дело, а точнее — уже делают его, и им активно помогают тысячи нуждающихся в соединении с народом политиков.

Сегодня эти политики корячатся в самых разных политических партиях под спудом ошалевших от интриг и сытости забронзовевших вождей. Однако, приближаясь к народу, они тем самым будут сближаться и друг с другом, — пока не соединятся «поверх барьеров» в единую политическую силу, которая спокойно и гармонично (естественно, для совсем постороннего наблюдателя) пройдет к власти по волнам всеобщего ужаса и хаоса.

Это принципиально важно.

Сегодня нет сомнений, что в России нет ни одной политической партии и — шире — политической силы, соответствующей перечисленным выше достаточно жестким требованиям, способной решить все описанные задачи и сконцентрировать в своих руках как расползающуюся федеральную, так и заново рождаемую «на местах» народом России государственную власть.

Их и не может быть.

Ведь выхолостив избирательный процесс и превратив его в чудовищное издевательство не только над законом, но и над здравым смыслом, правящая бюрократия из политического игрока сама превратила себя в политического шулера.

А только глубоко неадекватный или столь же глубоко корыстный человек может пытаться наказать заведомо превосходящего его по возможностям шулера, раз за разом играя с ним в карты на деньги. В обыденной практике шулеров наказывают не заведомо бесплодными попытками обыграть их или, может быть, проиграть чуть меньше, чем обычно, а значительно менее изощренным, цивилизованным и демократическим способом — при помощи канделябра. (Или, если его не окажется под рукой, при помощи какого-либо его заменителя.)

Поэтому в ходе системного кризиса парламентские или псевдопарламентские политические партии, созданные для прорыва или имитаций попыток прорыва в ничего не значащую и ничего не решающую Государственную Думу, сменит значительно более эффективная и убедительная партия — «партия канде-

лябра». Эта партия сложится в ходе естественного и в целом неизбежного процесса познания политиками (причем далеко не только формально оппозиционными) собственного народа.

Приближаясь к народу и друг к другу, а значит и к вожденной реальной власти, эти политики все более точно и подробно будут выражать сначала словами, а затем и конкретными, пусть смешными и неуклюжими, а на первом этапе — и неизбежно неэффективными действиями синтез патриотических, социальных и либеральных ценностей.

Однако первым шагом в практической реализации этого синтеза, свидетельствующим не только об искренности и серьезности намерений, но и правильном понимании его глубинной сути, совершенно неизбежно будет — хочет кто этого или нет — возмездие.

ЧАСТЬ 3

РЕЗУЛЬТАТЫ РЕВОЛЮЦИИ

Разумеется, мы не можем сейчас, когда оползание страны в системный кризис еще только начинается и имеет характер легкого и приятного скольжения куда-то вперед, позволяющего говорить не столько о катастрофе, сколько о динамизме, прогнозировать результаты будущей революции сколь-нибудь точно и подробно.

Однако многие ее закономерности и особенности представляются уже вполне очевидными. Автору лишь остается принести извинения читателям за неполный характер изложения, вызванный неизбежной неполнотой видимых и представляющихся сегодня наиболее вероятными перспектив.

ГЛАВА 14

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ТОВАРИЩ ВОЛАНД

...И милость к падшим призывал.

А.С. Пушкин

Под Новый, 2006 год по второму каналу федерального телевидения триумфально прошла экранизация «Мастера и Маргариты». Была она, как и положено экранизации, безусловно слабее не только первоисточника (ибо не факт, что быть лучше него вообще возможно), но и многочисленных ожиданий; потенциальные зрители, сформировавшиеся в последнюю четверть века Советского Союза, были слишком погружены в выживание и предновогодние хлопоты, однако, несмотря на все это, по крайней мере Москва прилипла к телевизорам¹. Да что там Москва! — по данным профессиональных оценщиков телевизионной аудитории, первые две серии посмотрел каждый второй россиянин.

Такого не было чуть ли не со времен «Семнадцати мгновений весны».

И бешеное внимание аудитории, значительная часть которой (по крайней мере, в Москве) из-за потоков не только пошлости и слишком грубой пропаганды, но и прямой лжи за предшествовавшие год-два просто перестала смотреть телевизор, безусловно, представляет собой значимый социокультурный феномен.

И дело не в Мастере и тем более не в Маргарите, и не в Иешуа Га-Ноцри с его трагическим несоответствием Пилату, и не в обилии полуобнаженной натуры (которой в первых сериях, к слову сказать, и не было вовсе), и даже не в ностальгии по безусловно

¹ Как очевидец автор может свидетельствовать, что просмотр телесериала (показ которого начинался в 20.55) принимался в качестве вполне уважительной и даже естественной причины не только поспешного ухода с разного рода предновогодних приемов и торжеств, но и прерывания деловых переговоров (конечно же, не слишком важных).

великому, какие бы недостатки ни выискивали в нем современные реинкарнации показанных в нем критиков, роману.

Дело в справедливости, в поруганной, но не истребимой в человеке и человечестве, покуда они еще живы, ее жажде.

Так в проклятом октябре 1993 года толпы москвичей собрались вокруг расстреливаемого Белого дома не только из-за низменного желания зрелищ и стремления к соучастию истории, но и потому, что на их глазах впервые не только на их памяти, но и вообще едва ли не впервые в России публично карали несправедную власть.

Да, в Белом доме сидели оболганные, загнанные и спровоцированные патриоты, пытавшиеся быть верными закону и Родине, а не тем или иным лицам, к тому же проводившим полным ходом политику уничтожения своей страны, а режим Ельцина уже и тогда был страшной бедой для России. Однако большинство людей в собравшейся толпе не испытывали ни малейших симпатий к Руцкому и Хасбулатову, они устали от пустой парламентской говорильни, видели на первой странице «Известий» фотографии молодчиков, вскинувших руку в фашистском приветствии, и не знали, что это была постановочная фотография. И они, в том числе и не питая симпатий к реформатору Ельцину, жаждали увидеть наказание хотя бы Верховного Совета, связанного с реформами, — и смотрели на его уничтожение как публичное восстановление справедливости.

Ну и что, что грязными руками и против Конституции?

Зачем нужны все чистые руки и все конституции, если они не несут справедливость, пусть даже и лишь в форме наказания?

Справедливость важнее — так, не сознавая, но ощущая это, смотрели тогда на Белый дом.

Так смотрят сегодня на Квачкова, отчаявшись в законе и праве: если при Путине справедливости нельзя достичь законным путем — лучше ее достичь любым другим, чем отказаться от нее вовсе.

Именно в этом суть исторической глухоты — и, соответственно, обреченности — российских либералов, даже лучших из них.

Народ вопиет о справедливости, кричит словами и поступками, кричит, убивая себя ежедневно и ежечасно, прямо и косвенно от безысходного «нежелания больше жить в этой стране»... И слышит в ответ от безысходно сытых и благополучных, складно болтающих и непотопляемых при любых катаклизмах всезнаек, поправляющих тысячедолларовые очечки и застегивающих трехтысячедолларовые пиджачки, что за справедли-

вость они, конечно, всей душой, да вот только не позволяют принятые ими же самими законы и созданные ими же самими порядки этой справедливости!

Что ж, тот, кто не хочет справедливости по закону, получит ее помимо закона и вопреки нему.

Он получит справедливость не в форме блага, в самой возможности которого от власти народ уже изверился, а в форме возмездия за все совершенные в нашей стране преступления — и за те, которым был соучастником, и за те, которые молча терпел, смиряясь с ними и тем самым покрывая их, и за те, с которыми пытался бороться, — но кому какое до этого дело, когда преступления все равно свершились?

И не стоит обижаться.

Полковник Квачков, как рисуется он в народном сознании, — тень и предтеча этой грядущей грозной, чудовищной справедливости.

И лопающаяся от денег Рублевка, и озлобленная недоступностью богатства — вот оно, идет в двух шагах по улице потоком «Мерседесов» и «БМВ», а то и «Бентли», близок локоть, да не укусишь! — Москва, и отчаявшаяся беспросветная Россия прилипли к телевизорам потому, что показали им не наивную и озлобленную от бессилия, но реальную, властную, царящую и творящую себя справедливость.

Воланда.

Первым об этом, если не изменяет мне память, написал Иван Поньрев¹, подметивший, что с 1998 года страна точно так же бредила образом Штирлица — и накликала-таки его на свою голову в окарикатуренном и чудовищно опошленном виде. Вместо «настоящего полковника» Исаева из ГРУ пришел отставной подполковник Путин — когда-то из ПГУ², а затем с должности заместителя мэра Санкт-Петербурга Собчака по внешнеэкономическим связям³.

¹ И. Поньрев. «Воланд в Кремле». http://www.apn.ru/?chapter_name=advert&data_id=799&do=view_single.

² ПГУ — Первое главное управление КГБ СССР; занималось внешней разведкой. В силу ориентации преимущественно на политические вопросы его представители (кроме целого ряда достойных исключений), насколько можно понять, отличались от военной разведки (ГРУ) весьма существенно и далеко не в лучшую сторону — почти как Путин от Штирлица.

³ О неадекватности российских либералов свидетельствует и то, что они долго и старательно пытались найти на Путина какие-то компрометирующие его материалы, — хотя ясно, что по сравнению с этой должностью самой, о которой говорилось открыто, а порой даже и с гордостью, любой, самый чудовищный компромат выглядит просто детским лепетом.

Сопоставляя образы нашего настоящего и предчувствуемого (и тем самым коллективно творимого нами) будущего, Поньрев справедливо отмечает (да простит меня читатель за обширную цитату, но сказано слишком внятно и слишком хорошо): «В образе Штирлица важен акцент на «нашего человека» в кругу врагов. Для образа Воланда этот акцент уже не важен. Лишь бы кто, хоть «чорт с рогами» (буквально), только бы навел порядок. Подобное настроение, настроение обывателя, измученного войной, голодом и хаосом, сквозит в каждой строчке «нэпмановских» рассказов Булгакова.

Когда же, когда придет тот, кто установит окончательный порядок? Накажет урок — пролетарских поэтов (либералов в нашей реальности), вернет Мастера из сумасшедшего дома, в конце концов, обеспечит «покой»¹...

В чем же различия образа Воланда и образа Штирлица, которому трудолюбиво старался соответствовать наш президент последние пять лет? Штирлиц — человек системы, порядка. Предполагается, что есть спецслужбы, представителем которых является штандартенфюрер. Наш человек проникает в «хаос» враждебного рейха и разрушает его, приближая нашу Победу.

Миф о Воланде — иной. Булгаковский сатана не системен. Напротив, он взломщик всех систем². Он беспощадный судья, Палач Божией милостью. При этом для установления справедливости он использует методы, абсолютно незаконные. Образ русского сатаны прямо-таки дышит предчувствием 37-го года... Каждый получил все, что заслуживал. Вплоть до литератора Латунского.

Народ перестал верить в Штирлица, в достижение справедливости по правилам. Произошла деволуция к более примитивным схемам управления. «Не надобно никаких законов, пусть будет правитель, да царствует по справедливости». Над страной вновь замаячил образ Сталина, который расстреливал бы, не задумываясь, даже членов Политбюро³.

¹ «Он не заслужил света, он заслужил покой» — сказано о Мастере, и кто смеет мечтать о большем?

² Ряд российских аналитиков еще в 2002 году, насколько можно понять, независимо друг от друга и исходя из самых различных предпосылок, пришел к выводу о принципиально «внесистемном» характере следующей власти, которая придет на смену Путину.

³ Весьма существенное уточнение внес один из участников интернет-обсуждения статьи Поньрева, отметив, что Сталин расстреливал не «даже» членов Политбюро и тем более не «расстреливал бы», а безусловно «расстреливал» и как раз наоборот, «в первую очередь» их!

Что нашел бы Воланд, придя в Кремль, это современное Варьете? Стену Лиходеева с раскалывающейся от похмелья головой. Куда его? «В Ялту». Его заместитель по политической части товарищ Варенуха? Ну что ж, превратить в вампира, пусть еще послужит. Финдиректора — запугать до смерти и на Соловки, пусть составит компанию Канту. Младшие чины — заставить петь «Славное море, священный Байкал». И в санаторий всех, в санаторий.

Вот такой вот неожиданный образ правителя, Темный лик, рисует нам товарищ Булгаков. Его появление завершает эпоху Путина. Общество требует правителя нового типа... «Совершение зла во имя справедливости»...

Конечно, готового «Воланда» среди российских политиков пока нет... Пока что «Воланд» — лишь образ жесткого, не связанного законами... правителя. Для общественного мнения он безумно притягателен именно в этом качестве... У базового образа путинского правления появилась альтернатива».

Еще раз хочу обратить внимание на главный, ключевой момент, обеспечивающий переход симпатий и внутренних устремлений общества от образа Штирлица к образу Воланда: «народ перестал верить... в достижение справедливости по правилам». Лишенный связи с центром, современный Штирлиц вошел в роль, сделал карьеру, возглавил рейх, превратил в смысл существования личное потребление — свое и своих соратников — и натворил в итоге таких дел, что, несмотря на вызванный случайно выпавшими благоприятными внешними обстоятельствами общий рост благополучия, заставил вспоминать своих предшественников едва ли не с умилением.

В истории нашей страны Воланд уже был, и Булгаков, обмолвившийся как-то, что каждое великое произведение «написано только для одного человека», писал свой роман если и не о нем, то, скорее всего, для него.

Между тем Сталин при всех своих преимуществах перед всеми последующими руководителями страны (а не только перед последними) при действительно гениальном стратегическом менеджменте («он принял страну с сохой, а оставил ее с ядерным оружием» — о ком еще в истории не то что страны, а всего человечества могло быть сказано так?) представляется совершенно неприемлемым руководителем.

Лучше всего сказал о нем на излете 80-х годов, когда Советский Союз еще казался незыблемым и в целом вполне эффективным, один из его пожилых поклонников (сам, к слову, прошедший и голод, и лагерь, и войну): «Сталин был не прав, но не

X
Не совсем так!
Тут дело было
совсем наоборот!

в том, в чем его сейчас обвиняют, а в том, что созданная им система породила Горбачева».

В чем причина вырождения созданной Сталиным системы?

Когда говорят о ее ориентации на одного человека и невозможности функционирования и существования без этого человека, его уникальной воли, энергии и способностей, — на самом деле говорят о ее преимуществе, о безусловном достоинстве: встроеном механизме самоуничтожения. Ведь сталинская система была направлена на решение одной-единственной задачи — модернизации общества. По ее решению она объективно должна была демонтироваться, переродиться в другую систему, решающую новые задачи, естественным образом встающие перед развивающейся страной.

Но эволюции не произошло, а произошла деградация.

После половинчатой и имевшей выраженный компенсаторный характер демократизации при раннем Хрущеве система вернулась по сути дела к тому же самому сталинизму, который без Сталина — этого центра воли и управления — выродился в бесцельную имитацию, показуху, лишенную души и смысла. Она весьма быстро заблокировала всякое развитие и, лишив тем самым себя морального права на существование, в итоге покончила жизнь чудовищным политическим самоубийством, сопоставимым разве что с самоубийством сгнившего примерно тем же самым образом царского режима.

Замена эволюции деградацией, как слишком хорошо известно, вызвана коллективным вырождением — как элиты, так и народа. Причина этого вырождения также слишком хорошо известна каждому из нас — ибо каждым же из нас, соответственно, и слишком хорошо ощутима: страх, вбитый в Россию на генетическом уровне и до сих пор, через два поколения после смерти Сталина, связывающий почти каждого из нас по рукам и ногам.

Этот страх вызван именно тем, что делает Сталина неприемлемым для нашей страны руководителем: не просто избыточная и чрезмерная, а запредельная, inferнальная жестокость, полное не то что пренебрежение и презрение, но последовательное и глубоко искреннее, совершенно органичное игнорирование ценности человеческой жизни как таковой.

Иногда человек рождается без руки или ноги; сталинский режим родился без гуманизма, без тени уважения и любви к отдельному человеку — и именно «эта малость», не помещающаяся в поле зрения геополитики и современного стратегического планирования, и сделала его в конечном итоге недееспособным.

Жестокость Сталина на поколения вперед подорвала способность к инициативе (не говоря уже о вкусе к ней и о желании ее проявлять) не только среди элиты, которая достаточно легко обновляется, если вообще не сменяется полностью под давлением исторической необходимости, но и среди народа. И вот это уже историческое преступление, потому что заменить народ, сохранив при этом Россию, невозможно.

А подорвав способность народа (и элиты тоже, но лишь как его части) к инициативе, сталинизм тем самым подорвал и его способность к развитию.

Более того: своей жестокостью сталинизм подорвал еще и патриотизм, ибо любовь к такой жестокости, оказывающейся неотделимой от образа Родины, требовала жертв, недоступных для большинства даже советских людей.

Один лишь пример: готовясь к войне и будучи — это уже доказано исторически, не эскападами Суворова-Резуна, но скрупулезным анализом архивных документов¹ — блестяще осведомленным о каждом шаге и о каждом изменении планов Гитлера, Сталин предусмотрел ожидаемые в течение первого года войны потери в размере 3,8 млн человек! Это почти три четверти всей тогдашней (и колоссальной) Красной армии, но лишь немногим больше 10% от 35 млн чел., которые мог, по достаточно скромным оценкам, поставить «под ружье» тогдашний необъятный Советский Союз.

Эти чудовищные потери должны были стать наглядным и убедительным, не вызывающим никаких сомнений доказательством для всего мира, что агрессором является именно Гитлер, который внезапным нападением застал не подготовленный к войне в силу доверия к ранее подготовленным документам Советский Союз врасплох. Соответственно, подготавливаемый Сталиным удар, который должен был сокрушить Гитлера и, по всей вероятности, отдать под власть Сталина если не всю, то, по крайней мере, основную часть Европы, выглядел бы не как заранее спланированная агрессия, но как всего лишь вынужденный и не подготовленный заранее ответ.

План Сталина сорвался не только из-за плохого военного планирования, вызванного всеобщим страхом, обезглавливанием и обескровливанием армии, но и потому, что приговоренные им для большей убедительности к смерти в результате внезапно-

¹ Лучшим, наиболее полным и убедительным анализом исторических того времени документов представляется книга Я. Верховского и В. Тырмос «Тайный «Сценарий» начала войны». М., ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

го нападения миллионы солдат и офицеров не могли не чувствовать, что их заранее приговорили и, по сути дела, предали.

Понять этого, конечно, большинство из них не могло хотя бы потому, что подобные цинизм, коварство и жестокость попросту недоступны нормальному человеческому сознанию. Однако соответствующее ощущение не могло не возникнуть — и именно оно, по всей видимости, стало причиной массовой и мгновенной утраты Красной армией боевого духа после нападения немцев.

Именно всеобщая деморализация, как представляется, стала главной причиной того, что, несмотря на действительно массовый героизм и очаги организованного сопротивления (и даже проведение наступательных операций, не говоря уже о контрударах!), начальная стадия войны обернулась мгновенной катастрофой, масштабы которой превосходили не только первоначальные планы Сталина, но и все, что мог представить кто бы то ни было, включая немецких генералов. Помимо стремительного продвижения немецко-фашистских войск в глубь страны (которое в целом ряде случаев умерялось не сопротивлением, а техническими возможностями, так как фронта просто не было), в первый же месяц попало (в основном сдалось) в плен не менее 1 млн солдат и офицеров¹, а за первые три месяца — более 3 млн.

Таким образом, непригодность Сталина для руководства современной Россией, для выхода из системного кризиса и проведения всесторонней модернизации заключается именно в его полном пренебрежении к ценности отдельно взятой человеческой жизни.

Она характерна и для некоторых других «внесистемных» «обуздывателей революций», — например, Наполеона, волю которого ко все новым войнам ограничило лишь то, то в результате его свершений в подвластной ему Франции почти не осталось мужчин, способных держать оружие, — они все погибли.

Уже из этого следует, что подобная жестокость является отнюдь не патологическим свойством отдельной захватившей власть личности, а вполне закономерным продуктом предшествующего общественного развития. Антигуманизм Сталина, как и Наполеона, представлял собой простое «эхо» чудовищной как по своим масштабам, так и по длительности жестокости обуздываемых ими революций — Великой Октябрьской социалистической и Великой же французской.

¹ М. Штейнберг. Советский спецназ. Взлеты и трагедии. Очерк второй: война. — «Русский базар» от 13–19 октября 2005 года (<http://www.russian-bazaar.com/cgi-bin/rb.cgi/n=42&r=warobozrenie&y=2005&id=mste.2005.10.11.15.6.22.42.warobozrenie.78.18>).

Кровавая ирония истории заключается в том, что революции сами воспитывают и формируют своих могильщиков. Чем более жестока революция — тем с большим равнодушием относится приходящий после нее великий лидер к отдельно взятой человеческой жизни.

Значит, чтобы будущий лидер России был свободен от чрезмерной жестокости, от равнодушия к людям, чтобы он оставался человеком, а следовательно, и по-настоящему (а не только в кратко- или среднесрочной перспективе) эффективным руководителем, предстоящие нам системный кризис и революционные преобразования должны быть значительно менее жестокими, чем революция и гражданская война.

По всей вероятности, несмотря на то, что это звучит как самоуспокоение, именно так и будет — по целому комплексу как внутренних, так и внешних для современной России причин.

Однако понимание прямой связи между меньшей жестокостью революции и большей эффективностью будущего лидера (а следовательно, и всего общества) должно восприниматься нами как средство не самоуспокоения, но мобилизации.

Проклятые времена! — наша судьба опять в наших руках: чем более успешными будут сегодня здоровые силы общества, включая, разумеется, ответственную оппозицию, тем менее разрушительным и жестоким (не говоря уже о деятельности) будет неминуемо ожидающий нас хаос. Соответственно, тем более гуманным (разумеется, в рамках возможной эффективности) будет создаваемый в ходе изживания этого хаоса политический режим.

Хочу подчеркнуть снова и снова: это отнюдь не гарантия, это всего лишь задача.

Однако при решении этой задачи история играет на нашей стороне.

И в грядущем гуманизме — конечно же, весьма относительном, являющемся таковым именно на фоне Сталина, а не доктора Гааза, например — нет ни малейшего противоречия с образом Воланда, воздающего людям по их заслугам. В конце концов, что есть знаменитое «Он не заслужил света, он заслужил покой» — резюме его (принятого совместно с Иешуа, но именно совместно) решения судьбы Мастера — как не выражение конкретным действием и конкретным приговором пушкинского «И милость к падшим призывал»?

...Здравствуйте, товарищ Воланд.

Заходите — Вы вернулись домой, и в ближайшие 20 лет Вас отсюда не выпустят.

ГЛАВА 15

ПРИЧИНЫ И СЦЕНАРИИ РАСПАДА¹

Недееспособность правящей бюрократии, озабоченной практически исключительно набиванием собственных карманов и выстраивающей для этого все более откровенные и примитивные механизмы, самоочевидна. Однако даже более недееспособности раздражает и вызывает отвращение ее глубочайшая аморальность, представляющаяся главной характеристикой современного правящего слоя.

В результате за первые 6 лет правления Путина он сам и его окружение с блеском доказали самым разным социальным слоям, группам и отдельным лицам не то что невыгодность, но и принципиальную невозможность сотрудничества с собой. По крылатому выражению, приписываемому «мозгу администрации» Суркову, нынешняя власть «недоговороспособна».

Всякая попытка помочь ей оборачивается в лучшем случае унижением, а то и крахом наивного помощника: изначально разделив общество на «своих» (с правильной пропиской и биографией) и «чужих» (все остальное население страны), правящая бюрократия в принципе не считает возможным иметь какие бы то ни было обязательства перед последними. Поэтому, с удовольствием используя их и принимая от них те или иные услуги, она с не меньшим наслаждением «утилизует», реализуя то ли садистские наклонности отдельных своих членов, то ли общий провинциальный комплекс неполноценности.

Поэтому к настоящему времени помощников и защитников у нее практически не осталось. Сочетание недееспособно-

¹ При подготовке главы использованы материалы статьи А. Храмчихина «Власть сожрет сама себя» от 7 ноября 2005 года (<http://www.prognosis.ru/news/secure/2005/11/7/hr.html>).

~~сти и аморальности превращает действующую власть в диктатуру воплощенного убожества, в символ ничтожества, вызывающего единственное желание — вымыть руки.~~ Недаром напряженные усилия Суркова по привлечению в «Единую Россию» сколь-нибудь нормальных и дееспособных людей, предпринимавшиеся с заслуживающим лучшего применения упорством на протяжении последних лет, вызывали, как правило, насколько можно судить, не более чем изумление, а иногда и обиду. (Правда, уязвимым собеседникам — например, предпринимателям, являющимся в политическом отношении в современной России заложниками собственного бизнеса — все же приходилось удовлетворять предъявляемые к ним требования и вступать в партию; как заявил один из них, «в конце концов, дешевле вступить в партию, чем отдать им еще одну значительную сумму денег».)

Поэтому в условиях системного кризиса практически никто из умеющих хоть что-нибудь и имеющих хоть какое-то общественное влияние не будет защищать правящую бюрократию от опасностей. Омерзение, которое она вызывает, так велико, что защищать не будут не только от опасностей, грозящих ей самой, но и от опасностей, грозящей России в целом¹. Сама же она заведомо не будет способна справиться даже с малой частью проблем, порожденных ее собственными безответственностью, некомпетентностью и алчностью.

Это отторжение со стороны дееспособной части общества в сочетании с разложением самой власти и станет главной причиной возможного распада России.

В настоящее время видится три основных сценария распада России, вызванного одним из трех ключевых факторов: исламской революцией с блокированием магистральных нефтепроводов, вызванным социально-экономическими причинами бунтом в относительно отдаленном регионе (с вероятным блокированием Транссиба) и, наконец, расширением тривиальной внутрикремлевской драки за ресурсы и влияние до масштабов, «несовместимых с жизнью» всей страны.

¹ Даже среди представителей патриотически настроенной общественности к концу 2005 года получил широкое хождение изящный, хотя и представляющийся в целом безусловно верным перефраз известного (и не просто сомнительно, но и откровенно бредового) афоризма Льва Толстого: «Патриотизм — это последнее прибежище Путина».

Наиболее серьезной опасностью представляется распространение радикального ислама, несущего колоссальные социальные функции, в которых остро нуждаются люди и которые в принципе не способна дать правящая Россией бюрократия.

Прежде всего, радикальный ислам в его современном виде возвращает людям представления о доступном им «правильном» образе жизни, следование которому обязательно приводит к вознаграждению (пусть даже и не в этой жизни).

«Правильный» образ жизни, демонстрируемый и волей или неволей насаждаемый правящей бюрократией, заключается в том, чтобы стать начальником и много и безнаказанно воровать, с наслаждением унижая при этом всех «нижестоящих», до кого удастся дотянуться.

К сожалению, такой образ жизни оказывается принципиально недоступным для основной массы населения страны, причем не столько в силу ограниченности количества начальствующих мест, сколько из-за сохранения у людей, несмотря на 15 лет либеральных реформ, основ представлений о морали и о человеческом достоинстве.

Проповедуемый же исламом образ жизни вполне соответствует этим представлениям и позволяет каждому из нас жить, оставаясь человеком и при этом не ощущая себя идиотом, отказывающимся добровольно и без принуждения от воровства, насилия и разврата, — удовольствий, составляющих, согласно насаждаемым правящей бюрократией представлениям (насаждаемым в основном вполне неосознанно, в том числе и «личным примером»), подлинный смысл жизни.

Несмотря на странность для современного человека многих норм повседневного поведения, внедряемых современным исламом, в целом они значительно более близки к представлениям о честной и моральной жизни, органически присущих всякому человеку, чем нормы поведения, повсеместно и агрессивно навязываемые обществу правящей бюрократией. Неожиданно оказывается, что естественному стремлению всякой личности к добру, честности и морали ислам, при всех его недостатках и связанных с исполнением его обрядов неудобствами, соответствует значительно больше, чем светская «культура», насаждаемая современной российской властью.

При этом распространяющийся ислам культивирует нормы солидарности и взаимовыручки, в том числе и по принципу ме-

ста проживания. Пусть даже и основанные на феодальном разделении окружающих по принципу «свой — чужой», эти принципы разительнее ближе к естественной тяге каждого человека к памятной всем принципу «сам погибай, а товарища выручай», чем торжествующий принцип правящей бюрократии «всех грызи или лежи в грязи».

Кроме того, относительная моральность представителей распространяющегося в России ислама обуславливает их решительный и последовательный отказ от тупого и самоубийственного воровства на разрушении (в том числе на саморазрушении), свойственного нынешней правящей бюрократии.

И, наконец, исключительно важной и совершенно необходимой для России функцией, выполняемой современным исламом, является интеграционизм — объединение в рамках единой культуры и идеологии представителей самых различных, в том числе и враждующих друг с другом национальностей.

В царской России и Советском Союзе эту функцию выполняла имперская идеология, эффективно дополненная в последнем идеологией коммунистической. В пореформенной России, когда основным реальным принципом либеральной идеологии стало наглое и бесчеловечное ограбление собственной страны и собственного народа, межнациональные противоречия, особенно в местах компактного проживания представителей различных национальностей, перестали компенсироваться наличием объединяющей идеологии и потому начали стремительно обостряться.

Стремительное распространение ислама вызвано тем, что он успешно занял место коммунистической идеологии, представляя своим адептам уникальную в современном мире возможность успешной борьбы за справедливость. В силу универсальности этой возможности он уже практически заместил имперскую и коммунистическую идеологии в деле объединения мусульманских народов Северного Кавказа.

В настоящее время еще сохраняется зыбкое равновесие, между интеграционистской функцией ислама и влиянием федеральной власти, основанной прежде всего на предоставлении колоссальных средств правящим элитам и применении силы. Относительное умиротворение Чечни, вызванное расширением числа тейпов, допущенных к непосредственному дележу денег федерального бюджета (непосредственным инструментом этого стали выборы в Госсовет), представляется важным успехом федерального интеграционизма.

К сожалению, на фоне расширяющихся проблем остальных республик Северного Кавказа (вызванных прежде всего наложением на присущую им исключительно высокую коррупцию еще и федеральной коррупции в сочетании с «отмороженностью» многих представителей силовой олигархии) этот успех, как и временное решение проблемы назначения главы Дагестана, носит не более чем тактический характер.

События в Нальчике если и не показали уровень недовольства коррумпированными силовиками, то, во всяком случае, существенно повысили его в результате, насколько можно понять, последовавших заведомо неадекватных репрессий.

В ходе дестабилизации Северного Кавказа диаспоры соответствующих народов на территории остальной России объективно превратятся в потенциальный источник как напряженности, так и осознанной экспансии радикального ислама, и вконец разложившиеся силовые структуры не смогут удержать их даже под минимально необходимым контролем. Более того: благодаря расширению и обострению кавказской войны радикальный ислам совершит новый «прыжок» по стране, создав реальную угрозу ее территориальной целостности.

Критическую роль в этих процессах сыграют Татария и Башкирия. Несмотря на достаточно широкое ограничение реальных возможностей татар в последней (публично отмеченное, хотя и косвенно, даже президентом Путиным), внутриисламские противоречия в этих республиках не следует преувеличивать, как и степень контроля их светского руководства за радикальными организациями.

Между тем Татария и Башкирия в силу своего положения играют ключевую роль в снабжении нефтепродуктами России, а нефтью — Европейской части России и всей Европы. Если дестабилизация ситуации в этих республиках приведет к захвату перекачивающих станций или масштабному разрушению нефтепроводов, последствия — в первую очередь для России — будут носить катастрофический, а при определенных обстоятельствах и необратимый характер.

При этом руководство этих республик получит широчайшие возможности для шантажа федеральных российских властей, что может привести к восстановлению их «особого статуса», предоставленного им Ельциным и так до конца и не сведенного на нет, в масштабах, фактически означающих их отделение от России. В этом случае в течение нескольких лет территории, лежащие к востоку от них — Южный Урал и Сибирь, не говоря уже о

Забайкалье и Дальнем Востоке, — отделятся от России безотнoсительно экспансии радикального ислама, по чисто экономическим, утилитарно-хозяйственным причинам.

ВОССТАНИЕ В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ РЕГИОНЕ

Вставай, проклятем заклейменный...

Интернационал

Современная технологическая цивилизация удивительно хрупка и при этом взаимосвязана. Любые масштабные действия «аукаются» самым причудливым образом как на соседних территориях, так и в смежных отраслях, а иногда и в сферах, которые кажутся вообще никак с ними не связанными.

Системы управления, и в особенности системы государственного управления в этих условиях должны быть способны на оперативную и исключительно компетентную реакцию, так как многие возникающие проблемы можно решить только «по горячим следам», пока они еще не стали привычными.

Не вызывает сомнений, что правящая нами в настоящее время бюрократия практически не способна ни на оперативные, ни на компетентные действия, что превращает ее в реальную угрозу не просто национальной безопасности, но и самому существованию России.

Возникновение тех или иных локальных проблем — как в силу ее собственных действий, так и в результате деятельности иных участников экономических процессов — будет оставаться без должной и своевременной реакции правящей бюрократии. В результате указанные, первоначально совершенно незначительные проблемы будут нарастать, обостряться, вести к масштабным сначала социально-экономическим, а затем уже и политическим эксцессам и постепенно становиться несовместимыми с существованием всей нашей страны.

В определенной степени модельная ситуация складывается в настоящее время в Омской области. Оговоримся заранее, что эта конкретная ситуация, скорее всего, еще будет разрешена с теми или иными издержками, так как у правящей бюрократии пока еще остается некоторая латентная дееспособность, поддерживаемая еще не пропавшим страхом. Однако уже следующая проблема такого рода может оказаться фатальной для всей России.

Итак, в конце 2005 года Омская область совершенно внезапно получила два сильнейших «асимметричных» удара. Сначала Китай без каких бы то ни было переговоров и даже предупреждений отвел значительную часть вод Иртыша, истоки которого находятся на его территории, на свои собственные ирригационные нужды, в результате чего началось катастрофическое обмеление этой реки на территории России, большее всего ударившее по Омской области. Помимо резкого сокращения транспортных возможностей, она может столкнуться с весьма существенными сложностями с обеспечением водой промышленных предприятий, а затем и населения.

В то же время правящая бюрократия даже не пытается отстаивать законные стратегические интересы России в отношениях со своим великим соседом — памятуя, вероятно, как верный продолжатель международной политики Горбачева Путин отдал Китаю полтора острова на Амуре (создав в том числе проблемы для авиасообщения с Хабаровском) и в пять раз увеличил квоту на въезд в Россию китайской рабочей силы (соответствующим образом усилив и всю иммиграцию из Китая).

Вторым ударом по Омской области станет потеря как минимум части налогов «Сибнефти», формально приобретенной «Газпромом», а реально перешедшей, по всей вероятности, под контроль «питерской» силовой олигархии. Полный уход «Сибнефти» в Санкт-Петербург лишит Омскую область в прямом смысле слова половины бюджета и разом поставит крест практически на всех социальных и целевых программах. Но и принятие относительно разумного компромиссного решения, по которому налоговые платежи «Сибнефти» будут покидать Омскую область не сразу, а постепенно, в течение некоторого переходного периода, все равно наносит по последней серьезный финансовый удар.

При этом правящая бюрократия не высказывает ни малейшего намерения как-то компенсировать Омской области убытки, понесенные в результате действий федеральных властей. С одной стороны, в процессе «разруливания» финансовых потоков до таких мелочей просто не доходят руки, с другой — сам механизм федерального бюджета не предусматривает возможности сколь-нибудь масштабной (а в данном случае речь идет ни много ни мало о более чем 14 млрд руб. в год!) оперативной реакции: межбюджетные трансферты определяются в основном еще в августе и могут подвергаться корректировке самое позднее в третьем чтении (то есть в случае бюджета на 2006 год — аж 18 но-

ября при том, что идея перевода налоговых платежей «Сибнефти» из Омска в Санкт-Петербург была высказана на должном уровне лишь 15 ноября).

Принятие же специальных поправок в федеральный бюджет из-за такой малости, как судьба одной области, да еще сопряженных с увеличением расходов, да еще сразу же после принятия этого бюджета (что создает ощущение признания сделанных в нем ошибок) представляется крайне маловероятным.

Таким образом, в 2006 году Омская область одновременно лишается и денег, и воды — при том, что надеяться на сколь-нибудь действенную помощь федерального центра ей, скорее всего, не приходится.

Негативные социально-экономические последствия этого для широких слоев населения могут привести к массовому взрыву недовольства. Поскольку граждане России на тысячах примеров убедились, что единственным способом обратить на свои нужды внимание «демократической» власти является перекрытие трасс федерального значения, социальный взрыв в Омской области может привести к перекрытию и блокаде Транссибирской железнодорожной магистрали.

Правящая бюрократия будет, разумеется, обещать всем и все, однако ее лживость вошла в поговорку, и возобновление движения по Транссибу станет возможным лишь после первых изменений к лучшему, которые она может оказаться просто не в состоянии обеспечить.

При должной массовости протеста попытки его подавления при помощи военной силы не будут иметь успеха в том числе потому, что военнослужащие, скорее всего, будут испытывать на себе и своих семьях те же проблемы, что и протестующие. Кроме того, при всех недостатках российских военных они не имеют опыта стрельбы по мирному населению (да еще своим землякам) и не испытывают никакого желания его приобретать. Поэтому главной задачей правящей бюрократии в отношении военнослужащих будет не столько организация подавления ими бунта, сколько удерживание их от присоединения к протестующим.

Выделение денег из федерального бюджета потребует длительного времени даже после принятия соответствующих решений. Кроме того, значительная часть средств, скорее всего, будет элементарно разворована (а создание инфраструктуры этого разворовывания дополнительно задержит их выделение), а все-таки дошедшие до области средства, хоть и смягчат финансовые проблемы, не прибавят воды в Иртыше.

Между тем сколь-нибудь длительное перекрытие Транссиба не только нанесет колоссальный материальный ущерб, но и, отрезав экономику Восточной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока от Урала и Европейской части России, дополнительно и окончательно стимулирует их экономическую переориентацию на Юго-Восточную Азию.

В силу рациональности и большей хозяйственной выгоды (при нынешних железнодорожных тарифах, обусловленных политикой правительства) контактов с более близкими рынками даже восстановление через какое-то время сквозного движения по Транссибу не преодолеет возникшей изоляции соответствующих регионов от остальной России и не восстановит их хозяйственные связи с ней.

Однажды отрезанная часть тела у сколь-нибудь сложно организованного организма не прирастет обратно, и разделение России, став экономическим фактом, весьма быстро дополнится административно-политическим оформлением, даже если первоначальный источник конфликта (будь то Омская или иная область) будет залита и водой, и деньгами, и всеми остальными требуемыми ею ресурсами.

ОБОСТРЕНИЕ ВНУТРИКРЕМЛЕВСКОЙ СВАРЫ

Еще с легкой руки языкатого аристократа-трудоголика Черчилля «драка кремлевских бульдогов под ковром» вошла в мировую сокровищницу не только политологических, но и литературных образов. Однако в настоящее время разрушительность этой вечной драки для страны многократно усугублена уже даже не только ориентацией ее участников на заведомо разъединяющую, а не объединяющую цель — исключительно личную наживу без какого бы то ни было учета национальных интересов (это прошлый этап), но колоссально и внезапно для них возросшими масштабами этой наживы.

Даже еще несколько лет назад борьба велась за контроль над головокругительными, но всего лишь финансовыми потоками. Сейчас же, по-видимому, перед ними открывается восхитительная возможность приобрести в собственность значительную часть российской экономики под прикрытием западного капитала, через контролируемые ими зарегистрированные в развитых странах компании, не вызывая значительного недовольства в России и пользуясь защитой международного права.

По крайней мере, покупка «Газпромом» «Сибнефти» по заведомо завышенной цене за кредитные деньги (значительная часть которых наверняка досталась представителям силовой олигархии в виде «отката») более всего напоминает простой вывод из страны 13 млрд долл. для последующего получения на них (вместе с ранее выведенными средствами) контроля за тем же «Газпромом».

При этом России остаются долги, а силовой олигархии — собственность; это творческая доработка схем, применявшихся в середине 90-х годов «коммерческой олигархией», только ее место занимает современная, силовая олигархия, привычно действующая «под прикрытием» — теперь иностранных фирм.

Усугубление чисто хозяйственных свар дополняется возникновением новых политических конфликтов. Если раньше драка между различными кремлевскими кланами преимущественно оставалась в рамках «межбашенного» пространства, то в настоящее время она все сильнее и во все более разнообразных формах выплескивается вовне.

Только в течение 2005 года это проявилось, по крайней мере, в двух получивших широкую огласку конфликтах: вокруг бывшего премьера Касьянова, попытавшегося было стать самостоятельной политической фигурой, и идеологии (разумеется, признаваемой исключительно формально) партии «Единая Россия».

Последний конфликт был вызван настойчивым стремлением руководства «Единой России» во главе с Грызловым стать ближе к избирателям, перестать выглядеть в их глазах исключительно «партией начальства» и примазаться к растущему социальному недовольству населения, получив тем самым дополнительный «кредит доверия». Объективно это требовало дрейфа «налево» — и Грызлов, хорошо помнящий, что в 2003 году предвыборные лозунги «Единой России» были едва ли не более левыми, чем лозунги КПРФ, четко и жестко позиционировал «идеологию партии» как «социал-консерватизм».

Эта вполне логичная и с партийной точки зрения полностью оправданная позиция оказалась совершенно недопустимой для кремлевского куратора (чтобы не сказать «хозяина») «Единой России» Суркова. Уже 20 июня в знаменитом интервью «Шпигелю» он дал резкую (хотя и заочную) отповедь Грызлову и четко обозначил свое резко негативное отношение к левой идеологии, решительно позиционировав «Единую Россию» как правую, либеральную партию.

Причины столь жесткой и с формальной точки зрения не-

разумной позиции Суркова представляются вполне прозрачными. Прежде всего, они определяются классовыми предпочтениями самого Суркова как, по всей вероятности, исключительно богатого даже по российским меркам человека и в силу этого склонного, естественно, к либеральным, а не социал-демократическим взглядам.

Безусловно, Сурков учитывает и объективную необходимость привлечения к партии возможно более широких слоев бизнесменов, которые объективно заинтересованы в возможностях лоббирования, которые, как бы скудны они ни были, может предоставить им только партия, находящаяся «при власти». Администрации президента придется терпеть это лоббирование как минимальную плату за отвлечение энергии бизнесменов от защиты своих прав как социального слоя на решение их частных индивидуальных проблем, а их финансовых ресурсов — от спонсирования, хотя бы и тайного, различных оппозиционных структур.

Кроме того, представители администрации президента просто в силу самого своего положения не имеют возможности сколь-нибудь заметно уступать партийной бюрократии «Единой России» просто потому, что в противном случае она почувствует свою силу и начнет становиться самостоятельной.

Наконец, в том случае, если «Единой России» будет позволено «пойти за избирателями» на левую часть политического спектра, она в процессе этого передвижения теоретически может уйти из-под контроля кремлевских чиновников и начать служить народу своей страны, а не правящей бюрократии. Понятно, что такое развитие событий не может восприниматься ее кремлевскими хозяевами (которые разрешают даже просто общаться с журналистами, по появляющимся в СМИ сообщениям, от 7 до 15 депутатам из более чем 300!) как приемлемое.

Помимо этих вполне рациональных опасений, Сурковым и его коллегами из администрации президента (пока книга будет издана, Суркова могут легко уволить, но администрация-то останется) движет, по всей вероятности, и прагматичный мотив политического планировщика.

В самом деле: на левом фланге — именно в силу преобладающей политической ориентации широких масс населения нашей страны — с формальной точки зрения наблюдается толкотня, периодически перерастающая в давку. Помимо «статусных» коммунистов, на нем прочно обосновалась «Родина», да и ЛДПР в периоды отвлечения от национал-патриотической риторики

или откровенного бреда уверенно применяет преимущественно левые лозунги. «Яблоко» также все более становится социал-демократической по духу партией — и это без учета огромного количества небольших и разнообразных партийных структур. Поэтому не вызывает сомнения, что левые политические силы, разорвав свой колоссальный электорат на партийные клочки, тем не менее не одним, так другим боком все-таки протиснутся в Государственную Думу.

На правом же фланге ситуация строго противоположна. Довольно заметному слою либерально ориентированных избирателей (около 10%, а с учетом мобилизуемой молодежи — и все 15%) соответствуют два «обмылка» либерального прошлого — СПС и «Яблоко», которые, отягощенные подорванной репутацией и взаимной ненавистью, оттолкнули от себя значительную часть правого электората и при всем желании не имеют возможности попасть в парламент. (Ситуация с выборами в Мосгордуму в декабре 2005 года представляется уникальной, целиком и полностью обусловленной московской спецификой, в частности, полной приемлемостью для мэра Москвы Лужкова двух из трех представителей «Объединенных демократов»¹.)

Другие же политические структуры, возникающие на правом фланге, от партий В. Рыжкова и Хакамады до Объединенного гражданского фронта Г. Каспарова (не говоря уже о почившем «Комитете-2008»), носят либо откровенно маргинальный, либо столь же откровенно антипутинский характер (а часто гармонично совмещают эти два качества).

Первое делает их заведомо непроходными, второе — полностью неприемлемыми для администрации президента (и, соответственно, еще более непроходными). Соответственно, правый фланг политического поля, с точки зрения кремлевских манипуляторов, оказывается непозволительно оголен. Между тем вычеркивание либерально настроенных избирателей из политического спектакля не просто порождает технические про-

¹ Помимо уникальности, московский союз СПС и «Яблоко» носил вдобавок ко всему еще и откровенно опереточный характер и не мог быть сколь-нибудь долгосрочным. Чего стоило одно лишь явно приуроченное к выборам заявление Чубайса об отключениях света в Москве, сознательно направленное, как представляется, на сдерживание поддержки «Объединенных демократов» и на подрыв самой идеи о плодотворности объединения двух партий! Ведь такое объединение, ослабляя жесткий контроль Чубайса над СПС, объективно весьма существенно снижает его политический вес.

блемы (явка падает, а масштабы необходимых, по всей видимости, фальсификаций возрастают), но и создает потенциальную угрозу того, что вычеркнутые из политики либеральные избиратели (а они относительно обеспечены, адаптированы к рынку и активны) станут опорой какой-либо «внесистемной», то есть открыто враждебной Путину и силовой олигархии в целом политической силы.

Допустить этого нельзя — и, значит, либерально настроенным избирателям надо дать возможность проголосовать за кого-либо одновременно влиятельного и потенциально близкого им. Все без исключения попытки вырастить «на пустом месте» подобных либеральных и одновременно лояльных правящей бюрократии «новых правых» провалились с большим или меньшим треском. Причина неудач заключалась как в изначально противоречивости предъявляемых требований (либералам предлагалось быть лояльными заведомо антилиберальной силовой олигархии), так и в невыносимо жестких требованиях к покорности, исключающих вероятность появления в этих проектах людей с лидерскими качествами.

Таким образом, единственным способом масштабного привлечения к голосованию либерально ориентированных граждан стал сдвиг «Единой России» с центра на правый фланг и всяческое усиление либеральной риторики.

«Социал-консерватизм», провозглашаемый Грызловым, был в этих условиях совершенно неприемлемым, и естественная конкуренция за контроль над партийным механизмом дополнилась еще и глубоким идеологическим конфликтом. При этом, поскольку Грызлов исторически ориентирован на представителей силовиков, а его ключевой кремлевский куратор Сурков ближе к либералам (да и стремится подвинуть «Единую Россию» в их сторону), идеологическое противоречие было подкреплено системной, неотъемлемой для путинской правящей бюрократии враждой силовых олигархов и либеральных фундаменталистов.

Конфликт между партийной бюрократией «Единой России» и администрацией президента (в лице, насколько можно понять, Грызлова и Суркова) развивался в течение почти всего 2005 года. Его проявлениями, в частности, стали судорожные и быстро пресеченные отращивания социал-демократического и либерального «крыльев» партии.

С этим же противостоянием было связано и изгнание формального партийного руководства (Богомолова и Волкова), из-

вестных своей близостью к силовикам (то есть к естественным конкурентам Суркова) с призывом в конечном итоге на «партийное ханство» молодого родственника Грызлова¹.

Второй конфликт внутри правящей бюрократии, внезапно проявившийся в сфере публичной политики, был связан с неудачной активизацией Касьянова, где-то в конце лета 2005 года, насколько можно судить, попавшего под контроль администрации президента и превратившегося в один из ее проектов. Косвенно это подтверждали его публичные выступления, трогательно выгораживающие Путина и переносящие ответственность за происходящее в стране на правительство и «Единую Россию» — в полном соответствии одному из основных посылов официальной пропаганды: «царь у нас хороший, а плохи лишь бояре».

Вероятнее всего, Касьянов действовал под контролем представителей силовой олигархии. Ведь именно нападки Хинштейна, имеющего устойчивую репутацию «сливного бачка спецслужб» лишили Касьянова возможности самостоятельной политической работы. Весьма существенно, что довести до конца знаменитое «дачное» дело было крайне затруднительно из-за вероятного наличия в документах разрешительной подписи Путина, однако в перспективе маячили и другие «дела». Соответственно, и грозить ими, и — при необходимости — унимать Хинштейна (в том числе и ограничивая его трибуну: когда он был нужен, его нападки публиковал «Московский комсомолец», а когда нет — всего лишь интернет-издание дни.ру) могли, насколько можно понять, лишь представители силовых структур.

Болезненные удары по Касьянову во время его поездок по регионам наносились «нашистами», контролируемыми, безусловно, Сурковым. Поэтому логично предположить, что гомерическая история с перехватом управления только что приобретенной Касьяновым Демократической партией России (ДПР) со стороны безвестного Андрея Богданова — мелкого политтехнолога, работавшего в том числе на С. Мавроди, бывшего руко-

¹ Насколько можно понять, именно этот родственник настоял на анекдотической и заведомо бессмысленной замене в порядке «ребрендинга» вполне примелькавшегося традиционного бурого медведя в эмблеме «Единой России» на «голубого», уже вошедшего в этом качестве в политический фольклор. Правда, функционеры «Единой России» бурно протестуют против столь неоднозначного определения и категорически настаивают на том, что правильно говорить не о «голубом», но о «белом медведе с голубой каемочкой».

водителя. Управления общественных связей Центрисполкома «Единой России», также была инициирована Сурковым.

В результате Касьянов получил внезапный и сильный удар «на взлете» своей потенциальной карьеры и был дискредитирован, получив клеймо не просто неудачника, но и крайне неосмотрительного и неграмотного в чисто технологическом плане человека.

Причина этого, скорее всего, заключается в попытке Суркова «дать по рукам» силовикам и в доступной тем форме продемонстрировать недопустимость их вторжения в сферу легальной и институционализованной внешней политики, которую он, по всей вероятности, считает исключительно своей вотчиной. (Весьма вероятно, что политическая активизация Касьянова, представляющая собой грубое нарушение монополии Суркова со стороны силовиков, еще и отражало политическое ослабление последнего, что не могло не вызвать с его стороны особо острую реакцию.)

Существенно и то, что активизация Касьянова, являющегося неизбежно либеральным деятелем, объективно подрывало политику Суркова на постепенный сдвиг центристской «Единой России» вправо. При этом нельзя полностью исключить то, что силовики, по всей вероятности, инициировавшие выдвижение Касьянова в первые ряды оппозиционеров, могли просто не обратить внимания на такую «мелочь», как помехи, создаваемые ими «мозгу администрации».

Выход Касьянова на политическую арену во главе вынужденной из небытия Демократической партии России (ДПР) грозил создать на правом фланге новый центр, объективно ослабляющий как руководство «старых» СПС и «Яблоко» (при том, что рядовые их члены могли в принципе присоединиться к нему), так и новых либеральных политических образований. При этом уход к Касьянову из СПС Старикова (который мог, по оценкам, увести с собой примерно 10% наиболее дееспособных членов) полностью передал бы эту партию под контроль Чубайса, что неминуемо означало бы ее дискредитацию, бюрократизацию и неизбежную политическую смерть. Присоединение Хакамады, сопровождавшийся оскорблением в адрес Рыжкова (названного «мальчиком») и ссорой Хакамады с активом ее политической структуры (об интересах которых, насколько можно понять, вообще не было речи), ослаблял возможности объединения с остальными либеральными оппозиционерами.

Таким образом, появление Касьянова как относительно значимой и внешне самостоятельной фигуры дробило правых, но

создавало возможность объединения вокруг него не «вождей», но реально действующего актива и со временем могло привести к превращению Касьянова в значимую политическую фигуру. Личностные качества Касьянова практически исключали выход из-под контроля Кремля, превращая его в удобного, не способного победить спарринг-партнера.

В то же время с политической точки зрения Касьянов был крайне неудачным кандидатом на роль такого спарринг-партнера, так как значительно ближе Путина или любого из его ставленников соответствовал вкусам и предпочтениям Запада. Поэтому победа над ним (в отличие от побед над Зюгановым в прошлом и Рогозиным в будущем) означала победу Путина над цивилизованностью, а не ради нее, что объективно превращало его в противника Запада.

Подобная роскошь в принципе недоступна для политиков, стремящихся к личному потреблению и пренебрегающих нуждами собственного народа.

Поэтому в конце 2005 года Касьянов потерпел поражение в силу не только тактических, но и потенциальных причин: его «снесли» с политической авансены не только распри Суркова с силовиками, но и принципиальная для него невозможность вписаться устраивающим президента Путина образом в стратегический диалог последнего с Западом.

Тем не менее нейтрализация (по крайней мере, временная) этого достаточно локального и вполне управляемого проекта была проведена не аккуратными и эффективными закулисными способами, а заведомо пагубными для авторитарных режимов методами публичных разборок. Сор был вынесен из избы и стал предметом всеобщего обсуждения, а официальной оценки случившегося так и не произошло.

Так или иначе, само по себе усиление внутренних конфликтов в среде самой правящей бюрократии идет достаточно давно. Достаточно указать, что практически забытая к настоящему времени, но, по-видимому, являющаяся отражением именно этих процессов загадочная смерть Р. Цепова наступила еще в сентябре 2004 года.

Однако расширение этих конфликтов на принципиально чуждые ранее основной массе этой бюрократии сферы идеологии и публичной политики свидетельствует о качественно новом этапе их развития. Представляется, что этот этап создает уже непосредственную угрозу разрушения сложившегося политического режима просто в результате внутренних склок.

Сценарии этих склок нельзя предсказать как в силу понятной ограниченности легализованной информации о них, так и из-за их почти бесконечного многообразия. Представители правящей бюрократии запросто могут, например, довести Касьянова до состояния искреннего борца с режимом, выковав политическую сталь из первоначально совершенно не соответствующего этой задаче материала (с Ходорковским эту операцию уже проделали, причем вполне успешно). Могут они и устроить в ходе внутренних «разборок» общенациональный кризис, посчитав его лучшим способом досадить противнику, или просто ради дележа очередного финансового потока совершая действия, с неизбежностью означающие техногенную или социально-экономическую катастрофу (Кириенко, кстати, уже давно возглавил Росатом). Могут достичь аналогичного результата безумным и не оставляющим никаких надежд на успех из-за своей чудовищной грубости и наглости шантажом соседей, подобным попытке «газового блицкрига» против Украины в декабре 2005 года. Весьма характерным представляется то, что во второй половине 2005 года активизировались сторонники восстановления в России монархии, явно связанные с правящей бюрократией и обладающие значительным как административным, так и финансовым ресурсом.

Действия безграмотных, безответственных и при этом агрессивных субъектов российской подкованной, то есть реальной политики должен прогнозировать если не зоопсихолог (в конце концов, недаром Черчилль вел речь именно о бульдогах), то как минимум психиатр, — а они редко и неохотно рассказывают о своих подопечных.

Однако в целом картина не вызывает сомнений: деградация власти давно уже дошла до стадии дебилизации¹, и рост количества ошибок уже в обозримом будущем дополнится качественным ростом их совокупного ущерба, что вышибет инструменты управления из заплывших нефтедолларами рук правящей бюрократии.

При этом надо учесть, что реальное руководство сегодняшней России сочетает уникальную трусость с клиническим упрямством и самомнением. Принципиально не будучи в состоянии разобраться в происходящем, она панически боится любого не контролируемого ею шевеления (не говоря уже о сопротив-

¹ На которой, например, оказывается нетерпимым даже такая безобидная «декорация демократии и плюрализма», как вытесненный в конце 2005 года из Кремля А. Илларионов.

лении¹⁾ и в то же время искренне убеждена в невозможности продемонстрировать слабость и идти навстречу каким бы то ни было внешним импульсам, «потому что если мы уступим давлению, нас снесут».

~~Агрессивный страх~~, направляемый тупой ограниченной алчностью, — что может быть более емкой формулой почти ритуального политического самоубийства, свершение которого уже начато правящей нами бюрократией?

Еще одной симпатичной чертой руководителей нашей страны является, насколько можно понять, глубокое убеждение в том, что население страны ни при каких обстоятельствах не сможет стать народом, что люди в принципе не способны на самоорганизацию и на самостоятельные действия даже по отстаиванию самых насущных своих интересов. Квинтэссенцией этой позиции служит бессмертная и действительно работавшая на протяжении всех последних 15 лет формула «Это быдло будет думать то, что мы ему покажем по телевизору». Однако абсолютизация этого в историческом плане не такого уж и длительного опыта, как представляется, ведет к глубокой неадекватности.

Именно приверженность приведенной формуле в принципе не позволяет даже лучшим представителям правящей бюрократии осознать причины политических катаклизмов, вызванных прежде всего самостоятельными действиями объединяющихся ради самозащиты граждан. К ним относится не только во многом спровоцированная Путиным «оранжевая революция» на Украине, но, возможно, и восстание в Андижане, и ряд событий на Северном Кавказе.

Убежденность в пассивности людей и их необоримой склонности к подчинению силе заставит правящую бюрократию, как уже было во время протестов против монетизации, при столкновении с массовым недовольством бросаться не на решение реальных проблем, а прежде всего на поиск зачинщиков², который в связи с их объективным отсутствием

¹ Достаточно вспомнить, как от Рогозина во время его голодовки в конце января, по некоторым данным, вполне серьезно требовали не подстрекать народ к штурму Кремля, о чем он, разумеется, и помыслить не мог!

² Так Сталин, когда все писатели огромного зала встали при виде входящей Ахматовой (правда, дело было между периодами ее травли), прежде всего заинтересовался: «Кто организовал вставание?» — так как искренне не мог себе представить, чтобы отобранные и выдрессированные им лично писательские особи сделали что бы то ни было без команды, по-видимому, искренне боялся перехвата управления.

будет оборачиваться их назначением с последующим наказанием. При этом силы правящей бюрократии будут отвлекаться на достижение заведомо негодных целей, после чего она начнет ожидать результатов, а негативные процессы между тем будут идти сами собой, подстегиваемые внутренней борьбой среди различных клик и фракций.

В результате время для стабилизации положения (пусть насильственной и временной) будет безнадежно упущено, и по осознанию этого уделом правящей бюрократии станут стремительно распространяющаяся паника и общий крах. При этом можно с уверенностью утверждать, что желающих всерьез защищать коррумпированное и вызывающее омерзение коллективное ничтожество (индивидуальные символы которого, хотя им по инерции, вероятно, все еще продолжают рисовать сверхвысокие и сверхубедительные рейтинги, будут вызывать еще более сильные чувства) не найдется.

* * *

Учитывая сохраняющиеся инстинкты самосохранения общества, наиболее вероятным условием распада России представляется одновременная или последовательная реализация всех трех сценариев, причем в последнем случае каждый из них будет служить своего рода «стартовым механизмом» для запуска остальных.

Однако, несмотря на реальность угрозы окончательной гибели России в предстоящем нам системном кризисе, ее реализация отнюдь не представляется неизбежной.

Ширящееся осознание масштабов угрозы само по себе служит действенным «встроенным стабилизатором». Но главное — инстинкт сотрудничества, солидарности, коллективной борьбы и, соответственно, коллективного же выживания далеко не до конца вытравлен сталинским террором, брежневским разворотом и реформаторско-путинским разложением. Он отнюдь не мертв в нашем обществе — и, соответственно, не мертво и само это общество.

Конкретным проявлением его стремления к самосохранению, а значит — к развитию и модернизации становится сегодня борьба всех его здоровых сил, начиная с ответственной оппозиции и кончая средним бизнесом, прячущимся в компостных кучах «Единой России», но понимающим ситуацию с поистине беспощадной и толкающей к самостоятель-

ным действиям ясностью. Эта борьба, направляемая каждым ее участником на решение конкретной общественной проблемы и, соответственно, против конкретного элемента правящей бюрократии, усугубляющего или же прямо порождающего эту проблему, будет постепенно, частью стихийно, а частью и вполне сознательно объединяться и направляться в одно общее русло собственно политической борьбы, то есть борьбы за власть.

Смена полностью разложившейся правящей бюрократии, уничтожение путинизма¹ как политической системы — не важно, с Путиным или кем-то из его последышей во главе государства², — является ключевой задачей системного кризиса, степень успешности и быстроты решения которой и определит гибель или сохранение России.

Объединение усилий всех ответственных сил общества, пусть не симпатизирующих друг другу и даже стремящихся к разному будущему, но равно желающих сохранения страны и российской цивилизации как таковой, будет, скорее всего, временным, но именно с помощью этого временного объединения нам, по глубочайшему убеждению автора, удастся обеспечить сохранение нашей страны.

¹ Путинизм можно определить как политическую систему, заключающуюся в абсолютном доминировании коррумпированной силовой олигархии, грабящей или прямо захватывающей национальный бизнес и покупающей терпимое политическое отношение Запада расширением его экономического влияния в стране. Подробная его характеристика дана в книге Михаила Делягина «Россия после Путина. Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция?» М., «Вече», 2005. Отличие его от наиболее близких режимов в иных странах (например, в Нигерии) заключается в основном в унаследованном от советской цивилизации более высоком остаточном, хотя и неуклонно снижаемом уровне общественной культуры (включая развитие технологий и наличие специалистов).

² Учитывая личные способности Путина, в том числе степень твердости его личных убеждений (которые он менял, насколько можно судить по его биографии, как минимум трижды — при переходе от КГБ к демократу Собчаку, затем на службу к коммерческой олигархии эпохи Ельцина и, наконец, при уничтожении последней в ходе прихода к владению страной своей собственной, силовой олигархии) и способности к мимикрии можно предположить и такое крайне маловероятное развитие событий, как уничтожение путинизма самим Путиным. Правда, это деяние по масштабам соответствует ленинской замене нэпом военного коммунизма или освобождению политических заключенных верным соратником Сталина Хрущевым и требует соответственного масштаба личности.

Это сложная, но решаемая задача.

Это далекая, но вполне достижимая цель.

Напряжением всех наших сил, проявлением лучших наших черт, жертвой всего нашего времени, упорством и самопожертвованием мы удержим нашу страну от распада.

А о власти — договоримся.

Лучше быть последним в первой стране мира, чем первым — в последней, а наша страна, как это ни тяжело поверить в это сейчас, будет сделана нами именно первой.

Она так устроена, что ни второй, ни пятой, ни тем более двадцатой существовать просто не может. Мы таковы, что наше единственное место — на вершине, и мы достигнем его. Просто нам предстоит туда долгий и тяжелый путь, суровое и извилистое возвращение, и прежде всего нужно встряхнуть, воспитать и создать заново самих себя.

Это намного труднее и больнее, чем может привидеться в самом страшном кошмаре.

Как и в любом восхождении, мы можем сорваться в пропасть.

Легко.

Но автор убежден в том, что наших сил — со всеми нашими недостатками и недоработками — хватит. Правда, лишь в том случае, если мы действительно будем готовы потратить их все, без остатка.

Ибо кем ты будешь для жены, что ты будешь делать с деньгами и кем ты будешь воспитывать ребенка, если у тебя не будет больше твоей страны?

ГЛАВА 16

ПРИЧИНЫ И СЦЕНАРИИ СТАБИЛИЗАЦИИ

ЖЕСТОКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Конечно, наиболее приятным и конструктивным развитием событий было бы изживание системного кризиса в результате перехода власти к организованной, внутренне отобюрокразированной, относительно цивилизованной и интеллектуальной политической оппозиции — если не партии, то достаточно широкой группе, которая, подхватив власть из грязи, немедленно начала бы реализовывать правильную социальную и экономическую политику, за считанные месяцы стабилизирував ситуацию, а затем перейдя к комплексной модернизации страны.

Образец перед глазами: правительство Примакова — Маслюкова, которое «без шума и пыли» стабилизировало страну после финансовой и идеологической катастрофы августа 1998 года и обеспечило устойчивый восстановительный рост до всякого увеличения мировых цен на нефть (характерно, что Ельцин и «семья» избавились от этого правительства сразу же, как только наметилось удорожание нефти; это, конечно, не единственная и даже не главная, но тем не менее существенная причина).

Однако с того времени страна прошла значительный путь разложения. Кроме того, группа добросовестных здравомыслящих управленцев, унаследованная от прошлой эпохи, достаточна для преодоления социально-экономического шока, но не для комплексной модернизации страны — и правительство Примакова — Маслюкова своей судьбой доказало в том числе и это.

Большое количество политических деятелей и «пикейных жилетов» всех мастей вот уже несколько лет старательно эксплуатируют надежды, связанные с переходом власти в руки «готовой» команды «эффективных политиков и специалистов».

К сожалению, в тех относительно немногих случаях, когда

подобные мечтания не являются грубыми и циничными спекуляциями, они представляются плодами глубочайшей безграмотности и оторванности от реальной жизни. Нужно быть предельно наивным и ограниченным (либо, напротив, предельно циничным и извращенным) человеком, чтобы в современной России, в условиях массовой деградации и распада, охвативших едва ли не все стороны жизни общества, хотя бы допускать мысль о возможности такого развития событий.

Ответственной оппозиции как целостной организационной структуры нет и до самого последнего момента не будет, причем далеко не только в силу всеобъемлющего характера общественного кризиса, который, конечно, приведет к смене политической системы, но разрушает именно все общество, включая и саму оппозицию. Весьма важную роль играет и последовательная, кропотливая и скрупулезная работа правящей бюрократии, «пропалывающей» ряды противостоящих ей политических деятелей тщательно и разнообразно, творчески применяясь к моменту и конкретным обстоятельствам каждой конкретной личности: «не в кормушку, так в Краснокаменск».

В этих условиях появление дееспособной, органично вышедшей внутри общества эффективной и ответственной политической силы, способной подхватить власть у рассыпающейся от собственной громоздкости «вертикали власти», представляется даже теоретически невозможным.

Конечно, наши знания и тем более прогностические способности ограничены, и мы должны в любой момент помнить классическую формулу Александра Кабакова: «Так не бывает, но как чудо — возможно». Однако чудеса, безусловно, входя в первейшие служебные обязанности каждого ответственного субъекта политики (далеко не только современной российской), никоим образом не имеют никакого отношения к предмету настоящей книги и не могут рассматриваться в ней.

С учетом этого надежды на благоприятное для нашей страны — плавное, конструктивное и гуманное — развитие событий представляются совершенно беспочвенными, а перспективы России — обычными: жестокими и туманными.

Не стоит всерьез верить лакированным пропагандистским сказкам учебников истории о мудрости и гуманности спасителей нашей страны и о всеобщем народном энтузиазме на пути этого спасения. Гуманность спасителей, если она вообще бывала в наличии, умерялась той самой мудростью — порой до полного искоренения, а общество до определенных пороговых мо-

ментов вело себя в соответствии с известной максимой «моя хата с краю, ничего не знаю».

Чтобы не тревожить живые в памяти поколений и являющиеся полем жестокой идеологической битвы события последних полутора столетий, обратимся к наиболее схожему с современностью по масштабам и длительностью угрозы страны периоду — Смутному времени начала XVII века. Учебники истории и в советское время, захлебываясь патокой, рассказывали о том, как охваченные патриотизмом нижегородцы закладывали жен и детей, чтобы собрать средства для финансирования народного ополчения Минина и Пожарского.

Для автора как экономиста хозяйственный смысл и в целом процедура этого акта длительное время оставались глубочайшей хозяйственной загадкой — пока не выяснилось в конце концов, что под этой изящной формулировкой кроется не более и не менее, чем массовый захват в заложники членов семей наиболее обеспеченных жителей города¹ (при этом Минин еще и добился права насильственного изъятия ценностей). Лишь под прямой угрозой своим женам и детям эти жители соглашались выделять средства, необходимые для финансирования ополчения!

Негодование в отношении имущих, не желавших давать деньги на спасение Родины (правда, это объяснимо — хаос продолжался уже долго, а сама попытка Минина выглядела поначалу наивной и обреченной на поражение), понятно и вполне естественно, однако значительно более важно иное — полное оправдание и в общественном сознании, и в российском праве насильственных действий Минина.

Эта причина вызвана не иезуитским «цель оправдывает средства», но ключевой особенностью российского общественного сознания, сохранившейся и последовательно игнорируемой и по сей день: в отличие от общественного сознания Запада, наше носит не «договорной», а мировоззренческий характер.

Человек Запада воспринимает людей по отдельности, и общество — система договоров между ними (остаточно вспомнить о ключевом понятии «общественный договор»). Россиянин же в силу понятных историко-географических причин вос-

¹ См., например, статью В. Иванова «Денег, как и теперь, не было. И тогда Кузьма Минин сказал: «Заложим жен и детей наших, но спасем Русскую землю» в «Российской газете» (печатном органе Правительства Российской Федерации) от 4 ноября 1995 года.

принимает свое общество как целое, как единую семью, члены которой вне зависимости от своего желания, по факту рождения и совместной жизни обладают в отношении друг друга и своей семьи (страны) в целом неотъемлемыми и неотменимыми правами и обязанностями, которые носят первичный характер.

И любое право, любые законы, любой суд действительны только до тех пор, пока они подтверждают и укрепляют эти врожденные права и обязанности. Если же им не посчастливится вступить с врожденными ощущениями этих прав и обязанностей в противоречие, они утрачивают легитимность, перестают восприниматься людьми как что-то действительно существующее и в конечном счете рассеиваются как дым.

Сознание Запада — формально-юридическое, сознание России связано с прямой службой интересам общества. Поэтому то, что по формально имплантированному в наше общество западному закону является тягчайшим уголовным преступлением — захватом заложников (и, в отношении партизан, террористической деятельностью), для России является актом высшего патриотизма.

И пока наше общество не научилось выражать это подразумеваемое «народное», «общественное право» на языке формального западного права, ситуация с противоречием формального закона и общественного правосознания, «закона» и «справедливости», «истины» и «правды» остается глубоко трагической для человека, воспринявшего западные ценности и «правила игры» (хотя бы в ходе коммерческой деятельности). Ведь в критической ситуации западное право вступает в непримиримое, лобовое противоречие с российским правосознанием, выражающим глубинные общественные интересы и ценности в наиболее прямой, откровенной и потому надежной форме.

В результате столкнувшись с этим противоречием носителю западных подходов (и тем более западных ценностей) приходится либо жертвовать собой и своими ценностями (становясь вдобавок врагом или, по крайней мере, «отверженным» для «мирового сообщества», то есть Запада), либо становиться предателем своей Родины, своего народа.

И это не преувеличение, а реальная трагедия большого количества людей, уже оказывавшихся перед этим выбором.

400 лет назад дело было сделано, и сделано правильно.

Россия стоит до сих пор, несмотря на всех Николаев II, Гитлеров и реформаторов, не говоря уже о Ельциных с Путиными-

ми, — и памятник «гражданину Минину и князю Пожарскому» на Красной площади стоит, как Россия, по праву и стоять будет.

И в ближайшие годы, как бы страшно и тоскливо нам бы от этого ни становилось, Россию будут спасать (а скорее всего — мы сами и будем спасать, не отвертимся, Земля круглая, и деваться все равно некуда) так, как спасали всегда — не лучше, но и не хуже, используя не те методы, которые приятны, моральны или хотя бы поддаются оправданию в устах последующих историков и «мирового сообщества» (совершенно заинтересованного, кстати, в укреплении нашей страны и превращении ее в значимого конкурента), а те, которые работают и обеспечивают спасение России в конкретных критических обстоятельствах.

Для людей с разорванным между Западом и своей Родиной сознанием цель, конечно, не оправдывает средства, и победителей судят, — по крайней мере, в Южной Корее¹.

Но Родина, особенно наша, такова, что в случае восприятия чужих ценностей, пусть даже неосознанного и неизбежного в силу профессиональной деятельности, платить за нее приходится в том числе и своей совестью, и — для верующих людей — спасением души.

И тщетны, хоть и понятны, и естественны надежды каждого, что именно его чаша сия минует.

Слаб человек, пока не навалится на него история и не погребует его всего, с потрохами и совестью, а от истории, как известно, не спрячешься — ни под диван, ни в эмиграцию.

Мы преодолеем и справимся. А какой ценой — это уж наше дело.

Именно из этой цены, в частности, растет и расти будет великая русская литература.

¹ Там диктатор Чон Ду Хван, беспощадно, а порой и кроваво подавлявший студенческие выступления, после того как обеспеченные ими политическая стабильность и экономический рост привели к «корейскому чуду», резкому росту благосостояния граждан и через это — к большей демократии, утратил в результате описанных процессов власть, в 1996 году был судим и приговорен за свои преступления (организацию военного переворота в 1979 году, подстрекательство к бунту и незаконное приобретение имущества во время пребывания у власти — в 1980–1988 годах) к смертной казни.

Новый президент страны Ким Дэ Чжун — бывший диссидент, проведенный в тюрьмах 15 лет и дважды приговаривавшийся к смертной казни (в том числе и режимом Чон Ду Хвана), тем не менее помиловал его в 1998 году, после чего тот удалился в буддистский монастырь.

Несмотря на многочисленные недостатки и проблемы современного российского общества, несмотря на его разложение (не говоря уже о разложении его руководителей), оно сделало главный шаг к своему возрождению: осознало собственную самооценку и самодостаточность.

Объективно оценивая деятельность президента Путина¹ и будучи поэтому его последовательным и, похоже, непримиримым противником, автор не может не отметить, что шаг этот массовым сознанием был сделан именно в симбиозе с этим президентом — в ходе его продвижения к власти (при помощи прежде всего терактов в Москве и начала второй чеченской войны) и первичного укрепления в ней.

Заслугу общества в этом нельзя отделить от заслуги его руководителя, каким бы сомнительным он ни был. Человек и страна, неотделимые друг от друга с момента причащения власти, направляли и поддерживали друг друга на верном пути (разумеется, на протяжении того исключительно короткого промежутка времени, в течение которого он еще оставался в основном верным).

Подъем патриотизма, причем не государственнического, а именно гражданского, что для нашей страны особая ценность, в российском обществе не просто исключительно силен, но и всеобъемлющ: в той или иной форме он охватывает практически все его сколь-нибудь значимые слои и группы. Правящая бюрократия, являющаяся по своим интересам и мотивациям практически полным аналогом компрадорской буржуазии, достаточно хорошо описанной на примере стран Латинской Америки и наиболее развитой части Африки, чутко восприняла доминирующее общественное настроение и быстро мимикрировала к нему, эффективно поставив его на пользу своих сиюминутных корыстных устремлений. (Наиболее ярким проявлением этого стало использование государственнической и патриотической риторики для оправдания и обоснования подавления старой коммерческой олигархии эпохи Ельцина новой, силовой олигархией.)

Знаменательным представляется массовость этой мимикрии. Не одна какая-либо группа, но компрадорская буржуазия

¹ См., например, Михаил Делягин «Россия после Путина. Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция?». М., «Вече», 2005.

буквально всех мастей — от силовой олигархии до либеральных фундаменталистов¹ — подняла его на щит. Патриотизм стал, таким образом, главным, а по сути дела и единственным лозунгом правящей бюрократии.

При этом он остался не более чем лозунгом, пропагандой, элементом стратегической маскировки, прикрывающей обуревающую силовую бюрократию жажду наживы, являющуюся ее главной целью и смыслом существования. Однако лживость патриотических заявлений представителей силовой олигархии обусловлена еще и тем, что в своем стремлении к комфортному потреблению они, за редчайшим исключением, размещают в развитых странах свои критически значимые активы. Это касается не только счетов, имущества и компаний, но и направления туда своих детей на учебу (в том числе длительную), а жен и родителей — на постоянное место жительства, а также стремления проводить там, в максимально комфортных и безопасных условиях, максимально возможное время. В результате преимущественно (и почти исключительная) **коммерческая ориентация представителей силовой олигархии объективно обуславливает их зависимость от развитых стран и лишает их возможности отстаивать национальные интересы России** в глобальной конкуренции с этими странами точно так же, как и представителей официально проклинаемой ими коммерческой олигархии эпохи Ельцина.

Изначальная лживость современного официального патриотизма не позволит воспользоваться им тем, для кого, если использовать печально известное высказывание Толстого, патриотизм действительно является не убеждением и свойством личности, а не более чем «прибежищем», причем, как правило, «последним»².

¹ Кроме небольшой и в целом совершенно незначительной части либеральных фундаменталистов, связавших свою судьбу с небольшим числом коммерческих олигархов, не ужившихся по тем или иным причинам с силовой олигархией, оттесненной в результате этого от власти и опирающейся единственно на Запад.

² Эта знаменитая фраза имеет, оказывается, весьма знаменательную историю. Приношу извинения за длинную цитату: «На самом деле эти слова принадлежат некоему Сэмюэлю Джонсону, английскому литератору XVIII века. В оригинале данная фраза звучала следующим образом: "*Patriotism is the last refuge of a scoundrel*" ("*The Patriot*" (1774). "Смысл высказывания можно передать следующим образом: даже самый пропавший человек не погиб окончательно, если он любит родину. Это следует и из контекста статьи, в которой Джонсон, в частности, писал, что "только патриот достоин

Однако патриотизм страны, всего российского общества является, в отличие от официальной пропаганды, искренним и глубоко органичным. Практически все социальные слои и группы современной России не просто кровно заинтересованы в сохранении ее целостности, но и, в отличие от периода распада Советского Союза (когда он уже рухнул, а в это еще почти никто не верил) остро осознают угрозу самому существованию нашей страны и ужасаются перспективе ее гибели, считая ее вполне реальной. Это исключительно важно и существенно повышает жизнеспособность общества, так как «предупрежден — значит вооружен».

Конечно, население как политический фактор попросту не существует в условиях всевластия правящей бюрократии в режимах, подобных нынешнему российскому. Однако агония таких режимов, ввергая несчастные захваченные ими страны в жестокий системный кризис, выталкивает их население — пусть сколь угодно обленившееся и даже развращенное — обратно на арену политики, возвращая ему его изначальные вес и значение.

При этом воспоминание о Советском Союзе в силу естественных причин меркнущее, но все еще живое, играет исключительно важную роль, постоянно доказывая и утверждая относительную эффективность и справедливость единства и территориальной целостности государства. Классический пример сегодняшнего отношения к советскому государству по сравнению с нынешним российским дает социологический опрос, проведенный в ноябре 2005 года Аналитическим центром Ю. Левады.

места в парламенте» (А.И. Друзенко. «Ностальгия по герою», «Литературная газета», № 36, 4–10 сентября 2002 года).

Толстой, не разобравшись, что конкретно имел в виду автор, впарил эту цитату в одну из своих работ, немного ее переиначив: «Последнее прибежище негодяя — патриотизм» («Круг чтения» 1908). Между прочим, Лев Николаевич как порядочный человек дал при этом ссылку на Джонсона, так что попытки выдать эти слова за его собственные вызывают недоумение.

К сожалению, тот смысл, который Толстой вкладывает в данное высказывание, прямо противоречит позиции Джонсона. Лев Николаевич действительно не был патриотом и выступал за распад российского государства («Патриотизм или мир?» 1896). Причиной тому был пацифизм писателя, категорически отрицавшего допустимость насилия во имя чего бы то ни было. Собственно говоря, знаменитый труд И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (1925) был написан именно ради опровержения толстовской точки зрения» (В. Владимиров. «Смысл жизни. Русская версия»).

Сравнение отношения россиян к советской и современной российской власти без всякого преувеличения оказалось чудовищным для последней. Граждане России решительно и последовательно характеризуют советскую власть значительно лучше, чем российскую. Баланс позитивных и негативных оценок (из предложенных 22 определений, из которых 11 было позитивными и 11 негативными, надо было выделять 4–5) для советской власти составлял $+212/-127$, а для нынешней российской $+72/-256$. Таким образом, количество позитивных оценок советской власти превышает количество негативных на две трети, в то время как для нынешней российской количество негативных оценок превышает количество позитивных в 3,6 раза.

Особенно пикантно, что даже те граждане России, которые считают современный режим лучшей политической системой, чем советская власть или западные демократии, также оценивают советскую власть лучше, чем сегодняшнюю! Баланс позитивных и негативных оценок составляет для советской власти $+178/-158$ (то есть ее оценка в целом позитивна), а для нынешней российской $+135/-228$ (то есть количество негативных оценок превышает количество позитивных почти в 1,7 раза!).

Причина этого парадокса, вероятно, в том, что, говоря о предпочтении той или иной политической системы, граждане исходят из своих идеологических представлений, отделенных от повседневной жизни. Сравнивают же советскую власть с российской они на основании своих непосредственных впечатлений (или представлений окружающих, что особенно верно для восприятия молодежью советской власти).

Весьма характерно, что и сторонники западной демократии как политической системы лучше относятся к советской власти, чем к нынешнему режиму. Понятно, что советская власть с точки зрения ценностей западной демократии была «не подарок»: баланс позитивных и негативных оценок составляет для нее $+144/-174$. Однако это вполне приемлемо на фоне оценок нынешней российской власти, для которой баланс оценок составляет $+87/-252$. Таким образом, если негативные оценки советской власти носителями западных ценностей превышают позитивные лишь на 20,8%, то в отношении нынешней российской власти этот разрыв составляет 2,9 раза!

Хуже относятся к современной российской власти только сторонники власти советской. У них баланс оценок составляет $+282/-84$ для советской власти и $+45/-310$ для российской. Стоит отметить, что эта категория людей признает недостатки

советской власти в два раза более охотно, чем достоинства российской, что свидетельствует как минимум о некоторой объективности: их любовь к Советскому Союзу не совсем слепа.

Наиболее единодушны россияне в характеристике нынешней российской власти.

Еще бы — каждый день перед глазами!

62% считает ее «криминальной, коррумпированной» (советскую таковой считает лишь 12%), 42% — «далекой от народа, чужой» (для советской власти это 10%), 39% — «бюрократичной» (это один из двух пунктов, по которому отторжение советской власти — 30% — приближается к отторжению власти российской), 29% — «непоследовательной» (9%), 25% — «недальновидной» (21%), 20% — «слабой, беспомощной» (8%), 16% — «незаконной» (3%), 15% — «паразитической» (5%).

Оценки советской власти значительно более сглажены. Наиболее сильное впечатление — «близость к народу, людям» — испытывает 34% (в отношении российской власти такое мнение разделяет лишь 5%); в отношении российской власти впечатление такого уровня (то есть набравшее 34%) было бы лишь четвертым по силе. Это и понятно — как-никак, с момента крушения Советского Союза прошло 15 бурных лет, для каждого из нас наполненных исключительно сильными переживаниями и драматическими событиями.

По 30% опрошенных считает советскую власть «сильной, прочной» (российскую — 7%) и «бюрократичной» (российскую — 39%), 28% — «законной» (9%). Для 26% россиян советская власть — «своя, привычная» (4%: удивительно, за 15 лет россияне так и не привыкли к нынешней власти!), 24% — «авторитетная, уважаемая» (7%), по 21% — «справедливая» (3%) и «недальновидная» (25%).

По 8 наиболее характерным критериям (с изъятием повторного счета по бюрократичности и недальновидности) разрыв в балансе оценок между советской и российской властями еще сильнее: для советской позитивные оценки превышают негативные на две трети (+163/−98), для российской негативные превышают позитивные в 6,7 раза (+37/−248).

При этом все наиболее 8 распространенных оценок нынешней российской власти негативны, а для советской власти негативны лишь 2 оценки, а 6 позитивны.

Принципиально важным является то, что, помимо постепенно тускнеющих живых воспоминаний, крепнет миф о Советском Союзе как своего рода «земле обетованной», Золотом

веке человеческой, подлинно гуманистической цивилизации¹. Несмотря на безумное раздражение и страх, который он вызывает у либеральных фундаменталистов и «демшизы», он играет исключительно важную позитивную роль, не только поддерживая (а часто и созидая) позитивные настроения и ожидания в обществе, но и постоянно дополнительно подкрепляя его убежденность в эффективности и разумности крупных, объединенных государств в противоположность разьединенным и мелким.

Таким образом, население России, будучи внезапно для себя вытолкнуто системным кризисом на авансцену политической жизни, может в критический (а возможно, даже и в «последний») момент резко изменить баланс политических сил, бывший до этого момента исключительно внутриэлитным. Пудовая гиря общественной убежденности и решимости, неожиданно брошенная обществом на шаткие весы политических симуляций, способна, как представляется, обеспечить сохранение целостности страны даже в ситуации, которая на сторонний взгляд, привыкший к бюрократическим способам решения общественных проблем, ничего подобного не предвещала.

Однако и внутри сегодняшних российских элит, за исключением их наиболее близкой к власти и потому наиболее развращенной части, сегодня безусловно преобладают как стремление к сохранению целостности нашей Родины, так и жесткое понимание того, что любое ее разделение и даже любое, кажущееся совершенно незначительным умаление ее территории может привести к ее полному и безвозвратному уничтожению. Как правило, ни в коей мере не симпатизируя правящей бюрократии и искренне не собираясь ее защищать, они тем не менее будут защищать свою страну, весьма мало интересуясь тем, приходится ли им в силу конкретных преходящих исторических обстоятельств делать это в союзе с правящей бюрократией или же в непримиримой борьбе с нею. Более того: уже в настоящее время очевидна значительная потребность в новых общественных лидерах и авторитетах, отстаивающих патриотические ценности против правящей бюрократии и, что особенно важно, выдвигающих позитивную программу, созвучную длительному времени доминирующим

¹ Существенно, что наиболее позитивное отношение к советской бюрократии по сравнению с современной российской наблюдается у наиболее старших возрастных групп, неуклонно слабея по мере снижения возраста. Это, свидетельствует, что приведенные выше данные социологического опроса отражают прежде всего именно гаснущие живые воспоминания, а не крепнущий миф о Советском Союзе.

в обществе и уже достигшим высокой степени конкретизации настроениям и представлениям.

Эту потребность испытывают и элиты, и общество. Однако и помимо нее ключевые социальные группы осознают свою потребность в сохранении территориальной целостности России, исходя не только из чудовищного опыта распада Советского Союза и связанного с этим крахом всех надежд, но и из своих конкретных интересов — как стратегических, так и сиюминутных.

Так, крупный бизнес, относительно самостоятельно участвующий в глобальной конкуренции, уже в полной мере ощутил необходимость если не постоянно опираться на значимое национальное государство, не являющееся марионеткой развитых стран, то, по крайней мере, иметь его за своей спиной в качестве не используемого постоянно и лишь подразумеваемого, но тем не менее безусловного аргумента, важного в отношениях не только с конкурентами, но и с партнерами.

Нынешнее государство не соответствует этому требованию в силу своих политически обусловленных неэффективности и враждебности к российскому бизнесу, однако его оздоровление и модернизация вернут ему способности исполнять свои обязанности перед национальным капиталом. Территориальная же дезинтеграция России слишком очевидно лишит ее возможности вновь создать государство, значимое в глобальной конкуренции, и потому является неприемлемой для связывающего свою судьбу со своей страной крупного капитала. Не следует забывать, что, вопреки распространенным схоластическим представлениям, сохранение национального лица и опора на соответствующее государство является неотъемлемым условием сохранения глобальной конкурентоспособности соответствующих коммерческих структур.

Интересы среднего бизнеса, играющего значительную роль на региональном уровне, еще более очевидны. Сегодня он подрывается, а в ряде отраслей практически уничтожается как произволом правящей бюрократии, так и ужесточением конкуренции со стороны импорта (особенно китайского). При этом у большинства бизнесменов не вызывает сомнений, что и обуздание регионального чиновничества, и защита национальных рынков совершенно не под силу правящей в настоящее время федеральной бюрократии и, соответственно, спасение России должно будет осуществляться им не в союзе, а в жестокой борьбе с этой бюрократией.

Понятно, что такая позиция двойственна — слишком легко

и соблазнительно опереться в ней на разного рода сепаратистов. Однако средний бизнес, наученный большим количеством разнообразных примеров, в массе своей хорошо понимает, что победа сепаратизма и распад страны несут ему (за исключением его отдельных представителей, которые могут надеяться непосредственно захватить власть над обломками России) если и не немедленную гибель, то, во всяком случае, длительные «тяжелые времена».

Безусловно, кровно заинтересованы в сохранении целостности России и региональные власти (помимо элит в целом, не говоря уже о населении) большинства регионов, зависящие от финансовой поддержки центра, то есть перераспределения средств 10 наиболее обеспеченных регионов страны.

Не следует забывать и о светской по своему характеру власти регионов, в которых наиболее быстро распространяется радикальный ислам (понятно, в первую очередь это касается «титально»-мусульманских республик). При всем негативизме отношения к неадекватному федеральному центру руководители этих регионов очень хорошо понимают, что ослабление последнего, не говоря уже о распаде России, поставит их перед кошмарной необходимостью делиться властью (не говоря уже о финансовых потоках) с исламскими пассионариями. А поскольку многие из последних превращены местной разложившейся и склонной к насилию бюрократией в своих кровных врагов, речь идет в ряде случаев о сохранении уже не власти и денег, но самой жизни. При всей несимпатичности подобных союзников их искренняя заинтересованность в сохранении России не вызывает сомнения.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЙ РАСПАД

Несмотря на изложенное, центробежные силы в современной России достаточно сильны. В условиях хаоса и утраты управляемости, вызванных системным кризисом, они вполне смогут привести к разделению страны на несколько крупных «кусков». Вероятно, по чисто экономическим причинам обособленными группами регионов, слабо или вообще не подчиняющимися федеральному центру, окажутся Забайкалье и Дальний Восток (вероятнее всего, что с Восточной Сибирью), а также Северный Кавказ.

Ключевым вопросом для сохранения возможности после-

дующей реинтеграции представляется сохранение федерального центра за Татарией и Башкирией. Рассматриваемые обычно исключительно как «мусульманские республики Поволжья», на самом деле они имеют политическое значение прежде всего как центры нефтепереработки, нефтехимии и, главное, — территории, через которые проходят важнейшие магистральные трубопроводы.

Сохранение этих республик в составе России даже в самых критических ситуациях позволит удержать в ее составе и Западную Сибирь (которой просто некуда больше девать свою нефть), и промышленно развитые районы Урала. Усиление же в них сепаратизма создаст реальную угрозу сначала технологического, а затем уже хозяйственного и политического «отсечения» от Центральной России и Урала, и Западной Сибири. Понятно, что при подобном развитии событий шансы на последующее «собираание земель» и реинтеграцию России снижаются самым угрожающим образом, хотя и не до нуля.

Принципиально важно, что описанное усиление сепаратизма может наблюдаться как со стороны заскорузлых элит, находящихся у власти в настоящее время (и имеющих богатейший опыт «разводки» центральных властей еще во времена распада Советского Союза), так и со стороны рвущихся им на смену сравнительно «молодых и голодных» политических и экономических сил.

Механизм противодействия тенденциям сепаратизма в ключевых для будущего России регионах — Татарии и Башкирии — достаточно очевиден. В самом деле, поскольку их самостоятельность создаст неприемлемые трудности для регионов Урала и Западной Сибири, элиты последних являются естественным союзником федерального центра в деле сохранения Татарии и Башкирии в составе России в условиях сколь угодно глубокого системного кризиса. На эти элиты можно и нужно опираться, активизировать и направлять их на удержание этих субъектов Федерации в ее составе, в полной мере используя для этого их весьма значительные (в том числе и неформальные) ресурсы.

Разделение России на несколько крупных региональных блоков при любом последующем развитии событий будет оставаться чудовищной трагедией. Однако до тех пор, пока в этих блоках не сложится самостоятельное управление, контролирующее силовые структуры, финансы, связь и ключевые хозяйственные объекты, распад России будет оставаться обратимым, и не то что последовательные усилия, но даже простая демонст-

рация новым федеральным центром минимальной разумности и уважения к гражданам страны вернет «временно отпавшие» регионы обратно в состав единого государства.

Разумеется, если в отдельных регионах процессы сепаратизации успеют зайти дальше, чем в основной их массе, интересы нового руководства этими регионами, стремящегося к укреплению собственной власти, объективно войдет в противоречие с общенациональными интересами восстановления целостности страны. В этих условиях никакие сантименты по отношению к людям, ставящим интересы личной власти выше общенациональных общероссийских интересов (если, конечно, такие люди действительно найдутся), не могут быть оправданы. С противниками реинтеграции России, принадлежащими к тем или иным региональным элитам, придется поступать быстро и решительно, так, как положено поступать в чрезвычайных по сути дела ситуациях с изменниками Родины — какими они, строго говоря, и окажутся.

Разумеется, этот подход ни при каких условиях не может распространяться на обычных людей, которые могут под воздействием пропаганды и собственных личных бедствий впасть в добросовестное заблуждение. Человек, не участвующий лично и непосредственно в общественном управлении, оказывает качественно меньшее влияние на общество, чем член его элиты; соответственно, он должен нести и качественно меньшую ответственность перед обществом.

Поэтому после устранения непосредственной опасности, исходящей от разного рода сепаратистских движений, участие в них для обычных членов общества не должно рассматриваться как что-то порочащее ни государством, ни обществом в целом. В конце концов, каждый имеет право на заблуждение, и если это личное заблуждение не нанесло никому вреда (а в отношении людей, не участвующих в общественном управлении, это соответствует действительности хотя бы в силу незначительности их индивидуального влияния), оно не является не только преступлением, но и проступком.

После преодоления угрозы распада России рядовые участники сепаратистских движений, не совершившие уголовных преступлений, могут быть судимы всецело и исключительно только судом собственной совести. Даже моральное осуждение их, учитывая возможные реалии предстоящего нам всем системного кризиса, представляется чрезмерным, а в конечном счете — и неоправданным.

Конечно, разделение России, даже временное, качественно затруднит и заметно отдалит начало ее модернизации. Преодоление этого разделения потребует быстрой и жесткой реакции федерального центра, а также сверхусилия со стороны всего российского общества.

Вместе с тем нельзя исключать возможности того, что именно это разделение вызовет тот шок, который покажет российскому обществу глубину пропасти, на краю которой оно оказалось, и пробудит его к активному, сознательному и самоотверженному историческому творчеству. Тем самым именно оно станет началом возрождения России, ее политической и социально-экономической модернизации.

Конечно, никаких гарантий этого нет, и шансы на распад и окончательную гибель после начала разделения будут более высокими, чем шансы на возрождение. *Бог шенно !!!*

Однако последние все же останутся, и если мы, не дай бог, окажемся перед лицом начавшегося разделения страны, мы должны будем помнить, что это еще не конец, что ситуация еще не безнадежна и обратима. Оказавшись в ситуации начавшегося распада, ответственные силы общества *должны будут* не опускать руки, не предаваться отчаянию и не переходить к решению задач личного спасения, но удесятерить свои усилия для того, чтобы показать стране критичность ее положения и, пробудив ее, превратить национальный кризис в катарсис.

Никто и никогда не знал и не знает, где проходит последняя линия обороны России. Поэтому, столкнувшись с угрозой распада, мы должны будем сражаться в каждой точке так, как будто она и есть последняя линия обороны. Только так мы сможем сохранить нашу страну — если, конечно, дело действительно дойдет до начала ее наглядного и очевидного разделения.

Между прочим, восстановление разрушенных связей и реинтеграция — это задача, которую нам предстоит решать практически при любом развитии событий, вне зависимости от того, сохранится ли Россия к моменту формирования в ней ответственной власти в нынешних границах, разделится ли на несколько «кусков» или же, наоборот, прирастет некоторыми новыми территориями¹.

Экономически и политически Россия не может эффектив-

¹ Хотя при нынешней власти, похоже, искренне полагающей, что Мироздание имеет форму кошелька (как Клоп-говорун в «Сказке о Тройке» Стругацких считал, что Вселенная имеет форму матраца), прирастание России новыми территориями выглядит откровенно ненаучной фантастикой.

но участвовать в глобальной конкуренции без в первую очередь Украины, а также Белоруссии, Казахстана и Туркменистана. Более того: без них она даже не может устойчиво развиваться. Поэтому реинтеграция с указанными государствами, которая может быть результатом только политической модернизации России и становления в ней ответственного перед своим обществом государства, в свою очередь, является категорическим условием социально-экономической модернизации России.

При этом наша страна получит необходимую возможность обогатить себя достижениями своих соседей, не мучительно «изобретая велосипед» в каждом отдельно взятом случае, а просто используя то, что уже сделано и доказало свою эффективность.

Вклад Украины понятен: это глубокий демократизм, естественный для народа, по сути дела совершившего восстание. Никакие политтехнологи и медиаманипуляторы просто не успеют за ближайшие годы вытравить это общенародное чувство, — по крайней мере, до той степени, в которой это наблюдается в России. Реинтеграция с Украиной, какие бы усилия ни предпринимали для недопущения ее наши политиканы и коррупционеры, сделает российскому обществу сильнейшую и необходимую для него «прививку демократии» — не формальной, сводящейся к разрушительному заимствованию западных институтов, но подлинной, характеризующейся общей ответственностью за свое будущее и неразрывно связанным с нею глубоким чувством собственного достоинства.

Вклад Белоруссии в общую культурно-управленческую копилку столь же очевиден. Это умение создавать и поддерживать полезный для народа и соответствующий его интересам и устремлениям порядок при некоррупцированных (по крайней мере, относительно сегодняшней России) силовых структурах и государственном управлении в целом. Весьма полезны также наработанные белорусской системой государственного управления навыки эффективного использования на благо общества весьма ограниченных ресурсов, которые, в отличие от российской демократической пропаганды, отнюдь не сводятся к умению «выбивать» из России дешевый газ.

Наконец, Казахстан — едва ли не единственное из постсоветских государств, руководство которого, при всех недостатках, смогло проводить рыночные преобразования, не слепо копируя разрозненные западные образцы, а осмысливая их и приспособляя к реалиям своей страны. В результате реформы в целом оказались не только не вредны, но даже полезны для экономики

и общества. При этом казахстанское руководство проводило последовательную и достаточно успешную политику модернизации правящей элиты, преодоления естественной на первых порах провинциальной ограниченности, вписывания этой элиты в разнообразные процессы современной глобализации без утраты ею не только национального своеобразия, но и патриотизма.

Понятно, что для сегодняшней России не только этот достаточно разнообразный и разносторонний опыт, но даже и сама его принципиальная возможность выглядит чуть ли не как откровением. В сфере модернизации элиты, не говоря уже о социально-экономической сфере, Казахстан настолько обогнал деградирующую Россию, что представляет собой для нее прямой и непосредственный ориентир.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ РЕШЕНИЕ КОНКРЕТНЫХ ПРОБЛЕМ

Дорога в тысячу ли начинается с одного шага.
Дорогу осилит идущий.

*Китайская и древнеримская поговорки,
ставшие русскими*

После краха движения народников — прежде всего морального, ибо именно это движение, из-за отчаяния, охватившего в конце концов лучших и наиболее искренних его представителей, выродилось в действительно жуткий по тем временам и вбивший клин между государством и разумной частью общества эсеровский террор (а этот-то клин и сделал неизбежной революцию), — да и всех вообще попыток реализации на практике теории «малых дел» поверить в возможность решения каких бы то ни было серьезных российских проблем за счет их последовательного поэтапного решения просто невозможно.

От этого подхода отдает безнадежной европейскостью в самом схоластическом и затхлом, самом вульгарном и примитивном ее понимании.

Однако дело в том, что при масштабе проблем, стоящих перед сегодняшней и тем более завтрашней, бьющейся в агонии системного кризиса России ни о каких «малых» делах, да еще и растянутых во времени, просто не может быть и речи!

Сегодня бессмысленно спорить с упертыми западниками о наличии у России «своего пути» даже при вполне научной решенности этого вопроса еще в начале XX века. Напомним, что тогда мно-

жеством мыслителей и философов было доказано, что формальное, внешнее приятие западных стандартов может только разрушить, а никак не создать Россию. И весь опыт и царской, и советской, и демократической, и авторитарной власти в нашей стране убедительно подтвердил это: слепое заимствование внешних рекомендаций вело к краху, учет национальной специфики, в том числе национального характера, — к победам и расцвету.

Понятно, что идеологизированные либеральные фундаменталисты и профессиональные «слуги режима» не способны не то что услышать голос разума, но даже захотеть прислушаться к нему. Однако в сегодняшней и завтрашней России уникальный масштаб и глубина проблем предопределяет и уникальность методов их решения, которые тоже должны иметь уникальный масштаб и, соответственно, с уникальной глубиной преобразовывать, «перелопачивать» все наше общество!

При этом острота практически всех этих проблем — будь то массовая бедность (причем работающих людей, а не опустившихся люмпенов, поколениями сидящих на социальной помощи государства, как в развитых странах), бездомные дети, организованная преступность и разгул наркомании, коррупция в силовых структурах и прежде всего милиции, разрушение инфраструктуры жизнеобеспечения, отсутствие возможности получить качественное образование, разрушение здравоохранения, отсутствие нормального жилья и многих, многих других — такова, что даже незначительные усилия в соответствующих сферах обеспечат ощутимые для широких масс населения перемены к лучшему.

Современная правящая бюрократия в принципе не сможет это сделать — ей это просто незачем и, кроме того, за 15 лет национальной катастрофы у действующего государства просто атрофировались соответствующие структуры. Даже простое указание на эти проблемы, даже безобидное упоминание о методах их решения (вроде «промышленной политики») вызывает истерическую реакцию правящей бюрократии и активное отторжение соответствующих лозунгов вместе с теми, кто имел неосторожность их выдвигать.

Поэтому, какими бы элементарными, напрашивающимися, несложными и недорогими ни были методы решения стоящих перед страной проблем (основные будут описаны в главе 18¹),

¹ А наиболее подробное описание необходимой социально-экономической политики дано в книге Михаила Делягина «Россия после Путина. Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция?». М., «Вече», 2005.

правлящая Россией бюрократия органически не способна не то что применить, но даже воспринять эти методы.

Именно поэтому она будет последовательно разрушать Россию и ударными темпами доведет ее до системного кризиса.

Именно поэтому возродить Россию сможет только то поколение политиков, которое придет ей на смену.

При этом граждане нашей страны настолько истосковались по здравому смыслу и хотя бы минимальной ответственности, что новому руководству для завоевания массовой поддержки и возбуждения самого широкого оптимизма будет достаточно обеспечить хотя бы маленький, самый локальный, самый робкий поворот к лучшему.

Российское общество автоматически предоставит колоссальный «кредит доверия» всякой власти, которая добьется хотя бы незначительного, но реального улучшения (ибо рекламой обмануть людей уже очень сложно) ситуации.

А это значит, что терапевтическое лечение терзающих страну социально-экономических недугов обеспечит такой энтузиазм и доверие к власти, что угроза распада страны (представляющаяся простым отражением массового недоверия населения и региональных элит федеральному центру) просто перестанет существовать.

Исключительно важно, что лечение это может быть только терапевтическим. Не только потому, что лимит мер хирургических исчерпан и они могут привести к смерти истощенного разнообразными «шоками без терапии» общества, которое, кстати, и не верит уже в саму возможность полезного шока, но и потому, что российские проблемы по самой своей природе требуют для своего решения именно постепенных, последовательных терапевтических, а никак не хирургических мер. Исключения из этого правила, конечно же, есть, но они крайне ограничены по своим масштабам и связаны в основном с организацией борьбы с разного рода преступными сообществами, укоренившимися в том числе и в современной правящей бюрократии.

Таким образом, России нужен сегодня (и будет нужен завтра) не хирург, но терапевт (а с учетом состояния российского общества — скорее даже педиатр). И для излечения нашего общества, для перехода к его скорейшей модернизации в сегодняшней и завтрашней ситуации не нужно исключительных знаний и умений (хотя и отказываться от них заранее — грех). Достаточно простого здравого смысла и правильной мотивации —

стремления руководителей страны в первую очередь к общественному благу, а не к личной корысти.

И здесь напрашивается естественный вопрос: а каким же образом обретут и, самое главное, сохранят после прихода к власти эту мотивацию будущие лидеры нашей страны?

Что помешает им после первых же незначительных успехов и получения связанного с ними «кредита доверия» начать «почивать на лаврах» и успешнейшим образом переродиться в новую реинкарнацию компрадорской буржуазии, разрушающей страну?

Что заставит их служить общественным интересам не в ходе завоевания и упрочения власти, но по завершении этого процесса? Ведь тогда непосредственной угрозы их положению уже не будет существовать, а общество будет вполне подвластно им и контролируемо ими — хотя бы в силу того доверия и уважения, которые будет испытывать к ним за выход из системного кризиса.

К сожалению, всерьез рассчитывать на демократию как стандартный для развитых стран Запада инструмент принуждения государства к ответственности просто не приходится. Российское общество, даже после своего выхода из системного кризиса, еще длительное время будет оставаться не только разложенным, но и незрелым для восприятия стандартных демократических форм и процедур. Перенесенные в недостаточно развитое для них общество, они, как это обычно бывает (и как мы можем наблюдать на примере современной России), вырождаются в простые декорации, скрывающие прямо противоположное их сути и предназначению содержание государственного управления.

Это отнюдь не значит, что для мимикрии под развитые страны и для улучшения отношений с Западом в модернизирующейся России не будут воздвигнуты новые декорации, своего рода «потемкинские деревни» формальной демократии. Однако это будет не более чем вынужденный акт маскировки, не влияющий на реальное содержание государственного управления и тем более не способный сохранить ответственность лидеров страны перед своим обществом.

Эту ответственность, как представляется, будет обеспечивать совершенно иной, значительно более примитивный и неприятный механизм — страх.

Люди, пришедшие к власти сквозь кошмары системного кризиса, навсегда запомнят свой путь и навсегда же будут кон-

тужены им. Ярким примером служит Брежнев и члены его Политбюро, которые, по всей видимости, так и не узнав (как, впрочем, и весь советский народ), что же на самом деле произошло в 1941 году, на всю оставшуюся жизнь были потрясены ужасами большой войны, и еще через 40 лет после 1941 года подчиняли всю свою политику и все свои помыслы недопущению повторения этих ужасов.

Н. С. Г.
Ведь «лишь бы не было войны» был лозунгом не только народа и не только обмана народа и удержания его в покорности; это был лозунг, отражающий самые глубинные чаяния и высшего руководства страны, оказывающегося, таким образом, единым со своим народом.

Удивительная история
Здесь была
Вот этот
Автор данной книги хорошо помнит, как профессиональные коррупционеры и истинные реформаторы заглянули в причину вызванного их последовательными действиями кризиса, разразившегося в стране после дефолта 1998 года (когда с конца августа и как минимум до середины сентября в стране, например, резко сократилась интенсивность грузоперевозок по железной дороге). Они ужаснулись, испугались и стали исполнять свои непосредственные служебные обязанности исключительно старательно и аккуратно, понимая, что, если они будут работать плохо или только на себя, как они привыкли, в стране может произойти экономический коллапс, спастись в котором будет исключительно трудно или вообще нельзя.

911?
Кризис 1998 года был относительно небольшим. Он был вызван лишь неправильной финансовой политикой государства, и простая ее отмена в сочетании с некоторыми разумными преобразованиями стабилизировали положение. С другой стороны, и либеральные фундаменталисты были уже тогда крайне развращены всей своей предшествовавшей деятельностью. Поэтому испуга им, как сейчас несложно вспомнить, хватило ненадолго — большинству на считанные месяцы.

Предстоящий нашему обществу системный кризис будет значительно более всеобъемлющим, опасным и пугающим, близким скорее к 1941, чем к 1998 году, да и впечатление от него будет сохраняться в душах людей, значительно менее развращенных и более цельных, чем профессиональные реформаторы.

И люди, пришедшие к власти в результате системного кризиса, навсегда запомнят, что бывает при пренебрежении национальными интересами и подчинении их личной корысти, и навсегда же, до дрожи и истерики испугаются последствий этого.

Сама глубина системного кризиса преобразует этих людей, навсегда впечатает в них свой след и, как перенесенная оспа, изуродовав их психику в той или иной степени (а без этого в политической борьбе не обходится), принудительно привьет им ответственность перед своей страной. ~~НЕТ!!!~~

Не «по-хорошему» — через демократию, а «по-плохому» — через страх, но, по крайней мере, не менее надежно.

Да, эта прививка будет действовать на протяжении политической жизни лишь одного, посткризисного поколения лидеров и руководителей России. Однако, даже если забыть о том, что в отсутствие формальной демократии успешные лидеры правят своими странами долго, это поколение как минимум, начав полномасштабную комплексную модернизацию, обеспечит в результате нее рост благосостояния и реальной образованности общества, из которых вполне естественно и органично и разовьется демократия. Это принципиально важно: только по мере восстановления благосостояния и человеческого капитала, но никак не раньше, без всякого забегания вперед.

И следующие поколения российских руководителей будут принуждаться к ответственности перед своим обществом уже «по-хорошему», через если и не стандартные, то близкие и постепенно приближающиеся к ним демократические процедуры.

~~НЕТ!!!~~

Да! Собравшиеся... и только учёт
важно, обеспечить учёт, ... и только учёт
не более!! А дальше учёт не будет иметь смысла
как ходят!!! Но это не демократия!!! Да
всего лишь демократическая дилемма
за историю учётно **ГЛАВА 17** обновление!!

НОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ: ПРОСВЕЩЕННЫЙ АВТОРИТАРИЗМ И НИЗОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ

АВТОРИТАРИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ

Думая о перспективах России, необходимо очень четко разделять желаемое (и то для ограниченного круга интеллектуалов) и возможное. Стандартные демократические институты в современной России немногим более актуальны, чем в исламских странах Африки. Они преждевременны, так как драматически превышают возможности общества (даже после того, как его разбудят) и, помимо прочего, не соответствуют его глубинным желаниям. Поэтому их импорт приведет к хаосу и новой дестабилизации.

Демократические институты хороши тем, что они наиболее полно и надежно обеспечивают учет управляющей системой мнений и интересов общества. Но эта «наибольшая полнота» соответствует вполне определенному, достаточно высокому уровню развития самого общества, без учета которого ее обсуждение не имеет смысла и порождает опасности.

Так, «Мерседес» лучше велосипеда (особенно трехколесного), но требует определенных навыков водителя. При попадании за руль «Мерседеса» человека с навыками водителя велосипеда он перестает быть замечательной машиной и становится смертельной угрозой всему окружающему. Уровень развития российского общества после 15-летней деградации, которая продолжается и сейчас полным ходом, не соответствует вполне объективным требованиям, предъявляемым к нему институтами современной демократии.

Если же говорить о «демократии» не по форме, а по сути, то есть по соответствию принимаемых решений мнениям и инте-

Второй шаг в борьбе с авторитаризмом - это обеспечение учётно

на изменение...
362
...избрало царя.

ресам общества, окажется, что авторитарная модернизация и является первым шагом этой демократии. Может, это и ужасно, но защиты повседневным выживанием люди действительно не хотят и не имеют сил участвовать в принятии решений, определяющих их собственную жизнь, и автоматически делегируют эту ответственность «наверх», — по крайней мере, до тех пор, пока их жизнь из-за ошибок руководства страны не становится непереносимо тяжелой. И авторитарная модель, более соответствующая устремлениям, интересам и мнениям сегодняшних россиян, как это ни парадоксально, является более демократичной, чем формально демократическая модель, навязываемая Западом.

Успех Путина в очень большой, если вообще не решающей степени вызван именно пониманием того, что, как говорил один из наиболее интеллигентных либералов России, «разным людям нужны разные права». И это не хамский снобизм богатого москвича, а отражение реальной разницы в структуре потребностей.

Весьма существенно, что учет интересов населения не только возможен, но и неизбежен именно при политике авторитарной модернизации. Ведь ради модернизации всем членам общества придется прилагать весьма серьезные личные усилия, а значит, они должны будут получать то или иное вознаграждение.

Заимствование у развитых стран демократических институтов может носить формальный характер и не только не быть связано с улучшением жизни людей, но и с отвлечением их от их собственных интересов. Например, борьба в парламенте может быть использована (в том числе сознательно) для отвлечения людей от своих насущных нужд (как эстрада, спорт и иные зрелища), а умеренно оппозиционные СМИ могут вбивать людям в головы представления о постыдности и неоправданности их жизненных интересов (как это делали либеральные СМИ в середине и конце 90-х годов).

Таким образом, политика авторитарной модернизации вынужденно вызовет к жизни реальную демократию (учет мнений и интересов общества), а вот развитие демократических институтов вполне может ограничиться одними этими институтами, то есть демократией формальной.

Конечно, лучше быть свободным и богатым, чем порабощенным (пусть даже собственной, а не иноземной бюрократией) и бедным. Но когда больному и глупому человеку на голову сваливаются деньги, он отнюдь не становится богатым. Он их пропивает или теряет иным способом.

Кратко и по существу обобщая вышесказанное. Между авторитарной и демократической моделями модернизации нет принципиальной разницы. В обоих случаях речь идет о создании сильного государства.

и то их это разделение... надо было... не допустить системы...

...это и есть демократия... в том смысле, в котором мы понимаем это слово...

Тупая и наивность

русские люди не
развиты, не умеют
на немощи сидеть?

это страна денег
и денег!

Как бы мы ни мечтали о более совершенном устройстве общества, оно до этого устройства должно дорасти, медленно и постепенно. Общественное устройство не может опередить в своем развитии основную часть людей, которые его образуют. Принципиально важно, что этот рост и воспитание современного российского общества будет происходить в борьбе не только с соседями, но и с собственной элитой, включая коммерческую, просто потому, что элита, держащая активы у стратегических конкурентов, не может служить своему обществу и в лучшем случае вынуждена служить конкурентам. Обычно же современные российские компрядоры даже не задумываются об этом, искренне считая своей Родиной не ту страну, которой они управляют, а ту, где, как выразился один из коммерческих олигархов, «хорошо моим деньгам».

Конкурентоспособность страны сегодня — это постиндустриальные (то есть преимущественно интеллектуальные) производства. Большое постиндустриальное общество неминуемо будет внутренне неустойчиво и противоречиво, так как из-за сверхэффективности постиндустриальных технологий на всех его членов работы гарантированно не хватит, и придется отвлекать ресурсы на поддержание индустрии и сельского хозяйства просто в качестве богадельни, чтобы люди не сошли с ума от безделья. А это будет воспроизводить соответствующую социальную структуру общества и массовые ценности, несовместимые с постиндустриальными. Почему там же в России?

В свою очередь, сосуществование в обществе несовместимых систем ценностей требует ограничения демократии и определенного авторитаризма, так как иначе эти ценности начнут бороться друг с другом и уничтожат общество. Мы это помним по Советскому Союзу и видим это сейчас — с поправкой на распространение технологий формирования сознания — в США.

Кроме того, не стоит забывать тот тривиальный факт, что постиндустриальные производства объективно требуют квалифицированной рабочей силы и рынков.

Квалифицированную рабочую силу, если Россия вдруг начнет ее готовить в сегодняшних условиях, у нее отберут стратегические конкуренты. Действительно, работать на Западе, а последние годы и в Китае (не говоря уже про Иран) значительно приятнее, а часто и выгоднее с чисто материальной точки зрения. Освоение другой страны в условиях глобализации — уже не только захват ее природных ресурсов, но в первую очередь вытягивание из нее мобильных финансов и интеллекта.

это не совсем объективные страны

Как будет российское общество удерживать необходимую ему для модернизации квалифицированную рабочую силу? Вопреки материальному интересу удержать можно только идеологией, а это уже не демократия в ее современном, формально-западном понимании.

В условиях глобализации демократия доступна лишь для сильных, развитых участников глобальной конкуренции, которые могут побеждать остальной мир на равных. Остальным нужен «гандикап», наиболее доступной формой которого является идеология. С формальной демократией она уживается с величайшим трудом, а без исторической привычки и вовсе не уживается.

Далее: для любого производства необходимы рынки.

Интересно, кто из стратегических конкурентов России пустит ее постиндустриальные производства, если они появятся, на внешние рынки, хотя бы третьих стран? Да на свой собственный российский рынок не пустят (и не пускают, и не только «пост», но и простые индустриальные технологии).

Значит, для нормального развития страны нужен разумный протекционизм в сочетании с экспансией на внешние рынки.

Это экономическая азбука — да вот только какой же демократ решится на протекционизм? В рамках открытого общества и свободы слова конкуренты — транснациональные корпорации — смешают его с грязью так, что он всю оставшуюся жизнь будет только отмываться, доказывая, что он не коррупционер и антисемит — и, скорее всего, не отмоется. Протекционизм может сочетаться с демократией только у сильных участников глобальной конкуренции — у развитых стран, для которых транснациональные корпорации являются «своими», а не «чужими».

Ведь стандартные демократические институты — и это очень важно — обслуживают интересы не одного только населения, а всех значимых общественных сил. Когда общество из закрытого становится открытым, в число этих сил неминуемо входят и его конкуренты. Когда же общество является при этом еще и относительно слабым (в первую очередь экономически), его конкуренты начинают при помощи стандартных демократических институтов преобладать при выработке политики его же собственного государства над его собственными населением и бизнесом.

Что, собственно говоря, мы и видим в России с самого начала горбачевской «демократизации».

Принципиально важно, что все наработанные в XX веке со-

поставимые модели авторитарного и демократического управления касаются закрытого общества, а мы живем в открытом. В открытом обществе системные ошибки авторитарного управления, связанные с объективным несовершенством человеческой природы как минимум уравниваются ошибками демократического управления, вызванными влиянием стратегических конкурентов.

Авторитаризм в этих условиях становится жизненно необходимой для общества формой протекционизма, на сей раз политического, — формой защиты от захвата внешними конкурентами уже не товарных рынков и даже не производительных сил, а самой интимной, самой сокровенной части общественного механизма — механизма выработки и принятия решений.

Разница между авторитарными и демократическими политическими институтами в том, что первые в сегодняшней России могут обеспечивать демократию по существу (то есть наиболее полный учет мнений и интересов общества), хотя при наличии безответственного руководства могут и не обеспечивать (что мы видим). Вторые же обеспечивают демократию по форме, но по существу обеспечить ее не могут.

В средне- и тем более в краткосрочном плане в случае ответственного перед страной и сколь-нибудь вменяемого управления авторитарные ошибки меньше демократических и оставляют возможность успешного экономического развития. А в долгосрочном плане, когда авторитарные ошибки, накапливаясь, достигнут неприемлемого уровня, за счет экономического развития уже можно будет выползти на демократизацию¹.

Проблемы авторитаризма вполне очевидны.

Прежде всего, это жесткость, негибкость принимаемых решений, однако проблема эта, по крайней мере, частично снимается при помощи повышения качества государственного управления и предоставления прав местному самоуправлению.

Главная проблема — отсутствие механизма принуждения государства к ответственности перед обществом. Однако после системного кризиса страх перед его повторением будет таким, что его хватит для принуждения к ответственности как минимум целого поколения государственных деятелей. Идеологизация общества, распространение позитивного реваншизма также

¹ И вообще, россияне значительно лучше знают недостатки авторитаризма, чем демократии, и это создает диспропорции в нашем сознании — «каждый кулик хавт свое болото».

способствует решению этой проблемы, как, впрочем, и последней — чисто эстетического отторжения со стороны главной производительной силы общества — его образованной части.

Распространенное представление о невозможности строить демократию и постиндустриальное общество при помощи авторитарных методов основано на невежестве и настойчивом отрицании фактов.

Есть прямо опровергающие этот тезис примеры Китая, Малайзии и Южной Кореи, не говоря уже о Японии, где в период ее взлета была однопартийная система, и только сейчас она превращается в полупарламентарную. В двух последних странах авторитарно создавалась индустрия, которая потом трансформировала государство в сторону относительной демократии, но в двух первых с самого начала создавалось не только индустриальное, но и постиндустриальное общество, причем создавалось вполне авторитарными методами.

Не стоит забывать и о том, что в России стоит задача не только создания постиндустриального общества, но и индустриального, — хотя бы потому, что постиндустриальные технологии в силу их сверхпроизводительности и ограниченной емкости потенциально доступных для нас рынков не прокормят 110 млн чел. сверх тех условных 30 млн, которые кормятся за счет экспорта сырья.

Наконец, индустриальные и постиндустриальные технологии различны, но они не отвергают друг друга: диалектически отрицая индустрию, постиндустриальные технологии тем не менее вырастают из нее и во многом обслуживают ее. Развить постиндустриальные технологии на пустом месте в должном объеме не удастся — индустрия должна быть как минимум питательной средой для постиндустриального общества.

Разумный авторитаризм, как доказала история XX века, идеально совмещается с индустрией (и, более того, во многом прямо порождается ей) и при некоторых усилиях с его стороны — с постиндустриальными технологиями.

Ограниченность количества примеров авторитарного построения постиндустриального общества (как и то, что они относятся к другой историко-культурной парадигме, к другой цивилизации) вполне компенсируется полным отсутствием противоположных примеров — успешного самостоятельного построения демократии и постиндустриального общества демократическими, а не авторитарными методами.

Да, авторитарно их строить очень тяжело, но все-таки мож-

но. А вот демократично (разумеется, в западном, формальном понимании демократии), по крайней мере, в современных условиях глобальной конкуренции и широчайшего применения технологий формирования сознания — нельзя.

При разговоре о перспективах демократии и авторитаризма в современной России представляется исключительно существенным мнение российского философа и писателя М. Веллера, по которому демократия в современном западном понимании (свобода атомизированной личности) выражает стремление к энтропии. В то же время закону нарастания энтропии неизбежно противодействует закон самоорганизации систем (или их структурирования) — без этого «тепловая смерть» Вселенной уже давно бы наступила.

В отношении человеческих обществ стремление к самоорганизации и структурированию выражается как стремление к регламентации (традиционалистской либо бюрократической).

Доведенная до абсурда, эта тенденция так же губительна, как и неограниченная личная свобода; нормальное, плодотворное состояние общества — соединение этих принципов в некоторой пропорции, зависящей от исторического момента (и в конечном счете, вероятно, от доминирующих технологий).

В России маятник исторического развития дошел до упора вправо и теперь неминуемо пойдет влево (как заявил Сурков примерно в 2002 году, «к власти придет левая партия — вопрос, когда и какая именно»). В мире этот же маятник дошел до упора в своем движении к демократии в западном понимании (энтропии в общефилософском) и теперь пойдет к авторитаризму в западном понимании (самоорганизации и структурированию систем).

Разумеется, внутри исторического «теперь» может утонуть и десяток лет, однако история убыстряется вместе с технологическим прогрессом, а признаки удушающего развитие роста регламентации и бюрократизации на Западе (причем далеко не только в Евросоюзе) налицо.

Существенно, что сейчас в России складывается управляющая система, вполне приспособленная к проведению авторитарной модернизации. Проблема состоит лишь в том, что нынешняя элита в силу принципиальной недоступности для нее ответственности перед обществом (ибо она стала элитой за счет его осознанного ограбления и разрушения) органически не способна провести эту модернизацию. В результате творцы (точнее, инстинктивные копиисты) управляющей системы, приспособ-

собленной для авторитарной модернизации, с маниакальным упорством пытаются применять ее в ненадлежащих целях организации массового грабежа. По степени разумности и эффективности это напоминает использование молотка для отвинчивания гаек.

Однако при смене элиты, неизбежной в условиях системного кризиса, преграда для авторитарной модернизации исчезнет, и Россия, воспользовавшись созданной управленческой модернизационной инфраструктурой, возобновит процесс развития, прерванный национальной катастрофой последних 15 лет.

В силу сложности задач, объективно требующих концентрации власти, модернизацию (как это, строго говоря, происходит везде и всегда) будет непосредственно осуществлять исполнительная власть, а законодательная и судебная будут выступать в роли всего лишь ее помощников. Соответственно, мы будем рассматривать направления модернизации именно исполнительной власти, подразумевая также неизбежное развитие характерной для России низовой демократии — мало формализованного, во многом стихийно складывающегося местного, а часто и вообще «соседского» самоуправления¹. (Между прочим, на что весьма убедительно указал С. Кара-Мурза, такое самоуправление традиционно является историческим преимуществом России перед развитыми странами, так как в силу своей неформальности оно исключительно гибко, адаптивно и дешево. Ведь неформальные лидеры и не помышляют о получении зарплат и офисов, занимаясь самоорганизацией своей жизни и жизнью окружающих «между делом», в свободное время. Это же обеспечивает надежную защиту такого самоуправления, имеющего форму инстинктивной реакции общественного организма на внешние раздражения, от бюрократизма, и разумный минимум — по простой логике экономии личных сил — вмешательства такого управления в жизнь общества.)

Конечно, местное самоуправление противоречит авторитаризму центральной власти. Но это противоречие не смертельно.

¹ В критических обстоятельствах, при столкновении с необходимостью прямого взаимодействия с правящей бюрократией такое самоуправление начинает оформляться — и тогда возникают «инициативные группы жильцов», забастовочные комитеты, а в совсем сложных обстоятельствах — и Комитеты спасения. После снижения в силу тех или иных обстоятельств остроты проблем, вызвавших эти формы к жизни, такое самоуправление естественным образом «расслабляется», возвращаясь к своему исходному, неформальному состоянию.

ное и не непримиримое: оно существовало в российском обществе практически всегда, и, по крайней мере, в период объективной необходимости авторитаризма для проведения технической модернизации с ним можно жить. А затем, когда авторитаризм (учитывающий мнения народа и потому более демократичный по сути, чем насаждение формально демократических институтов, разрушающих реальную демократию из-за несоответствия уровню развития общества) обеспечит приемлемый уровень жизни, несовместимость с ним местного самоуправления станет одним из механизмов его отмирания.

Созданная в сегодняшней России управленческая инфраструктура, особенно в части исполнительной власти, при всей приспособленности к решению задач модернизации, в полной мере несет на себе печать разложения правящей бюрократии. Поэтому она нуждается в глубоком совершенствовании и весьма существенной доработке.

Главным, наиболее значимым и совершенно необходимым направлением этой доработки представляется создание институциональных предпосылок для ее ответственности и эффективности.

ПРИНЯТИЕ РУКОВОДСТВОМ СТРАНЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СВОИ ДЕЛА

К настоящему времени в России сложилась уникальная по своей порочности система управления, в которой президент страны определяет стратегию деятельности государства и утверждает законы, а ответственность за реализацию этих стратегии и законов лежит, соответственно, на непосредственно реализующем ее правительстве и принимающей законы Госдуме.

Эта византийская по своей сути система, вполне соответствуя пагубному историческому принципу «царь-то у нас хороший, только бояре плохие», практически снимает с руководства страны ответственность за его действия. Институционально оформляя безответственность лидера государства, она тем самым создает объективные предпосылки не только для дезорганизации, но и деградации всей системы государственного управления России.

Стала нормой анекдотическая и в принципе не допускающая никакого нормального управления ситуация, при которой председатель правительства в принципе не имеет возможности

добиться от члена правительства (при этом руководителя гражданского, а не силового ведомства, подчиняющегося напрямую президенту) выполнения своих указаний! И ничего странного здесь нет, так как руководитель федерального органа исполнительной власти назначается и снимается не премьером, а президентом, перед которым и несет всю полноту ответственности. Премьер же может (и то в самых крайних случаях) «отыгрываться» лишь на заместителях министров.

Для устранения этого институционального порока следует, отбросив сомнения и страхи, со всей решимостью преодолеть разделение функций стратегического и тактического управления, которое в сегодняшней России носит глубоко искусственный характер. На практике это означает не так уж и много: «всего лишь» совмещение постов президента и премьера: об эффективности государственного управления в нашей стране придется забыть до тех пор, пока не будет установлено, что президент по должности обязан не только формировать, но и непосредственно возглавлять правительство.

Соответственно, необходимо объединить и администрацию президента с аппаратом правительства, перейдя к некоторому подобию наиболее логичной и внутренне стройной американской системы государственного управления.

Следует отметить, что, несмотря на большое количество фиктивных аргументов, призванных всего лишь скрыть страх за возложение на руководителя страны реальной ответственности за ее состояние, против перехода к американской системе есть и одно весьма существенное содержательное возражение. Дело в том, что в развитых странах исполнительная власть всегда и без каких-либо исключений уравнивается не вмешивающимся в ее текущую и даже стратегическую деятельность моральным авторитетом, выступающим арбитром в ситуациях системного конфликта и тем более общенационального кризиса. В парламентских республиках это президент или (в конституционных монархиях) монарх, в США данная роль не персонализирована, но ее в целом выполняет развитая судебная система.

Однако в силу исключительности задач модернизации, стоящих сегодня перед Россией, и невозможности (при всем желании) отнести ее к категории развитых стран подобное уравнивание на современном этапе представляется искусственным, преждевременным и в конечном счете неуместным. Оно будет не столько обеспечивать, сколько мешать реализации интересов

Это все уже происходит с правит. воли Габ. 2000!!

общества, требующих решительных и энергичных мер. В силу объективных причин «сдержки и противовесы» исполнительной власти, стремящейся к модернизации (речь, разумеется, не идет о современной власти), будут служить не «молчаливому большинству» россиян, но энергичному, корыстному и контролирующему значительную часть страны меньшинству, связанному в первую очередь с нынешней силовой олигархией (а также с сохранившейся коммерческой олигархией эпохи Ельцина).

Лишь по мере решения наиболее насущных задач модернизации начнется, вместе с органичным развитием демократии, и формирование элементов, балансирующих верховную власть. При всем уважении к судебной системе и необходимости ее независимости от исполнительной власти, полноценное уравнивание верховной власти судебной системой в России в обозримом будущем не представляется возможным (в том числе и в силу русского национального характера, не говоря уже о национальных характерах ряда других российских народов).

Поэтому, по всей вероятности, по мере развития демократии государственное устройство нашей страны будет постепенно эволюционировать к некоему подобию французской системы, представляющей собой тщательно проработанный и потому дееспособный компромисс между парламентской и президентской республиками. Как в ней уникально высокая роль президента при самостоятельном премьере представляется историческим наследием де Голля, если также не Наполеона, так и в будущей российской системе подобная же относительно высокая роль президента будет наследием исключительных заслуг руководителя, обеспечившего модернизацию.

Однако в современной России прямой переход к подобной системе не представляется целесообразным именно в силу своей избыточной демократичности. Помимо того, что общество не успеет развиваться до уровня, достаточного для того, чтобы пользоваться системой «сдержек и противовесов», эта система сама по себе не позволит обеспечить эффективность и концентрацию власти, необходимую для решения задач модернизации, которые по мере промедления нынешней власти все более становятся чрезвычайными.

В результате, разрушив в основном созданный сегодня инструмент авторитарной модернизации, уравнивающая власть лидера страны внешне цивилизованная и демократичная система «сдержек и противовесов» уничтожит в условиях недоступности для современного российского общества демок-

необходимо
2008/08/08

ратической модернизации саму возможность модернизации как таковой.

Поэтому, несмотря на объективное отсутствие в России эффективно действующего в США сдерживания верховной власти судебной системой, для проведения успешной модернизации и институционального закрепления ответственности главы государства перед обществом президент должен возглавлять правительство и непосредственно руководить его работой.

Функции его заместителя должны быть существенно ближе к функциям российского вице-премьера, чем американского вице-президента, функции которого не определены и который является не более чем «запасным игроком». В результате, если в силу внутривластных компромиссов вице-президент не входит непосредственно в личную команду президента, он рассматривается последней как потенциальный конкурент и либо используется как принципиально не пользующийся реальным влиянием «мальчик на побегушках», либо основное время своей работы мается откровенным бездельем.

Российский вице-президент, также являясь в силу своего положения «запасным игроком», в отличие от своего американского коллеги должен нести и целый ряд постоянных содержательных нагрузок. Прежде всего, на него следует переложить исполнение всех чисто представительских и протокольных функций высшей государственной власти, под которыми слишком наглядно изнемогает, например, президент Путин.

Кроме того, он должен оставаться «на хозяйстве» в его отсутствие, руководя деятельностью гражданской, то есть не силовой и политической, а социально-экономической части правительства. Силовые же и политические ведомства должны подчиняться только президенту напрямую и даже в его отсутствие (речь, разумеется, не идет о каких-либо чрезвычайных ситуациях, полномочия в условиях которых должны регламентироваться отдельно) не должны даже координироваться вице-президентом. Роль последнего, таким образом, в случае отсутствия президента на рабочем месте представляет собой некоторый аналог современного председателя правительства.

В России не должно быть ни заместителя, ни самого президента

ИНТЕГРАЦИЯ СИСТЕМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Переход к фактическому назначению (под прикрытием трансформации системы их избрания) губернаторов, вне зави-

симости от мотиваций и политического значения данной меры, создал объективную возможность интеграции федеральной и региональной систем государственного управления по типу систем, существующих в наиболее эффективных коммерческих корпорациях.

Следует оговориться, что отличие государства от корпорации носит принципиальный характер и обусловлено не столько наличием у государства значительных социальных обязательств (которые в рамках социального партнерства зачастую принимают на себя и корпорации), сколько коренным различием целей. Корпорация объективно обречена стремиться к увеличению своей прибыли, государство же — к увеличению своего населения¹ (забвение этих целей рядом корпораций и государств, обычно ведущее к самым пагубным результатам, отнюдь не отменяет их и даже не ставит под сомнение).

Тем не менее схожесть ряда ключевых выполняемых функций, особенно управленческих, позволяет использовать в аппарате государственного управления значительные элементы корпоративной системы управления (в том числе систем управленческого учета). Именно этим путем в течение XX века шло совершенствование систем государственного управления в развитых странах, именно на этом пути (иногда даже прямым приглашением специалистов по корпоративному управлению для совершенствования управления государственным, как это было, например, в США с Робертом Макнамарой²) были достигнуты наиболее значимые результаты.

¹ Рост численности населения рассматривается здесь как единственное надежное доказательство создания для него по-настоящему комфортных условий, наиболее полно соответствующих человеческой природе (в бедных странах резкий рост населения наблюдается и при незначительных для внешнего наблюдателя, но важных для населения улучшениях условий его существования).

Разумеется, в определенных исторических обстоятельствах рост населения может превратиться в проблему и даже вызвать к жизни усилия государства по его замедлению (как это, в частности, было в Индии и, при всех послаблениях, сохраняется в Китае). Однако эти усилия вызваны не отказом от цели как таковой, а лишь недостаточностью ресурсов для ее достижения, и эти исключения лишь подтверждают общее правило: государства заинтересованы в росте числа своих граждан и в соответствии условий их жизни их внутренним потребностям. Сокращение численности населения в развитых странах, вызванное потребительской ориентацией, свидетельствует о глубоком внутреннем неблагополучии соответствующих обществ.

² Правда, в этом конкретном случае ситуация была несколько более

Основные функции управления являются общими и для государства, и для корпорации. Это собственно стратегическое и оперативное управление процессами, инновации, контроль, разрешение споров (суд), предоставление услуг.

Прежде всего, следует признать: прежняя система организации федеральной исполнительной власти России, в которой все функции были сосредоточены в министерствах, контролирующих сами себя, действительно была глубоко неэффективной. Проблема заключалась в том, что пришедшая ей на смену в результате административной реформы 2004 года управленческая система оказалась не только не лучше, но даже еще хуже: она не только не решила практически ни одной из имеющихся управленческих проблем, но еще и добавила к ним весьма значительное количество новых¹.

В связи с этим следует установить, что государственное управление представляет собой объединение функционального и отраслевого управления, осуществляемого федеральными органами исполнительной власти, и территориального управления, осуществляемого главой региональной исполнительной власти — губернатором. При этом функции федеральных органов исполнительной власти и губернатора должны быть жестко разделены по каждому конкретному вопросу.

Неминуемые конфликты, вызываемые объективно обусловленным различием интересов центрального и территориально-

сложной. Во время войны Макнамара, родившийся в 1916 году, служил в ВВС США, занимаясь совершенствованием управления, и после войны с блеском реализовал свои управленческие наработки в корпорации «Форд», с поста президента которой пришел в администрацию Кеннеди на пост министра обороны. Таким образом, технологии управления первоначально были отработаны на военных, затем перенесены в крупный бизнес и после соответствующей доработки возвращены в государство на общенациональный уровень.

Строго говоря, такова общая судьба большинства принципиальных инноваций. Однако в области управления крупный бизнес настолько эффективно использовал первоначальные уроки (а государство, лишенное угрозы войны, наоборот, «расслабилось»); что, по крайней мере, с середины 50-х годов уверенно опережает государство по эффективности управления, оставаясь для него своего рода «маяком». При этом он сконцентрировал под своим контролем основную часть исследований в этой сфере, закрепив, таким образом, свое лидирующее положение.

¹ Подробнее см. об этом в книге Михаила Делягина «Россия после Путина. Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция?». М., «Вече», 2005.

Организационный
связь + структура

го управления (а также неизбежные по той же причине конфликты между федеральными ведомствами), должны разрешаться на единой основе Административным судом или, для избежания смешения терминов, Комиссией по административным спорам — специальным компактным органом в составе аппарата президента (объединяющим нынешние администрацию президента и аппарат правительства), находящимся под контролем президента и специально назначенного Наблюдательного совета.

А.Н.Д.Ф. +
испр. власти
+ Президент

Контрольные функции, сегодня дезорганизованные и размытые до полной неопределенности, должны быть переданы специально выделенным органам с хорошо развитой обратной связью. При этом контроль в различных сферах должен осуществляться разными структурами: технологический контроль (включая экологию) — органом в составе правительства, контроль за соблюдением закона — силовыми структурами по ведомственной компетенции и (в части надзора) Генпрокуратурой, политический и управленческий контроль — специальной структурой в составе аппарата президента.

Контрольные функции в рамках компетенции федерального центра на всей территории страны должны осуществляться только федеральными структурами. Любое вмешательство в этот контроль со стороны губернатора представляется совершенно недопустимым. Если губернатор (или руководитель федерального органа исполнительной власти) не согласен с предписанием контрольного органа, он обращается в Комиссию по административным спорам, которая решает вопрос в кратчайшие сроки на основе прецедента.

Функции контроля и разрешения споров должны быть строго разделены, а занимающиеся ими структуры — не только не зависимы друг от друга, но и никак (по крайней мере, институционально) не связаны друг с другом.

Функции оказания государственных услуг должны быть отделены от управления как такового и максимально централизованы для облегчения контроля. Совершенно неприемлемым является сегодняшнее положение дел, при котором оказывающие услуги от имени государства агентства подведомственны министерствам, причем каждое своим, особым образом, а оказываемые ими услуги в результате децентрализованы. Достаточно указать, что не существует никакой структуры, на деле борющейся с таким широко распространенным явлением, как незаконное лицензирование (более того — в реальной жизни ни

один орган на деле не контролирует и процесс выдачи лицензий).

В частности, все государственные закупки должны осуществляться через единую Федеральную контрактную корпорацию, находящуюся (как наиболее коррупциогенная по выполняемым функциям структура) под особо жестким постоянным многоуровневым контролем.

Функции инноваций, сегодня размытые до полного отсутствия, должны быть сконцентрированы в специальных структурах: технологические — в Министерстве науки и технологий, управленческие — в аппарате президента. Эти структуры должны заниматься организацией экспертизы, принятием решений о внедрении тех или иных рассматриваемых предложений и их коммерциализацией.

Аппарат президента должен объединять все информационные потоки и быть единственной структурой государственного управления, владеющей всей картиной в целом.

Принципиально важно, что региональное управление, как это обеспечено в наиболее эффективных коммерческих структурах не только в развитых странах, но уже давно и в России, должно не строиться по принципу «удельных феодальных княжеств», а быть полностью интегрировано в единую общенациональную систему государственной исполнительной власти.

В частности, вице-губернаторы и руководители департаментов региональных правительств, курирующие вопросы общенационального значения, должны подчиняться не губернатору, но профильному органу федеральной исполнительной власти и принимать все необходимые решения в соответствующей сфере.

Губернатор должен лишь координировать их деятельность — и то за исключением руководителей силовых, кадровых и финансовых структур (в том числе определяющих размер оплаты труда сотрудников региональных органов власти). Эти руководители должны предоставлять ему информацию о своей деятельности и планах в касающейся его части, но оставаться при этом полностью самостоятельными и не быть объектом даже координации с его стороны.

Конфликты между руководителями региональных структур исполнительной власти (или между ними и губернатором) должны рассматриваться на федеральном уровне — Комиссией по административным спорам аппарата президента страны.

Губернатор не должен обладать контрольными функциями в отношении вопросов, имеющих общенациональную значимость.

107
Более того: принципиально важно и то, что он не должен иметь возможность принимать решения о финансировании, которые должны находиться в компетенции руководителей соответствующих региональных структур исполнительной власти.

Данная концепция управления достаточно необычна для современной России и производит впечатление достаточно сложной. Тем не менее она действует и давно уже доказала свою эффективность в коммерческом секторе, в том числе и в нашей стране.

Правда, ее реализация становится возможной исключительно за счет перевода всей системы государственного управления на качественно иную технологическую основу — с бумажного на электронный документооборот.

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ: «ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР»

Замена бумажного документооборота электронным будет по-настоящему эффективна лишь в том случае, если она будет полной, то есть касающейся не только всех органов государственного управления, но и всех взаимодействующих с ними корпораций, по крайней мере, крупных. (Строго говоря, это касается в основном государственных или огосударствленных в той или иной форме корпораций, так как частные владельцы во многом уже давно перевели свои управленческие структуры на электронный документооборот; связанные с современным российским государством структуры не сделали этого, как правило, потому, что подобный перевод кардинально, драматически сокращает возможности воровства.)

Переход с бумажного на электронный документооборот важен не потому, что позволит экономить бумагу (хотя в США экономия за счет этого составила несколько миллиардов долларов в год) и услуги почтальонов (что представляет особый интерес именно для России, в которой значительная часть документов пересылается исключительно дорогостоящей фельдсвязью).

Главное значение этого перехода заключается в колоссальной, качественно меняющей весь характер и все технологии государственного управления экономии времени.

В самом деле: после перехода на электронный документооборот любое решение может приниматься не только практически мгновенно, но и с учетом значительно более широкого

круга данных. При этом вся связанная с принятием того или иного решения информация может сохраняться навсегда и являться легкодоступной (а при необходимости — и общедоступной).

Колоссальная экономия времени будет достигаться и за счет резкого ускорения процедуры разрешения споров, которая может быть поставлена на своего рода «конвейер». Так, следует установить, что любой конфликт между органами государственной власти, не разрешенный ими самостоятельно в течение суток, должен автоматически передаваться на рассмотрение Комиссии по административным спорам в аппарате президента, которая, в свою очередь, должна (действуя по прецеденту) принимать решение также в течение суток (в крайнем случае двух).

Таким образом, практически любая типичная конфликтная ситуация может и должна быть урегулирована в течение двух суток, а нетипичная должна урегулироваться в течение трех суток.

Для сравнения: сегодня только на подготовку ответа вышестоящей структуре российский орган государственного управления имеет неделю, а равной по положению или нижестоящей — месяц. Но и эти сроки систематически нарушаются как из-за отсутствия реального контроля и наказания за их срыв, так и в силу перегруженности лиц, имеющих право подписи (в результате административной реформы весь документооборот, например, Министерства экономического развития с его более чем 50 департаментами, шел через 3 человек — министра и двух его заместителей; после некоторого увеличения числа заместителей министра ситуация улучшилась, но не принципиально).

При сопоставлении рассмотренных сроков не следует забывать, что применительно к сегодняшнему аппарату государственного управления речь идет именно не более чем о подготовке ответа, часто заведомо бессодержательного, а отнюдь не о самом решении возникшей проблемы! В современной системе государственного управления внутриаппаратный диалог может тянуться практически любое количество времени, обсуждаемый вопрос может таким образом «замыливаться», а переливание из пустого в порожнее продолжаться годами. Бессодержательный обмен документами может переживать в этих условиях не только своих участников (периодически получающих новые назначения), но в целом ряде случаев и саму проблему.

Существенно, что при каждом обращении в Комиссию по

111 административным спорам участник спора должен обязательно определять ориентировочную «стоимость проблемы», то есть ущерб от ее неправильного решения или отсутствия ее решения. Если Комиссия соглашается с аргументами, определяющими эту стоимость, признанный ею виновным чиновник (которым в принципе может быть и сам инициатор обращения) получает соответствующие «штрафные очки». Для каждой должности в структуре государственного управления следует устанавливать лимит допустимых «штрафных очков», которые могут быть набраны в течение года (естественно, чем выше должность, тем, в соответствии с масштабами принимаемых решений, должен быть выше этот лимит). Чиновник, превысивший этот лимит, автоматически понижается в должности или увольняется, так как его ошибки создали угрозу нанесения неприемлемого ущерба.

Любой чиновник и, шире, любой гражданин страны должен иметь право и возможность обратиться (в первую очередь по электронной почте) в любой орган государственного управления, и ему должны дать быстрый и содержательный ответ.

При этом система электронного документооборота должна быть устроена так, чтобы руководители федеральных органов исполнительной власти и губернаторы имели свободный доступ ко всей деловой электронной переписке (а вся деловая переписка, кроме особо секретной, должна вестись исключительно в электронной форме) своих подчиненных. Соответственно, представители контрольных структур должны иметь свободный доступ ко всей переписке, имеющей отношение к контролируемым ими сферам и вопросам.

Помимо этого, в рамках системы электронного документооборота должна быть создана система конфиденциальной связи, по которой каждый чиновник (в идеале — и гражданин страны) имел бы полную возможность обратиться в контролирующие органы, в Комиссию по административным спорам или к президенту с жалобой. При этом он должен иметь гарантию, что его имя не будет раскрыто тем, на кого он жалуется, а его жалоба не будет направлена им же на рассмотрение (как это обычно происходит сейчас и часто происходило в СССР).

Любое решение о трате средств федеральными органами исполнительной власти или (при превышении некоторой пороговой, небольшой суммы) региональными органами исполнительной власти (вне зависимости от того, является ли соответствующий регион дотационным или же регионом-донором)

должно реализовываться только после его одобрения Федеральным казначейством. Последнее должно, как и сегодня, иметь право мотивированно остановить любой платеж, но, в отличие от современной ситуации, должно принимать соответствующее решение в течение не более чем одних суток. ИИ

Качественное ускорение документооборота позволит кардинально, в десятки раз сократить численность аппарата государственного управления и резко снизить расходы на его содержание. Но главное заключается в непредставимом сегодня повышении его эффективности и оперативности принятия решений, которое произойдет при переходе на описанную выше модель.

Полная прозрачность принимаемых решений, соответствие их жестким процедурам и нормативам, наличие большого количества контуров обратной связи, в том числе и конфиденциальной, создаст (в качестве своего рода «бонуса») объективные институциональные и технологические предпосылки для существенного ограничения коррупции.

Конечно, прежде всего необходимо создать сами эти предпосылки: изменить структуру органов государственного управления и перевести его на электронный документооборот.

Затем следует создать материальные предпосылки: существенно повысить зарплату и социальные гарантии чиновникам (в значительной степени это уже сделано в рамках укрепления социальной базы правящей бюрократии), привязав на формальной основе (в том числе и через число набранных каждым «штрафных очков») уровень их оплаты к эффективности их работы.

И лишь после этого, на третьем этапе следует провести масштабную чистку аппарата государственного управления — не для сокращения его численности (она должна быть проведена на первом этапе, в ходе реструктуризации аппарата государственного управления), но для того, чтобы убить пронизывающую его сегодня культуру коррупции. В российских коммерческих структурах доля увольняемых на этом этапе составляет, по имеющимся (безусловно, неполным и отрывочным) данным, от 50 до 90% руководителей всех уровней.

В современном государстве следует как минимум увольнять всех чиновников, не способных объяснить происхождение крупного имущества своих семей после 1987 года. Подобная проверка должна быть проведена в отношении всех лиц, занимавших за это время ответственные посты в системе государственного уп- IXI

X
13
4
1
равления даже в течение короткого времени (начиная с должности заместителя начальника департамента федерального ведомства).

Представляется, что прежде всего эта процедура должна быть осуществлена в отношении силовых структур, которые играют ключевую роль в процессе государственного управления даже в наиболее развитых странах.

Затем следует осуществить одномоментное обновление состава судей всех судов (включая арбитражные), подобное проведенному де Голлем во Франции. Стоит напомнить, что, добившись принятия новых законов, он в рамках судебной реформы в одну ночь уволил всех судей, так как они, будучи чиновниками высокого ранга, в целом сотрудничали с немецко-фашистскими оккупантами и были склонны к коррупции. Нынешний судебный корпус, как представляется, в целом страдает теми же недостатками: он сотрудничал, сотрудничает и будет сотрудничать с разрушающей страну правящей сегодня бюрократией и, насколько можно понять, склонен к коррупции.

Для искоренения культуры массовой коррупции после оздоровления хотя бы ключевых элементов силовых структур в течение длительного времени представляется целесообразным осуществлять масштабное и разнообразное провоцирование чиновников на получение взяток (по образцу операции «Шейх», проводимой ФБР в США) с их последующим увольнением. Другой мерой, вполне доказавшей свою эффективность, представляется освобождение бизнесменов-взяточников (да и обычных граждан) от ответственности в обмен на сотрудничество со следствием против вымогавших у них взятки чиновников (по образцу операции «Чистые руки», проводившейся в Италии).

Для восстановления общественных (да и аппаратных тоже) представлений о справедливости и необходимости ответственности за последствия своих действий представляется необходимым провести широкомасштабный показательный судебный процесс в формате Нюрнбергского трибунала. Он должен будет детально исследовать весь ход российских реформ с 1987 года и выявить хотя бы наиболее серьезные и опасные преступления, совершенные в их ходе представителями высшей государственной власти нашей страны.

Поскольку цель этого трибунала заключается не в мести, а в нормализации массового общественного сознания и возвращении в него человеческой морали, основное значение должна иметь не тяжесть наказания, а сам факт прямого и ясного обо-

значения преступных действий, а также их общенародное осуждение. Поэтому даже в случае выявления тяжких преступлений с не истекшим сроком давности (например, преступлений против человечества) приговоры этого суда должны быть относительно мягкими, а точнее — как можно более мягкими (для восстановления в российском обществе культуры прощения) и находящимися при этом в прямом соответствии с наличием или отсутствием раскаяния преступников за свои преступления.

7/4

Трибунал должен быть актом в первую очередь не уголовного, но морального осуждения разнообразных преступлений, совершенных под флагом социально-экономических реформ, — и, соответственно, инструментом морального возрождения не только общества, но и государственной власти.

В то же время следует понимать, что никакой контроль по самой своей природе никогда не сможет быть всеобъемлющим и безошибочным. Поэтому даже самый совершенный по структуре аппарат государственного управления объективно требует своего скрепления идеологией, единым патриотическим духом, не допускающим коррупцию в недостаточно поддающиеся контролю структуры (суды, контролирующие органы, Комиссию по административным спорам и ее Наблюдательный совет), а пассивность — в структуры, призванные принимать творческие решения.

В целом идеологизированных «пассионариев» требуется относительно немного, что делает задачу их отбора и привлечения (а со временем и воспитания) вполне решаемой.

* * *

Проведение административной реформы по описанным принципам создаст в России самый эффективный аппарат государственного управления в мире и кардинально повысит ее глобальную конкурентоспособность, превратив его в действенный инструмент не только всеобъемлющей модернизации, но и завоевания глобального лидерства.

7/4

**РАЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
ФЕДЕРАЛЬНОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ**

1. Президент — глава государства и одновременно правительства. Его аппарат (И)¹ включает Комиссию по административным спорам (К), глава которой подчиняется президенту лично.

2. Вице-президент (выполняет представительские функции, остается «на хозяйстве» во время отсутствия президента).

3. Политический блок (подчиняется только президенту лично):

1. *Федеральная служба расследований*² (К).
2. Министерство обороны.
3. Министерство внутренних дел (включая современное МЧС).
4. Федеральная служба безопасности (К).
5. Служба внешней разведки.
6. Министерство иностранных дел.
7. Министерство юстиции (К).
8. *Министерство по делам национальностей*.
9. Федеральная служба охраны (включая управление системами государственной связи) (К).
10. Министерство финансов (включая таможенную службу) (К).

4. Социально-экономический блок (в отсутствие президента управляется вице-президентом):

¹ В приводимом приложении ведомства, выполняющие, помимо функций управления соответствующими сферами, инновационные функции, помечены буквой «И», выполняющие контрольные функции — буквой «К». *Курсивом* выделены вновь создаваемые ведомства. В скобках указаны функции, перераспределяемые между ведомствами.

² Федеральная служба расследований, как это предполагается с 1994 года, должна стать некоторым аналогом ФБР и сконцентрировать следствие и оперативно-розыскные действия по всем особо тяжким преступлениям и борьбе с организованной преступностью и коррупцией. Эти функции должны быть переданы ей из сегодняшних МВД, ФСБ, Госнаркоконтроля (который не имеет права на существование в качестве самостоятельного ведомства) и Генеральной прокуратуры, которая должна стать исключительно надзорным органом (в сегодняшней ситуации она сама ведет следствие и сама же надзирает за ним, что во многом и обуславливает ее весьма специфическую репутацию).

11. Министерство экономики (включая Минрегионразвития и все отраслевые ведомства, кроме Минатома).
12. Министерство атомной промышленности.
13. *Министерство внешнеэкономических связей.*
14. *Министерство антимонопольной политики (К).*
15. Министерство здравоохранения.
16. *Министерство труда и социальной защиты (К).*
17. Министерство культуры.
18. *Министерство образования.*
19. Министерство науки и технологий (И).
20. Министерство природных ресурсов.
21. Федеральная комиссия по финансовым рынкам (К).
22. *Государственный комитет по стандартизации.*
23. Государственный комитет по технологическому надзору (К).
24. Государственный комитет экологии (К).
25. Государственный статистический комитет.

Таким образом, несмотря на представляющуюся очевидной необходимость создания 7 новых федеральных ведомств, количество самостоятельных федеральных органов исполнительной власти сократится более чем на четверть — с 34 (а включая службы и агентства, «подведомственные» министерствам, но также являющиеся федеральными органами исполнительной власти — с 85) до 25.

ГЛАВА 18

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ВРЕМЕННАЯ КОНЦЕНТРАЦИЯ РЕСУРСОВ¹

Модернизация общества — это прежде всего модернизация человеческого и производственного капитала. Конечно, возрождение будет успешным, только если пойдет через созидание новой российской цивилизации, через обретение новой идентичности, однако это, как представляется, будет неизбежным, хотя и косвенным результатом последовательной деятельности по решению содержательных проблем, в первую очередь социально-экономических и политических.

Формирование новой цивилизации, как и укрепление моральных качеств, как и масштабные изменения общественной психологии, представляет собой неявный, результирующий процесс. Уверенность в его успешном исходе придает формирование ответственного государства, что подразумевает овладение государственной машиной народом. Между тем именно этот процесс и является содержанием рождения нации, которая, по давней социологической истине, представляет собой именно «народ, овладевший государством».

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Первая и главная проблема современной России, без всякого преувеличения уничтожающая ее человеческий капитал, — массовая нищета и доминирующая в обществе бедность (при-

¹ В наиболее полной и развернутой форме социально-экономическая стратегия модернизации России изложена в книге Михаила Делягина «Россия после Путина. Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция?». М., «Вече», 2005.

чем бедность, как правило, именно работающих, а не характерная для развитых стран бедность опустившихся и сидящих на «социале» люмпенов).

Первое, что надо сделать в современной России, — гарантировать каждому реальный прожиточный минимум, являющийся экономическим выражением права на жизнь. На основании официальных данных в 15,8% населения России, имеющих доходы ниже прожиточного минимума (хорошо коррелирующих с данными социологических исследований), можно предположить, что численность людей, нуждающихся в подобной гарантии, составляет примерно 22,8 млн чел.

Среднее отставание от прожиточного минимума можно оценить (разумеется, также примерно) в 1 тыс. руб. в месяц. Это значит, что годовая стоимость обеспечения прожиточного минимума для всех граждан России составляет в ценах и в ситуации 2005 года 270 млрд руб., что является вполне посильным для современного федерального бюджета (это 7,5% его расходов в 2005 году, 21,8% от объема Стабилизационного фонда на конец этого года и лишь чуть-чуть более половины средств, выплаченных им за год в порядке досрочного, то есть совершенно не обязательного погашения внешнего долга).

Более того: равномерная выплата этой суммы в течение всего года гарантированно не приведет к сколь-нибудь заметному ускорению инфляции — просто потому, что инфляция в современной России вызвана произволом монополий, а не динамикой денежной массы и, таким образом, носит немонетарный характер. Более того: именно по этой причине дополнительная и одномоментная, а не растянутая на 12 месяцев выплата из федерального бюджета аналогичной суммы (262 млрд руб.) сверх среднемесячных расходов предшествующего года, осуществленная в конце декабря 2004 года из-за несовершенства бюджетной системы, по целому ряду исследований (в том числе и специалистов наиболее авторитетного в сфере макроэкономики Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования) не привела ни к каким заметным инфляционным последствиям. То же самое можно сказать и о 257 млрд руб., также дополнительно и одномоментно выплаченных федеральным бюджетом в декабре 2005 года (январское ускорение инфляции, как показывают исследования, вызывается не декабрьскими выплатами, но повышением регулируемых цен и тарифов на услуги естественных монополий и городского транспорта).

Это может быть признано практически идеальным экспери-

ментом: если одномоментная выплата некоторой суммы не имела инфляционных последствий, выплата этой же суммы, растянутая на весь год, тем более является инфляционно безопасной.

Впрочем, даже если бы это было и не так, обеспечение права граждан на жизнь должно быть для государства абсолютной обязанностью, исполнять которую оно должно любой ценой, в том числе, если иного пути не остается, и ценой ускорения инфляции.

Принципиально важно, что семьи с детьми должны иметь более значительные гарантии — не прожиточный, но социальный минимум, позволяющий вырастить детей полноценным членом общества. Более того: система социальных гарантий должна быть построена так, что каждый ребенок должен становиться для родителей своего рода «ключом» к существенному улучшению жизненных условий.

Молодые семьи должны при заключении брака иметь возможность получать низкопроцентный долгосрочный кредит «на обустройство хозяйства», который частично списывался бы с рождением каждого ребенка (например, 25% после рождения первого, 30% после рождения второго, 45% после рождения третьего).

Совершенно необходимой мерой, обеспечивающей нормализацию жизненных условий граждан России, представляется также ограничение оплаты услуг ЖКХ 10% доходов семьи. Это посильный для всех уровень, разгружающий бюджеты беднейших семей и не перекладывающей на государство расходы богатой части общества. В то же время бремя борьбы с произволом коммунальных монополий (которая и должна составлять суть жилищно-коммунальной реформы) перекладывается на тех, кто имеет возможности постоять за себя, — на федеральный бюджет и «средний класс» как ответственную часть общества.

Следует восстановить обязательно общедоступные, то есть в современных российских условиях бесплатные для малоимущих системы качественного образования и здравоохранения и на их основе — человеческий капитал, в первую очередь здоровье общества. При этом следует уделить особое внимание контролю качества предоставляемых услуг, ибо ни пациент врача, ни учащийся школы и тем более института в принципе не в состоянии оценить это качество и потому находится в информационно асимметричном, а следовательно, нерыночном отношении к продавцу услуг.

Деньги на это у государства есть.

Более того: это абсолютно рентабельная деятельность, так как повышение качества рабочей силы (при помощи ее лечения, обучения и воспитания, хотя бы силой примера государства, которому в России всегда подражают и в плохом, и в хорошем) резко снижает потребность в трудовой миграции. Соответственно, оно повышает внутреннюю однородность общества и ослабляет связанные с этим проблемы и расходы государства.

Государство просто не имеет права подходить к развитию социальной сферы с узко-бюджетной, бухгалтерской точки зрения, рассматривая ее лишь как направление расходов, подлежащих минимизации (или, что стало заметным в последние годы, подлежащих направлению в пользу связанных с конкретными чиновниками коммерческих структур и коррупциогенной «утилизации» ими).

Социальная сфера — это инструмент создания (рождения или привлечения извне, обучения и воспитания) главной производительной силы всякого общества — человеческого капитала. При правильном управлении социальные расходы являются высокорентабельными, хотя обычно и достаточно долгосрочными инвестициями.

Поэтому деньги для них (конечно, в разумных размерах и при помощи разумных механизмов, не порождающих иждивенчества и не вызывающих тем самым порчу человеческого капитала вместо его создания) у эффективного и ответственного государства будут находиться всегда, в любых условиях.

Благодаря длительному притоку нефтедолларов они есть даже и у нынешнего государства. Тем более есть они и для решения такой относительно малобюджетной, но стратегически и морально важной проблемы, как искоренение беспризорности. Необходимо не просто «убрать с улицы» бездомных детей, которых в якобы благополучной путинской России больше, чем после Гражданской войны. Их надо воспитать в стимулируемых государством семейных детских домах (в обычных — только тем, на кого не хватит семейных), вылечить от многочисленных болезней, компенсировать естественную для их образа жизни расшатанность психики, дать им качественное образование.

Для укрепления семей, восстановления семейных ценностей и стимулирования рождаемости следует восстановить массовое общедоступное жилищное строительство с тем, чтобы в обозримом будущем обеспечить доступным отдельным жильем со всеми удобствами каждую семью. И бедным семьям, для ко-

торых недоступна ипотека, надо будет предоставлять квартиры бесплатно — разумеется, не в собственность, а в долгосрочную аренду, но с доступной квартплатой и возможностью выселения только в случае грубейшей недобросовестности.

Весьма разумным подходом представляется передача квартиры в собственность семьи в случае рождения третьего или четвертого ребенка (разумеется, только в регионах с дефицитом населения).

Да, это нерыночный подход, но государство существует для гражданина, а не для рынка, и человечность для него должна быть превыше коммерческой выгоды — особенно если учесть, что, создавая качественный человеческий капитал, разумный государственный гуманизм приносит прибыль не только обществу в целом, но и самому государству. Таким образом, конфликт между бухгалтерским подходом либеральных фундаменталистов и реальными нуждами общества представляет собой противоречие не столько между «конкретным» рынком и «абстрактным» гуманизмом (как нас пытаются убедить официальные пропагандисты), сколько между кратко- и среднесрочными рыночными ориентирами, между сиюминутными тактическими операциями и имеющей перед ними объективный приоритет долгосрочной стратегией.

Все популярные в среде правящей бюрократии и официальных аналитиков разговоры об объективной предопределенности негативных демографических тенденций современной России и о невозможности изменить их методами социальной политики представляют собой проявления либо профессиональной ограниченности, либо глубочайшей недобросовестности.

Так, не вызывает сомнения, что сверхмертность взрослого (и особенно мужского) населения России всецело обусловлена социальными причинами, включая массовую утрату смысла повседневного существования. Точно так же обстоят дела и со сверхнизкой рождаемостью: средняя семья в современной России, по данным исследования Аналитического центра Ю. Леванды, хочет иметь 2,5 ребенка, — а имеет лишь полтора. Несмотря на значительный вклад в этот разрыв медицинских проблем (по ряду оценок, до трети российских семей не может иметь детей), которые, впрочем, также имеют явную социальную природу, основная причина того, что люди, которые хотят иметь детей, все же не рожают их, — чудовищно низкий уровень жизни и общая безысходность.

Решение этой проблемы способно в достаточно сжатые сроки дать России до 20 млн дополнительных к общему тренду детей (с учетом максимальной оценки численности бесплодных семей)!

В этой ситуации представители правящей бюрократии, без тени стыда объявляющие, подобно депутату О. Морозову, «ложью» любое утверждение, что демографические проблемы носят социальный характер, а причины вымирания российского (в первую очередь русского) населения отличны от причин вымирания сытой Европы, занимаются просто агрессивным оправданием разрушительной для России государственной политики. Тем самым они пытаются, обвиняя носителей здравого смысла во всех смертных грехах, включая ложь и продажность, неявно оправдать и самих себя.

Однако обращать внимание на подобные действия иначе, как при разборе персональной ответственности тех или иных представителей правящей бюрократии, — пустая трата времени.

Важными направлениями политики повышения качества человеческого капитала является также запрет или, по крайней мере, всемерное ограничение разрушающего физиологического и психологического здоровья населения бизнеса. Эта категория достаточно широка — от сетей быстрого питания во главе с вездесущим «Макдоналдсом», которые должны либо закрыться, либо продавать только полностью безопасные для здоровья человека продукты, до игорного бизнеса. Последний должен быть сконцентрирован на отдельных территориях типа Лас-Вегаса или индейских резерваций.

Лживая реклама (в том числе реклама, содержащая заведомо неполную информацию) должна быть приравнена к мошенничеству, которым она, собственно говоря, и является.

Наконец, при помощи в том числе и экстраординарных мер следует в кратчайшие сроки уничтожить на территории России наркомафию и торговлю людьми (в первую очередь детьми и женщинами). Технологически это возможно, и решение этой задачи представляет собой прямое условие выживания нашего общества.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО КАПИТАЛА

Исключительно важная задача, остающаяся открытой и по сей день, — обеспечить сохранность и доходность пенсионных

взносов. Ясно, что сделать это за счет бюджета невозможно (да и нелепо, так как, лишив смысла введение накопительной системы, сделает пенсионную систему России беззащитной перед инерционным негативным изменением демографических пропорций).

Между тем доходность пенсионных взносов можно обеспечить лишь их инвестированием в долгосрочные крупномасштабные модернизационные проекты, гарантированно рентабельные в среднесрочной перспективе, но не привлекательные для частного бизнеса в современных условиях из-за высоких политических рисков. Представляется принципиально важно, что при реализации этих проектов нельзя допустить возникновения заведомо недобросовестной конкуренции государства с частным бизнесом, то есть государство должно идти только в те сферы, которые «при прочих равных условиях» являются непосильными или неинтересными для частного бизнеса, и только в той форме, которая является минимально необходимой.

В первую очередь государство должно заняться модернизацией жилищно-коммунального хозяйства (за исключением наиболее обеспеченных городов, в которых эта задача является коммерчески привлекательной и где достаточно защитить инвестора от рисков неадекватного поведения самого государства и определить «правила игры», включая технологические требования).

В целом же государство должно модернизировать инфраструктуру, которая не станет рыночно привлекательной в ближайшем будущем. В первую очередь, помимо ЖКХ, это железные и автомобильные дороги, энергосистемы (в первую очередь сетевое хозяйство), аэропортовое хозяйство, гидротехнические сооружения.

Отдельная решаемая в ходе этой модернизации задача, требующая значительного увеличения масштабов и последовательности поддержки дальних перевозок, заключается в необходимости восстановления связности территории России, отсутствие которой грозит распадом по вполне прозаичным, исключительно хозяйственным причинам. Важным направлением работы является развитие конкуренции в авиаперевозках для снижения их стоимости и появления класса сверхдешевых пассажирских перевозок, как в Евросоюзе.

Крупномасштабные инвестиционные проекты с участием государства должны осуществляться под действенным контролем не только самого государства, но и (при возможности и ра-

зумных ценах) международных аудиторских и консалтинговых фирм.

Понятно, что масштабная модернизация инфраструктуры объективно потребует от государства разработки и реализации Программы развития и размещения производительных сил и Технологической стратегии (по образцу соответствующих программ развитых стран, благодаря которым они и стали развитыми), определяющих соответствующие приоритеты государства и дающие деловому сообществу необходимые ему предсказуемость и стратегические ориентиры.

Принципиально важно, что модернизация инфраструктуры, даже осуществляемая по считанным направлениям, в силу масштаба решаемых задач окажет исключительно большое влияние на все развитие страны. Массированная поддержка государством частных инвестиций, восстановление системы финансового контроля, ограниченные производительные (а не коррупционные) инвестиции самого государства силой не только примера, но и масштаба преобразуют, как это не раз бывало в мировой истории, «правила игры», сложившиеся в российской экономике. При этом произойдет кардинальное оздоровление не только всего инвестиционного и делового климата, но и самого облика общества, вовлеченного в массовое и повсеместное созидание. В частности, гражданам страны будет убедительно продемонстрирована не просто возможность, но и эффективность, и полезность производительного труда, в то время как возможности разнообразных спекуляций будут весьма существенно ограничены, а необходимость участия в них, превращенных реформами в единственно доступный миллионам россиян способ выживания, полностью отпадет.

Помимо модернизации инфраструктуры, ключевой задачей социально-экономической политики модернизации является обуздание произвола монополий. В частности, нужно добиться полной финансовой прозрачности естественных монополий. Они принадлежат государству (а если будут выведены из-под его контроля в ходе агонии правящей бюрократии, их придется возвращать обратно), и то, что оно до сих пор не сделало этого, свидетельствует лишь об отсутствии у него такого желания.

Однако дело здесь не столько в чиновной лени и технической сложности обуздания произвола монополий (хотя оба эти фактора, безусловно, имеют место), сколько в сложившейся в России политической системе. Действительно, если монополии будут лишены возможности завышения цен — за счет чего они

Будут платить поборы и взятки? Не стоит забывать, что за 2001—2004 годы, за которые, по имеющимся оценкам, величина вымогаемых у бизнеса взяток в валютном эквиваленте выросла в 8,5 раза, среднегодовые мировые цены на российскую нефть увеличились лишь менее чем на 30%.

Ну, а обуздывать монопольный произвол тех российских корпораций, которые превращены правящей бюрократией в некое подобие своих «кошельков», для нее и вовсе противоестественно: защита интересов экономики и граждан выльется в этом случае в самоограбление, в добровольное ограничение собственных доходов. В отношении нынешних руководителей российского государства это представляется невозможным в принципе. (Точно так же исключительно из-за политически обусловленного отсутствия желания государство так и не создало эффективных механизмов управления госсобственностью в интересах общества и действенный финансовый контроль.)

Для борьбы с наиболее разрушительными последствиями злоупотреблений монопольным положением следует не просто вести постоянный мониторинг цен наиболее значимых товаров и услуг, но предоставить антимонопольному органу государственного управления право в случае их резких колебаний временно устанавливать их предельный уровень, в том числе и снижая их. После этого должно проводиться расследование причин их колебаний. В случае необоснованного завышения цен, наносящего ущерб обществу и экономике, антимонопольный орган должен иметь право снижать их собственным решением. Необходимость подобного механизма (действующего, например, в Германии) связана с разрушительностью резких скачков цен, вызванных злоупотреблением монопольным положением. Антимонопольное расследование не нейтрализует их в силу своей длительности: пока удастся доказать факт подобного злоупотребления, проходят порой годы, в течение которых экономике наносится невосполнимый ущерб. Кроме того, злоупотребления монопольным положением часто недоказуемы, а иногда разрушительные спекуляции проводятся и вовсе неформальными монополистами и без предварительного сговора.

В целом следует обеспечить полномасштабное и безоговорочное исполнение государством своих неотъемлемых обязанностей, включая: установление норм и правил; обеспечение безопасности (в широком плане — от обороны до экологии и технических стандартов); стратегическое планирование; социальную помощь; решение необходимых обществу, но непосиль-

ных ему задач (включая развитие фундаментальной науки — из-за непредсказуемости окупаемости и развитие инфраструктуры — из-за долгосрочности окупаемости).

Исключительно важной задачей, значение которой нельзя переоценить, является восстановление единства общества, преодоление его разделения на чувствующих себя ограбленными и ограбившими. Наиболее прогрессивный инструмент (опять-таки давным-давно успешно реализованный в мировой практике, в посттэтчеровской Великобритании) — взимаемый в рассрочку компенсационный налог с владельцев крупнейших приватизированных предприятий, погашающий нанесенный обществу ущерб. Компенсационный налог должен быть равен разнице между реальной стоимостью предприятия в момент его приватизации и уплаченной за него суммой (разумеется, эту разницу следует увеличить на банковский процент за прошедшее время).

Как справедливо отметил М. Б. Ходорковский в «Левом повороте-2», с учетом масштабов воровства в российской экономике в середине 1990-х годов и отсутствия реального учета стоимость предприятия следует рассчитывать по самым простым и потому надежным методам — на основе данных об объемах его производства и мировых ценах (для производителей экспортного сырья).

Компенсационным налогом должны облагаться владельцы не только всех предприятий, приватизированных по «залоговым аукционам», но и в целом всех крупных и высокорентабельных предприятий России, приватизированных иным образом (и обязательно — всех экспортеров сырья, имеющего стратегическое значение).

Плательщиками компенсационного налога должны быть юридические и физические лица, приобретшие имущество в результате приватизации или владеющие интегрированными бизнес-группами, в которые входят соответствующие юридические и физические лица. Если приватизированное имущество перепродавалось после приватизации, сумма компенсационного налога распределяется между участниками сделок по результатам их рассмотрения с тем, чтобы оградить от его оплаты добросовестных приобретателей, купивших имущество по рыночным ценам. Это правило распространяется и на те случаи, когда государство или государственные корпорации выкупали первоначально приватизированные компании (наиболее известными примерами являются «Сибнефть», «Силовые машины»).

Выплата компенсационного налога осуществляется в рас-

срочку в течение не более чем 20 лет. Рассрочка устанавливается гласно, при желательном участии авторитетных международных консалтинговых и оценочных компаний, в зависимости от финансового состояния приватизированных предприятий и конъюнктуры соответствующих рынков и пересматривается при значительном изменении этой конъюнктуры. В случае неполной выплаты компенсационного налога приватизированное имущество отчуждается в собственность государства.

* * *

Вот на основе изложенного (ни в коем случае не на основе голый, а значит, и лживой пропаганды) уже можно воспитывать патриотизм, то есть понимание первоочередной значимости интересов своего общества, а не его конкурентов, в единстве с пониманием важности либеральных (права личности) и социальных (благополучие) ценностей.

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПРОВЕДЕННОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ РЕСУРСОВ

Захват «ЮКОСа», бывший, как признанно к настоящему времени даже официальными пропагандистами, «показательной» акцией, носившей избирательный характер и направленной на реализацию политических, а не правовых целей, окончательно оформил качественно новую модель взаимодействия государства с бизнесом и передал всю полноту власти над страной силовой олигархии.

Принципиально важно, что последняя, при всей своей бюрократической закостенелости, продолжает весьма активную эволюцию, создавая новые модели хозяйственно-политической деятельности и трансформируясь вместе с ними.

Новая модель, связанная с огосударствлением крупного бизнеса и всей национальной экономики в целом, наметилась в 2004 году, а в 2005 проявилась в полной мере, перестав вызывать даже сколь-нибудь серьезные споры. Принципиально важно, что огосударствление носит тотальный, всеобъемлющий и при этом многоуровневый характер.

Неявным, в памятной по самым затхлым брежневским временам (в которых члены путинской «бригады», строго говоря, и сформировались как личности и профессионалы) бюрократической манере не называемым, но подразумеваемым обоснова-

нием и оправданием этого огосударствления стали путинские национальные проекты.

Уже в момент их провозглашения практически не скрывалось (а зачем скрывать, когда СМИ под контролем и «это быдло будет думать то и так, что мы ему покажем по телевизору?»), что они носят фиктивно-демонстративный характер. По сути дела широко разрекламированные «проекты» сводились к механическому разбазариванию бюджетных денег и передаче их связанному с правящей бюрократией бизнесу при активизации разрушительных либеральных реформ.

Причина их появления представляется весьма простой: столкнувшись с отсутствием должного количества проработанных инвестиционных проектов и неспособностью подготовить их силами созданного им государства, Путин решил проблему обескураживающей элегантно, заменив инвестиционные проекты социальными.

Суть дела — рост на 180 млрд руб. (более 6 млрд долл.) расходов на социальную сферу для обеспечения не столько решения насущных социальных проблем и хотя бы сохранения человеческого капитала страны, сколько довольства политически значимых групп населения. Сам по себе масштаб расходов невелик (Стабфонд превысил 1,2 трлн руб. уже в конце 2005 года, а досрочные внешние выплаты федерального бюджета составили более 18 млрд долл. в 2005 году и запланированы в размере 12 млрд в 2006-м), но порок «национальных проектов» заключается в том, что они отнюдь не являются проектами в прямом, общепринятом смысле слова. Создается устойчивое впечатление, что они не сложились в ходе осознания необходимости достижения конкретных целей, а возникли как набор смутных ощущений в голове одного человека, откуда и были «спущены» госаппарату в качестве окончательной истины, не подлежащей не только сомнению, но даже и доработке.

В итоге их проработанность так слаба, что трудно говорить не только о «проектах», но даже и о «благих пожеланиях». В них отсутствует не только контроль, но и критерии успеха, и механизмы реализации, и даже содержательные цели (кроме разве что «доступного для некоторых» жилья). Их смысл в основном сводится к простому выделению средств на достаточно произвольно выделенное направление. Иногда обсуждаются случайно выявленные проблемы, но как выделяемые деньги будут способствовать их решению и почему именно выявленные проблемы являются ключевыми, остается неясным.

Недостаточность ситуативного реагирования на наиболее внятные пожелания политически «чувствительных» социальных групп очевидна. Так, значительный рост зарплат в медицине и образовании не сопровождается контролем качества их услуг и повышением квалификации. Нет и попытки решить главную проблему образования – трудоустройство выпускников вузов, из которых почти 80% получает гуманитарные дипломы, грозящие безработицей.

Таким образом, реальное значение путинских «национальных проектов» – демонстрация заботы о народе», создающая устойчивое впечатление начала новой избирательной кампании. Решение о проведении досрочных парламентских выборов в 2006 году на момент написания книги, правда, так и не было принято (может быть, и «еще», но скорее всего «уже»), – ну и что? При современном притоке нефтедолларов в бюджет и крупные корпорации избирательную кампанию можно начать и за два года до выборов.

При этом в силу мощности и монопольного положения официального пропагандистского механизма демонстрация заботы о людях сама по себе оказывается значительно более важной компонентой «национальных проектов», чем даже реальное обеспечение лояльности значительных социальных групп при помощи увеличения их доходов. Так, изначально объявленное Путиным повышение зарплат касалось лишь 8,2% врачей и около 5% медсестер (в ходе обсуждения эти доли выросли, но не принципиально), а в ходе выделения средств в начале 2006 года при их расчете выяснилось, что Минфин забыл о существовании Единого социального налога. В результате реальная прибавка, полученная относительно немногими счастливыми, оказалась на четверть ниже торжественно обещанной президентом!

При всем разложении путинского государственного аппа-

¹ Совсем гомерические ситуации возникли в ряде регионов и населенных пунктов, в которых власти отменили ранее введенные ими надбавки, просто заменив их президентскими (их можно понять, так как в силу политики финансового удушения регионов региональные и местные бюджеты в целом столкнулись с весьма существенными трудностями). В результате реальная прибавка, полученная, например, медсестрами, оказывалась иногда в 10 раз меньше обещанной и составляла не 5 тысяч, а лишь 500 рублей. Однако в данном случае имеет место не недобросовестность федеральных, а самоуправство региональных и местных органов власти, которое, как правило, достаточно быстро пресекалось федеральным центром.

рата подобная забывчивость при разработке по-настоящему значимых механизмов попросту невозможна.

Как было отмечено выше, истерическая пропаганда «национальных проектов» стала достаточно эффективным прикрытием и неявным обоснованием («вот для чего нам нужны ресурсы бизнеса!») всестороннего огосударствления, окончательно ставшего в 2005 году сутью всей государственной политики.

Прежде всего, в стране практически завершилась ползучая тайная национализация, при которой огромная часть бизнеса формально остающегося частным, поставлена под контроль силовой олигархии. Многие бизнесмены, как это отмечено в первой части книги, по сути, низведены до положения советских директоров, которые обязаны беспрекословно подчиняться современному аналогу обкома партии и несут всю полноту ответственности за последствия его указаний. Отличие в том, что прибыль от национализованного «теневым образом» имущества служит не государству, не обществу в целом, а силовой олигархии, то есть частным лицам, превратившим в инструмент личного обогащения насилие и угрозу применения насилия от имени государства.

Тайная, скрытая национализация дополняется явной — широкомасштабной скупкой разнообразными государственными компаниями, управляемыми представителями путинской «бригады» (в интересах, насколько можно понять, силовой олигархии, но никакого не «общества») крупных частных корпораций. При этом финансовая непрозрачность формально государственных корпораций позволяет использовать их финансовые ресурсы на нужды силовой олигархии и на цели обогащения отдельных лиц так же спокойно и эффективно, как и ресурсы формально частных, но неявно национализированных компаний.

Весьма важно, что огосударствление отнюдь не касается одной только экономической сферы.

Правящая бюрократия инстинктивно стремится подменить собой все российское общество. Сначала заменив создание гражданского общества сбором марионеточных Гражданских Форумов, она плавно дошла к фактической замене парламента анекдотической Общественной «палаткой», члены которой позволяют себе опаздывать на первое же её заседание (ну и что, что с участием президента!) на час с четвертью.

Неформальный лозунг — «общественная жизнь может финансироваться только ФСБ!» — воплощен в жизнь на законодательном уровне, причем даже после смягчения первичного за-

конопроекта, вызванного внешним давлением, правящая бюрократия сохранила полную возможность, когда шум стихнет, закрывать почти любые общественные организации по своему желанию.

Почти все независимые организации — от политических партий и молодежных движений до борцов с коррупцией, экологов и антиглобалистов — получают контролируемые (если не прямо создаваемые) правящей бюрократией и агрессивно нападающих на них «клонов».

Более того: в виде присвоения каждому гражданину России единого идентификационного номера с созданием соответствующего электронного досье, похоже, создается система тотальной электронной слежки, легко превращаемой в оружие репрессий.

Опыт распродажи официальных баз данных не позволяет усомниться в «прозрачности» будущих единых электронных досье. Кроме того, чиновники, вероятно, будут иметь доступ к более широкому кругу информации, чем нужно для выполнения служебных обязанностей. Все это может уничтожить тайну частной жизни.

Вводимая система может отличаться от американского *social security number* принципиальной возможностью создания в досье «закрытого» раздела, содержащего компромат, описание привычек, распорядка дня, связей, политических взглядов, характере человека.

Но главное заключается в том, что система единого электронного досье, как и все высокие технологии, требует соответствующей им относительно высокой организации общества. Сегодняшняя правящая бюрократия, как представляется, с легкостью может превратить ее в изощренный способ неформального репрессирования, сведения личных счетов или шантажа при помощи изменения или простой порчи данных. Отдаленное представление о последствиях дает включение автомашины недруга в базу данных угнанных автомобилей — с той разницей, что жертве махинации придется доказывать уже не право собственности, а собственную личность, причем на основе биологических критериев, требующих для идентификации (в отличие от простой фотографии) весьма сложного оборудования.

В отличие от становящихся нормой избиений и даже отравлений оппозиционеров, их, похоже, можно будет просто вычеркивать из жизни — например, заменой в базе данных их отпечатков пальцев (и иных биологических параметров) на чьи-либо иные.

Исключительные даже для нашей страны масштабы как явного, так и потенциального огосударствления весьма существенно упрощают решение вопросов, связанных с урегулированием отношений будущего модернизированного государства с личностью и бизнесом.

С одной стороны, восстановление возможности реализации минимальных гражданских прав на самоорганизацию и совместную деятельность, наведение минимального порядка в системе баз данных и защита частной информации весьма существенно улучшат положение личности и укрепят ее права, пробудив массовую благодарность к новому государству. Соответственно, оно с легкостью заслужит определенный «кредит доверия» и репутацию демократического, что позволит ему осуществлять необходимые жесткие меры, не только не наталкиваясь на сопротивление общества, но и, наоборот, даже пользуясь его поддержкой.

Но главное, конечно, заключается в упрощении организации будущих отношений с бизнесом.

В самом деле: учет его прав и интересов становится оправдан только по отношению к действительно частному бизнесу, не огосударствленному не только формально, но и скрыто. В том же случае, если формально частная корпорация на самом деле подверглась теневой национализации (без всякого видимого сопротивления владельца, что принципиально важно, так как является признаком формально добровольной передачи контроля¹), к ней нужно относиться в соответствии с ее реальным, а не воображаемым статусом — как к государственному имуществу, неоправданно используемому в частных интересах представителей силовой олигархии, а не общественных интересах.

В этом случае наиболее разумным шагом будет приведение ее формального статуса в соответствие с реальным, то есть превращение скрытой, теневой национализации в явную.

Номинальные владельцы, конечно, будут всячески выра-

¹ Если владелец частного предприятия оказывал формальное, юридически значимое сопротивление захвату своего предприятия представителями силовой олигархии, теневая национализация носила насильственный характер и не может быть признана модернизированным государством ни в какой форме. Такое предприятие должно возвращаться в полноценную частную собственность, что, разумеется, не освобождает его владельца от уплаты компенсационного налога (если, конечно, оно подлежит обложению им).

жать свое возмущение этим действием, однако это возмущение будет не более чем попыткой необоснованного получения за счет государства активов, от которых соответствующие бизнесмены уже успели в той или иной форме отказаться. Без явного сопротивления отдав свое имущество силовой олигархии, они не должны ожидать, что государство будет таскать для них из огня давно выброшенные ими каштаны.

В том случае, если они являются действительно эффективными управленцами, они смогут руководить отданными ими под контроль силовой олигархии предприятиями на правах наемных менеджеров (и даже с разумным участием в собственности). Однако сам принцип обеспечения прозрачности ранее проведенной теневой национализаций (пусть даже ради последующей приватизации, если она будет разумной) должен соблюдаться безукоризненно.

Таким образом, сама алчность и агрессивность силовой олигархии позволяет в значительной степени решить проблему восстановления общественного контроля за стратегическими отраслями экономики, в том числе за экспортом сырья. Установив свой неформальный контроль за этими ключевыми для страны сферами, силовая олигархия создала тем самым все необходимые предпосылки для легального и открытого оформления этого контроля с превращением соответствующих предприятий из инструмента обогащения отдельных представителей силовой олигархии в инструмент обогащения всего общества и, соответственно, в исключительно важное средство решения задач модернизации.

Таким образом, в ходе модернизации представляется вполне разумным и полностью оправданным максимальное использование созданных силовой олигархией предпосылок для концентрации ресурсов в общенациональных целях.

Принципиально важным подходом в отношении к бизнесу (и в первую очередь, разумеется, крупному) представляется также переход от стимулирования непроизводительного потребления и вывода капитала из страны, наблюдающегося на протяжении последних лет, к стимулированию инвестиций и развитию производства. Помимо ликвидации силовой олигархии и коррупционного административного давления на бизнес, для решения этой задачи необходимо изменить структуру налогообложения: сверхвысокие доходы предпринимателей должны облагаться по значительно более высокой ставке, чем прибыль корпораций, что будет способствовать направлению финансовых потоков не на личное потребление, а на развитие бизнеса.

ГЛАВА 19

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА: АГРЕССИВНОЕ БАЛАНСИРОВАНИЕ

Они должны до смерти бояться безумца Никсона!

Из фильма «Никсон»

Вся внешняя политика, как, собственно говоря, и вся политика государства, должна быть полностью подчинена интересам модернизации. Поэтому ее основным содержанием должен стать «разумный эгоизм» — последовательный отказ от любых действий и учета любых интересов, не соответствующих интересам России. Юридически это может быть оформлено в виде установления приоритета национального законодательства над международными соглашениями, как это официально имеет место в США и неофициально — в Евросоюзе (за счет того, что европейское право считается международным). Фактически же это приведет к достаточно серьезному и глубокому изменению всей внешней политики России.

Балансирование между интересами осуществляющих глобальную экспансию цивилизаций (Запада, исламского мира и Китая) должно стать более активным, энергичным и даже агрессивным. Россия должна перейти от пресловутого ситуативного реагирования к реализации долгосрочных стратегий, научиться создавать эффективные «сети влияния» как на региональных, так и на глобальном уровнях, перестать стесняться жестко и последовательно отстаивать свои интересы (в том числе и при помощи формирования общественного мнения Запада).

Наиболее болезненные изменения, насколько можно понять, произойдут в отношениях с Западом и все более уходящими под его контроль странами СНГ.

Да, Томас так!!!
Вернет ее в русские сер

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СНГ

Анализируя внешнеполитические действия российского руководства в первую «пятилетку Путина» (сменившейся в 2005 году политикой энергетической экспансии — «нефть в обмен на признание»), трудно избавиться от ощущения последовательной сдачи всех возможностей влияния в «дальнем зарубежье». Уход с принципиально значимых в стратегическом отношении военных баз в Лурдесе и Камрани (в первом случае — под аккомпанемент заведомо не соответствующих действительности обещаний развернуть мифическую группировку разведывательных спутников), крайне сдержанный подход к сотрудничеству со многими традиционными партнерами, несамостоятельная позиция в международных организациях, списание колоссальных долгов (которые, даже будучи безнадежными, являются значимыми инструментами влияния), превратившее бедствующую Россию в крупнейшего донора «третьего мира» (каким не был даже Советский Союз в лучшие свои годы!), не получающего за свою помощь ни малейших выгод, — этот перечень можно продолжать.

Однако продолжение политики Горбачева вряд ли было вызвано одним лишь желанием перешеголять его в масштабах уступок развитым странам и, соответственно, добиться от их населения большей любви, а от политических элит — большей признательности.

Горбачев, помимо личных мотивов, насколько можно понять, был движим идеей возвращения Советского Союза в «цивилизованный мир», в «мировое сообщество». Нынешнее руководство страны, более прагматичное, как представляется, преследовало более конкретную цель — «обменять» остатки влияния в «дальнем зарубежье», которое оно унаследовало от СССР и с которым, в общем, не знало, что делать, на признание развитыми странами его доминирующей роли в рамках СНГ — на постсоветском пространстве, за исключением «подобранной» Евросоюзом Прибалтики.

Этот принцип, насколько можно судить, не только не выдвигался официально и не рекламировался, но и вообще не озвучивался. Тем не менее никаких иных разумных и логичных объяснений внешней политики первой «пятилетки Путина» найти не удастся.

Конечно, принципиальное отсутствие специализированных структур, занимающихся анализом, выработкой и согласовани-

ем (как с собственными «внутриполитическими» ведомствами, так и с иными государствами) внешней политики России, не может не накладывать определенный отпечаток на осмысленность и адекватность действий государства в этой сфере.

Однако даже знаменитое «ситуативное реагирование» все равно не может осуществляться вне некоей общей парадигмы — пусть не формализуемой и не осознаваемой, но подразумеваемой большинством участников внешнеполитического процесса.

Представляется, что не столько идеология, сколько схема «большого размена» с развитыми странами, и в первую очередь США, — мы вам отказ от унаследованной инфраструктуры влияния на значимые на вас регионы, а вы нам — право преимущественного влияния на наших соседей, — достаточно внятно объясняет как общую направленность, так и конкретные недочеты внешней политики России последних лет.

Представляется весьма существенным, что эта схема в целом была успешно реализована. Какими бы конспирологическими бреднями ни оправдывали кремлевские политтехнологи свою безграмотность и нечистоплотность, ставшие (наряду со знаменитым телевыступлением Путина, оказавшегося просто оскорбительным для украинцев) причиной сокрушительного фиаско на Украине, сейчас можно считать полностью доказанным, что представители США на всем протяжении «оранжевой революции» были поразительно корректны. Как минимум они не противодействовали ни возможной победе Януковича, ни потенциальной реализации более жестких сценариев, связанных с его последующей поддержкой со стороны официальных российских властей.

События в Киргизии вообще оказались полной неожиданностью для развитых стран, глубоко разочарованных ничтожностью киргизской «демократической» оппозиции.

И даже в Грузии, где роль западных фондов была широко разрекламирована, принципиально значимую часть революционных задач на самом важном, первом этапе выполнили, как можно понять, российские или связанные с российскими действующие лица, нацеленные на скорейшее решение ряда конкретных проблем (например, прекращению крайне болезненных полетов самолетов с системой АВАКС вдоль южных границ России, организации совместного патрулирования границы в районе Чечни и так далее).

Таким образом, несмотря на отсутствие оформления, лишь

подразумеваемый его участниками «большой размен», по-видимому, все-таки был осуществлен в силу объективного совпадения стратегических интересов: до самого последнего момента Запад был готов с большой радостью передать глобальную ответственность за состояние не существенного, но потенциально опасного для себя постсоветского пространства российской бюрократии.

И эта схема рухнула из-за одностороннего нарушения ее не развитыми странами, но российской бюрократией, еще раз блистательно доказавшей свою неспособность к управлению чем бы то ни было. Конечно, сыграла свою роль и пресловутая административная реформа, разбившая параличом государственный аппарат, однако она лишь сделала более явными неисправимые недостатки бюрократии, полностью освободившейся от контроля со стороны общества.

С легкой руки отдельных российских бюрократов стало модным считать СНГ исключительно «ликвидационной конторой», призванной обеспечить «цивилизованный развод» и смягчить для России «фантомные имперские боли». Если трактовать значение СНГ лишь в этом, узком смысле, то его миссия действительно завершена, потребность в нем отпала, и он должен окончательно переродиться в клуб региональных лидеров, которые время от времени ведут друг с другом ни к чему не обязывающие разговоры и иногда реализуют совместные гуманитарные программы.

Возможно, такой подход к СНГ как к одному из механизмов постсоветской интеграции и верен, однако постсоветская интеграция как таковая обращена не только в прошлое, но и в будущее.

Причина этого заключается не только в общетеоретических, но тем не менее представляющихся правильными представлениях о региональной интеграции как единственном способе выживания относительно слабо развитых стран в условиях неуклонного обострения международной конкуренции в условиях глобализации.

Главная потребность в постсоветской интеграции, причем потребность именно России, носит сугубо практический характер и связана с тем, что Советский Союз, при всей разнородности его территории, являлся единым живым организмом, в значительной степени трансформировавшим все свои части и сделавшим их зависимыми друг от друга.

В результате за 15 лет, прошедших после разделения Совет-

ского Союза на национальные республики, удалось решить лишь негативную задачу разрушения большинства хозяйственных, политических и человеческих связей, соединявших эти республики в единое целое.

Решить же позитивную задачу — обеспечить способность этих государств к успешному развитию — так и не удалось. Более того: несмотря на отдельные безусловные успехи, ни одно из этих государств не демонстрирует способности к самостоятельному развитию и, следовательно, к нормальному существованию и в будущем. (Единственным исключением, и то с весьма существенными оговорками, может быть признана лишь Россия.)

Безболезненность выхода Польши, Финляндии и Прибалтики из Российской империи после Великого Октября во многом была обусловлена тем, что эта империя, при всех своих недостатках, «воспитывала», оцивилизовывала часть народов до уровня, позволяющего им самостоятельно существовать в Европе, и затем, хотя и в результате катастрофы, отпустила их в самостоятельное плавание. В этом заключалось ее принципиальное отличие от западных империй, которые давали независимость в том числе и неподготовленным к самостоятельному развитию народам, что вело к социальным катастрофам и деградации, как, например, это имеет место в большинстве государств современной Африки. И распад СССР был страшен не сам по себе, а именно тем, что независимость получили общества, еще не готовые к ней, еще не доросшие до возможности самостоятельно управлять своей судьбой. Фактически отказавшись от своего влияния на них после распада СССР, Россия, прикрывшись риторикой о чужой свободе и чужих правах, проявила преступную безответственность, принесшую неисчислимые несчастья в первую очередь якобы освобожденным ею народам.

Во всех постсоветских государствах сложилась неадекватная бюрократия, не то что уступающая по своим качествам советской, но и вообще не способная обеспечивать грамотное управление. Ни одно из них не является экономически самостоятельным и не может успешно существовать, опираясь на собственные возможности (даже богатейшая Украина, как показывает практика, не может обеспечить свои нужды без воровства российского газа). Ни одно из них (за исключением буквально засыпанной европейской помощью Прибалтики) не может обеспечить не то что советский, но даже общественно приемлемый уровень жизни.

Принципиально важно, что это является не только наследием «разлагающего влияния тоталитарного режима», которое в принципе может быть когда-нибудь изжито, но и результатом объективных, то есть неустранимых экономических предпосылок.

Для России это означает, что она окружена полукольцом территорий, не способных к саморазвитию и нуждающихся во внешней поддержке, причем не только и не столько финансовой, сколько политической, организационной и моральной. По сути дела, в постсоветских странах, большинство которых прошли через массовое изгнание «русскоязычного» населения (по сути дела, этнические чистки) и массовую же эмиграцию специалистов, приведшие к подлинным социальным катастрофам, надо заново создавать общества.

При этом развитые страны взялись за решение этой задачи только в наиболее цивилизованной части постсоветского пространства – Прибалтике. Даже при самом оптимистичном взгляде в будущее мы не можем предполагать, что они расширят сферу своей реальной ответственности ни на что, кроме опять-таки небольшой Молдавии. (Китай, опираясь на Шанхайскую организацию сотрудничества, проявляет большой интерес к стабилизации Средней Азии, но не только не сможет, но и не захочет делать это в одиночку, без участия России.)

Это означает, что все остальные страны постсоветского пространства будут либо развиваться при действенной помощи России, либо не будут развиваться вообще, продолжая деградацию.

Доминирующий в последние 15 лет либерально-бухгалтерский подход, в соответствии с которым Россия в первом случае будет тратить деньги, а во втором – экономить их, к сожалению, неадекватен. Ведь деградация постсоветского пространства ведет к возникновению хаоса и его неизбежной экспансии на территорию России.

Хаотизация отторгнутых Россией постсоветских государств неминуемо означает и хаотизацию всей нашей страны. И борьба с хаосом на дальних, постсоветских рубежах будет не только значительно более плодотворной, но и значительно более экономной, чем борьба с этим же хаосом внутри нашего общества.

Грубо говоря, если руководство России не хочет получить в Москве второй (по некоторым данным) и не интегрирующийся с коренным населением миллион азербайджанцев, оно должно приложить усилия для нормализации развития Азербайджана и

обеспечения неуклонного повышения уровня жизни его населения.

Если руководство России хочет остановить пандемию наркомании, оно должно обеспечить развитие Таджикистана, позволяющее его населению зарабатывать на жизнь созидательным трудом, а не транзитом афганского героина.

А такое обеспечение объективно требует неуклонного углубления и наращивания постсоветской интеграции.

Понятно, что усилия подобного рода могут быть длительными и, соответственно, успешными только в том случае, если они носят взаимовыгодный характер и предусматривают коммерческую выгоду для негосударственных участников, в том числе и со стороны России. Экономическая основа может быть довольно простой и основываться на разумном подходе России к собственному внутреннему рынку — как товаров, так и рабочей силы — и своей территории.

Постсоветские государства привыкли считать доступ на внутренний рынок России и возможность транзита через ее территорию чем-то само собой разумеющимся — едва ли не собственными природными ресурсами. Между тем простое уважение их суверенитета требует от России отношения к ним как к равноправным и, соответственно, обособленным субъектам международной жизни, в том числе и в части доступа к российским рынкам и территории.

Это не означает некоего «нового изоляционизма» — просто Россия должна начать по-хозяйски относиться к своим владениям и, в частности, воспринимать свои рынки и свою территорию именно как свои, а не как находящиеся в собственности или по крайней мере свободном доступе всех желающих. В рамках данной парадигмы логично рассматривать доступ к своему рынку и к своей территории не как священный долг по отношению к своим соседям, а как оказываемую им услугу, в ответ на которую логично добиваться встречных услуг. Значимой частью последних может стать предоставление российскому капиталу преимущественных прав на приобретение тех или иных объектов собственности и особый статус граждан России на территории соответствующих стран. Эти встречные услуги станут и своего рода «платой за развитие».

Конечно, решение и даже постановка указанной задачи (как и многих других смежных задач) будет, как и всякое расставание с иждивенчеством, крайне болезненным для национальных бюрократий постсоветского пространства.

Вероятно, достижение взаимоприемлемых компромиссов потребует активного влияния России на соседние общества, создание по американскому примеру разветвленных механизмов и сетей разъяснения и лоббирования своих интересов. В отдельных случаях допустимы в качестве механизма влияния и демонстрации серьезности намерений даже кратковременные «торговые войны» — не сопровождающиеся, однако, в отличие от современной украинской политики российской правящей бюрократии, нападками на целые страны и, соответственно, возбуждением широкой враждебности к самим себе. Пора осознать, что все описанное является не чем-то исключительным или тем более порочным, но представляет собой нормальный инструмент внешней политики.

Россия должна восстановить Советский Союз в виде своей сферы влияния — как экономического, так и политического, которое будет устойчивым только в случае своего взаимовыгодного характера. Принципиальной схемой представляется получение российским бизнесом собственности в странах СНГ в обмен на активизацию работы соответствующих предприятий за счет доступа на российский рынок. Проще говоря, чтобы грузинское вино могло продаваться в России, винодельческие предприятия должны перейти под контроль российского бизнеса.

ВЫХОД ИЗ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЗАПАДА

Устойчивое повышение цен на нефть не только обеспечило социально-экономическую стабильность России, но и качественно повысило международную влияние правящей бюрократии, которая постепенно начала утверждаться и осваиваться в роли руководителей «энергетической сверхдержавы». Окончательно оформилось это самосознание в ходе «новогодней» российско-украинской «газовой» войны, когда обнаружилось, что Евросоюз не имеет практически никаких источников энергии, которые можно было бы использовать в случае сокращения поставок российского газа.

Однако самосознание «энергетической сверхдержавы» у правящей бюрократии России остается всецело подчинено сиюминутным мелким коммерческим интересам ее представителей. Поэтому оно может возобладать лишь на короткие промежутки времени и против заведомо более слабого противника. Игрет свою роль и исключительно высокая доля в руководстве нашей страны людей с психологией агентов, обладающих глу-

бокой внутренней потребностью в психологической зависимости и потому просто не способных быть самостоятельными сколь-нибудь длительное время. *Бездоказательно*

Но главное — стремление к потреблению (в том числе не только символическому, но и сугубо материальному), которое, являясь стержнем и доминантой их мотиваций, делает их органически не способными отстаивать национальные интересы России в глобальной конкуренции со способными обеспечить наиболее комфортное потребление развитыми странами.

В результате внешняя политика нашей страны в 2005 году оформилась как осуществление нового глобального размена с Западом, уже не территориального («дальнее» зарубежье в обмен на «ближнее»), а стратегического. В соответствии с общей схемой Россия предоставляет развитым странам (в первую очередь США) растущий контроль за наиболее важными для него сферами — своими ядерными объектами и запасами нефти и газа, а также участвует (хотя и противоречиво в силу своего положения, с чем Запад в принципе согласен) в стратегическом сдерживании Китая. В обмен на это российское руководство получает признание Запада в качестве легитимного союзника и молчаливую поддержку практически любых своих действий.

Массированный, нарастающий вплоть до полного доминирования¹ и навсегда закрепляемый в рамках соглашения о присоединении к ВТО доступ на российский рынок глобальных корпораций, хотя также имеет для развитых стран огромное значение, по своей важности все же уступает перечисленным основным направлениям.

Для России это оборачивается согласием ее руководства на в прямом смысле слова колониальные соглашения и преференции, которые получают западные капиталы в нашей стране. Так, Каспийский трубопроводный консорциум, наращивающий свою пропускную способность, не просто противоречит национальным интересам России, создавая конкуренцию российской же экспортной нефти, не просто исключительно невыгоден для России с коммерческой точки зрения, но еще и прямо противоречит самой формой своей организации действующему российскому законодательству!²

¹ Экспансия иностранного бизнеса в Россию вызвана в том числе преследованием российского бизнеса силовой олигархией, что предоставляет зарубежному капиталу колоссальные неконкурентные преимущества.

² См., например, Михаил Делягин. «Мировой кризис. Общая теория глобализации». М., «Инфра-М», 2003.

На чудовищную невыгодность для России кабальных соглашений о разделе продукции была вынуждена указать даже безупречно лояльная сложившемуся политическому режиму Счетная палата. В силу специфической организации и механизмов реализации этих соглашений каждая тонна добытой нефти приносит нашей стране не прибыль, а лишь все новые и новые долги — и, несмотря на это, освоение Штокмановского месторождения будет, по всей вероятности, все равно осуществляться на основе именно этого, заведомо невыгодного для России механизма.

Вероятно, будет дан «зеленый свет» и разработке второй (газовой) очереди печально известного проекта «Сахалин-2», в результате которой наша страна после возмещения неконтролируемо и произвольно растущих затрат иностранных инвесторов будет получать лишь 10% (!) добываемого там газа, причем не в сжиженном виде, что потребует строить дополнительный газопровод.

В рамках «энергетического диалога» с США и Евросоюзом правящая бюрократия делает и будет делать в обозримом будущем все новые и новые уступки, все глубже впуская иностранный капитал в наши стратегически значимые сферы, повышая зависимость от него всего хозяйственного механизма России. Право реэкспорта российского газа, которым было заплачено европейцам за молчание по «делу «ЮКОСа»», расширение прямого участия иностранного капитала в формально российских корпорациях (начиная с «ЛУКОЙЛа» и ТНК и заканчивая «Газпромом»), реализация новых широкомасштабных проектов, относящихся к России исключительно географически, — все это очерчивает достаточно внятный и последовательно осуществляемый курс.

Сегодня уже не вызывает сомнений: правящая бюрократия неотвратимо ведет нашу страну к утрате национального контроля за своими природными ресурсами.

В конце 2005 года стали очевидными ее дополнительные интересы — новый и вполне конкретный «глобальный размен» интересов, осуществляемый ею с Западом. При этом в обмен на уступки развитым странам, делаемым в вопросах, связанных с неотъемлемыми национальными интересами России, представители правящей бюрократии, насколько можно понять, получают новые фантазмагорические, еще совсем недавно не поддававшиеся даже представлению, но сугубо личные, частные дивиденды.

В частности, бессодержательный треп о «национальных проектах», эта буря в стакане мутной кремлевской воды прикрывает одну из крупнейших сделок по национализации — покупку «Сибнефти» «Газпромом». Покупка проведена по настолько завышенной цене, что практически никто из разумных наблюдателей не верит в отсутствие колоссального «отката». Но главное — время проведения этой операции: 13 млрд долл. заемных средств вполне легально выведены из страны непосредственно перед либерализацией акций «Газпрома» и резким расширением участия иностранцев в его капитале.

Представляется вполне вероятным, что в роли иностранного капитала будут выступать не столько транснациональные корпорации (в том числе, разумеется, партнеры правящей бюрократии по глобальным операциям, а «Газпрома» — по деятельности в Европе и освоению Штокмановского месторождения), сколько деньги правящей бюрократии, выведенные из России и эффективно «отмытые» в развитых странах Запада в ходе сделок *a la* «Газпром» — «Сибнефть».

Грубый захват российской собственности, как показал опыт ельцинских олигархов, вызывает отторжение в России и весьма глубокие сомнения на Западе и потому в принципе не может быть долговечным. Чтобы сделать положение новых «хозяев» России — силовых олигархов — по-настоящему прочным, им жизненно необходимо одобрение Западом их контроля за российскими активами.

А для этого указанный контроль надо правильно оформить.

Добиться согласия Запада на свои завоевания в России силовая олигархия может лишь мимикрией под западный же капитал. Надо залезть в его шкуру, чтобы Запад, защищая интересы своих глобальных монополий, тем самым увековечил бы и контроль за Россией силовых олигархов.

Механизм элементарно прост: надо захватывать активы не из России, а из Европы, регистрируя подставные юридические лица не в тверских пивных (хотя название «Лондон», безусловно, уже свидетельствовало о движении в правильном направлении) или «помоечных» офшорах, а в развитых странах, в том числе с помощью агентуры времен еще КГБ. Характерно, что часть акций «Сибнефти», приобретенных государственным «Газпромом», досталась его нидерландской «дочке» (экономия 1 млрд долл. налогов практически по той же схеме, за реализацию которой М.Б. Ходорковский был осужден на 8 лет, представляется тактической целью, лишь дополняющей описанную

стратегическую; кроме того, эта экономия наглядно доказывает наличие особой заинтересованности силовой олигархии в финансовом благоденствии «Газпрома»).

Таким образом, реальным стратегическим проектом силовой олигархии представляется вывод за рубеж значительных сумм (Белковский пишет о 60 млрд долл.) с их «отмыванием» и скупкой на них конкурентоспособной части российской экономики, которая перейдет в собственность конкретных силовых олигархов. Использование достаточно тривиальных схем позволит вывести из бюджета любые суммы, загнав лишенную собственности Россию еще и в кабалу внешнего долга.

Недаром рост внешнего долга российских государственных корпораций в 2000–2005 и особенно в 2004–2005 годах был поистине головокружительным (по официальным данным, с 570 млн долл. в 2000 и 1,75 млрд долл. в 2002 до более чем 20 млрд долл. в 2005 году — при этом ясно, что приведенные показатели не включают колоссальный внешний долг, например, «Газпрома») — это то самое стремительное погружение в долговую кабалу, которое мы проходили в агонии Советского Союза, а затем при Гайдаре и членах его реформаторской «команды».

В самом деле, достаточно посмотреть на итоги операции по приобретению «Сибнефти»: компания куплена на кредитные деньги, причем эти кредиты «повисли» на государственных корпорациях, а средства выведены за пределы страны. Вероятно, затем на них будет скуплена значимая часть того же «Газпрома» (или иных активов). Чистый итог операции будет изыщен в стиле олигархических 90-х годов: организаторы сделки (в первую очередь, насколько можно понять, представители «силовой олигархии») получат собственность, а на долю России, точнее — российских государственных корпораций — останутся лишь долги.

Весьма существенно, что наша страна и ее корпорации будут должны колоссальные средства уже не ограниченной и идеологизированной, а потому легко поддающейся манипулированию международной бюрократии, как в 90-е годы, а «чисто конкретным» силовым олигархам, совершенно законно (с точки зрения Запада) владеющим при этом почти всей живой частью российской экономики.

При их минимальном проворстве они смогут выкупить эти долги у первоначальных кредиторов (многие из которых к тому же связаны с ними теснейшим, хотя и неформальным образом). В результате российские государственные корпорации могут оказаться должниками именно тех структур, которые уже начал

и их скупать — и в результате перейдут под полный контроль «силовой олигархии», уже не неформальный, а явный и освященный всем международным и, в частности, европейским правом! При этом и сами силовые олигархи смогут наконец отбросить российское государство как выжатый лимон и, освободившись даже от тени всяких обязанностей и сохраняя лишь необходимый контроль за силовыми структурами, стать уже и по форме, а не по содержанию не государственными чиновниками-бюрократами, а уважаемыми и свободными от каких бы то ни было обязательств перед своей страной бизнесменами глобального масштаба.

Такова мечта «силовой олигархии».

Таков, насколько можно представить, стратегический план путинского поколения «кремлевских мечтателей».

«Мечтатель, понимаешь!»

Сегодня, в обмен на стратегический контроль за нефтью и ядерными объектами, а также на участие России в сдерживании Китая, Запад действительно с легкостью согласится практически на что угодно. Но, в несколько этапов получив желаемое, после того, как вывод прав собственности на Россию в юрисдикцию развитых стран окончательно станет необратимым, он неминуемо вернется к корыстно используемым им в своих интересах в глобальной конкуренции «общечеловеческим ценностям»¹. Весьма вероятно, что взбешенные вынужденной уступкой правящей Россией бюрократией западные элиты уже готовят своим питерским (да уже и не только питерским) партнерам участь своих прошлых «друзей» — Милошевича и Саддама Хусейна.

В частности, развитые страны, с территории и под прикрытием законов которых будет проводиться операция по захвату российской собственности в обмен на ее долговое закабаление (примерно по тем же олигархическим схемам, по которым это происходило в середине 90-х годов), будут иметь полную возможность с легкостью «перехватить управление». Никаких иллюзий относительно преувеличения их склонности к исполнению законов быть не должно: безусловная законопослушность большинства граждан развитых стран сопровождается исключительно спокойным отношением руководителей этих же стран к международному праву в тех случаях, когда это право начина-

¹ Подробнее об этом см., например, Михаил Делягин. «Мировой кризис. Общая теория глобализации». М., «Инфра-М», 2003.

ет противоречить их интересам в глобальной конкуренции. Классическими примерами совершенно спокойного, не сопровождающегося никакими внутренними терзаниями и оставшегося абсолютно безнаказанным нарушения всех норм международного права могут служить агрессия США и их союзников по НАТО против Югославии в 1999 году и агрессия США и Великобритании (под прикрытием наскоро организованной ими «международной коалиции») против Ирака в 2003 году.

Соответственно, элиты развитых стран, скорее всего, заберут у доверившихся им силовых олигархов нашей страны и право собственности на Россию, и право требования по искусственно созданным ими внешним долгам. Нынешние власти России смогут рассчитывать — и то, по всей вероятности, лишь в случае полного отсутствия всякого сопротивления — на сущие мелочи, вполне достаточные для безбедной (а для наиболее высокопоставленных из них — и даже роскошной) жизни. Однако оставленные им ресурсы совершенно гарантированно не позволят им не то что влиять на реальную политику в глобальном масштабе, но даже и просто заниматься серьезным бизнесом.

Так, вполне логично и последовательно, завершится начатый ими на наших глазах системный обмен национальных интересов нашей страны на мелкие персональные гешефты (надо отметить, вполне в стиле ненавидимого ими Березовского — вот уж когда стоит вспомнить, кто вместе с Чубайсом привел их к власти!).

И основу этого закладывают сегодняшние вроде бы невинные коммерческие и, по всей видимости, коррупционные игры российских силовых олигархов.

Поразительная наивность представителей силовой олигархии вызвана не только сознанием (или, по крайней мере, ощущением) того как минимум, что развитые страны не будут слишком жестокими и оставят им, по крайней мере, «на личное потребление». При оценке мотивов их поведения не следует забывать и о том, что сегодняшней Россией правят хотя и отнюдь не глупые и по-своему весьма изощренные, но в целом крайне ограниченные люди. У Стругацких в «Сказке о Тройке» был персонаж — Клоп-говорун, который искренне полагал, что Вселенная имеет форму матраца. Складывается ощущение, что члены путинской «бригады», сменившей у кормила (от слова «кормить») нашей страны ельцинскую «семью», столь же искренне, как этот Клоп, полагают, что мироздание имеет форму

кошелька. Да, от какого-нибудь Кардена, да, приобретенного в бутике на виа Наполеоне в Милане, но – кошелька.

А ограниченность системных взглядов на мироздание способно привести к существенным практическим ошибкам.

Со стратегической точки зрения все изложенное означает ужасную вещь: следующее поколение российских политиков вне зависимости от своей воли окажется перед объективной необходимостью возвращения стратегически значимых элементов российской экономики под национальный контроль, так как без этого в принципе невозможна модернизация. Тем самым она окажется перед необходимостью системной и долгосрочной порчи отношений с развитыми странами, так как чрезмерные уступки, делаемые им современной правящей бюрократией, придется возвращать назад, отнимая у развитых стран не просто жизненно необходимые и привычные для них, но и искренне считаемые ими своими по праву средства.

В первую очередь придется пересмотреть условия присоединения к ВТО, если оно к тому времени произойдет, или сделанные в ходе переговоров (если они к моменту формирования ответственного государства еще не завершатся) и в основном совершенно неоправданные уступки. К ним, в частности, относится повышение внутренних цен на газ, лишаящее Россию одного из ключевых источников ее глобальной конкурентоспособности, передача управления российским мясом птицы американским экспортерам «ножек Буша», отказ от принципа первоочередных закупок для государственных нужд российской продукции, отказ от усиления в случае необходимости общего уровня защиты национального рынка.

Кроме того, необходим будет пересмотр или отмена целого ряда международных соглашений, представляющих собой простой рецидив колониализма. Сюда как минимум относятся Каспийский трубопроводный консорциум, Соглашения о разделе продукции и передача, в том или ином виде, контроля за российскими недрами зарубежным корпорациям.

Наконец, собственность на российские стратегические отрасли, в первую очередь экспорт сырья, которая к началу формирования в России ответственного государства будет, скорее всего, уже передана глобальным корпорациям, также должна быть возвращена под национальный контроль.

Запрещение или ограничение бизнеса, наносящего ущерб физиологическому и психическому здоровью общества, также нанесет сильнейший ущерб транснациональным корпорациям.

ям — достаточно вспомнить «Макдоналдс» (руководитель чешского отделения которого еще несколько лет назад признал, что детям не следует есть его продукцию чаще одного раза в неделю), производителей газированных напитков с чудовищной долей сахара (включая кока-колу и пепси-колу), табачные и пивные компании.

Представляющаяся совершенно необходимой и неизбежной в результате формирования в России ответственного государства рационализация ее внешнеэкономической деятельности и внешнеэкономического позиционирования также объективно, помимо чьего-либо желания нанесет сильнейший удар по интересам развитых стран. Достаточно указать лишь на такое самоочевидное направление, как переоценка значимости интеллектуальной собственности (в частности, осознание того, что эта «священная корова» глобализации слишком часто используется не для стимулирования творчества и интеллектуальной деятельности, а не более чем для прикрытия самого омерзительного злоупотребления монопольным положением в глобальном масштабе).

Весьма существенный ущерб не только коммерческим, но и стратегическим интересам развитых стран нанесет и также представляющийся необходимым переход от экспорта в основном сырой нефти и газа к экспорту нефтепродуктов, а также продукции нефте- и газохимии. Хотя переход от экспорта сырья к продукции переработки и потребует значительных инвестиций, повышения качества продукции и изменения всей технологической инфраструктуры экспорта, его осуществление даже в относительно незначительных масштабах нанесет колоссальный ущерб развитым странам. Ведь экспорт продукции нефте- и газохимии в несколько раз прибыльнее экспорта сырья — и эти деньги будут изъяты у развитых стран и их корпораций вместе с соответствующими рабочими местами!

Между тем переход этот действительно представляется совершенно необходимым — и главным аргументом здесь является даже не стратегическая рискованность опоры на природные ресурсы (которые открытие новых месторождений в одночасье может сделать более распространенными, а распространение новых технологий — менее нужными) и тем более не коммерческая выгода.

Главное заключается в том, что для способности общества к саморазвитию (в том числе к технологическому прогрессу) и, соответственно, для его стратегической конкурентоспособнос-

ти то, как общество зарабатывает свои доходы, является значительно более важным, чем то, сколько именно оно зарабатывает. Ведь образ действия формирует того, кто предпринимает эти действия, и тот, кто зарабатывает сложным, интеллектуальным трудом, постоянно понуждается самим этим трудом к совершенствованию. Добыча же и продажа сырья представляет собой достаточно простой и примитивный труд, не способствующий прогрессу и не создающий привычки и потребности в саморазвитии. Если бы у обезьяны была нефть, она никогда не стала бы человеком — ей это было бы попросту не нужно.

Единственным ограничением остроты предстоящего России вынужденного конфликта с транснациональными корпорациями и развитыми странами в целом является угроза войны. Скорее всего, это будет угроза скрытой, неявной войны, представляющей собой в ее нынешнем виде сочетание следующих основных инструментов: информационная война, организация глобальных экономических изменений с целью нанесения максимального хозяйственного ущерба, организация и стимулирование конфликтов малой интенсивности, а также «точечные» диверсионно-террористические воздействия. В то же время не следует игнорировать тот факт, что деградация и, вероятно, сознательное разрушение российских ядерных сил сдерживания уже через несколько лет может создать реальную угрозу масштабного и открытого военного нападения на Россию с применением обычного и высокоточного оружия, организованного развитыми странами.

Таким образом, отстаивание национальных интересов России в глобальном масштабе должно вестись так, чтобы не спровоцировать ни нападение на нее (не важно, скрытое или явное), ни физическое устранение ее лидеров с заменой представителями компрадорской буржуазии (пример — Панама). Фигурально выражаясь, только пуля (то есть реальная угроза применения неприемлемого насилия со стороны в первую очередь развитых стран) может и должна быть единственным ограничителем в отстаивании национальных интересов России против экспансии развитых стран, достигших масштабов и интенсивности, исключающих всякую возможность нашего будущего развития.

Разумеется, оттеснение развитых стран должно производиться не сразу, а поэтапно; при этом важно учитывать, что ключевую роль играют США и, в значительно меньшей степени, Великобритания. Элиты остальных развитых стран пассивны,

глубоко идеологизированы, наивны и не являются самостоятельной силой, привыкнув следовать в кильватере разрабатываемой США политики.

Первоначально представляется возможным достижение договоренности — разумеется, неформальной — о сохранении всех западных проектов, какими бы невыгодными для России они бы ни были, в обмен на выдачу преступников (включая силовых олигархов и мошенников) и их капиталов.

По мере выполнения обязательств Запада в России должно стимулироваться нарастание общественного негодования, которое станет оправданием для последующих шагов российского руководства, направленных на восстановление национальных интересов.

93 При этом необходимо всеми силами «вбивать клин» между различными развитыми странами и транснациональными корпорациями. Решительное ущемление одних корпораций (желательно наносящее им ущерб, от которого они уже не смогут оправиться и, таким образом, не смогут отомстить или попытаться вернуть свои позиции) разумно сопровождать временными уступками другим, превращаемым на основе этих уступок в своих лоббистов. *см. «Мои камары»*

99 Необходимо активно вести глобальную информационную игру, запугивая конкурентов образом богатой, непредсказуемой и неуравновешенной страны, способной и озолотить, и нанести колоссальный ущерб. Оппоненты России должны постоянно ожидать подарков, одновременно страшась неприятностей; ничто не делает настолько податливым, не расшатывает психику и не подавляет волю, как подобное ожидание.

Вместе с тем, задабривая часть развитых стран, необходимо четко понимать глубочайшее различие, по крайней мере, в кратко- и среднесрочном плане — совершенно непримиримое — интересов развитых стран и остального мира (подробнее об этом см. в следующем параграфе), в том числе и России.

Со странами, в той или иной мере противостоящими экспансии «золотого миллиарда» (в первую очередь с членами ОПЕК, экономически значимыми странами вроде Китая, Индии, Индонезии и Малайзии, а также демонстративно независимыми странами вроде Кубы) необходимо осуществлять теснейшую, хотя, возможно, и неформальную координацию действий.

Объективная задача нашей страны после формирования в ней ответственного государства — в полной мере используя стра-

тегическую конкуренцию Китая против США и различие (хотя и ослабленное в силу общего ослабления Евросоюза) европейских и американских интересов, неустанно готовить разрушение загнивающего глобального монополизма при помощи широкого распространения дешевых сверхпроизводительных технологий.

Ничего принципиально невозможного здесь нет; в конце концов и руководители значительно менее развитых и интеллектуализированных стран в последние годы решали и значительно более сложные вопросы. Классическим примером может служить руководитель Малайзии Мохатхир, который почти четверть века потратил на то, чтобы полностью лишить китайский бизнес политического влияния, сохранив его позитивное воздействие на национальную экономику (доля китайского бизнеса в которой, по оценкам, достигает 80%).

ПОДГОТОВКА К ГЛОБАЛЬНЫМ ПЕРЕМЕНАМ¹

Чтобы понять неизбежность и направленность глобальных перемен, необходимо сначала хотя бы вкратце охарактеризовать особенности современного мирового развития.

Слово «глобализация» имеет значение

Глобализация – процесс стремительного формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий. В этом ее принципиальное отличие от интеграции, высшей стадией которой она является: интеграция шла и в ледниковый период, и в эпоху Великих географических открытий, и в начале XX века, когда интенсивность товарообмена между странами (но не обмена услугами, о чем обычно забывают) была сопоставима с нынешней.

Наибольшее впечатление производят глобальное телевидение, «финансовое цунами» спекулятивных капиталов, сметающее и воздвигающее национальные экономики, виртуальная реальность, интерактивность. Но внешние атрибуты не должны заслонять главного – влияния новых, информационных технологий на общественные отношения и, шире, на человечество.

¹ См. подробнее в книге Михаила Делягина. «Мировой кризис. Общая теория глобализации». М., «Инфра-М», 2003.

Именно этим влиянием паровая машина отличается от швейной, а компьютер от мобильного телефона.

Мир объединен качественно новыми компьютерными технологиями, которые породили новые информационные технологии, а те, в свою очередь, качественно изменили природу бизнеса.

Главное в глобализации — изменение предмета труда. Информационные технологии сделали наиболее прибыльным и потому массовым бизнесом преобразование живого человеческого сознания — как индивидуального, так и коллективного.

Строго говоря, само по себе это не новость. На некоммерческой основе технологии формирования сознания применяются в виде пропаганды большинством государств мира, в том числе и отнюдь не тоталитарными, и подавляющим большинством религий почти на всем протяжении их существования. Однако информационные технологии впервые удешевили и упростили технологии формирования сознания до такой степени, что они стали практически общедоступны и начали окупаться в кратко-, а не долгосрочном плане.

В результате изменением нашего сознания занимается не национальное и даже не порожденное конспирологически воспаленным воображением злое «мировое» правительство, а каждый фабрикант собачьих консервов. Тот, кто не делает это или делает это недостаточно эффективно, давно — самое позднее десять лет назад — вытеснен из бизнеса, в котором нечего делать без *PR*-технологий: в отличие от традиционного маркетинга, они приспособливают не товар к предпочтениям людей, а, напротив, людей — к уже имеющемуся товару. Человечество все больше напоминает хирурга, делающего себе операцию на открытом мозге.

Превращение формирования сознания в наиболее выгодный бизнес — отнюдь не частный вопрос коммерции. Оно изменяет сам характер человеческого развития: если раньше человечество изменяло окружающий мир, то теперь — вероятно, из-за того, что антропогенная нагрузка на биосферу приблизилась к некоему критическому уровню, — оно перешло к изменению самого себя.

Превращение в наиболее эффективный и потому повсеместно распространенный бизнес формирования сознания — это подлинная революция. Она кардинально повышает эффективность производства, качественно меняет международные взаимоотношения и мировую конкуренцию. Однако целиком ее последствия еще не осознаны, и нет уверенности, что они могут быть осозна-

ны вообще, так как главным объектом преобразовательной деятельности человечества становится сам инструмент этого осознания — как коллективного, так и индивидуального.

Естественно, даже начало столь грандиозного качественного перехода не могло обойтись без комплекса разноуровневых, но взаимоувязанных кризисов, наиболее значимыми из которых представляются сегодня кризисы управляющих систем, неразвитого мира, глобальных монополий и межцивилизационной конкуренции.

Кризис управляющих систем

Современные системы управления сложились «в прошлой реальности», до повсеместного распространения технологий формирования сознания и не приспособлены к ним. В результате неизбежное в условиях глобализации использование этих технологий ввергает управляющие системы в подлинный кризис, внешним проявлением которого является увеличение числа и тяжести совершаемых ошибок, угроза утраты ими адекватности в масштабах всего развитого мира, что приведет к непредсказуемым, но печальным последствиям для человечества.

Первым фактором кризиса традиционных управляющих систем в условиях глобализации является *самопрограммирование*: убеждая кого-то в чем-то (а управление при помощи формирования сознания — управление при помощи убеждения), вы неминуемо убеждаете в этом и себя, — и объективность. Вопреки узбекской пословице, если вы сто раз искренне произнесете слово «халва», во рту у вас станет сладко.

С самопрограммированием связан второй фактор управленческого кризиса — *стремление подменить преобразование реальности более простым преобразованием ее восприятия*. В ограниченных масштабах и в краткосрочном плане такой подход весьма эффективен, что и обуславливает его широкое и быстрое распространение. Но когда это «профессиональное заблуждение пиарщиков» начинает доминировать, оно также ведет к разрушительной неадекватности управляющих систем. Классический пример, по некоторым оценкам, дает нам деятельность администрации президентов России с 1995 года и по наше время.

Третий фактор кризиса традиционных управляющих систем — *эскалация безответственности*, вызванная прежде всего спецификой современной управленческой деятельности: работа в основном с телевизионной «картинкой» и массовыми представлениями, а не реальностью, участник управляющей систе-

мы, как и она в целом, почти неминуемо теряет понимание того, что его работа влияет и на реальную жизнь реальных людей. Он просто забывает о них, что в сочетании с качественно большей эффективностью превращает его в прямую угрозу для общества.

«Спортсмены, как дети, убьют — не заметят».

Однако безответственность не просто охватывает управляющие системы, но и все более широко распространяется в обществе.

Это вызвано тем, что максимальная эффективность технологий формирования сознания качественно повышает влияние тех, кто владеет ими, и тех, кто их применяет, делает их могущественными. При этом никакой «платы за могущество» не существует в принципе; человек, создавая и внедряя новые представления, формируя сознания других людей, чувствует себя творцом, близким к Богу. Эйфория творчества вкупе с безответственностью обеспечивает ему невиданное удовлетворение от повседневной жизни.

Естественно, почти абсолютная безответственность, колоссальное могущество и фантастическая радость от каждой минуты работы становятся объектом подражания для остального общества, членам которого, не работающим с технологиями формирования сознания, доступно лишь подражание безответственности «информационной элиты». Понятно, что это подрывает дееспособность всего общества: снижение ответственности при эрозии адекватности — поистине гремучая смесь!

Но это еще не все. Четвертым фактором кризиса традиционных управляющих систем в условиях глобализации является **вырождение демократии**. Причина не только и не столько в ослаблении и «размывании» государства, являющегося несущей конструкцией, опорой современных демократий. Главная проблема заключается в том, что для формирования сознания общества достаточно воздействовать на его элиту — относительно небольшую его часть, участвующую в принятии важных решений или являющуюся примером для подражания.

Длительные концентрированные усилия по формированию сознания изменяют сознание элиты, и оно начинает кардинально отличаться от сознания остального общества. В результате элита отрывается от общества и теряет эффективность. При этом исчезает сам смысл демократии, так как идеи и представления, рожденные в низах общества, уже не диффундируют вверх по капиллярным системам общества, а перестают восприниматься элитой, и потенциал демократии съеживается до незначитель-

Руба
себе
каждому
До!

ных размеров самой элиты, жестко обособленной от общества.

Как быстро и с какими разрушительными последствиями происходит этот процесс, показывает пример России, в которой демократы уже к 1998 году, то есть за 7 лет своего господства оторвались от народа значительно сильнее, чем коммунисты — за 70 лет своего.

Ситуацию усугубляет то, что элита информатизированного общества, то есть общества, в котором технологии формирования сознания применяются широко, значительно уже элиты обычного. Это вызвано преимущественно технологическими причинами, в первую очередь одновременной небывалой мобильностью и концентрацией ресурсов. Классический пример представляет собой современный фондовый рынок. Изменение сознания буквально сотни его ключевых игроков способно изменить всю финансовую ситуацию в мире.

Таким образом, традиционные общественные управляющие системы в условиях глобализации в силу вполне объективных и не устранимых в обозримом будущем причин драматически снижают свою эффективность и все хуже справляются даже с рутинными, повседневными функциями, не говоря уже о необходимом решении все более острых качественно новых глобальных проблем.

Кризис неразвитого мира

Угроза глобальной стабильности, связанная с кризисом управляющих систем, усугубляется тем, что в условиях глобализации разрыв между развитыми странами и остальным миром приобрел технологический характер и в сложившейся парадигме мирового развития стал непреодолимым. Оформление технологического разрыва обусловлено четырьмя основными группами факторов.

Прежде всего, это обособление во всех странах групп людей, работающих с «информационными технологиями», в «информационное сообщество». Оно неизбежно ведет к постепенной концентрации этого сообщества (в силу материальных, — в том числе потому, что интеллект, хотя и выживает, не воспроизводится в бедности и опасности, — и интеллектуальных факторов) в наиболее развитых странах. *но выжить хочется всем*

Вторым фактором формирования технологического разрыва являются так называемые «метатехнологии» — кардинально новый тип технологий, само применение которых принципиально исключает возможность конкуренции с разработчиком.

Это своего рода плата за допуск к более высокой эффективности.

Наиболее ранний пример «метатехнологий» — системы вооружения со скрытыми и неустранимыми системами «свой—чужой», что исключает их применение против страны-разработчика. Следует упомянуть также проект сетевого компьютера (распределение его памяти в Сети дает разработчику всю информацию пользователя) и современные технологии связи, позволяющие анализировать в он-лайнном режиме все телефонные сообщения Европы (вялотекущий скандал вокруг системы «Эшелон» вызван именно коммерческим использованием результатов этого анализа). Помимо «шпионских» технологий, «метатехнологиями» являются критически значимые технологии, нуждающиеся в постоянном обновлении со стороны разработчика, например, технологии формирования сознания (ведь сознание довольно быстро адаптируется к внешнему воздействию, и прекращение обновления механизмов этого воздействия может привести к потере управляемости).

Это во многом тоже то же, что и мы рассуждали и при микроэкономике на ресурсах !!

Третья причина формирования технологического барьера заключается в изменении ключевых ресурсов развития под воздействием информационных технологий: это уже не пространство с жестко закрепленным на нем производством, а в первую очередь мобильные финансы и интеллект. Соответственно, эффективное освоение территории представляет собой уже не оздоровление и развитие находящегося на ней и неразрывно связанного с ней общества, но, напротив, обособление и изъятие его финансов и интеллекта (обычно в результате кризиса). Прогресс развитого общества идет за счет деградации «осваиваемого», причем масштабы деградации, как всегда при «развитии за счет разрушения», превосходят выигрыш развитого общества.

Так глобализация изменяет характер сотрудничества между развитыми и развивающимися странами: созидательное освоение вторых первыми (бывшее содержанием как основанной на политическом господстве «английской» модели колониализма, так и основанной на экономическом контроле «американской» модели неоколониализма) уступает место разрушительному освоению при помощи изъятия финансов и интеллекта. Именно осмысление реалий и последствий этого перехода породило понятие *failed states* (термин политкорректно переводится как «несостоявшиеся государства», хотя к реальному смыслу, в котором он применяется в практической аналитике, ближе грубое выражение «конченные страны»), безвозвратно утративших не

только важнейшие — интеллектуальные — ресурсы развития, но и способность их производить.

Наконец, четвертой причиной возникновения технологического разрыва между развитыми странами и остальным миром является формирование глобальных монополий, ограничивающих, а то и полностью блокирующих передачу технологий, в том числе и при помощи института защиты интеллектуальной собственности, который во многом выродился в инструмент прикрытия и обоснования жесточайшего злоупотребления монопольным положением в глобальном масштабе.

В силу изложенного неразвитые страны не имеют ресурсов для успеха. Конкуренция из механизма воспитания и развития слабых обществ выродилась с началом глобализации в механизм их уничтожения.

Таким образом, пока глобальные СМИ обеспечивают распространение по всему миру стандартов потребления развитых стран, вызванное той же самой глобализацией ужесточение конкуренции убеждает все более широкие массы людей в принципиальной недоступности распространяемых стандартов не только для них, но и для их детей и внуков.

Вызываемые этим отчаяние и безысходность порождают нарастающую глобальную напряженность. Международный терроризм — лишь частное и далеко не самое опасное ее проявление, являющееся аспектом глобального протеста, высокоэффективным транснациональным бизнесом и, не в последнюю очередь, инструментом воздействия наиболее развитых стран на менее развитые и на свои собственные общества.

Кризис глобального монополизма

Несмотря на изложенное, неблагополучие отнюдь не сконцентрировано в экономически слабых странах, терпящих поражение в глобальной конкуренции, но является общей проблемой человечества. Причина этого — вполне марксистское загнивание глобальных монополий, почти не поддающихся регулированию государствами и международной бюрократией (последние были бессильны даже перед лицом традиционных торгово-производственных транснациональных корпораций; сейчас же им противостоят во многом неформальные — и, соответственно, в принципе почти не поддающиеся даже обычному наблюдению — финансово-информационные группы).

Первый признак загнивания этих монополий — то, что в 90-е годы XX века впервые после войны накопление богатства пере-

Можно ли избежать
обострения и войны! Стороны
всегда представляют интересы

ными конфликтами, разжигание которых является преступлением особой тяжести в силу их иррациональности: их чрезвычайно сложно погасить, так как стороны существуют в разных системах ценностей и потому в принципе не могут договориться.

Участники конкуренции между цивилизациями разделены еще глубже, чем стороны традиционного межнационального конфликта. Они не только преследуют разные цели разными методами, но и, как правило, в принципе не в состоянии понять и принять ценности, цели и методы друг друга. Финансово-технологическая экспансия Запада, этническая — Китая и социально-религиозная — ислама не просто развертываются в разных плоскостях; они не принимают друг друга как глубоко чуждое явление, враждебное не в силу различного отношения к ключевому вопросу всякого общественного развития — вопросу о власти, — но в силу самого образа жизни. Компромисс возможен только при изменении образа жизни, то есть уничтожения участника компромисса как цивилизации.

При этом взаимопонимание, в отличие от внутрицивилизационных конфликтов, не только не является универсальным ключом к достижению компромисса, но уничтожает саму его возможность, так как лишь выявляет несовместимость конфликтующих сторон.

Конкуренция между цивилизациями не просто осуществляется по отношению к каждому ее участнику методами, являющимися для него внесистемными и потому носящими болезненный и разрушительный характер; она бескомпромиссна и нарастает даже при видимом равенстве сил и отсутствии шансов на чей-либо успех.

Она иррациональна — и потому опасна и разрушительна. Каждая из трех великих цивилизаций, проникая в другую, не обогащает, но, напротив, разъедает и подрывает ее (классические примеры — этнический раскол американского общества и имманентная шаткость прозападных режимов в исламских странах). Возможно, ислам уже в ближайшее десятилетие станет «ледоколом» Китая по отношению к Западу (при всех попытках использовать его в ровно противоположных целях) так же, как гитлеровская Германия и, в конечном счете, сталинский СССР стали «ледоколом» рузвельтовских США по отношению к Европе.

Цивилизационная конкуренция более, чем какая-либо иная, ведется за определение «повестки дня», то есть конкретной области противостояния и его принципов (обычно эти

принципы соответствуют определенной области деятельности).

Сегодня в наиболее предпочтительном положении по-прежнему остаются США, чей комплекс целей — финансово-экономический, без отягощения какими-либо европейскими, гуманитарными ценностями — остается наиболее универсальным. В отличие от идеологической, религиозной или тем более этнической экспансии финансовая экспансия сама по себе никого не отталкивает *a priori*, поэтому круг ее потенциальных сторонников и потенциальных проводников максимально широк, как и возможности выбирать лучший человеческий и организационный «материал».

В силу своего образа действий проводником финансовой экспансии объективно служит почти всякий участник рынка.

Он может зарабатывать на финансовых рынках деньги для террористов, но сам его образ действий объективно, помимо его воли превращает его в проводника интересов и ценностей США. Граница между сторонником и противником той или иной цивилизации (а не ее отдельных аспектов) пролегает по признанию того или иного образа жизни единственно правильным. Финансист принадлежит незападной цивилизации не тогда, когда он осуждает агрессии против Югославии или Ирака, но лишь если он готов отказаться от существования финансовых рынков и перейти к образу жизни представителя иной, западной цивилизации.

Универсальность и комфортность западных ценностей особенно важны при анализе одной из ключевых компонент глобальной конкуренции — ориентации элит погруженных в нее стран.

Подобно тому, как государство является мозгом и руками общества, элита служит его центральной нервной системой, отбирающей побудительные импульсы, заглушая одни и усиливая другие, концентрирующей их и передающей соответствующим группам социальных мышц.

Хотя в среднесрочном плане национальную конкурентоспособность определяет эффективность управления, в долгосрочном плане на первое место выходят мотивация и воля общества, воплощаемые в его элите. А в силу того, что с началом глобализации конкуренция стала осуществляться в первую очередь в сфере формирования сознания, важнейшим фактором конкурентоспособности общества становится то, кто именно формирует сознание его элиты.

Если общество само формирует сознание своей элиты, оно сохраняет адекватность — способность сознавать и преследовать свои цели.

Однако часто сознание элиты формируется извне. Это завуалированная форма внешнего управления. Так как дружба бывает между народами, а между странами наблюдается конкуренция, внешнее формирование сознания элиты всякого самостоятельного значимого общества осуществляется обычно его стратегическими конкурентами.

Понятно, что общество, сознание элиты которого формируется его стратегическими конкурентами (классический пример — наша страна, начиная с 1987 года), становится неадекватным. Цели его элиты соответствуют интересам его стратегических конкурентов, а для самого этого общества являются разрушительными.

Влияние на сознание элиты конкурирующего общества становится одним из важнейших инструментов, с одной стороны, ведущейся на уничтожение конкуренции, а с другой — установления тотального контроля глобальных монополий. Последние используют технологии формирования сознания часто эффективнее государств и превращают в исполнителей своей воли не только национальные элиты, но и международные организации, и глобальное общественное мнение.

Понятно, что элита, сознание которой сформировано стратегическими конкурентами ее страны, обречена на предательство национальных интересов.

Но даже формирование сознания элиты ее собственным обществом не гарантирует ее ориентации на национальные интересы. Ведь члены элиты располагают значительно большими возможностями, чем рядовые граждане их страны. Глобализация, которая предоставляет большие возможности сильным и большие несчастья слабым, разделяет относительно слабо развитые общества, принося благо их элитам и проблемы — рядовым гражданам. Сличной точки зрения членам элиты естественно стремиться к либерализации, предоставляющей им новые возможности, но подрывающей конкурентоспособность их стран и несущей неисчислимые беды их народам.

Это естественное разделение усугубляет угрозу превращения национальной элиты в антинациональную силу.

Более того: в относительно слабо развитых обществах традиционная культура, усугубленная косностью бюрократии, способствует отторжению инициативных, энергичных людей, по-

рождая в них естественное чувство обиды. А ведь именно такие люди и образуют элиту общества! В результате, отправившись «искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок», они воспринимают в качестве образца для подражания развитые страны и пытаются оздоровить свою Родину путем механического переноса на ее почву реалий и ценностей развитых стран. Подобное слепое культуртрегерство (особенно успешное) разрушает общество не только в случае его незрелости, неготовности к внедряемым в него ценностям, но и в случае цивилизационной чуждости для него указанных ценностей.

И даже оставшись в стране и добившись в ней успехов, войдя в элиту общества, инициативные люди не могут избавиться от чувства чужеродности. Это также провоцирует враждебность активных членов элиты к своему обществу, воспринимаемому как скопище несимпатичных, а то и опасных людей. Умный человек в России не прав просто потому, что он умный — и потому думает не так, как все, и, соответственно, не может предвидеть, как будут поступать все. Такое отторжение элиты имеет богатейшую традицию в России, но весьма характерно и для многих других стран мира.

По мере распространения западных стандартов образования и переориентации части элиты и особенно молодежи неразвитых стран, особенно стран незападных цивилизаций, на западные ценности это противоречие распространяется все более широко.

Прозападная молодежь и прозападная часть элиты, стремясь к интеграции, к простым человеческим благам, утрачивают при этом собственные цивилизационные (не говоря уже о национальных) ценности, и в результате объективно и неосознанно, помимо своей воли начинают работать на систему ценностей своих стратегических конкурентов.

Именно с элиты и молодежи начинается размывание собственной системы ценностей, которое ведет к размыванию общества. Это деликатный аспект цивилизационной конкуренции, без которого нельзя понять широкое распространение отторжения собственных ценностей и враждебности к собственной стране.

Универсальный критерий патриотичности элиты прост: это форма ее активов. Как целое элита обречена действовать в интересах сохранения и приумножения именно собственных активов (материальных или нематериальных — влияния, статуса и репутации в значимых для нее системах, информации и так да-

лее). Если они контролируются стратегическими конкурентами, элита начинает реализовывать интересы последних, превращаясь в коллективного предателя.

Как минимум это означает, что адекватная элита, ориентированная на собственные национальные и цивилизационные интересы, должна хранить значимую часть личных средств в национальной валюте, а не в валюте своих стратегических конкурентов. Отсюда, в частности, ясна обреченность исламского вызова, лидеры которого, в отличие от лидеров США, Евросоюза и Китая, хранят средства в валютах своих стратегических конкурентов и потому в принципе не в состоянии последовательно противодействовать последним.

Второй кризис Гутенберга

Общей причиной нарастающих в самых различных сферах общественной жизни трудностей (в том числе рассмотренных выше кризисов) является несоответствие инерционных общественных структур, в том числе систем управления, резкому росту количества информации, обусловленному распространением качественно новых технологий.

Однажды человечество, по крайней мере, западная цивилизация, уже попадало в такую ситуацию.

Как это ни парадоксально звучит в наш информационный век, изобретение книгопечатания привело к подлинному «информационному взрыву» — резкому увеличению количества информации, повышению ее доступности и качественному росту числа людей, способных задумываться и в итоге задумывающихся на абстрактные темы.

Управляющие системы того времени, сформировавшиеся в «прошлой реальности», оказались не приспособленными с вызванной книгопечатанием «информационной революцией» и не смогли справиться с порожденными ею проблемами. Результатом стала Реформация и серия чудовищных по своим последствиям религиозных войн. То, что из горнила последних и вышла современная западная цивилизация, представляется крайне слабым утешением на фоне их разрушительности, на порядок превосходившей для тогдашнего человечества разрушительность даже Второй мировой войны. Достаточно вспомнить, что в ходе Тридцатилетней войны население Германии сократилось вчетверо — с 16 до 4 млн чел.

Сегодня, как и полтысячи лет назад, «информационный взрыв» превышает возможности управляющих систем, сложив-

шихся в человечестве, и создает для него серьезные системные опасности.

Конечно, это ни в коем случае не означает, что человечество обречено вновь пройти через ужас, подобный религиозным войнам Средневековья. Более того: второй «кризис Гутенберга» в принципе не может быть копией первого просто потому, что история не повторяется или повторяется всякий раз по-новому.

Однако мы должны понимать, что многие из болезненных проблем сегодняшнего человечества являются проявлениями общего явления: неприспособленности управляющих систем к новому, уже второму информационному и коммуникативному скачку. Связанный с этим кризис носит всеобъемлющий, системный характер и требует не только осторожности и терпения, но и удешевления усилий в поисках выхода — просто потому, что цена возможной неудачи нам в общих чертах уже известна.

Объективная миссия России: решение глобальных проблем как своих внутренних

Сегодняшняя Россия находится в глубочайшем кризисе. Национальная катастрофа, начавшаяся распадом СССР, продолжается. Само понятие России не определено, лишенное самоидентификации население продолжает вымирать и не демонстрирует сколь-нибудь заметных признаков самоорганизации, эффективность же государственного управления при этом последовательно снижается.

Освоение российских ресурсов как «мировым сообществом», так и самими российскими капиталами носит выраженный «трофейный» характер и просто не предусматривает последующего воспроизводства российской экономики. Политика развитых стран в отношении наследства СССР на территории России напоминает дележ шкуры оглушенного медведя, который велеречиво и вдумчиво рассуждает в ходе этого процесса о своей роли в мировой истории и организации своего конструктивного и взаимовыгодного взаимодействия с группами охотников и мародеров.

Казалось бы, в этих условиях всякое рассуждение о глобальной миссии и даже о просто существовании России в течение ближайших 15 лет должно рассматриваться в качестве проявления либо глубокой неадекватности, либо, в самом лучшем случае, маниакально-предвыборного психоза.

Однако вызванное этими вроде бы логичными соображениями пренебрежение Россией, характерное для российских ли-

беральных фундаменталистов уже во второй половине 90-х годов, не встретило понимания у эффективных представителей ни одной из трех цивилизаций, развертывающих свою экспансию в современном человечестве.

Причиной этого является не инерция сознания, но сочетание очевидной слабости России с ее контролем за целой группой уникальных и критически важных в современных условиях ресурсов (территория для простейшего евроазиатского транзита, уникальные природные ресурсы Сибири и Дальнего Востока, навыки создания новых технологий), делающее ее ключевым объектом практически всех цивилизационных экспансий. И это, напомним, помимо тривиальной географической близости к очагам последних!

Таким образом, главная непосредственная проблема современного человечества — столкновение цивилизаций, которое из теоретических и философских построений Тойнби переросло в ключевой вопрос практической политики, — на ближайшие как минимум полтора десятилетия делает Россию важнейшим местом в мире. Ибо судьба человечества будет определяться в конкуренции цивилизаций, которая примет форму непосредственного прямого столкновения (причем всеобщего, «всех со всеми») именно на территории в коллективном сознании России, по вопросам, связанным с контролем за всеми тремя группами ее глобально значимых ресурсов.

Наша страна уже становится межцивилизационным «полем боя» — первыми признаками этого являются неуклюжие попытки лавирования между расходящимися европейскими и американскими целями, противостояние международному исламскому терроризму, наглядное столкновение интересов США и Китая по поводу восточносибирского нефтепровода.

И российское общество, каким бы слабым и разложившимся оно ни было, вновь становится одним из ключевых факторов развития человечества, ибо цивилизационное столкновение будет осуществляться не просто «на его территории», но внутри него самого. Возможно, оно даже станет его структурообразующим признаком.

Мы сможем влиять на развитие человечества не в силу своей мощи, как 15 лет назад, но, напротив, в силу своей слабости, так как полем решения глобальных проблем человечества станет наш дом, наша территория. Мы не просто окажемся «ближе всех» к месту, где будут решаться эти проблемы, но и будем знать его наилучшим образом.

Срочно заеранит ресурсы
до их исчезновения!!!

1

Цена этого «могущества от слабости» — жизнь, ибо любая, даже тактическая ошибка может стать смертельной. В операционном плане перед российским обществом стоит задача гармонизации интересов и балансирования усилий различных цивилизаций, осуществляющих экспансию на нашу территорию.

Таким образом, внутренняя российская политика в ближайшее время будет инструментом решения не просто международных, но глобальных проблем, — и мы опять окажемся в этом отношении зеркальным подобием США (с той существенной разницей, что они являются преимущественно субъектом, а мы — преимущественно объектом глобальной политики).

В силу этого миссия России ни при каких обстоятельствах не может являться внешней; вектор развития нашего общества направлен вовнутрь, а не наружу. Единственная оформленная идея, связанная с поиском места нашего общества в развитии человечества, — «либеральный империализм», сводилась к попытке превращения России в «региональную державу» на основе реализации на территории СНГ (и ни в коем случае не Прибалтики!) глубоко чуждых как ей, так и ее соседям американских интересов и именно потому была отброшена. Она была изначально обречена на неудачу не только в силу противоположности интересов России и США по целому ряду вопросов, не только в силу неизбежного столкновения на том же пространстве с конкурирующими европейскими интересами, но и из-за элементарной слабости России. Пора изжить «ракетно-квасной патриотизм» как частный случай шизофрении и осознать, наконец, что у нашего общества просто нет и до решения его внутренних проблем гарантированно не будет реальных ресурсов для осуществления сколь-нибудь значимой политики, направленной вовне.

Миссия России на современном этапе ее развития связана не столько с внешней экспансией, для которой нет пока необходимых ресурсов (прежде всего организационных), сколько с внутренним упорядочиванием и модернизацией.

В силу разрушения технологического базиса России его модернизация создает возможность качественного рывка на основе широкого распространения класса так называемых «закрывающих» технологий, названных так потому, что емкость открываемых ими новых рынков в краткосрочной перспективе существенно ниже емкости рынков, «закрываемых» в результате вызываемого ими повышения производительности труда. Их использование сделает ненужными огромное количество широко распространенных производств и, соответственно, лишит

работы занятых на них. Классические примеры «закрывающих» технологий — лазерное упрочение рельсов, способное привести к трехкратному уменьшению потребности в них и к соответственному сокращению их выпуска, а также «нефтяной реактор», позволяющий перерабатывать нефть в бензин без строительства колоссальных дорогостоящих установок и драматически снижающий стоимость последнего.

Пока «закрывающие» технологии в основном сконцентрированы в пределах бывших специальных исследований, проводившихся в СССР. В развитых странах аналогичные разработки частью не велись в принципе (как из-за своей опасности для рынка, так и потому, что рыночная экономика экономней социалистической и не позволяла работать «в стол», разрабатывая конструкции, не способные найти быстрого применения), частью надежно блокировались навсегда при помощи патентных механизмов. (Собственно, и разрушение СССР можно рассматривать как коллективное захоронение всех этих представляющих смертельную опасность для развитого мира технологий — своего рода «оружия массового уничтожения» — в одном гигантском могильнике.)

Массовое распространение «закрывающих» технологий не просто разрушит глобальный монополизм, решив проблему его загнивания, но и вызовет резкое сжатие всей индустрии, что приведет к катастрофическим последствиям для большинства стран.

Россия как владелец и, потенциально, основной продавец «закрывающих» технологий может получить от их распространения наибольший выигрыш, причем не столько деньги, сколько колоссальный политический ресурс. Он связан с принятием решения о том, какие технологии из «ящиков Пандоры» и в каких объемах выпускать в мир и, соответственно, в каких отраслях развитых и быстро развивающихся стран и в каких объемах сворачивать производство. Россия выиграет и как страна, в которой в результате катастрофических реформ объемы производства упали ниже уровня минимального самообеспечения: в этих условиях кардинальный рост производительности приведет не к перепроизводству, а всего лишь к импортозамещению на российском рынке.

Период прорыва на мировой рынок новых технологий и, соответственно, глубокого и болезненно изменения всего мирового порядка значительно ближе, чем кажется нам сейчас, во время написания этой книги. Ведь колоссальное и беспрецедентное по своей длительности удорожание «крови современной экономи-

ки» — нефти — вызвано не постоянно меняющимся набором ситуационных причин, но фундаментальным фактором: недостаточностью имеющихся доступных запасов нефти для развития человечества прежними темпами. При этом США, по крайней мере, их нынешнее руководство, не заинтересованы в снижении цен на нефть (что можно было бы достичь разработкой канадских нефтеносных песков), причем не только из-за интересов нефтяных компаний и того, что фьючерсы на нефть стали после краха «новой экономики» новым аккумулятором «горячих» денег. Главной причиной представляется то, что дорогая нефть бьет по главным конкурентам США — тактическому (ЕС) и стратегическому (Китай) — значительно сильнее, чем по ним самим.

В результате Китай как наиболее быстрорастущая часть мировой экономики поставлен перед выбором: либо крах из-за нехватки ресурсов, либо массовое освоение качественно новых технологий. И то, и другое драматически изменит лицо всего мира.

С другой стороны, в самих США вероятен приход к власти демократов с попыткой перехода от «нефтяной» политики к политике развития высоких технологий и финансовых спекуляций. В случае успеха это также приведет к технологической революции — распространению новых технологий, которые выйдут из-под контроля США и изменят мировой порядок.

В этих условиях Россия, находя и коммерциализируя свои «закрывающие» технологии, получит возможность дирижировать всем мировым развитием, направляя его в нужном для себя направлении, подрывая своих конкурентов и поддерживая свои рынки. Однако к этому нужно быть готовым, а значит, стадии системного кризиса и хотя бы первичного оздоровления государства должны быть пройдены с максимальной быстротой.

* * *

Россия является единственной страной мира, для которой все сегодняшние глобальные кризисы являются и внутриполитическими и которая обладает при этом потенциалом, способным оказаться достаточным для отработки моделей и алгоритмов решения этих проблем на уровне внутренней политики.

Мы находимся сегодня в блаженном положении домохозяйки, которая, подметая пол и выметая дохлых тараканов из-под плиты, не просто наводит минимально необходимую чистоту, но и гармонизирует Вселенную.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СУДЬБА РОССИИ РЕШАЕТСЯ КАЧЕСТВОМ ПОДГОТОВКИ РЕВОЛЮЦИИ

Честь. Долг. Служение.

Н. Савелова, политолог

Внимательно разобрав на страницах настоящей книги почти все характеристики будущей революции, которые могли быть признаны достоверно известными во время ее написания, автор, разумеется, не мог не прийти к классическому и вполне очевидному выводу о непредопределенности будущего. Приведут ли предстоящие нам революционные потрясения к очередному возрождению и преобразению России, уже в качественно новых условиях и в новом качестве, или же они приведут к ее краху, уничтожению и прекращению ее существования, так что у нее не будет больше истории, а будет в самом лучшем случае одна только археология?

~~Это будет определяться~~ «на месте», по ходу дела, непосредственно в условиях предстоящего нам системного кризиса и, за небольшим исключением, непосредственно нами — сегодняшними гражданами нашей страны.

Судьба России как минимум на всю первую половину текущего века не просто будет кем-то и как-то решена в ближайшие годы — она уже сегодня, уже сейчас всецело находится в руках самого российского общества, со всеми его достоинствами и недостатками. Мы вновь стремительно и необратимо падаем в ситуацию, когда нам не помогут «ни бог, ни царь и ни герой», когда позитивная инерция общественного развития практически исчерпана, а рассчитывать можно только на свои собственные головы и руки.

Более того: поскольку в условиях кризиса решающим может стать даже ультраслабое воздействие («последняя соломинка ломает спину верблюда», а ничтожные силы мышки оказы-

ваются решающими как для выдергивания репки, так и для разбивания золотого яичка), инициативные действия отдельных энергичных групп и даже частная инициатива отдельных лиц приобретает исключительное, небывалое в нормальных условиях значение.

Уже с конца 2006 года, когда Россия, по всей вероятности, войдет в зону стратегической нестабильности, ее будущее во многом начнет определяться не только широкомасштабными и объективно обусловленными общественными процессами, но позицией и активностью отдельных общественных групп и даже отдельных энергичных граждан. Принципиальная возможность реального влияния на историю, реального изменения траектории движения всего российского общества с трудом представима нашему пораженному обессиливающим цинизмом сознанию, однако системный кризис действительно дает такую возможность, возлагая на самих граждан непосредственную ответственность за их собственную судьбу и судьбу их потомков.

В силу особенности исторического процесса ни одному из его непосредственных участников не дано знать последствия его усилий — спасут ли они мир, уйдут ли они «в песок» или вовсе окажутся смертельно опасными для горячо любимой им Родины. Текущая история человечества действительно является классическим примером кантовской «вещи в себе», принципиально недоступной для познания (по крайней мере массового) «здесь и сейчас», открывающейся для понимания лишь со временем, по мере возникновения исторической перспективы.

Однако это ни в коей мере не отрицает и не отменяет того, что с началом открытого сползания российского общества в системный кризис наше будущее — в прямом смысле этого слова — окажется в наших собственных руках.

Да, нам придется, хотим мы того или нет, решительно и безоговорочно действовать практически вслепую, ориентируясь исключительно на весьма общие или откровенно зыбкие моральные и социально-политические принципы.

Да, нам придется, хотим мы того или нет, брать на себя всю полноту ответственности за заведомо неизвестные нам и при этом смертельно опасные процессы, частично нами же и развязываемые.

Да, нам придется, хотим мы того или нет, ввязываться в жесточайшие драки, не только исход, но и значение которых будет оставаться для нас принципиально неизвестными.

Но при всей своей чудовищности это нормальная плата за участие в историческом процессе.

По-другому, конечно, хотелось бы, но не бывает.

Никогда, нигде и ни при каких обстоятельствах.

Читайте учебники.

К ослепительной возможности создать свою страну в соответствии со своими собственными желаниями и представлениями о благе и к исключительно тяжелой, без всякого преувеличения страшной ответственности за это, в первую очередь индивидуальной ответственности каждого из нас, надо быть готовыми, а значит, надо начинать готовиться как можно раньше, уже сейчас.

Цена ошибки — наша страна и сама наша жизнь.

Поэтому мы должны внятно осознавать специфику предстоящего каждому из нас выбора. Несмотря на его безусловно рациональный характер (вопреки многочисленным спекуляциям, особенно либеральным, навязывающим нелепые представления об «иррациональности» происходящего с Россией и особенностей ее развития), этот выбор невозможно сделать верно на основе исключительно экономических, а следовательно — краткосрочных критериев.

В самом деле: исходя из сугубо эгоистических соображений, в нашей стране нельзя сделать практически ничего. С точки зрения качества потребления Россия, по крайней мере, во всем обозримом будущем, будет серьезно проигрывать фешенебельным странам, в первую очередь относительно близкой Европы, а с точки зрения масштабов прибыли — диким и нестабильным регионам вроде некоторых стран Африки.

Конечно, стремящиеся к максимизации прибыли транснациональные корпорации и собственные олигархи, убежденные в том, что знание российских реалий дает им существенные конкурентные преимущества, сделали немало для деградации и дестабилизации российского общества, для его приближения к странам, в которых хаос и нестабильность создают условия для получения сверхвысоких, максимальных по мировым меркам прибылей. Однако конкурентоспособность в глобальном масштабе по этому специфическому критерию смертельно опасна: ничем не ограничиваемая жажда наживы транснационального и национального крупного бизнеса уже поставила нашу страну на путь распада, с пугающе высокой вероятностью ведущий к ее превращению в очередную, хотя и беспрецедентную по своим масштабам и порождаемым для всего мира опасностям, «черную дыру» человечества.

Этот вариант может быть приемлем лишь для некоторых, наиболее близоруких представителей крупного и крупнейшего бизнеса, и то на пренебрежительно короткий промежуток времени.

Как писал прозревший «экономический убийца», своими руками создававший современную разрушающую человечество систему глобальных монополий¹, Дж. Перкинс, «чтобы изменить мир, надо изменить свою мечту о нем»².

Чтобы изменить свой путь, надо пойти к другой цели, то есть сменить свою собственную мотивацию.

Если стремление элиты к личной прибыли ведет доверившееся ей общество к смерти, темный и древний инстинкт самосохранения этого общества может и должен пробудиться (а если он по тем или иным причинам не сможет, его надо пробудить искусственно — так бьют по лицу, чтобы удержать в жизни засыпающего от смертельной передозировки снотворного). Пробудившись, этот инстинкт выдвинет, а затем и приведет к власти качественно иную, ответственную перед своим обществом элиту, стремящуюся к достижению иных, более долгосрочных и более соответствующих человеческой природе целей.

Эти цели примитивно просты и носят в конечном счете не социальный, но демографический, биологический характер: увеличение численности населения.

Ведь когда тот или иной вид находится в наиболее комфортных, наиболее благоприятных для себя условиях, это наиболее непосредственно проявляется в увеличении его численности. То же самое и для человека, и для любого человеческого общества: желающий своим согражданам счастья обречен ориентироваться на единственный объективный критерий этого таинственного состояния — максимальное увеличение численности (а если быть методологически точным, естественного прироста) населения.

Таким образом, «критерием истины» в государственной политике является отнюдь не прибыль, не инфляция, не темпы экономического роста и вообще ни один из всех экономико-статистических показателей. Ведь это экономика существует для человека, а не человек для экономики; государственный дея-

¹ Подробнее об этой системе см. книгу Михаила Делягина «Мировой кризис. Общая теория глобализации». М., «Инфра-М», 2003.

² Дж. Перкинс. «Исповедь экономического убийцы». М., «Претекст», 2005.

тель, забывающий об этом подобно, например, современным руководителям нашей страны, превращает себя как минимум в угрозу своему собственному обществу.

Поэтому, ориентируясь на являющиеся в конечном итоге единственно верными долгосрочные критерии блага своего народа и своей страны, ответственные силы российского общества должны стремиться не к коммерческим, а к демографическим целям.

Их объективная задача заключается во всемерном содействии максимальному увеличению численности российского населения, то есть людей русской культуры. В этом нет ничего нового; еще М.В. Ломоносов в 1761 году — почти четверть тысячелетия назад! — назвал свою программную работу с исчерпывающей простотой — «О сохранении и умножении русского народа». А ровно сто лет назад — в 1906 году — к тому же выводу в фундаментальной работе «К познанию России» пришел другой великий русский ученый — Д.И. Менделеев, бывший не только великим химиком, но и замечательным экономистом.

Замена личных целей общественными, а коммерческих демографическими предъявляет весьма определенные и суровые требования к тем, кто смеет всерьез задумываться о завтрашнем дне и посвящать свою жизнь борьбе за его улучшение.

Элита, которая выволокет Россию из сегодняшней деградации и завтрашнего системного кризиса, будет определяться не по формальным анкетным данным и даже не по деловым, а в первую очередь по своим моральным качествам.

В силу самого своего исторического происхождения и повседневного опыта она будет вынуждена самым последовательным образом стремиться не к коммерческим целям, сводящимся к тому или иному, но равно пагубному в долгосрочной перспективе сочетанию прибыльности и рисков, но к ценностям, наиболее полно соответствующим самой природе человека и потому действительно вечным, в наибольшей мере способствующим счастью, а значит, росту благосостояния и численности людей, — к справедливости и свободе.

Моральные качества должны дополняться высокой политической эффективностью: организованностью, дисциплинированностью, сплоченностью, проникнутостью духом солидарности, умелым владением современными политическими технологиями.

Это наиболее концентрированное выражение требований,

предъявляемых к ней всем ходом исторического развития не только нашей Родины, но и всего человечества.

Сегодня в России нет даже и тени такой элиты — ни по моральным, ни по политическим качествам. Однако бурное развитие социальных процессов, стихийное выдвижение лидеров и активизация общественно-политической деятельности на самых разных уровнях социального организма вселяет весьма серьезные надежды.

В современном российском обществе, несмотря на его деградацию и разложение, пробуждается могучий инстинкт самосохранения, инстинкт коллективного выживания, а с ним и надежды на то, что наша страна не обречена на уничтожение.

Все здоровые и ответственные силы России должны приложить все усилия для ускоренного формирования новой российской элиты, способной принять на себя ответственность за судьбы нашей Родины после краха нынешних властителей в неизбежном, провоцируемом ими самими системном кризисе.

Разумеется, представители этих сил могут рассчитывать на свое личное включение в состав этой элиты, но они должны твердо и ясно отдавать себе отчет в том, что в силу стечения исторических обстоятельств этого может и не произойти. Именно поэтому их главной целью должно быть спасение Родины для блага их детей и для их собственного достоинства и спокойствия, но никак не личное благо. В конце концов, в условиях революционных потрясений оно в принципе не поддается прогнозированию, а стремление к нему неминуемо выталкивает людей в коррупционные действия и воровство для последующей эмиграции в фешенебельные страны.

Современным ответственным силам нашей страны предстоит решать не эгоистическую задачу обеспечения личного благополучия, но в высшей степени альтруистическую задачу общественного оздоровления. Как показала историческая практика, ее бессмысленно по-толстовски и по-горбачевски начинать «с себя», с личного самосовершенствования: ведь единственный способ действенного массового воспитания — участие в совместных действиях. Поэтому оздоровление общества возможно лишь в результате его усилий по оздоровлению (преимущественно, конечно, путем замены) собственной элиты, в результате усилий, направленных для каждого гражданина общества не внутрь, на себя самого, но вовне — на других людей, в первую очередь принадлежащих к уходящей или заново создаваемой обществом элите. Конечно, такие усилия неиз-

бежно будут преобразовывать и воспитывать не только элиту, но и предпринимающих их членов общества, что обеспечит их значительно большую эффективность, своего рода «кумулятивный эффект».

Да, в рамках этой будущей элиты в условиях высокой идеологизированности и сильной общечеловеческой морали к высшей власти, скорее всего, будут приходить далеко не самые моральные ее представители. Причина этого проста: внутренняя готовность нарушить правила будет, как это наблюдается почти всегда в кризисных условиях, существенно повышать их шансы во внутриэлитной конкуренции.

Однако не может быть никаких сомнений в том, что общее доминирование моральных требований закроет доступ в элиту завтрашнего дня основной части циничных и аморальных политических деятелей современности. Оздоровление элиты приведет к тому, что даже наиболее циничные и корыстные ее представители будут значительно более преданы общественному благу и человеческим идеалам, чем лучшие представители современной российской элиты.

С другой стороны, общее повышение моральных качеств будет оказывать на циников и корыстолюбцев существенное сдерживающее влияние и вынудит их приспособлять даже самые низменные личные мотивы к общественным интересам, в конечном счете, хотя и частично, ставя их на службу этим интересам. Понятно, что с точки зрения общественного развития это представляется не только вполне нормальным, но даже и эффективным.

Возврат от цинизма к морали, от личной корысти к общественному благу представляется, как это ни идеалистично звучит, основным содержанием складывания новой элиты.

Этот процесс кажется (и, более того, действительно является) противоестественным лишь для нынешнего поколения общественных деятелей нашей страны, обессиленных цинизмом и привычкой к воровству, доходящей до искусственно воспитанной патологической kleptomании. Однако возврат к пониманию самоочевидного тождества личных и общественных интересов не только в долгосрочной, но и в среднесрочной перспективе (облегчаемый тем, что в революционных и даже кризисных условиях это тождество достигается уже и в краткосрочной перспективе) делает возвращение к морали и патриотизму категорическим условием личного благополучия.

Понимание неразрывной связанности человека со своим

обществом в конечном счете, в полном соответствии с теорией «разумного эгоизма» Чернышевского, разворачивает корысть личности на благо этого общества. Единственное, что мешает этому пониманию в современной России, — пораженчество, неверие в свои силы, глубоко укоренившаяся убежденность в обреченности нашей страны.

Сегодняшняя элита, ставшая таковой за счет осознанного уничтожения — разграбления и разрушения — собственной страны, в принципе не способна освободиться от этого психологического груза и начать служить российскому обществу. Именно неспособность поверить в будущее России (в том числе и потому, что разрушение этого будущего полтора десятилетия было и все еще остается для нее основным способом обеспечения личного благополучия) является главной причиной недееспособности этой элиты, ее органичной враждебности нашей стране и, в конечном счете, ее исторической обреченности.

Именно категорическая неспособность нынешней элиты допустить к получению прибыли из уничтожения своей страны новое поколение, как это ни парадоксально, позволяет уберечь это поколение от психологического разложения, обессиливающего цинизма и моральной смерти. Именно неспособность нынешних лидеров России делиться отравленными деньгами создает основу для формирования качественно новой, здоровой и честной, патриотичной российской общественно-политической элиты.

Именно глубочайшее разложение современного российского руководства дает шанс здоровым и ответственным силам общества, а с ними — и всей нашей страны.

Мы обязаны создавать и внедрять новую систему мотиваций, возвращать общество и политику, в первую очередь через институты лидерства, к нормальной, естественной, органически свойственной человеку системе моральных ценностей.

Надо готовиться уже сегодня, «здесь и сейчас», чтобы не опоздать к кульминации системного кризиса, исход которого определит будущее России, а с ним и всю нашу жизнь, и — в определяющей степени — судьбу наших детей.

*Ленино — Яньцзи — Пушкинские горы — Париж —
Соловецкие острова — Томск — Уфа — Санкт-Петербург —
Стамбул — Якутск — Москва, 2005*

Деягин Михаил

ВОЗМЕЗДИЕ НА ПОРОГЕ

Революция в России: когда, как, зачем

Книга издана в авторской редакции

**ОАО «Издательство Новости»
105082, Москва, ул. Большая Почтовая, д. 7**

Уб. М. С., Костюк и т.д. (L. ...)
... ..

... ..

... ..

«Делягин впервые открывает для широкого обозрения тайны функционирования властных механизмов путинской России, скрытые мотивации публичных лиц и жесткие, во многом объективные рамки, в которых они действуют».

Pravda.info

«Подоплека либеральных экономических преобразований как "путинской пятилетки", так и всех российских реформ обнажена с беспощадной простотой и пугающей убедительностью».

Forum.msk.ru

«Михаил Делягин, несмотря на то что находится в весьма сомнительной компании под названием партия "Родина", является при этом одним из самых интересных современных экономистов».

Fozian_Comen, dirty.ru

«Делягин у нас сейчас по сути его выступлений самый либеральный экономист».

Ю. Данилов, ОПЕК.ру

«Делягин является... одним из лучших экономистов в стране, он имеет достаточно ясное представление о государственной собственности и способах управления ею, он критично относится к налоговой реформе. Кроме того, у него незашоренный взгляд на вещи, в оценках и суждениях он демонстрирует объективность, он не склонен свою схему или модель — независимо от фактов — объявлять правильной и единственно возможной».

И. Грачев, лидер партии «Развитие предпринимательства»

Цена: 134р. 00к

